МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

ОГАНИСЯН Лида Давидовна

ПОЛИТИКА США И ЕС НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ В УСЛОВИЯХ ПРОЦЕССОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В СТРАНАХ РЕГИОНА В 2011-2016 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ТУНИСА, ЕГИПТА И ЛИВИИ)

Специальность: 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук
Сидоров А.А.

Москва – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 3

***ГЛАВА 1.* ПОЛИТИКА США И ЕЭС / ЕС НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР (РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ) 32**

***§1.* Роль США и ЕЭС / ЕС на Арабском Востоке во второй половине XX в. 32**

***§2.* Стратегия Соединенных Штатов и Евросоюза в регионе в 2000-е гг. 50**

***§3.* Политика США и ЕС в регионе в период мирового финансово-экономического кризиса 2008-2010 гг..... 67**

***ГЛАВА 2.* «АРАБСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ» КАК ВЫЗОВ ДЛЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА85**

***§1.* Феномен «арабского пробуждения»: причины, основные события, реакция Запада 85**

***§2.* Политика Соединенных Штатов на Арабском Востоке с начала 2011 г. до лета 2013 г..... 108**

***§3.* Внешнеполитическая деятельность Евросоюза в регионе с начала 2011 г. до лета 2013 г. 126**

***ГЛАВА 3.* ПОЛИТИКА США И ЕС НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ С ЛЕТА 2013 Г. ДО КОНЦА 2016 Г. 145**

***§1.* Трансформационные процессы в арабском мире в 2010-е гг.: глобальные и региональные аспекты 145**

***§2.* Внешнеполитический курс Соединенных Штатов в Тунисе, Египте и Ливии в условиях новых реалий развития региона..... 159**

***§3.* Эволюция подходов Евросоюза к взаимодействию со странами «арабского пробуждения» на примере Туниса, Египта и Ливии..... 177**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 202

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 214

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В начале 2017 г. к власти в Соединенных Штатах пришла администрация президента-республиканца Д. Трампа, чьи критические замечания в адрес европейских союзников относительно невыполнения ими обязательств в рамках НАТО, пренебрежительное отношение к Евросоюзу, сомнения относительно необходимости и целесообразности укрепления евроатлантического партнерства, развязывание торговых конфликтов между США и ЕС продемонстрировали существенное ослабление единства внутри евроатлантического сообщества. Внешнеполитические шаги нового главы Белого дома показали, что возрастание разногласий внутри «коллективного Запада» в настоящее время является одной из наиболее злободневных тем в области международных отношений. Многие исследователи стали отмечать, что наступил поворотный момент в развитии американо-европейских отношений[1]. Если в прошлом западные ценности, приверженность демократическим идеалам и императивы обеспечения коллективной безопасности альянса объединяли Соединенные Штаты и их европейских союзников и позволяли преодолевать противоречия, то в условиях меняющегося политического ландшафта (как в США и Европе, так и во всем мире) нет уверенности в том, что прежнее единство будет сохраняться. В своих воспоминаниях бывший госсекретарь США М. Олбрайт отмечала: «Между нами постоянно были разногласия, некоторая напряженность и даже определенная зависть. Но при этом всегда присутствовало одно: сознание того, что, находясь по разные стороны Атлантики, мы в то же время на одной стороне, в одном строю в борьбе с теми вызовами, которые бросает нам современность»[2].

Однако нынешнее охлаждение отношений между США и Европой не является чем-то принципиально новым. Если в период «холодной войны» Запад олицетворял либеральный демократический мир и противопоставлял себя советскому блоку, который идеологически, политически и культурно от него значительно отличался, то после распада СССР противоречия внутри евроатлантического сообщества, различия в

---

[1] См., например: Pifer S. Is Trump undoing trans-Atlantic relations? // Brookings. May, 2017. URL: https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2017/05/31/is-trump-undoing-trans-atlantic-relations/ (accessed 11.07.2018); Kaufman J.P. The US perspective on NATO under Trump: lessons of the past and prospects for the future // International Affairs. – 2017. – № 2. – P. 251-266; Frum D. Trump's Trip Was a Catastrophe for U.S.-Europe Relations // The Atlantic. May 28, 2017. URL: https://www.theatlantic.com/international/archive/2017/05/trump-nato-germany/528429/ (accessed 11.07.2018); Громыко Ал.А. Расколотый Запад: последствия для Евроатлантики // Современная Европа. – 2018. – № 4. – С. 5-16.

[2] Олбрайт М. Религия и мировая политика. – М.: Альпина. Бизнес Букс, 2007. – С. 5.

американской и европейской политике стали проявляться ярче. Как отмечал крупный российский исследователь А.И. Уткин, «западное единство не является органической данностью – как только объединяющее напряжение «холодной войны» в 1990-х гг. начало спадать, в отношениях между двумя западными регионами, Северной Америкой и Западной Европой, обнаружились несоответствия в позициях, выявилось частичное взаимонепонимание и все более отчетливое различие в интересах»[3].

Так, конец XX – начало XXI вв. оказались непростым периодом в развитии евроатлантических отношений, выявив различия в позициях США и ЕС по многим проблемам мировой политики и в выборе внешнеполитического инструментария для их разрешения. Особенно ярко эти тенденции проявились на Арабском Востоке в 2000-е гг., когда во главе Соединенных Штатов стояла администрации Дж. Буша-мл., склонная к проведению силовой, унилатералистской политики. Военное вторжение ведомой США коалиции в Ирак в 2003 г. раскололо Запад, выведя на поверхность противоречия, которые существовали между евроатлантическими партнерами, и различия в их подходах к проблемам обеспечения безопасности в постбиполярном мире[4]. Как справедливо заметила профессор политических наук в колледже Уиттьер Дж. Кауфман, вопрос заключается в том, «были ли серьезные разногласия, возникшие между Соединенными Штатами и некоторыми из их союзников в последние годы исключительно результатом войны в Ираке, или это война стала поводом для того, чтобы глубокие различия в отношениях снова вышли на поверхность»[5].

Одно из основных объяснений возникновения разногласий между США и ЕС на международной арене, используемых исследователями, являются различия в стратегических культурах акторов. Одним из первых исследователей, обозначивших эту тенденцию своих работах, стал американский политолог – неореалист Р. Кейган. Вышедшая в 2003 г. книга автора «О рае и силе. Америка и Европа в новом мировом порядке» начиналась следующими словами: «пора прекратить притворяться, что

---

[3] Уткин А.И. Европейский ориентир Вашингтона // США и Европа: перспективы взаимоотношений на рубеже веков. – М.: Наука, 2000. – С. 5.

[4] См., например: Daalder I. The End of Atlanticism // Survival. - Summer 2003. – Vol. 45, № 2. – P. 147-166; Calleo D. The Broken West // Survival. – Autumn 2004. – Vol. 46, № 3. – P. 29-38; Kupchan C. The Alliance Lies in the Rubble // Financial Times. April 4, 2003; Gordon P., Shapiro J. Allies at War: America, Europe and the Crisis over Iraq. – N.Y.: McGraw-Hill, 2004. – 266 p.; Caplan G. Transatlantic Relations and the Middle East: Partnership or Rivalry? // The Transatlantic Institute of the American Jewish Committee – April/May 2004; Батюк В.И. Отношения США И НАТО в начале XXI века // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2003. - № 10. – С. 31-44.; Троицкий М.А. Трансатлантический союз. Модернизация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. 1991-2004. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2004. – 252 с.

[5] Kaufman J.P. Op. cit. – P. 260.

американцы и европейцы разделяют взгляды на мир»[6]. Перефразируя название известной книги Дж. Грея «Мужчины с Марса, женщины с Венеры», Р. Кейган писал, что эти акторы настолько различны, что их можно сравнить с представителями разных планет: США – Марса, а ЕС – Венеры[7]. Образы планет символизируют те стратегические культуры, носителями которых они являются. В то время как США не отрицают важность «мягких» методов во внешней политике, они не стесняются применять «жесткую силу», пренебрегать международным правом и готовы действовать в одностороннем порядке. Евросоюз, напротив, выступает за решение проблем преимущественно «мягкими» методами, в многостороннем формате, соблюдая общепринятые международные нормы. В биполярный период, а еще рельефнее – в постбиполярную эпоху, эти особенности стратегических культур США и ЕС часто приводили к разногласиям между ними, несмотря на общие либеральные ценности и в целом схожие цели на международной арене, в том числе и на Арабском Востоке.

В начале второго десятилетия нынешнего столетия регион охватила новая мощная волна нестабильности. События «арабской весны» или «арабского пробуждения» – массовые протесты, волнения, перевороты, гражданские войны, в том числе сопровождавшиеся внешним вмешательством, уход с арены одних и приход к власти других политических сил[8] – привели к глубоким трансформационным процессам как внутри арабских государств, так и на уровне всего региона, затронув интересы как США, так и ЕС. Исследование политики США и Евросоюза на Арабском Востоке в 2011-2016 годах, их способов реагирования на конфликты и кризисы в регионе, а также подходов к взаимодействию с «пробудившимися» странами представляется важным и актуальным для анализа и прогнозирования внешнеполитической деятельности крупнейших субъектов мировой политики в одном из самых нестабильных регионов мира по нескольким причинам. Во-первых, «арабское пробуждение» стало важной вехой, определившей основные тенденции развития арабского мира на десятилетия вперед и роль глобальных акторов, играющих важные роли в регионе с середины XX в. Во-вторых, после восьмилетнего правления республиканской партии США, при которой американо-европейские разногласия достигли своего пика, особенно в связи с

[6] Kagan R. Of Paradise and Power. America and Europe in the New World Order. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 2003. – – P. 3.
[7] Ibidem.
[8] Наумкин В.В. Вместо предисловия: круговорот Арабского пробуждения // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред-ры: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: ИВ РАН, 2012. – С. 3.

конфликтами и кризисами на Арабском Востоке, события 2011-2016 годов в регионе продемонстрировали сходство в восприятии региональных процессов и проводимой Вашингтоном и Брюсселем политике, что требует внимательного изучения. В-третьих, именно зародившиеся в этот период тенденции в политике Соединенных Штатов и особенно Европейского союза во многом определяют их нынешний курс на Арабском Востоке.

Дополнительную актуальность теме диссертационного исследования придает тот факт, что рассматриваемый регион занимает важное место во внешней политике Соединенных Штатов. Для Вашингтона «Ближний Восток традиционно считался регионом, преобладание США в котором служило залогом их глобального лидерства»[9]. Для Европейского союза Южное Средиземноморье является одним из ключевых направлений внешней политики, а собственная безопасность рассматривается через призму обеспечения стабильного и безопасного порядка в средиземноморском регионе.

Объектом исследования является политика ключевых игроков на мировой арене – США и ЕС – в важнейшем с точки зрения развития современных международных отношений регионе в условиях сложных политических, социальных и экономических процессов, охвативших государства Арабского Востока.

Предметом исследования стали особенности поведения США и ЕС в ходе конфликтов и кризисов в странах «арабского пробуждения» на примере Туниса, Египта и Ливии, которые активно проявили себя в процессе формирования подходов Вашингтона и Брюсселя к взаимодействию с «пробудившимися» государствами, а также оказали влияние на выбор конкретных внешнеполитических действий, предпринятых ими в трех указанных странах в 2011-2016 годах.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить общие черты и различия во внешнеполитическом курсе США и Евросоюза на Арабском Востоке в условиях процессов политической трансформации в странах региона на примере политики Вашингтона и Брюсселя в трех «пробудившихся» государствах – Тунисе, Египте и Ливии. Выбор в качестве фокуса диссертационного исследования именно этих трех стран объясняется тем, что эти государства представляют собой три уникальных сюжета среди стран «арабского пробуждения» для сравнительного анализа политики США и

[9] Бартенев В.И. Диалог с «государствами-изгоями» как компонент стратегии «обновления американского лидерства»: риторика и практика администрации Б. Обамы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2010. – № 3. – С. 126.

ЕС. Хотя существовали общие тенденции движения региона по пути «пробуждения» в целом и этих стран, в частности, каждая из них шла по собственной политической траектории. В Тунисе и Египте революции привели в смене авторитарных, но дружественных Западу режимов, поэтому перед Соединенными Штатами и Европейским союзом встал вопрос о поддержке демократического процесса в этих государствах. В Ливии же, находящейся в состоянии вооруженного конфликта, актуальным для США и государств-членов ЕС стало содействие миростроительству и становлению новой государственности. Анализ различных моделей «арабского пробуждения» позволяет выявить и сравнить методы, которые использовались США и ЕС для достижения поставленных ими внешнеполитических задач, и оценить эффективность использования этих методов.

В соответствии с целью были поставлены следующие ***задачи исследования***:

1) выявить влияние стратегических культур на поведение США и ЕС в ходе конфликтов и кризисов на Арабском Востоке начиная с середины XX в., а также на возникновение разногласий между США и ЕС по отдельным региональным проблемам;

2) проанализировать и сравнить реакцию Вашингтона и Брюсселя на события «арабского пробуждения»;

3) исследовать влияние внутренних и внешних детерминант на формирование курса США и ЕС на Арабском Востоке в 2011-2016 годах;

4) изучить эволюцию подходов США и ЕС к взаимодействию со странами «Арабского пробуждения» в 2011-2016 годах;

5) сравнить политику Вашингтона и Брюсселя в странах, переживающих трансформацию политической системы (Тунис и Египет), и в государствах, находящихся в состоянии вооруженного конфликта (Ливия).

Хронологические рамки работы работы охватывают период с 2011 по 2016 годы. Выбор верхней хронологической границы обусловлен началом «арабского пробуждения», запустившего глубокие трансформационные процессы в регионе. Выбор нижней хронологической границы связан с тем, что, во-первых, в 2016 г. завершился срок пребывания в роли главы Белого дома Б. Обамы[10], пересмотревшего внешнеполитические приоритеты США и средства их реализации, и произошло

[10] Технически срок правления Б. Обамы истек 20 января 2017 г., когда состоялась инаугурация нового президента США Д. Трампа.

избрание Д. Трампа, при котором евроатлантические отношения вступили в период острой турбулентности; во-вторых, Евросоюз испытал экзистенциальный кризис в связи с решением Великобритании покинуть интеграционный блок, что, очевидно, станет началом нового периода во внешнеполитической деятельности ЕС и в динамике европейской интеграции в целом.

В то же время задачи исследования предопределили необходимость рассмотрения научной проблемы диссертации в более широком историческим контексте для осмысления роли и места США и ЕС в международных процессах на Арабском Востоке.

Методология и методы диссертационного исследования. В качестве методологической основы работы автором был избран уровневый анализ. Его родоначальником считается неорелист К. Уолтц[11], выделивший следующие три уровня анализа международных отношений, которые должны рассматриваться вместе, потому как дополняют друг друга: структурный, государственный и индивидуальный. Использование уровневого анализа позволило продемонстрировать, как глобальный политический ландшафт, структура системы международных отношений, экономический и политический потенциалы США и Евросоюза, специфика их стратегических культур, особенности их поведения на мировой арене, определяемые внутренними факторами, а также взгляды американских и европейских государственных деятелей повлияли на разработку, формирование и осуществление внешнеполитического курса Соединенных Штатов и ЕС в странах Арабского Востока в 2011-2016 годах.

В работе автор применила методы общенаучного и политического анализа, а именно качественный контент-анализ для изучения официальных документов США и ЕС, выступлений и заявлений американских и европейских политических фигур; а также метод ***сравнительного анализа*** с использованием ***метода анализа конкретных случаев (case-study)*** для исследования и сравнения политики США и ЕС на Арабском Востоке в 2011-2016 годах на примере их внешнеполитического курса в Тунисе, Египте и Ливии.

Критерии для сравнения США и ЕС как субъектов мировой политики выделены автором исходя из концепции ***стратегической культуры***, а именно: восприятие ими своего места и своей роли в мировой политике, стиль глобального и регионального

[11] Waltz K. Man, the State, and War. – N.Y.: Columbia University Press, 1959. – 263 p.

лидерства, оценка вызовов и угроз, соотношение военных и невоенных методов для нейтрализации последних, отношение к международному праву, соотношение «мягкой» и «жесткой силы» во внешнеполитическом инструментарии, выбор унилатерализма или многостороннего формата в поведении на международной арене.

Термин «стратегическая культура» был введен американским ученым Дж. Снайдером в 1970-е годы, который определил ее как совокупность убеждений, подходов, примеров стандартного поведения в отношении ядерной стратегии, достигших полуавтоматизма, что превращает их скорее в «культуру», чем в политику[12]. После Дж. Снайдера изучение стратегической культуры государства для обоснования его политики стало популярным направлением среди экспертного сообщества.

Большинство исследований по стратегической культуре развивались в русле двух основных направлений. Исследователи первого направления, среди которых можно выделить Дж. Снайдера, К. Грея, У. Кинкейда и др.[13], считали, что стратегическая культура формирует контекст для принятия решений, но не диктует стратегическое поведение: другие внутренние и внешние переменные – например, политическая и физическая география, а также материальный (экономический и военный) баланс сил и структура международной системы – формируют поведение. Согласно второму направлению, в котором среди ученых наиболее выдающиеся исследования провел А. Джонстон[14], стратегическая культура дает объяснение способу, которым различные группы людей думают и действуют, когда дело доходит до использования силы. Культурное и нормативное влияние, а также идентичность объясняют мотивации и причины поведения государств и их лидеров. Центральным предположением, на котором основывается концепция, является вера в то, что традиции, ценности, отношение, образцы поведения, привычки, символы, достижения и исторический опыт формируют стратегическое поведение и фактически определяют политику, т.к. они устанавливают устойчивые и долговременные «стратегические предпочтения» о роли военной силы в межгосударственных отношениях, а также экономических и

---

[12] Snyder J.L. The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1977. – P. 8-9.

[13] См., например: Snyder J.L. Op. cit.; Gray S.C. National Style in Strategy: The American Example // International Security. – 1981. – Vol. 6, № 2. – P. 21-47; Kincade W. American National Style and Strategic Culture // Strategic Power: USA/USSR. ed. by Carl G. Jacobsen. – London: Macmillan, 1990.

[14] См., например: Johnston A.I. Thinking About Strategic Culture // International Security. – Spring 1995. – Vol. 19, № 4. – P. 32-64. Цит. по: Алексеева Т.А. Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 5. – С.130-147.

политических методах, которые могут быть использованы для достижения национальных целей[15].

Несмотря на разнообразие определений, которые дают исследователи стратегической культуре, большинство из них сходятся в том, что она не является статичной. Хотя, как определят академик РАН А.А. Кокошин, «это долговременный, весьма инерционный социо-психологический феномен, который часто действует почти с одними и теми же характеристиками даже при смене не только высших государственных деятелей и военного командования, но при смене политических систем и политических режимов»[16], с течением времени и под воздействием каких-то кризисов, внешних потрясений, изменений международной системы или, как называет их К. Грей, «травматических стратегических шоков» стратегическая культура способна трансформироваться[17].

Таким образом, стратегическая культура, формируемая под влиянием исторического опыта, экономического и военно-политического потенциала, геополитических факторов, идеалов и ценностей, устанавливает рамки поведения субъекта мировой политики на международной арене и определяет выбор инструментов для обеспечения своей безопасности и достижения внешнеполитических целей.

При сравнении также необходимо учитывать, что Соединенные Штаты являются сверхдержавой, а Евросоюз, несмотря на попытки европейских чиновников[18] убедить мир в обратном, не является таковой. Однако в процессе сравнительного анализа ***различный потенциал акторов*** отходит на второй план, поскольку он наряду с другими факторами оказывает воздействие на формирование стратегической культуры. Потенциал не является решающим фактором, т.к. даже при наличии схожих возможностей различные субъекты могут действовать по-разному[19]. Геополитика, ценности и исторический опыт явно играют более значительную роль в формировании

---

[15] Там же.

[16] Кокошин А.А. Стратегическое управление: Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 380.

[17] См. подробнее: Gray S.C. Out of the Wilderness: Prime Time for the Strategic Culture. Prapared for: Defense Threat Reduction Agency Advanced Systems and Concepts Office. October 31, 2006. URL: http://rinslab.com/wp-content/uploads/2017/02/stratcult-out.pdf (accessed 15.07.2018); Biehl H., Giegerich B., Jonas A. Strategic Cultures in Europe. – Potsdam: Springer, 2013. – P. 7-17.

[18] См., например: European External Action Service. Speech by the High Representative/Vice-President Federica Mogherini at the Willy Brandt Lecture 2016. “The European Union is a superpower”. Brussels, December 7, 2016. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/16719/Speech%20by%20the%20High%20Representative/Vice-President%20Federica%20Mogherini%20at%20the%20Willy%20Brandt%20Lecture%202016 (accessed: 15.07.2018)

[19] См. подробнее: Kincade W. Op. cit.

стратегической культуры. Кроме того, при сравнении акторов необходимо учитывать, что гетерогенность отражается не только в стратегической культуре ЕС, но и в его внешней политике. «С внешним миром он [Евросоюз – прим. Л.О.] общается тремя разными способами: (1) межправительственным; (2) с помощью наднациональных институтов; (3) через отдельные государства-члены»[20]. Однако необходимо учитывать, что «не все, что делают отдельные государства-члены в плане внешней политики, относится к внешней политике самого ЕС или даже идет ей на пользу» [21].

Степень проработанности темы в научной литературе. Многие западные и отечественные ученые изучали различные аспекты рассматриваемой в диссертации проблематики. Исследования по данной тематике можно разделить на несколько крупных блоков.

Во-первых, это труды, в которых анализируются евроатлантические отношения, разногласия и противоречия между США и ЕС, препятствующие сотрудничеству между ними. Важно отметить, что большинство трудов, посвященных изучению проблем и противоречий в евроатлантических отношениях, отличий во внешней политике США и ЕС и методах ее проведения, появилось в постбиполярный период, когда утрата общего врага в лице Советского Союза обнажила различия между ними. Одной из первых крупных работ по данному вопросу стала книга «Трансатлантические противоречия. США, Европа и проблемные страны», выпущенная Институтом Брукингса под редакцией Р. Хааса[22], в которой авторы на примере «проблемных стран», а именно Ирака, Ирана, Ливии, Нигерии и Кубы проанализировали противоречия между США и Европой, вопросы, которые вызывали несогласие акторов. В 2000 г. вышел сборник статей Института США и Канады РАН, который был посвящен изучению проблем, стоящих перед евроатлантическим сообществом в постбиполярный период, анализу общности и противоречий в евроатлантических отношениях[23].

Уже в начале 2000-х гг., после вторжения в Ирак, интерес исследователей к обозначенной тематике значительно возрос. Среди зарубежных ученых можно отметить

---

[20] Стрежнева М.В., Руденкова Д.Э. Европейский союз: архитектура внешней политики. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – С. 4.
[21] Там же. С. 11.
[22] Haas R.N. Transatlantic Tensions. The United States, Europe, and Problem Countries. Washington: The Brookings Institutions Press. 1999. – 250 p.
[23] США и Европа: перспективы взаимоотношений на рубеже веков. – М.: Наука, 2000. – 192 с.

работы Р. Асмуса и К. Поллака[24], Ф. Гордона[25], И. Даадлера[26], Д. Калео[27], Ч. Купчана и Дж. Шапиро[28]. Проблема раскола в отношениях между Соединенными Штатами и Европой нашла отражение и в работах российских исследователей, в частности, В.И. Батюка[29], Ю.А. Гусарова[30], М.А. Троицкого[31] и др.

Именно в этот период специалисты-международники стали искать новые подходы к объяснению различий между США и Евросоюзом, позволяющие раскрыть причины возникновения противоречий между ними. В стремлении осмыслить эти различия часть из них обратилась к концепции стратегической культуры. Так, вторая группа исследований, привлеченных при подготовке работы, посвящена изучению теоретических основ концепции стратегической культуры, особенностей стратегических культур США и ЕС. Одной из первых работ такого толка стала книга американского политолога – неорелиста Р. Кейгана «О рае и силе. Америка и Европа в новом мировом порядке» 2003 г.,[32] в которой в которой глубокий разрыв между США и Европой в плане внешнеполитического поведения объяснялся особенностями их стратегических культур. Ученый приходит к мнению, что они настолько по-разному действуют на международной арене и настолько по-разному воспринимают окружающую среду, что возникновение подобного раскола было лишь вопросом времени.

Среди исследований, проведенных европейскими учеными, можно отметить монографию норвежского специалиста по международным отношениям А. Тойе «Америка, Евросоюз и стратегическая культура»[33], в которой автор показал различия в подходах США и ЕС к решению различных кризисов на международной арене, связанных особенностями американской и европейской стратегических культур.

---

[24] Asmus R. D. Rebuilding the Atlantic Alliance // Foreign Affairs. September/October 2003. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2003-09-01/rebuilding-atlantic-alliance (accessed 15.07.2018); Asmus R., Kenneth P. The New Transatlantic Project // Policy Review. October/November 2002. - P. 3-18.

[25] Gordon P., Shapiro J. Allies at War: America, Europe and the Crisis over Iraq. – N.Y.: McGraw-Hill, 2004. - 266 p.

[26] Daalder I. The End of Atlanticism // Survival. - Summer 2003. Vol. 45, № 2. - P. 147-166.

[27] Calleo D. The Broken West // Survival. - Autumn 2004. -Vol. 46, № 3. - P. 29-38.

[28] Kupchan C. The Alliance Lies in the Rubble // Financial Times. April 4, 2003.

[29] Батюк В.И. Отношения США И НАТО в начале XXI века // США-Канада: Экономика, Политика, Культура. – 2003. - № 10. – С. 31-44.

[30] Гусаров Ю.А. Трансатлантические отношения в условиях трансформации НАТО: (обзор) // Актуальные проблемы Европы. – 2004. – № 4. – С. 59-69.

[31] Троицкий М.А. Трансатлантический союз. Модернизация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. 1991-2004. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2004. – 252 с.

[32] Kagan R. Of Paradise and Power. America and Europe in the New World Order. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 2003. – 104 p.

[33] Toje A. America, the EU and Strategic Culture. Renegotiating the transatlantic bargain. NY: Routledge. 2008.

Ряд российских ученых, а именно В.А. Кременюк, Т.В. Оберемко, О.В. Приходько, также выявили влияние стратегических культур США и ЕС на возникновение противоречий в евроатлантических отношениях[34]. Особенно следует отметить работу Ю.П. Давыдова «Стратегические культуры США и Европы» 2006 г.[35], в которой сделан вывод о том, что приверженность либеральным идеям, демократическим ценностям и общность целевых установок США и Европы не означают их однотипной реализации партнерами, потому как для этих субъектов мировой политики характерны различные представления об оптимальных и допустимых стратегиях, трансформирующих общие социальные ценности во внешнеполитические программы и действия. Также важный вклад в изучение и сравнение американской и европейской стратегических культур внесла работа О.В. Милаевой и А.Е. Сиушкина[36], в которой авторы осуществили сравнение стратегических культур акторов на материалах стратегий безопасности США и ЕС и продемонстрировали различия в их политике.

С начала 2000-х годов, когда различия в подходах Соединенных Штатов и Западной Европы к проблемам обеспечения безопасности в постбиполярном мире вышли на поверхность, возросло количество научных публикаций, в которых исследуются стратегические культуры США и ЕС. Среди ученых, занимающихся изучением американской стратегической культуры, можно выделить Т. Фаррелла[37], Дж. Сизера[38], О.П. Иванова[39], М.И. Рыхтика[40] и др. Анализ стратегической культуры Евросоюза можно найти в работах следующих авторов: К. Мейера[41], М. Норхейм-Мартинсена[42], С. Бископа[43], Т.В. Оберемко[44], О.В. Приходько[45] и др.

---

[34] См. статьи авторов в сборнике: Проблемы трансатлантических отношений в начале XXI века / Отв. ред. Кременюк В.А., Шаклеина Т.А. – М., 2007.

[35] Давыдов Ю.П. Стратегические культуры США и Европы // США - Канада: экономика, политика, культура. – 2006. – №3. – С. 48-70.

[36] Милаева О.В., Сиушкин А.Е. Сравнительный анализ стратегической культуры США и Евросоюза (на материалах стратегий безопасности 2002-2010 гг.) // Общественные науки. Политика и право. – 2012. – №3. – С. 19-28.

[37] Farrell T. Strategic Culture and American Empire // The SAIS Review of International Affairs. – 2005. – №2. – P. 3-18;

[38] Ceaser J.W. The Origins and Character of American Exceptionalism // American Political Thought: A Journal of Ideas, Institutions, and Culture. – Spring 2012. – P. 1-25.

[39] Иванов О.П. Американская стратегическая культура // Обозреватель – Observer. – 2007. – №1. – С. 87-97; Иванов О.П. Американская стратегическая культура и война в Ираке // Обозреватель-Observer. – 2007. – №5. – С. 109-118.

[40] Рыхтик М.И. Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Международные отношения. Политология. Регионоведение. – 2003. – № 1. – С. 203-219.

[41] Meyer O.C. The Quest for a European Strategic Culture: Changing Norms on Security and Defense in the European Union. – Palgrave Macmillan, 2006; Meyer O.C. Theorising European strategic culture: Between convergence and the persistence of national diversity //Centre for European Policy Studies. – June 2004. – P. 1-24.

[42] Norheim-Martinsen p. M. EU Strategic Culture: When the Means Becomes the End // Contemporary Security Policy. – December 2011. – P. 517-534.

Третья группа работ, привлеченных в диссертации для ретроспективного обзора политики США и ЕС на Арабском Востоке, состоит как из трудов российских ученых, так и зарубежных. Среди работ по американской политике на Ближнем Востоке и в Северной Африке следует отметить исследования В.И. Бартенева[46], И.Д. Звягельской[47], В.А. Кременюка[48], А.С. Маныкина и В.О. Печатнова[49], Е.М. Примакова[50], С.М. Рогова[51], С.М. Самуйлова[52], Т.А. Шаклеиной[53], А.И. Шумилина[54], а также Н. Хомски[55], Г. Киссинджера[56], Дж. Коваррубиаса и Т. Лэнсфорда[57] и др. Основные этапы развития политики Евросоюза в Средиземноморье нашли отражения в работах Б. Хадера[58], Н.А. Ковальского[59], А.Н. Садовской[60], О.Е. Трофимовой[61] и др.

Четвертый блок трудов, использованных в диссертационном исследовании, посвящен изучению феномена «арабского пробуждения», а также политики США и Евросоюза на Арабском Востоке в условиях процессов политической трансформации в странах региона.

---

[43] Бископ С. Основы обновленной Европейской стратегии безопасности // Вестнике международных организаций. – 2009. – № 2. – С.105-120.

[44] Оберемко Т.В. Различия в ценностных подходах США и Европы к вопросам формирования внешней политики // Проблемы трансатлантических отношений в начале XXI века / Отв. ред. Кременюк. В.А., Шаклеина Т.А. – М., 2007. – С. 23-41.

[45] Приходько О.В. Трансформация геополитического статуса ЕС // Проблемы трансатлантических отношений в начале XXI века. – С. 59-80.

[46] Бартенев В.И. Ливийская проблема в международных отношениях. 1969-2008. – М.: ЛЕНАНД, 2009. – 448 с.

[47] Звягельская И.Д. История Государства Израиль. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 359 с.

[48] Кременюк В.А. Внешняя политика президента Б. Обамы: в борьбе за второй президентский срок // Внешняя политика администрации Барака Обамы (2009–2012 гг.) / Отв. ред. В. А. Кременюк. – М.: ИСКРАН, 2012.

[49] Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. – М.: Междунар. отношения, 2012. – 672 с.

[50] Примаков Е.М. Анатомия ближневосточного конфликта. М.: Мысль. 1978. – 373 с.

[51] Рогов С.М. Доктрина Обамы. Властелин двух колец // Российский совет по международным делам. 06.05.2013; Рогов С.М. Перспективы политики администрации Обамы // США-Канада: Экономика, Политика, Культура. – 2009. – №3. – С. 3-22.

[52] Самуйлов С.М. Неоконсерваторы и внешняя политика Вашингтона // США - Канада: экономика, политика, культура. – 2006. – № 5. – С. 31-50.

[53] Шаклеина Т.А. Эволюция глобальной стратегии США (2001–2011) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2011. – № 3. – С. 38-58;

[54] Шумилин А.И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «Арабской весны». – М.: «Международные отношения», 2015. – 336 с.

[55] Chomsky N. After the Cold War: U. S. Foreign Policy in the Middle East // Cultural Critique. – 1991. – № 19. – P. 14-31.

[56] Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? – М.: АСТ, 2016. – 352 с.

[57] Covarrubias J., Lansford T. Strategic Interests in the Middle East. USA: Ashgate, 2007.

[58] Khader B. The European Union and the Arab World: from the Rome Treaty to the «Arab Spring». MEDAC. Malta, 2013.

[59] Ковальский Н.А. ЕС и Средиземноморье // Европейский союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития / под ред. Ю.А. Борко и О.В. Буториной. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.

[60] Садовская А. Эволюция политики Европейского Союза в отношении стран Южного Средиземноморья в 2000-е гг. // Журнал международного права и международных отношений – 2009. – № 1. – С. 45-50.

[61] Трофимова О.Е. Эволюция средиземноморской политики Евросоюза: путь от сотрудничества к интеграции. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 122 с.; Трофимова О.Е. Средиземноморская политика ЕС в свете интеграционных процессов // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 2. – С. 70-80.

В российской и зарубежной литературе события «арабского пробуждения» изучались весьма тщательно и широко: во-первых, проводился анализ их социально-экономических, политико-психологических и социально-политических причин; во-вторых, изучались процессы политической трансформации в арабских странах, начало которым положила волна протестов и революций 2011 г.

Для написания работы использовались статьи ведущих российских специалистов по Ближнему Востоку, а именно А.Г. Аксененка[62], А.М. Васильева[63], Б.В. Долгова[64], И.Д. Звягельской[65] и В.А. Кузнецова[66], Л.М. Исаева[67] и А.В. Коротаева[68], Д.Б. Малышевой[69], Г.И. Мирского[70], В.В. Наумкина[71], Е.М. Примакова[72], М.А. Сапроновой[73], А.В. Федорченко[74], Л.Л. Фитуни[75] и др.

---

[62] Аксененок А.Г., Звязельская И.Д. Слушать музыку революции? // Россия в глобальной политике. 3 сентября 2014. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Slushat-muzyku-revolyutcii-16931 (дата обращения 15.07.2018)

[63] Васильев А.М. Рецепты арабской весны: русская версия / А. Васильев, Н. Петров. – М.: Алгоритм, 2012. – 304 с.

[64] Долгов Б.В. Феномен «Арабской весны» 2011-2016 гг.: Причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 200 с.

[65] Звягельская И.Д. Ближневосточный клич: Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. – 208 с.; Звягельская И.Д., Кузнецов В.А. Проблемы государственности на Ближнем Востоке // Свободная мысль: международный общественный журнал. – 2015. – № 4. – С. 18-31.

[66] Кузнецов В. Тунис-2015. Знаки грядущей беды // Оценки и идеи. Институт востоковедения РАН. – Август 2015. – Том 1, № 6.

[67] Коротаев А., Исаев Л. Анатомия египетской контрреволюции // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 8. – С. 91-100.

[68] Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года. Структурно-демографический анализ // Азия и Африка сегодня. – 2011. №6; Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года. Структурно-демографический анализ // Азия и Африка сегодня. – 2011. №7; Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. – М.: Либроком/URSS, 2012.

[69] Малышева Д.Б. Крупные региональные государства в зонах нестабильности Ближнего Востока // Мировая экономика и международные отношения. – № 9. – 2016. – С. 28-36; Малышева Д.Б. Монархии Персидского залива и «арабская весна» // Международная жизнь. 31.08.2012. URL: http://interaffairs.ru/author.php?n=arpg&pg=714 (дата обращения: 11.08.2018); Малышева Д.Б. Новый взгляд на американскую ближневосточную стратегию // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 6. – С. 124-127.

[70] Мирский Г.И. Бен Ладен, "Аль-Каида" и судьба джихадизма // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 12. – С. 31-48.

[71] Наумкин В.В. Кризис на Ближнем Востоке: внешнее вмешательство и разгул экстремизма // Российский совет по международным делам. 20.07.2015. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/krizis-na-blizhnem-vostoke-vneshnee-vmeshatelstvo-i-razgul-e/ (дата обращения 15.05.2018); Наумкин В.В. Снизу вверх и обратно: «Арабская весна» и глобальная международная система // Россия в глобальной политике. 02.08.2011. URL: http://globalaffairs.ru/number/Snizu-vverkh-i-obratno-15277 (дата обращения 15.07.2018); Наумкин В.В. Цивилизации и кризис наций-государств // Россия в глобальной политике. 19.02.2014. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Tcivilizatcii-i-krizis-natcii-gosudarstv-16393 (дата обращения 15.07.2018).

[72] Примаков Е.М. Арабская весна» и теория столкновения цивилизаций // ЦентрАзия. 27.07.2011. Available at: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1311766200 (дата обращения 15.05.2018).

[73] Сапронова М.А. Генезис арабских революций // Международные процессы. – 2011. – № 3. – С. 129-136; Сапронова М.А. Становление новой государственности на Арабском Востоке // Международные процессы. – 2015. Том 13. № 3. – С.26-39.

[74] Федорченко А.В. Арабский мир: возможен ли экономический ренессанс? // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – №1. – С. 83-101.

[75] Фитуни Л.Л. Экономические причины и последствия «арабской весны» // Проблемы современной экономики. – 2012. – №1. – С. 90-97.

Значительную помощь при подготовке работы оказало ознакомление с коллективной монографией «Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?»[76], в которой авторы изучали события в странах региона, затронутых «арабским пробуждением», и реакцию на них внешних игроков.

Что касается Евросоюза, ответ Брюсселя на события «арабского пробуждения» был отражен в статье крупного европеиста Д.А. Данилова «Европейский союз в поиске ответов на вызовы Арабской весны»[77], в которой автор «анализирует проблемы, с которыми столкнулся Европейский союз и его внешнеполитический аппарат, и европейские ответы на арабский вызов». Тем не менее, как отмечает сам автор, в его статье не ставилась задача рассмотреть действия ЕС по отдельным странам региона и их специфику, тем более в проблемно-хронологическом порядке, что было предпринято в данной диссертации.

В работах Л.О. Бабыниной и В.А. Кузнецова[78], Л.С. Биссон[79], О.Ю. Потемкиной[80], И.Л. Прохоренко[81], В.А. Латкиной[82] и др. исследуются некоторые аспекты глобальной политики Евросоюза, его курса на Ближнем Востоке и в Северной Африке в условиях «арабского пробуждения», в частности, взаимодействие ЕС со странами Магриба, миграционная проблема, подход ЕС к демократизации стран Южного Средиземноморья и т.д.

Среди трудов, посвященных изучению американской политики, ключевым является монография крупного российского исследователя А.И. Шумилина «Политика США на Ближнем Востоке в контексте «Арабской весны» 2015 г.[83], последняя из четырех глав которой напрямую посвящена анализу американской политики в условиях

---

[76] Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред-ры: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: ИВ РАН, 2012. – 591 с.

[77] Данилов Д.А. Европейский союз в поиске ответов на вызовы Арабской весны // Индекс безопасности. – 2012. – № 3-4 (102–103), Том 18. – С. 107-140.

[78] Бабынина Л.О., Кузнецов В.А. ЕС и страны Магриба // Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / Под общ. ред. Ал.А. Громыко, М.Г. Носова. – М.: Весь мир, 2015. – С. 508-540.

[79] Биссон Л.С. Внешнее измерение миграционной политики ЕС: инструменты и выгоды // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2018. – № 5. – С. 21-26.

[80] Потемкина О.Ю. Актуальные проблемы иммиграционной политики Европейского союза // Институт Европы РАН. – 3 июля 2015. – С. 1-12.

[81] Прохоренко И.Л. Проект Европейского союза Восточное партнерство: к проблеме конкуренции на постсоветском пространстве // Россия и новые государства Евразии (ежеквартальный журнал ISSN 2073-4786). – 2017. – № 4. – С. 48-69.

[82] Латкина В.А. Политика Европейского Союза в Средиземноморье в контексте «арабской весны» // Вестник МГИМО. – 2014. – № 2. – С. 139-149.

[83] Шумилин А.И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «Арабской весны». – М.: «Международные отношения», 2015. – 336 с.

«арабского пробуждения» и, в частности, исследованию египетского случая (случай Туниса почти не изучается, а Ливия рассматривается лишь в контексте военной интервенции Запада). Это открывает определенное пространство для исследования, т.к. выбор трех страновых сюжетов и выделение этапов в политике США в 2011-2016 годах позволяет более полно на каждом из них показать действия Соединенных Штатов.

Таким образом, несмотря на значительный интерес исследователей к изучению феномена «арабского пробуждения», а также региональной политики США и значительно реже – ЕС, некоторые аспекты курса Вашингтона и Брюсселя оставались вне фокуса внимания. В частности, сюжеты, посвященные политике США и особенно ЕС в Тунисе, Ливии и в меньшей степени – Египте, рассматривались отечественными учеными довольно опосредованно, чаще всего в широком контексте их общерегиональной политики, и следовательно, были недостаточно изучены.

В данной диссертационной работе фокус внимания сконцентрирован на трех страновых сюжетах. Это позволяет детально, на протяжении более пяти лет после начала волнений, изучить деятельность США и ЕС, направленную на разрешение глубинных и многомерных проблем в сфере политики, экономики и безопасности в Тунисе, Египте и Ливии. Более того, исследователи, изучая политику Вашингтона и Брюсселя на Арабском Востоке в 2010-е годы, обходили стороной проблемы сотрудничества США и ЕС и координации их усилий в условиях конфликтов и кризисов в странах региона. Вместе с тем именно эти проблемы представляют значительный научный интерес, потому что еще в 2011 г. в США и ЕС были учреждены специальные структуры, одной из функций которых стала координация внешнеполитических действий Вашингтона и Брюсселя в указанном регионе.

В зарубежной литературе анализу политики Соединенных Штатов и Евросоюза в странах Арабского Востока в 2010-е годы было уделено заметно больше внимания. Значительную помощь автору в ходе диссертационного исследования оказали экспертно-аналитические материалы «фабрик мысли». Можно отметить следующие аналитические центры: Институт Брукингса (Brookings Institution), Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations), Атлантический совет (The Atlantic Council), Германский фонд Маршалла (The German Marshall Fund of the United States), испанский Фонд международных отношений и внешнего диалога (Fundación para las Relaciones Internacionales y el Diálogo Exterior – FRIDE), Чэтэм Хаус (Chatham House),

международные центры Фонда Карнеги за международный мир (Carnegie Endowment), Барселонский центр международных отношений (Barcelona Centre for International Affairs), Институт ЕС по вопросам безопасности (European Union Institute for Security Studies), итальянский Институт международных отношений (Istituto Affari Internazionali), Французский институт международных отношений (Institut français des relations internationales), Европейский совет по международным отношениям (European Council on Foreign Relations) и др.

Исследователи аналитических центров довольно активно занимались изучением ряда проблем, рассматриваемых в работе. В первую очередь, следует отметить работы, в которых изучался феномен «арабского пробуждения» и особенности политической трансформации Ближнего Востока, включая кризис национальных государств, рост активности негосударственных акторов, подъем джихадизма и проч. Среди подобных трудов следует выделить сборники «Арабское пробуждение: Америка и трансформация Ближнего Востока» под редакцией К. Поллака[84] и «Переосмысление политики Запада в свете арабских восстаний» под редакцией Р. Алькаро[85], книги М. Линча «Арабское восстание: незаконченные революции нового Ближнего Востока» и «Новые арабские войны: волнения и анархия на Ближнем Востоке»[86], а также работы В. Дюрака[87], Ш. Хамида[88] и др.

Кроме того, западные исследователи уделяли внимание изучению политики США и ЕС на Арабском Востоке в 2010-е годы. Прежде всего, стоит отметить тематические доклады Атлантического совета, в которых сделан вывод о заметном сближении позиций Вашингтона и Брюсселя, что открыло возможности для их сотрудничества.

В своих трудах У. Дадуш и М. Дюнн[89], Ф. Гергес[90], К.Каль и М. Линч[91], Т. Кофман-Уиттс[92], Т. Каротерс[93], Н. Китчен[94], К. Поллак[95], Ш. Хамид[96], Д. Хубер[97]

---

[84] The Arab Awakening: America and the Transformation of the Middle East / Ed. K.M. Pollack. – Washington; Brookings Institution Press, 2011. – 383 p.

[85] Re-thinking Western Policies in Light of the Arab Uprisings / Ed.: Alcaro R., Haubrich-Seco M. / Istituto Affari Internazionali (IAI). – Rome: Edizioni Nuova Cultura, 2012. – 163 p.

[86] Lynch M. The New Arab Wars: Uprisings and Anarchy in the Middle East. – N.Y.: Public Affairs, 2016. – 304 p.; Lynch M. The Arab Uprising: The Unfinished Revolutions of the New Middle East. – N.Y.: Public Affairs, 2012. – 288 p.

[87] Durac V. The Role of Non-State Actors in Arab Countries after the Arab Uprisings // European Institute of the Mediterranean. IEMed. Mediterranean Yearbook 2015. – P. 31-37.

[88] Hamid S. Radicalization after the Arab Spring: Lessons from Tunisia and Egypt // Brookings. December 1, 2015. URL: https://www.brookings.edu/research/radicalization-after-the-arab-spring-lessons-from-tunisia-and-egypt/ (accessed 11.07.2018); Hamid S., McCants W., Dar R. Islamism after the Arab Spring: Between the Islamic State and the nation-state / Brookings Institution. – January, 2017. – 20 p.

[89] Dadush U., Dunne M. American and European Responses to the Arab Spring: What's the Big Idea? // The Washington Quarterly. – Fall 2011. – P. 131-145.

анализировали позицию Вашингтона, внутренние и внешние детерминанты, повлиявшие на ее формирование. В трудах Р. Бальфур[98], П. Бауэр[99], Т. Бера[100], Дж. Вутерса и С. Дукета[101], К. Кауш[102], Р. Янгс[103] и др. подробно рассматривалась политика Евросоюза, его роль в ближневосточных процессах в 2010-е гг. Отдельное внимание стоит уделить исследованиям посла ЕС в Ливане К. Лассен[104] и европейских специалистов Т. Берцель, А. Дандашли и Т. Риссе[105], которые провели анализ реакции западных и незападных акторов на события «арабского пробуждения». Авторы в ходе проведенных исследований продемонстрировали сходства в реакции США и ЕС и их различие от подхода России и Китая, усмотревших в событиях на Арабском Востоке предпосылки для дестабилизация региона, а не возможности для демократизации.

Наконец, большую помощь в написании диссертации оказали труды, посвященные широкому кругу вопросов по теории международных отношений и

---

[90] Gerges F.A. Obama and the Middle East: the end of America's moment. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012. – 292 p.; Gerges F.A. The Obama approach to the Middle East: the end of America's moment? // International Affairs – 2013. – № 2. – P. 299-323.

[91] Kahl C., Lynch M. U.S. Strategy after the Arab Uprisings: Toward Progressive Engagement // The Washington Quarterly. – Spring 2013. – P. 39-60.

[92] Cofman-Wittes T. Security interests overshadow Tunisia's President Essebsi in Washington // Brookings. May 19, 2015. URL: http://www.brookings.edu/blogs/markaz/posts/2015/05/19-tunisia-essebsi-arab-spring-democracy-security-obama (accessed 11.07.2018).

[93] Carothers T. Democracy Policy Under Obama: Revitalization or Retreat? – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2012. – 56 p.

[94] Kitchen N. The Contradictions of Hegemony: The United States and the Arab Spring // London School of Economics. – 2012. – P. 53-58.

[95] Pollack K.M. Security and Public Order // The Atlantic Council, Brookings. A Working Group Report of the Middle East Strategy Task Force. – February 2016.

[96] Hamid S. What Obama and American Liberals Don't Understand About the Arab Spring // Brookings. 01.10.2011. URL: http://www.brookings.edu/research/opinions/2011/10/01-obama-hamid (accessed 11.07.2018).

[97] Huber D. A Pragmatic Actor — The US Response to the Arab Uprisings // Journal of European Integration. – 2015. – Vol. 37, № 1. – P. 57-75.

[98] Balfour R., Fabbri F., Youngs R. Report on Democracy Assistance from the European Union to the Middle East and North Africa // European Policy Center. EUSpring Report. – 2016. – P. 1-25.

[99] Bauer P. The European Mediterranean Policy after the Arab Spring: Beyond Values and Interests // Middle East Critique. – 2015. – Vol. 24, № 1. – P. 27-40.

[100] Behr T. The European Union's Mediterranean Policies after the Arab Spring: Can the Leopard Change its Spots? // VU University Amsterdam | Amsterdam Law Forum. – 2012. – vol 4:2.

[101] Wouters J., Duquet S. The Arab Uprisings and the European Union: In Search of a Comprehensive Strategy // Leuven Centre for Global Governance Studies. January 2013. – 33 p.

[102] Kausch K. Resilient Anchors in the Southern Mediterranean // Carnegie Endowment for International Peace. September 30, 2016. URL: http://carnegieendowment.org/2016/09/30/resilient-anchors-in-southern-mediterranean-pub-64740 (accessed 11.07.2018); Kausch K. The End of the (Southern) Neighbourhood // European Institute of the Mediterranean. – April 2013. – 42 p.

[103] Youngs R. The European Union: inclusion as geopolitics // Geopolitics and Democracy in the Middle East / Ed. by K. Kausch / FRIDE. – Spain: Artes Gráficas Villena, 2015. – 200 p.; Balfour R. EU Conditionality after the Arab Spring // European Institute of the Mediterranean. – June 2012. – 35 p.

[104] Lassen C. A Changing Regional Order: The Arab uprisings, the West and the BRICS // International Affairs and Arab Uprisings. Working Paper Series 18. September 2013.

[105] Börzel T.A., Dandashly A., Risse T. Responses to the 'Arabellions': The EU in Comparative Perspective — Introduction // Journal of European Integration. – 2015. – Vol. 37, № 1. – P. 1-17.

мировой политике. Среди них, в первую очередь, следует выделить работы следующих отечественных исследователей: Н.К. Арбатовой[106], Т.А. Алексеевой[107], А.Д. Богатурова[108], Ф.Г. Войтоловского[109], И.А. Истомина[110], Н.Ю. Кавешникова[111], М.М. Лебедевой[112], М.В. Стрежневой и Д.Э. Руденковой[113].

Таким образом, несмотря на то, что многие исследователи изучали события «арабского пробуждения», политику Вашингтона и Брюсселя, специальных трудов, в которых ставилась бы задача проанализировать и сравнить политику США и ЕС в «пробудившихся» странах в 2010-е годы, рассмотреть влияние внутренних, включая особенности их стратегических культур, и внешних факторов на проводимый ими курс, автором обнаружено не было. Однако в условиях, когда количество вызовов и угроз и их масштабы во взаимозависимом мире растут, а трансформирующаяся международная система характеризуется все большей нестабильностью политические деятели и исследователи вынуждены искать способы для объяснения поведения ключевых акторов мировой политики в ответ на растущее число конфликтов и кризисов, в чем, на наш взгляд, способно помочь обращение к концепции стратегической культуры.

Источниковая база исследования. Для написания работы автором был привлечен широкий круг источников, который условно можно разделить на пять групп. Первая представлена официальными документами США, ЕС и ключевых международных организаций. Вторая группа – выступления и заявления глав государств и политических деятелей, материалы пресс-конференций, интервью и статьи американских и европейских официальных лиц. Третью группу составляет мемуарная литература, четвертую – документы, опубликованные WikiLeaks. Пятая группа

---

[106] Арбатова Н.К. Кризис как катализатор европейской интеграции // Глобальная перестройка / отв. ред.: Дынкин А.А., Иванова Н.И. – М.: Весь мир, 2014. – С. 341-362.
[107] Алексеева Т.А. Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 5. – С.130-147.
[108] Богатуров А.Д. Между силой и влиянием государств // Сравнительная политика. – 2017. – № 1. – С. 44-57.
[109] Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-е – 2000-е гг. – М.: Крафт+, 2007. – 464 с.
[110] Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. – М.: Аспект пресс, 2018. – 296 с.
[111] Кавешников Н. Европейской союз после Лиссабонского договора // Европейский Союз в XXI веке / Под ред. О.Ю. Потемкиной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. – М.: Весь мир, 2012. – С. 11-34; Кавешников Н.Ю. Институционально-политическое развитие ЕС: кризис и варианты трансформации // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – № 5. – С. 14-24.
[112] Лебедева М.М. Международные конфликты в современном мире: их исследование и урегулирование // Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации. Изд. 3-е перераб. и дополн. / Под ред. проф. П.А. Цыганкова. – М.: Альфа-М, Инфра-М, 2011. – С. 72-106.
[113] Стрежнева М.В., Руденкова Д.Э. Европейский союз: архитектура внешней политики. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 135 с.

представлена статистическими материалами. И, наконец, шестая группа включает в себя материалы отечественных и зарубежных СМИ.

Для написания диссертационного исследования привлекались официальные документы как исполнительной, так и законодательной ветвей власти США. В работе использовался такой основополагающий документ стратегического планирования США, как Стратегия национальной безопасности, которая является незаменимым источником для определения приоритетных направлений внешнеполитического курса Белого дома, основных методов и средств для его проведения. В частности, в исследовании использовались Стратегии национальной безопасности 1995, 1998, 2002, 2006, 2010, 2015 гг.[114] Также в ходе работы над диссертацией активно привлекались документы Министерства обороны США[115], вышедшие в годы правления администрации Б. Обамы. И, наконец, большое значения для исследования имело изучение документов Государственного департамента и Агентства по международному развитию США[116], в которых рассматривались события 2010-х гг. на Ближнем Востоке в Северной Африке, отмечалась внешнеполитическая стратегия США в указанный период и основные направления политики Вашингтона в регионе.

---

[114] A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. Washington D.C.: The White House. February 1995. URL: http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/nss/nss-95.pdf (accessed 5.07.2018); A National Security Strategy for a New Century. Washington D.C.: The White House. October 1998. URL: http://clinton2.nara.gov/WH/EOP/NSC/html/documents/nssr.pdf (accessed 5.07.2018); The National Security Strategy of the United States of America. Washington D.C.: The White House. September 2002. URL: http://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf (accessed 5.07.2018); The National Security Strategy of the United States of America. Washington D.C.: The White House. March 2006. URL: http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf (accessed 5.07.2018); A National Security Strategy. Washington D.C.: The White House. May 2010. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed 5.07.2018); National Security Strategy. Washington D.C.: The White House. February 2015. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf

[115] U.S. Department of Defense. Quadrennial Defense Review. February 2010. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/QDR/QDR_as_of_29JAN10_1600.pdf (accessed 5.07.2018); U.S. Department of Defense. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for the 21st Century Defense. Washington. January 2012. URL: http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf (accessed 5.07.2018); U.S. Department of Defense. Quadrennial Defense Review. March 2014. URL: http://archive.defense.gov/pubs/2014_Quadrennial_Defense_Review.pdf (accessed 5.07.2018); U.S. Department of Defense. The National Military Strategy of the United States of America. June 2015. URL: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/National_Military_Strategy_2015.pdf

[116] U.S. Department of State, USAID. The First Quadrennial Diplomacy and Development Review. Leading Through Civilian Power. 2010. URL: https://2009-2017.state.gov/documents/organization/153142.pdf (accessed 5.07.2018); USAID. Strategy on Democracy, Human Rights and Governance. June 2013. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1866/USAID%20DRG_%20final%20final%206-24%203%20%281%29.pdf; U.S. Department of State, USAID. Strategic Plan FY 2014-2017. URL: https://www.state.gov/documents/organization/223997.pdf (accessed 5.07.2018); U.S. Department of State, USAID. FY 2015 Annual Performance Report, FY 2017 Annual Performance Plan. URL: https://www.state.gov/documents/organization/259539.pdf (accessed 5.07.2018); U.S. Department of State, USAID. Quadrennial Diplomacy and Development Review. Enduring Leadership in a Dynamic World. 2015. URL: https://www.state.gov/documents/organization/267396.pdf (accessed 5.07.2018)

Невозможно в полной мере представить видение США ситуации в мире без учета настроений среди конгрессменов, поэтому в ходе написания работы активно привлекались стенографические отчеты заседаний обеих палат американского Конгресса[117]. Кроме того, использовались материалы слушаний в его комитетах, являющиеся важным источником для изучения американской внешней политики, потому как отражают не только настроения конгрессменов, но и представителей исполнительной власти и экспертов ведущих научно-исследовательских центров, которые приглашаются на заседания. В общей сложности было использовано около двадцати слушаний, в которых обсуждались евроатлантические отношения, внешняя политика администрации Б. Обамы, события «арабского пробуждения» и их влияние на курс Вашингтона в регионе[118]. Кроме того, для написания работы использовались также доклады Исследовательской службы Конгресса (Congressional Research Service)[119], которые готовятся для Конгресса США квалифицированными специалистами и содержат детальную информацию о различных направлениях внешней политики Соединенных Штатов.

Наконец, важными источниками для анализа политики США до и в период «арабского пробуждения» являются выступления официальных лиц, в первую очередь, президента. Одним из первых выступлений, в котором президент Б. Обама определил роль Ближнего Востока во внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов и указал основные региональные приоритеты Вашингтона, была речь в Каирском университете 4 июня 2009 г.[120] Не менее важным являлось выступление президента США в Госдепартаменте 19 мая 2011 г., когда Б. Обама оценил события, происходившие на Ближнем Востоке и в Северной Африке, и определил основные

---

[117] См.: Congressional Record – House, Congressional Record – Senate. 2009 – 2016.

[118] Среди порядка 20 изученных автором слушаний наибольшую помощь оказали следующие: Perspectives on the Crisis in Libya: Hearing before the Committee on Foreign Relations. United States Senate, 114th, 1st session, April 6. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2011; US Policy in Libya: Hearing before the Senate Foreign Relations Committee, United States Senate, 114th Congress, 2nd session, June 15. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2016; Reflections on the Revolution in Egypt, Part I: Hearing before the Subcommittee on the Middle East and the South Asia of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, 114th, 2nd session. February 15. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2012; Popular Uprising in the Middle East: The Implications for U.S. Policy: Hearings before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, 112th, 1st session, March 17. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2011; Tunisia's Struggle for Stability, Security, and Democracy: Hearing before the Subcommittee on the Middle East and North Africa of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, 114th, 2nd session, May 25. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2016.

[119] Congressional Research Service Reports. URL: https://fas.org/sgp/crs/

[120] The White House. Remarks by the President Barak H. Obama on a New Beginning. Cairo University - Cairo, Egypt // June 4, 2009. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-by-the-President-at-Cairo-University-6-04-09/ (accessed 27.07.2018)

направления американского курса в связи с ними[121]. Примечательно, что в мае 2011 г. глава Белого дома говорил о поддержке демократического транзита в «пробудившихся» странах, продвижении прав и свобод человека, развитии свободного рынка и торговли, но уже осенью 2013 г., выступая в ООН, президент США обозначил серьезные проблемы, сохраняющиеся на Ближнем Востоке и в Северной Африке, подчеркнув в очередной раз, что односторонние действия США, тем более военные, не решат глубокие проблемы региона[122]. Отдельно стоит отметить программное выступление Б. Обамы в сентябре 2014 г., когда он заявил о возобновлении военного вмешательства США с целью борьбы против ИГИЛ[123], а также интервью, которое дал Б. Обама корреспонденту журнала «The Atlantic» Дж. Голдбергу в начале 2016 г., где он подвел некоторые итоги своего президентства[124].

Что касается Европейского союза, то в процессе написания работы автор использовал официальные документы ЕС, в частности, Стратегии безопасности ЕС, документы Европейской комиссии, Европейской службы внешних действий (ЕСВД), Европейского парламента и т.д. Весьма ценным источником являются следующие официальные документы Европейской комиссии и ЕСВД, в которых определялись основные направления политики ЕС в условиях «арабского пробуждения» и политической трансформации ближневосточного региона: «Новый ответ меняющемуся соседству»[125], «Партнерство с Южным Средиземноморьем во имя демократии и совместного процветания»[126], «Поддержка партнерства, реформ и инклюзивного роста»[127]. Важными документами, которые позволяют оценить изменение вектора

---

[121] The White House. Remarks by President Barak H. Obama on the Middle East and North Africa. State Department, Washington, D.C. May 19, 2011. URL: http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/05/19/remarks-president-middle-east-and-north-africa (accessed 27.07.2018)

[122] The White House. Remarks by President Barak H. Obama in Address to the United Nations General Assembly. September 24, 2013. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/09/24/remarks-president-obama-address-united-nations-general-assembly (accessed 27.07.2018)

[123] The White House. Statement by President Barak H. Obama on ISIL. September 10, 2014. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/09/10/statement-president-isil-1 (accessed 27.07.2018)

[124] Goldberg J. The Obama Doctrine // The Atlantic. April 2016. URL: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/ (accessed 27.07.2018)

[125] European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. A new response to a changing Neighborhood. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, May 25, 2011. URL: https://ec.europa.eu/research/iscp/pdf/policy/com_2011_303.pdf (accessed 5.08.2018)

[126] European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. A Partnership for Democracy and Shared Prosperity with the Southern Mediterranean. Joint Communication to the European Council, the European Parliament, the Council and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, March 8, 2011. URL: https://ec.europa.eu/research/iscp/pdf/policy/com_2011_200_en.pdf (accessed 5.08.2018)

[127] European Commission. Press Release. EU Response to the Arab Spring: the SPRING Programme. Brussels, September 27, 2011. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-11-636_en.htm?locale=en (accessed 5.08.2018)

политики Евросоюза в регионе являются также «Пересмотр Европейской политики соседства»[128] 2015 г. и «Глобальная стратегия ЕС по внешней политике и политике безопасности. Общее видение, единое действие: более сильная Европа»[129] 2016 г. Так, анализ документов ЕС за 2011–2016 гг. позволяет проследить эволюцию подходов Брюсселя к взаимодействию со странами «арабского пробуждения», а также выявить изменение внешнеполитических приоритетов (с демократизации региона, объявленной в документах 2011–2012 гг., на стабилизацию, провозглашенную в документах 2015–2016 гг.) ЕС в Южном Средиземноморье. В работе также использовались заявления и интервью официальных лиц Брюсселя, в которых содержались оценка ближневосточных и североафриканских событий и обозначалась сущность позиции Евросоюза в связи с ними.

Среди документов международных организаций, привлеченных для получения данных о масштабах миграции, экономическом и социальном развитии арабских стран и проч., следует выделить доклады о человеческом развитии, подготовленные Программой развития ООН в 2009–2010 гг.[130], в которых еще накануне «арабского пробуждения» прогнозировались возможные проблемы в регионе.

Следующая группа источников, привлеченных автором при работе над диссертационным исследованием, позволяющих выйти за пределы открытых источников и узнать о «подводных камнях» политики США – это мемуары американских политических деятелей, а именно госсекретарей М. Олбрайт и Х. Клинтон, президентов Дж. Буша-мл. и Б. Обамы[131]. Среди них, прежде всего, следует отметить воспоминания Х. Клинтон «Сложные решения», в которых бывший госсекретарь рассказывает о своем назначении на должность главы Госдепартамента, приоритетах внешней политики администрации Б. Обамы, «арабском пробуждении» и реакции Вашингтона на события в регионе.

---

[128] European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. Review of the European Neighbourhood Policy. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, November 18, 2015. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_joint-communication_review-of-the-enp_en.pdf (accessed 5.08.2018)

[129] European External Action Service. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf (accessed 5.08.2018)

[130] UNDP. Arab Human Development Report. 2009; UNDP. Human Development Report. 2010.

[131] Bush G.W. Decision Points. – N.Y.: Crown Publishers, 2010; Clinton H. R. Hard Choices. – N.Y.: Simon & Schuster, 2014; Обама Б. Дерзость надежды. Мысли о возрождении американской мечты. – М.: Азбука-классика, 2008; Олбрайт М. Религия и мировая политика. – М.: Альпина. Бизнес Букс, 2007.

Поскольку автор была лишена возможности привлечения архивных документов ввиду хронологической близости рассматриваемых событий, в ходе написания работы использовались, хотя и в самом критическом ключе, материалы WikiLeaks – международной некоммерческой организации, публикующей секретную информацию, полученную из анонимных источников или в результате утечки. Прежде всего, в этой категории источников следует отметить документы посольств США в арабских странах, переписку Х. Клинтон с сотрудниками Госдепартамента, конфиденциальные документы Европйеской службы внешних действий (ЕСВД)[132].

В ходе диссертационной работы автор активно использовала различные базы данных и статистики для получения информации по объемам выделенной США и ЕС странам региона международной помощи на цели развития, объеме и географии прямых иностранных инвестиций, гуманитарной помощи, помощи в сфере безопасности и т.д.

При подготовке исследования также использовались материалы российских и зарубежных СМИ как для создания фактологической базы, так и для изучения общественного мнения, а именно: российские – «Россия сегодня», «Интерфакс» и «ТАСС»; американские – «The Washington Post», «The New York Times», «Foreign Affairs» и «The Atlantic»; британские – «The Guardian», «Financial Times» и «The Economist»; немецкие – «Deutsche Welle», «Der Spiegel», «Die Zeit»; арабские – «Al-Jazeera» и «Al-Arabiya».

Научная новизна исследования состоит в том , что:

1) использована концепция стратегической культуры, позволившая провести сравнительный анализ политики США и ЕС на Арабском Востоке, их способов реагирования на современные конфликты и кризисы. С одной стороны, это позволило показать различия в их внешнеполитическом поведении, что нередко становилось поводом для разногласий между ними, а также доказать, что схожесть целей внешнеполитических партнеров далеко не всегда предполагает сходство методов их

[132] Наибольшую помощь оказали следующие документы: European Union Military Committee. EU defence chiefs' approved plan for military intervention against "refugee boats" in Libya and the Mediterranean. Classified EU Plan // WikiLeaks. May 25, 2015. URL: https://wikileaks.org/eu-military-refugees/EUMC (accessed 27.03.2018); Hillary Clinton Email Achieve. Dramatic new Libya & Bahrain developments. Confidential // WikiLeaks. March 16, 2011. URL: https://wikileaks.org/clinton-emails/emailid/12698; Hillary Clinton Email Archive. Internal Egyptian Politics on Morsi Seizure of Powers. Confidential // WikiLeaks. November 26, 2012. URL: https://wikileaks.org/clinton-emails/emailid/12108; Hillary Clinton Email Archive. Latest Intel on Egypt and New Options. Unclassified // WikiLeaks. February 2, 2011. URL: https://wikileaks.org/clinton-emails/emailid/6764 (accessed 27.07.2018); Public Library of U.S. Diplomacy. Tunisians Welcome Inaguration of President Obama. Confidential // WikiLeaks. January 21, 2009. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09TUNIS51_a.html (accessed 27.07.2018).

реализации. С другой стороны, это дало возможность определить некую систему координат внешнеполитического поведения одних из главных субъектов мировой политики в условиях, когда международная обстановка характеризуется высоким уровнем сложности, неопределенности и нестабильности;

2) выявлена эволюция подходов США и ЕС к взаимодействию со странами «арабского пробуждения», на отдельных этапах этой эволюции изучен комплекс мер в сфере политики, экономики и безопасности, предпринятых Соединенными Штатами и Европейским союзом в Тунисе, Египте и Ливии для содействия стабилизации обстановки в этих странах, их восстановления или демократизации;

3) на основе широкого круга источников, в том числе опубликованных WikiLeaks, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, а также источников Bulletin Quotidien Europeen Agence Europe за 2011-2016 годы, предоставленные диссертанту Информационным центром Европейского Союза EU-i, показано, как общие тенденции политики США и ЕС на Арабском Востоке в условиях охвативших государства региона процессов политической трансформации проявлялись непосредственно в проводимом Вашингтоном и Брюсселем курсе в отдельных арабских странах, а именно в Тунисе, Египте и Ливии;

4) изучены сотрудничество США и ЕС и координация их усилий в условиях роста нестабильности в регионе, на примере кризисных ситуаций рассмотрены новые инициативы политического и институционального взаимодействия США, Евросоюза и государств-членов ЕС, пусть и не увенчавшиеся успехом.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Стратегическая культура, формируемая под влиянием исторического опыта, экономического и военно-политического потенциала, геополитических факторов, идеалов и ценностей, устанавливает рамки поведения субъекта мировой политики на международной арене и определяет выбор инструментов для обеспечения своей безопасности и достижения внешнеполитических целей.

2. Одной из главных причин, обусловивших различия в поведении США и ЕС в ходе конфликтов и кризисов на Арабском Востоке во второй половине XX – начале XXI вв., стали особенности их стратегических культур. Одни различия носят принципиальный и долгосрочный характер, другие являются временными и предопределяются партийно-идеологическими различиями американских

администраций и личной позицией президентов США. К последним можно отнести акцент на мессианской роли Соединенных Штатов, черно-белое мышление, маргинализацию отдельных стран. К первым относятся, с одной стороны, приверженность США использованию «жесткой силы», унилатерализм и пренебрежение международным правом, а с другой стороны, стремление Евросоюза следовать принципу многосторонности, соблюдению приоритета международного права, выбор в пользу невоенных составляющих силы.

3. Комплекс факторов, действующих одновременно на системном, региональном, государственном и индивидуальном уровнях, повлиял на формирование политики Вашингтона и Брюсселя в арабском мире в 2010-е годы. В частности, их внешнеполитический курс определили структура системы международных отношений, ключевой чертой которой явилось ослабление лидерства США, логика развития внутрирегиональных процессов на Арабском Востоке, неблагоприятная экономическая конъюнктура в США и ЕС, особенности их поведения в ходе конфликтов и кризисов, а также взгляды американских и европейских государственных деятелей.

4. Политика Соединенных Штатов и Европейского союза на Арабском Востоке в 2011-2016 годах прошла два этапа: первый – пересмотр своего курса в регионе, наметившийся с начала 2011 г., когда, исходя из видения себя в роли трансформационных сил и оценив «арабское пробуждение» как особый региональный вариант демократизации, США и ЕС направили усилия на поддержание процесса реформирования государств региона; второй – возврат к модели отношений с арабскими странами до «пробуждения», очертания которого стали проявляться с лета 2013 г., когда регион охватила новая волна политической дестабилизации.

5. Динамика и глубина трансформационных процессов в Тунисе объясняет сходство взглядов США и ЕС на «тунисскую модель» как своего рода образец для соседних стран, поэтому усилия субъектов были направлены на содействие демократизации государства. Поверхностный характер перемен в Египте, напротив, стал причиной отказа США и ЕС от попыток демократизации государства и возврата к традиционной политике поддержки авторитарных режимов в обмен на политическую стабильность.

Ключевые различия в политике Соединенных Штатов и Евросоюза в двух североафриканских странах были связаны с восприятием политического ислама и

отношениями с умеренными исламистскими партиями и движениями. Тем не менее можно говорить о значительном сходстве в их внешнеполитическом курсе и о распределении географии действий: ЕС активнее действовал в Тунисе, тогда как США – в Египте. Специфика стратегических культур определила выбор сфер для оказания помощи. Приоритетом для ЕС стала сфера экономики, торговли и государственного строительства. Администрацию США больше волновали вопросы безопасности и противодействие международному терроризму.

В свою очередь, военная интервенция в Ливию стала свидетельством пересмотра США своего внешнеполитического инструментария и неспособности стран-членов ЕС выступить единым блоком по причине его гетерогенности. Уже после внешнего вмешательства, действуя в условиях бюджетных ограничений, Соединенные Штаты, Евросоюз и государства-члены предпочитали в отсутствие единого правительства в Ливии заниматься лишь решением краткосрочных проблем, демонстрируя отсутствие комплексного подхода к содействию формированию новой государственности в этой стране Магриба.

6. Несмотря на возникшие между США и государствами-членами ЕС разногласия в связи с событиями на Арабском Востоке, совершенный администрацией Б. Обамы пересмотр методов для достижения внешнеполитических целей привел к изменению поведения США в регионе, что способствовало относительному сходству политики Соединенных Штатов и Евросоюза и отразилось на их подходах к взаимодействию со странами «арабского пробуждения» в 2011-2016 годах, а в ряде случаев позволило им сотрудничать для достижения общих целей, в том числе через созданные в 2011 г. в США и ЕС институты и механизмы взаимодействия.

Практическая значимость работы заключается в том, что:

1) положения и выводы диссертации могут быть применены в сфере практической политики, поскольку дают аналитический материал для осмысления логики поведения США и ЕС в различных регионах мира, в том числе на Арабском Востоке. Это представляется весьма актуальным в свете общего напряжения в отношениях между Россией и Западом и нарастания противоречий между ними по отдельным проблемам мировой политики, а также в связи с наметившейся в последние годы активизацией РФ на Ближнем Востоке;

2) материалы и выводы диссертационного исследования, могут быть использованы (и уже использовались) в учебном процессе при чтении общих и специальных курсов по мировой политике или регионоведению.

Теоретико-методологическая значимость исследования состоит в том, что:

1) предложено авторское определение стратегической культуры как совокупности идей, формируемых под влиянием исторического опыта, экономического и военно-политического потенциала, геополитических факторов, идеалов и ценностей, которые устанавливают рамки поведения субъекта мировой политики на международной арене и определяют выбор инструментов для обеспечения своей безопасности и достижения внешнеполитических целей;

2) разработаны критерии для сравнительного исследования политики США и ЕС исходя из особенностей их стратегических культур; разработана и апробирована методика использования концепции стратегической культуры для изучения поведения субъектов мировой политики в ходе региональных конфликтов и кризисов, а также используемых ими инструментов и методов реагирования на современные региональные вызовы и угрозы;

3) предложена авторская периодизация трансформации подходов США и ЕС к взаимодействию со странами «арабского пробуждения» в 2011-2016 годах, исходя из внутренних для этих субъектов факторов и динамики политических процессов в странах региона.

Степень достоверности и обоснованности проведенного исследования обусловлена тем, что автор провела значительную работу по изучению разнообразных документальных источников информации, а также трудов российских и зарубежных исследователей по евроатлантическим отношениям, процессам политической трансформации в арабских странах, политике США и ЕС на Арабском Востоке, внутренним и внешним детерминантам, влияющим на ее формирование.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова 17 октября 2018 г.

Основные положения и выводы работы были апробированы на международных, всероссийских и локальных конференциях, проводившихся в МГУ имени М.В.

Ломоносова, Институте Африки РАН, Институте востоковедения РАН, ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова. Отдельные положения исследования получили отражение в 5 статьях общим объемом в 5,5 п.л. в изданиях, входящих в Перечень рецензируемых научных журналов, две из которых опубликованы в журналах, входящих в международную базу цитирования Scopus и Web of Science, и в 10 других публикациях автора общим объемом более 4 п.л.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности. Диссертация соответствует формуле паспорта специальности 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития: исследование сущности, содержания и направленности процессов международных отношений, основных сфер деятельности субъектов и объектов мировой политики глобального и регионального масштаба, отдельных государств и их союзов. Объектами исследований в рамках данной специальности выступают международные отношения, проблемы глобального и регионального развития: изучение истории взаимоотношений стран и народов в области политики, дипломатии, права, экономики, идеологии, культуры, военного дела; общего курса того или иного государства по обеспечению собственных национально-государственных интересов и его дипломатической составляющей, а также проблем конфликтологии.

Результаты диссертационного исследования соответствуют следующим пунктам паспорта специальности 23.00.04:

п.1. Сущность и содержание внешнеполитической деятельности субъектов международных отношений. Внешнеполитические доктрины и внешнеполитическая стратегия субъектов международных отношений.

п.7. Внешняя политика отдельных государств и их блоковых организаций различной направленности.

п.8. Внешнеполитическая деятельность субъектов международных отношений в области национальной, региональной и глобальной безопасности. Проблемы национальной безопасности в международных отношениях. Системы региональной и глобальной безопасности.

п.9. Роль факторов силы и насилия в мировой политике.

п.10. Пути и средства преодоления кризисов в современном мире.

п.11. Внешнеполитическая деятельность государств, международных организаций, общественных и политических движений и других субъектов мировой политики.

п.12. Деятельность лидеров государств и правительств в сфере внешней политики, дипломатических и консульских служб государств. Институты внешнеполитической деятельности государства.

п.13. Внешняя политика и дипломатия России. Россия и Ближний Восток.

ГЛАВА 1. ПОЛИТИКА США И ЕЭС / ЕС НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР (РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ)

§1. Роль США и ЕЭС / ЕС на Арабском Востоке во второй половине XX в.

Арабский Восток традиционно привлекал повышенное внимание со стороны внешних акторов. Главными причинами были географическое положение, позволявшее региональным субъектам поддерживать торговые связи как с Западом, так и с Востоком, богатые углеводородами территории, а также развитая культурная жизнь региона, который является колыбелью христианства, иудаизма и ислама.

Начало периоду активного проникновения европейцев на Арабский Восток положил упадок Османской империи в конце XVIII в. Англичане и французы закрепились в регионе Ближнего Востока и Северной Африки и довольно прочно удерживали свои позиции до середины прошлого столетия. США, не проявлявшие особого интереса к Ближнему Востоку в начале XX века, изменили свое отношение к региону во время и после Второй мировой войны. Вызвано это было не только геостратегическим положением региона и изобилием нефтегазовых ресурсов, большой интерес к которым испытывали американские нефтяные компании. Существовали также объективные причины усиления Соединенных Штатов в мире в целом. В годы Второй мировой войны финансовая мощь США резко возросла. Только в период 1939-1944 гг. американская экономика показала более чем двукратный рост совокупного национального продукта и увеличения индекса промышленного производства[133]. Другими словами, в стране была создана материальная база, которая обеспечивала возможности установления американского доминирования в послевоенном мире благодаря наличию развитых военно-промышленного комплекса, вооруженных сил и созданию ядерной бомбы. Уже в 1946 г. американский президент Г. Трумэн охарактеризовал Ближний Восток как «район громадного экономического и стратегического значения для США»[134].

Еще в 1940-е гг., когда Соединенные Штаты начали осваиваться на Ближнем Востоке, интересы США и западноевропейских государств в регионе столкнулись. Сильнейшим вызовом для Великобритании стало создание – при активной поддержке

---

[133] См. подробнее: Концепция «американской исключительности»: идеология, политика, культура// Проблемы американистики / Отв. ред-ры: Ю. К. Мельвиль, Е. Ф. Языков. – М.: Изд-во Московского университета, 1993. – С. 198.

[134] Цит. по: Государство Израиль в 1980-е гг.: Очерки. – М.: Наука, 1992. – С. 304.

СССР и США – Израиля в 1948 г., поскольку она утратила влияние над территорией Палестины, что значительно подорвало позиции Лондона в регионе и подтвердило неспособность европейских государств контролировать ближневосточные процессы[135].

С рубежа 1940-1950 гг. роль европейских государств, испытывающих серьезные экономические трудности после Второй мировой войны, в региональных процессах стремительно снижалась. После военного переворота и свержения монархии в Египте в 1952 г., новые власти во главе с Г.А. Насером заключили с Лондоном соглашение о выводе британских войск из зоны Суэцкого канала, что значительно сократило влияние бывшей метрополии в стране[136]. Французы в это время воевали с группировками, боровшимися за независимость Алжира. Алжирская война подрывала не только позиции Франции в колониях, но и дестабилизировала ситуацию внутри страны, поскольку, пытаясь всеми силами сохранить там свое влияние, французское правительство направило немало сил и средств на борьбу с антиколониальным движением в Алжире[137].

Соединенные Штаты и Советский Союз стремились вытеснить Великобританию и Францию с Ближнего Востока. Суэцкий кризис 1956 г. стал кульминацией процесса ослабления европейского влияния в регионе. Он показал неспособность когда-то могущественных колониальных держав управлять ближневосточными процессами. Так был положен конец эпохе доминирования Великобритании и Франции в регионе, европейские державы отошли на второй план, а развитие международных отношений на Ближнем Востоке и в Северной Африке стало определяться борьбой за региональное влияние между СССР и США[138]. Как выразился президент Совета по международным отношениям Р. Хаас, «Суэцкий кризис ознаменовал конец колониальной эпохи и положил начало «холодной войне» в регионе»[139].

Превратив Ближний Восток и Северную Африку в «поле битвы», США и СССР яростно защищали своих союзников в регионе, не позволяя друг другу усиливать там

---

[135] См. подробнее: Sorby K.R. Great Powers and the Middle East After World War II (1945-1955) // Asian and African Studies. – 2001. – №1. – P. 66-69.

[136] См. подробнее: McNamara R. Britain, Nasser and the Balance of Power in the Middle East: From the Egyptian Revolution to the Six Day War, 1952–1967. – 302 pp.; Звягельская И.Д. История Государства Израиль. – М.: Аспект Пресс, 2012. – С.60-61.

[137] См. подробнее: Horne A. A Savage War of Peace: Algeria 1954-1962. – N.Y.: The Viking Press, 1978. – 608 p.

[138] См. подробнее: Хаас Р. Новый Ближний Восток // Россия в глобальной политике. 28.12.2006. [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_7755 (дата обращения 10.07.2018); Звягельская И.Д. История Государства Израиль. – М.: Аспект Пресс, 2012. – С. 109-112; McNamara R. Britain, Nasser and the Balance of Power in the Middle East: From the Egyptian Revolution to the Six Day War, 1952–1967. – 302 p.; Almog O. Britain, Israel and the United States, 1955–1958: Beyond Suez. – London: Portland, 2003. – 266 p.

[139] Хаас Р. Ук. соч.

«чуждое» влияние. На возникновение конкретных угроз своим политическим и экономическим интересам в «третьем мире» США реагировали жестко с применением военной силы, как в Ливане или Иордании в 1958 г.[140]. Параллельно Соединенные Штаты стремились втянуть государства в антикоммунистические блоки наподобие Багдадского пакта, создали в Саудовской Аравии, Бахрейне и Ливии военные базы[141]. Наряду с установлением военно-политических связей с развивающимися странами, Вашингтон пытался привязать их к себе с помощью материальных ресурсов. Наиболее значительным внешнеполитическим шагом США в этом направлении стало приятие четвертого пункта «программы Трумэна» 1949 г., в котором главным средством борьбы за развивающиеся страны объявлялась экономическая и техническая помощь им[142]. Обладая гораздо меньшими экономическими возможностями, чем Соединенные Штаты, Советский Союз делал основной акцент на политической поддержке развивающихся стран и оказании им военной помощи.

Нельзя сказать, что в эти годы европейское влияние полностью сошло на нет. С одной стороны, к концу 1950-х гг. положение европейских стран в регионе было существенно ослаблено в связи с созданием Израиля, Суэцким кризисом и подъемом национально-освободительного движения в Алжире, с другой стороны – европейские державы все же продолжали действовать на Ближнем Востоке и в Северной Африке, однако их сотрудничество носило больше экономический характер, нежели политический.

В это время в Европе набирали оборот интеграционные процессы. Заключение в 1957 г. Римского договора о создании Европейского Экономического Сообщества (ЕЭС) явилось важным толчком для дальнейшего развития евро-средиземноморских отношений, поскольку колонии Франции, Бельгии и Нидерландов были ассоциированы с Сообществом на особых условиях. С этого момента ЕЭС превратилось в одного из субъектов на Арабском Востоке. В 1960 – 1970-е гг. отношения ЕЭС со странами Южного Средиземноморья развивались преимущественно в торгово-экономическом

---

[140] См. подробнее: Сидоров А.А. Мировая экономика и международные отношения в эпоху «холодной войны»: проблемы взаимосвязи и взаимозависимости. Учебное пособие. – М., 2005. – С. 105.

[141] См. подробнее: Осипов А.И. США и арабские страны. 70-е начало 80-х годов. – М.: Наука, 1983. – С. 4-5.

[142] См. подробнее: Глазунова Е.Н. Программа "Четвертого пункта Г. Трумэна и начало «холодной войны» на периферии биполярной системы // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2008. – № 2. – С. 39-55.

направлении: были подписаны двусторонние соглашения с Тунисом, Марокко, Алжиром, Израилем, Ливаном, Египтом и т.д.[143]

В начале 1970-х гг. Европейский парламент призвал разработать систематичный и согласованный подход в отношении Средиземноморского региона, позволяющий преодолеть недостатки двусторонних соглашений, что положило начало запуску в 1972 г. «Глобальной средиземноморской политики», нацеленной на укрепление сотрудничества в торговой и социальной сферах. Помимо стран Машрика и Магриба в сферу «Глобальной средиземноморской политики» были включены Турция, Кипр и Мальта. Со странами были заключены двусторонние соглашения о сотрудничестве, предполагающие углубление торгово-экономических и финансовых отношений, усиление кооперации в социальной сфере, включая миграционные вопросы[144].

В 1973 г. состоялось первое расширение ЕЭС, когда к блоку присоединились Великобритания, Дания и Ирландия, что оказало существенное влияние на дальнейшее развитие Сообщества. Сразу после первого расширения 4 апреля 1973 г. Комиссия приняла важный документ, в котором говорилось о будущем векторе развития отношений с развивающимися странами, с которыми государства-члены Сообщества имеют особые связи. Хотя в Меморандуме Комиссии подчеркивалось, что ЕЭС стремится расширять свои внешние связи в целом, отдельно подчеркивалась важность укрепления отношений со странами Африки и Средиземноморья[145].

Принятие документа после первого расширения, который, как полагали официальные лица ЕЭС, о чем, в частности, свидетельствовало выступление 5 апреля 1973 г. вице-президента Комиссии сэра К. Соумса, должно было привести не просто к трансформации самой природы ЕЭС, но и его отношений с внешним миром[146]. По мнению чиновника, «в будущем объединенная Европа будет не просто заниматься

---

[143] См. подробнее: Трофимова О.Е. Эволюция средиземноморской политики Евросоюза: путь от сотрудничества к интеграции. – М.: ИМЭМО РАН, 2011.; Бабынина Л.О., Кузнецов В.А. ЕС и страны Магриба // Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / Под общ. ред. Ал.А. Громыко, М.Г. Носова. – М.: Весь мир, 2015. – С. 508-540.

[144] См. подробнее: Khader B. The European Union and the Arab World: from the Rome Treaty to the «Arab Spring». Mediterranean Academy of Diplomatic Studies (MEDAC). Malta, March 2013. – P. 9-10; Трофимова О.Е. Средиземноморская политика ЕС в свете интеграционных процессов // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 2. – С. 70-80.

[145] European Communities Commission. Memorandum of the Commission to the Council on the future relations between the Community, the present AASM States and the countries in Africa, the Caribbean, the Indian and Pacific Oceans referred to in protocol No 22 to the act of accession. April 4, 1973. [Электронный ресурс]. URL: http://aei.pitt.edu/4279/1/4279.pdf (accessed 5.07.2018)

[146] European Communities Commission. Speech by Vice-president of the Commission of the European Communities Sir Christopher Soames at a dinner to be given by Time Magazine at the Cerele Royal Gaulois. April 5, 1973. [Электронный ресурс]. URL: http://aei.pitt.edu/13931/1/S231.pdf (accessed 5.07.2018)

своими внутренними проблемами, но и играть большую роль в решении мировых проблем». В качестве одних из ключевых развивающихся регионов, с которым Сообщество стремилось укреплять отношения, в своем выступлении К. Соумс назвал Африку и Средиземноморье[147].

Несмотря на амбиции, ЕЭС продолжало действовать в регионе на периферии острого биполярного противостояния между США и СССР. Однако в этот период интересы США и государств-членов ЕЭС также не раз расходились в регионе, особенно вокруг арабо-израильского конфликта. Хотя европейские страны признали Государство Израиль и поддерживали с ближневосточным союзником США тесные экономические связи, в спорных вопросах они нередко принимали сторону арабов. Особенно ярко это проявилось в ходе «войны Судного дня» в октябре 1973 г. между коалицией арабских стран и Израилем. Тогда государства-члены ОАПЕК (Организации арабских стран – экспортеров нефти) приняли решение о сокращении и последующем прекращении поставок нефти в страны, оказывавшие политическую, экономическую или военную поддержку Тель-Авиву. Тем самым арабские страны продемонстрировали, что могут оказывать обратное воздействие на политику Запада. Несмотря на ряд противоречий между европейскими государствами, им удалось договориться, т.к. из-за наступившего экономического кризиса удару подверглись не только экономики отдельных стран, но и евроинтеграция в целом. В Европе осознали, что интеграционные процессы зависят также от экономических процессов в соседних регионах.

Так, осознав свою уязвимость в связи с событиями октября 1973 г. и их последствиями ЕЭС было полно решимости усилить сотрудничество с арабскими государствами, чтобы, в первую очередь, обеспечить свою энергетическую безопасность. В связи с этим, когда в ноябре 1973 г. арабские государства выступили с инициативой Евро-арабского диалога, идея была положительно встречена Сообществом, и в 1974 г. началась ее реализация. Диалог между ЕЭС и Лигой арабских государств (ЛАГ) носил многосторонний характер и охватывал широкий круг экономических, политических, финансовых, культурных и иных вопросов. Хотя инициатива критиковалась США и Израилем, в 1970-е гг. диалог проходил успешно. При этом каждая из сторон пыталась продвигать свою повестку: ЕЭС – экономические, финансовые и энергетические вопросы, ЛАГ – политические. Вместе с тем интересы

[147] Ibid.

сторон в целом были достигнуты: поставки энергоресурсов в Европу были бесперебойными, арабские рынки были открыты для европейского импорта, а финансы шли в Европу; европейская же позиция в отношении арабо-израильского конфликта стала носить в большей степени пропалестинский характер[148]. В частности, летом 1980 г. была принята Венецианская декларация, в которой была выражена общеевропейская позиция по вопросу о Палестине, которая заключалась в том, что необходимо разрешить палестинскую проблему в ходе переговорного процесса с включением в него ООП (Организации освобождения Палестины). Государства-члены ЕЭС указывали на важность предоставления палестинскому народу права на самоопределение и призывали Израиль прекратить оккупацию территорий, продолжающуюся с 1967 г.[149].

Что касается Соединенных Штатов, то после «нефтяных шоков» 1973 г. и 1979 г. (второй шок – в связи с Исламской революцией в Иране) обеспечение свободного доступа к нефтяным ресурсам и пресечение попыток какой-либо «враждебной державы» установить контроль над месторождениями и путями транспортировки нефти стали одной из приоритетных целей американской политики на Ближнем Востоке. Вашингтон был решительно заинтересован в том, чтобы стабильные политические условия на Ближнем Востоке максимально соответствовали американским «нефтяным интересам», для создания таких условий не исключалось применение силовых методов[150].

Переориентация Египта на Соединенные Штаты в 1970-е гг. с приходом к власти А. Садата привела в сентябре 1978 г. (после долгих и сложных переговоров при активном посредничестве президента Дж. Картера) к подписанию Кэмп-Дэвидских соглашений, состоящих из двух документов – «Рамки мира на Ближнем Востоке» и «Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем», которые были определены как «основа для заключения мира не только между Египтом и Израилем, но и между Израилем и каждым из его соседей, который готов вступить в переговоры о мире на этой основе»[151]. А уже в марте 1979 г. был заключен мирный договор между Египтом и Израилем. Подписание мира имело большое значение для США, став определяющим фактором в формировании американской политики на Ближнем Востоке с конца 1970-х гг. По соглашениям Вашингтон брал на себя обязательства оказывать

---

[148] См. подробнее: Khader B. Op. cit. – P. 7-8.

[149] European Council. Venice Declaration. June 13, 1980. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/mepp/docs/venice_declaration_1980_en.pdf (accessed 5.04.2018)

[150] См. подробнее: Примаков Е.М. Анатомия ближневосточного конфликта. – М.: Мысль, 1978. – С. 181-185.

[151] Цит. по: Звягельская И.Д. История Государства Израиль. – М.: Аспект Пресс, 2012. – С. 207-214.

Египту экономическую и военную помощь. С момента заключения Кэмп-Дэвидских соглашений Белый дом стал выделять Каиру военную помощь, размеры которой регулярно увеличивались и с начала 1980-х гг. стали составлять ежегодно 1,3 млрд долл., превратив Египет во вторую по объемам получаемой от США помощи страну и одного из ключевых союзников в регионе.

Значение помощи, выделяемой Египту, особенно возросло после Исламской революции в Иране 1978-1979 г. С начала 1980-х гг. объемы помощи Каиру были резко увеличены в том числе по той причине, что США хотели всеми силами избежать повторения иранского сценария в стране. Опасения Вашингтона были связаны с тем, что после революции в Иране США потеряли своего союзника в лице шаха М.Р. Пехлеви, который в 1953 г. стал правителем страны благодаря усилиям американского ЦРУ, а в 1979 г. был свергнут народом. В своих мемуарах госсекретарь М. Олбрайт отмечала, что иранский лидер хоть и нарушал права человека в стране, но был надежным союзником США, падения которого Белый дом не желал[152]. Итогом революции стало создание Исламской Республики Иран, религиозный лидер которой аятолла Хомейни стал придерживаться антиамериканского курса, нацеленного на снижение влияния США в регионе. Хотя Иран оказался под жесткими экономическими санкциями Запада, но они не смогли внести какие-либо кардинальные изменения в курс Тегерана.

В 1980-е гг. американская политика на Ближнем Востоке была нацелена на устранение советского влияния в регионе, поэтому те авторитарные режимы, которые были некоммунистическими, включая Египет, Иорданию, монархии Персидского залива, поддерживались. ЕЭС и лидеры западноевропейских государств также устанавливали дружеские отношения с авторитарными режимами в странах Ближнего Востока и Северной Африки, обеспечивая тем самым свою энергетическую безопасность, что на тот момент было приоритетной целью их политики в регионе.

Как США, так и странам ЕЭС также было важно удержать прозападные авторитарные режимы у власти, так как их падение могло бы привести к усилению позиций исламистов в стране, как показали события в Иране. Когда в конце 1980-х гг. влияние исламистов в Алжире возросло, Запад охватила серьезная тревога. Дело в том, что под влиянием процессов демократизации рубежа 1980-1990-х гг., охвативших страны Центральной и Восточной Европы, в Алжире правительство приступило к

[152] Олбрайт М. Ук. соч. – С. 32-35.

проведению глубоких преобразований, переведя страну с рельс социалистического развития на демократический путь. Однако демократизация сопровождалась ухудшением социально-экономической ситуации в стране, на фоне чего возросло влияние исламистов, которые, объединившись вокруг созданной в 1989 г. партии Исламский фронт спасения (ИФС), заручились поддержкой населения и попытались в ходе выборов прийти к власти. Вмешательство армии помешало им реализовать свой замысел, однако это противостояние вылилось в десятилетнюю кровопролитную гражданскую войну.

На ранних стадиях конфликта европейские государства, в особенности южные, из-за географической близости, энергетической зависимости от Алжира, который был важным поставщиком углеводородов в Европу, и потенциальных последствий отнеслись к кризису намного серьезнее, чем американцы, которые в этот период больше интересовались процессами, охватившими Восточную Европу, чем Магриб. Под влиянием Парижа в Европе пришли к мнению, что светский авторитарный режим является меньшим злом по сравнению с демократически избранной исламистской партией, которая отличается антизападными взглядами. Поэтому европейские государства стали оказывать финансовую и военную помощь правительству Алжира, несмотря на вопиющие нарушения прав человека и демократических норм в стране[153]. С одной стороны, в Европе считали, что приход исламистов к власти в Алжире может вызвать «эффект домино», и тогда в соседних Марокко и Тунисе падут прозападные режимы и будут установлены исламистские. С другой стороны, помимо угрозы региональной безопасности, европейские государства, в особенности Франция, опасались того, что распространение радикальных идей среди выходцев из Северной Африки, проживающих в Европе, значительно осложнило бы их интегрирование в европейское общество[154].

Соединенные Штаты, которые не имели тесных отношений с Алжиром, после выжидательного периода решили оказать давление на правящий режим, чтобы включить исламистов, хотя бы наиболее умеренных из них, в политический процесс.

---

[153] См. подробнее: Zoubir Y., Darbouche H. The Algerian crisis in European and US foreign policies: A hindsight analysis // The Journal of North African Studies. – March 2009. – Vol 14. – №1. – P. 33-55; Jünemann A. Support for democracy or fear of Islamism? Europe and Algeria // K. Hafez, & M. A. Kenny, The Islamic World and the West: An Introduction to Political Cultures and International Relations. – Frankfurt: BRILL, 2000. – P.103-126.

[154] См. подробнее: Roberts H. Algeria's ruinous impasse and the honorable way out // International Affairs. – 1995. – P. 247-267.

Убежденные в том, что режим мог пасть и исламисты могли прийти к власти, американцы смогли создать впечатление у исламистов, что Белый дом не выступит против них. По мнению ряда исследователей, в Вашингтоне полагали, что политический ислам не представлял существенную угрозу американским интересам и, возможно, был лучшим инструментом, чтобы вынудить режим провести демократические преобразования в стране[155]. Несмотря на то, что на протяжении 1980 – 1990-х гг. Белый дом поддерживал некоторые контакты с разного рода исламистскими движениями в регионе, включая «Братьев-мусульман», опасения перед ростом их влияния стали постепенно усиливаться. В одном из своих интервью во второй половине 1990-х гг. глава Египта Х. Мубарак критиковал правительство США за то, что оно «находится в контакте с этими террористами из движения «Братья-мусульмане»». Президент Египта отмечал, что «все это было сделано очень тайно, без нашего ведома. Вы думаете, что можете исправить ошибки, которые вы совершили в Иране, где у вас не было контакта с аятоллой Хомейни и его фанатичными группами до того, как они захватили власть»[156]. Пожалуй, эти соображения были характерны для действий США в Алжире в 1990-е гг. В итоге, как позже завил Дж. Бейкер, занимавший во время алжирских событий должность государственного секретаря США: «Вообще говоря, когда вы поддерживаете демократию, вы принимаете то, что она вам дает. Если это даст вам радикальный исламский фундаменталист, вы должны с этим смириться. Мы не смирились с этим в Алжире, потому что чувствовали, что взгляды радикальных фундаменталистов настолько не соответствовали тому, во что мы верим, что поддерживаем и что считаем национальными интересами Соединенных Штатов»[157].

Таким образом, столкнувшись с выбором: поддержка авторитарного режима или продвижение демократического процесса с перспективой прихода к власти исламистских сил, оба актора предпочли первое, при этом продолжали подталкивать правящий авторитарный режим к тому, чтобы он предпринял меры по демократизации, которые, по сути, можно было назвать «косметическими изменениями»[158].

Кровавая война в Алжире стала причиной того, что волна демократизации конца 1980-х – начала 1990-х гг. обошла стороной Ближний Восток. Для всех государств

---

[155] См., например: Zoubir Y., Darbouche H. Op. cit. – P. 50; Brooke S. U.S. Policy and the Muslim Brotherhood // The West and the Muslim Brotherhood after the Arab Spring / ed. Vidino L. UAE, 2013. – P. 6-31.
[156] Цит. по: Brooke S. Op. cit. – P. 16.
[157] Цит. по: Ibid. P. 14.
[158] См. подробнее: Zoubir Y., Darbouche H. Op. cit. – P. 50.

региона она послужила уроком, поэтому авторитарные режимы повсеместно укрепляли свою власть и подавляли исламистские движения. Кроме того, одновременно с резкой активизацией исламского движения в начале 1990-х гг. из-за войны в Афганистане усилилась радикальная группировка «Аль-Каида». Она провозгласила своей целью борьбу с «безбожностью» и «распущенностью», призывала к отрицанию западной культуры и ценностей, недопущению их распространения на Ближнем Востоке, что потенциально могло привести к конфликту с США[159]. Осознавая усиливающуюся угрозу международного терроризма, страны Запада, прежде всего США, направляли все больше усилий на борьбу с ним. Разрабатывая стратегию противодействия терроризму, они сотрудничали с прозападными авторитарными правительствами арабских стран. Государства же, поддерживающие и финансирующие террористов, подвергались международному давлению, против них вводились жесткие санкции.

Наиболее ярким свидетельством последней тенденции стали события, развернувшиеся с середины 1980-х гг. вокруг Ливии. После терактов в Риме и Вене 1985 г. началась эскалация напряженности вокруг Ливии, лидера которой – М. Каддафи – Запад обвинял в поддержке и финансировании группы джихадистов, организовавшей эти теракты. Предложенные в ответ идеи Вашингтона о проведении антиливийской военной акции не встретили поддержки со стороны европейцев, которые, не верили в эффективность жесткого давления и санкций. Но очередной теракт в Берлине в 1986 г., в ходе которого были ранены и погибли американские солдаты, привел к тому, что Белый дом начал бомбардировки Триполи. Вопреки ожиданиям американской администрации силовая акция не убедила М. Каддафи в нерациональности конфронтации с Соединенными Штатами, а наоборот, стала причиной более агрессивного поведения Ливии на международной арене. Государства-члены ЕЭС, за исключением поддержавшей США Великобритании, настороженно отнеслись к действиям Вашингтона. Они не одобряли противоречащие нормам международного права карательные операции США и не считали их целесообразными мерами для коррекции «девиантного поведения» Ливии[160].

---

[159] См., например: Мирский Г.И. Бен Ладен, "Аль-Каида" и судьба джихадизма // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 12. – С. 31-44.

[160] См. подробнее: Бартенев В.И. Ливийская проблема в международных отношениях. 1969-2008. – М.: ЛЕНАНД, 2009. – С. 150-180.

С окончанием «холодной войны» и распадом Советского Союза США стали единственной державой, доминирующей в регионе, а объединенная Европа продолжала активно развивать торгово-экономическое сотрудничество с арабскими странами. Конец биполярного противостояния на Ближнем Востоке и начало периода доминирования США в регионе обозначили некоторые изменения в американской политике. Победа капитализма над социализмом укрепила свойственную американской стратегической культуре веру в особую миссию Соединенных Штатов, заключающуюся в необходимости распространения идей либеральной демократии во всем мире.

В начале 1990-х гг. администрация Дж. Буша-ст. предложила концепцию «нового мирового порядка», в основе которой лежало стремление Вашингтона установить новые правила поведения на международной арене, втянуть государства в институцанализированные отношения для установления безопасного международного порядка, управляемого американцами[161]. В то же время, став единственной сверхдержавой, США стали более жестко реагировать на попытки отдельных государств идти против установленного ими «нового мирового порядка», подтверждением чего стала операция «Буря в пустыне», проведенная против Ирака в 1991 г. Режим С. Хусейна, который в 1980-е гг. рассматривался Вашингтоном как «дружественный» и использовался в противостоянии с Ираном, с начала 1990-х гг. оказался неугоден американскому правительству. Опыт «нефтяных шоков», как указывалось в американской Стратегии национальной безопасности 1995 г., научил, что приостановка поставок углеводородов оказывает значительное влияние на экономику США и их европейских союзников, поэтому соответствующая внешнеполитическая реакция на военное вторжение Ирака в Кувейт помогла ограничить масштаб кризиса в нефтяном секторе[162]. Хотя подобные акции и их оправдание в американских доктринальных документах свидетельствовали об укреплении силового фактора во внешней политике США, однако в этот период вмешательство внешних игроков в дела арабских стран носило слабовыраженный и эпизодический характер: хотя коалиция во главе с США нанесла удар по режиму С. Хусейна, но не уничтожила его[163]. Однако

[161] См. подробнее: Tunander O. Bush's Brave New World. A New World Order – A New Military Strategy // Bulletin of Peace Proposals. – 1991. – Vol. 22 №4. – P. 355-368.
[162] A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. Washington D.C.: The White House. February 1995. URL: http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/nss/nss-95.pdf (accessed 5.06.2018)
[163] Лукьянов Ф. Расставание с будущим // Россия в глобальной политике. 16.10.2015. [Электронный ресурс]. URL: http://globalaffairs.ru/redcol/Rasstavanie-s-buduschim-17757

именно после операции «Буря в пустыне» началось резкое увеличение американского военного присутствия в регионе, которое в 1970 – 1980-х гг. было минимальным. В дополнение к существующим военным базам в Бахрейне и Омане в 1990-е гг. новые были открыты в Бахрейне, Катаре, Кувейте и Саудовской Аравии, в которой находилось наибольшее число военнослужащих США.

С начала 1990-х гг. в духе идей Ф. Фукуямы о «конце истории» американцы считали, что наступила эра США и что их лидерство безусловно. Дело в том, что адаптация уже к новой однополярной системе, где Соединенные Штаты были единственной супердержавой усилила такие черты американской стратегической культуры, как исключительность, мессианство, акцент на использовании инструментов «жесткой силы» и проч. Вашингтон переместил свое внимание к укреплению глобальной гегемонии. Образ «блестящего града на холме», государства, созданного на основе демократии, равенства, где появилась первая конституция, все чаще стал использоваться американскими политиками в качестве внешнеполитического инструмента. Как отмечал американский исследователь Дж. Сизер, американцы считают, что они наделены особой исторической задачей, а это чувство миссии создало видение американцев роли США в мире, которое сводится к тому, что политической целью Белого дома является продвижение определенной формы правления — либеральной демократии — во всем мире[164]. Однако, как отмечают российские историки В.О. Печатнов и А.С. Маныкин, «цинизм и эгоистичность силовой политики в их глазах не противоречили мессианству, а скорее дополняли его, поскольку служили высшей цели – сохранению и развитию «избранного американского народа», в руках которого, по словам Дж. Адамса, находилась «свобода человечества и слава человеческой природы»[165]. Еще в XX в. США стали не только страной, олицетворяющей демократию, но и активно ее продвигающей за рубежом. Как отмечал ученый-международник А.Д. Богатуров, американцам присуща «искренняя, временами слепая и пугающая убежденность в том, что предназначение Соединенных Штатов – не только «служить примером миру», но и действенно «помогать» ему прийти в соответствие с

[164] Ceaser J.W. The Origins and Character of American Exceptionalism // American Political Thought. – Spring 2012. – P. 7-8.
[165] Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. – М.: Междунар. отношения, 2012. – С. 19.

американскими представлениями о добре и зле»[166]. Американцы воспринимали эту миссию не только как их моральный долг, но также как основание их лидерства, поскольку верили, что пока они охраняют права человека и демократию, мировое сообщество будет приветствовать их лидирующую роль[167]. Причем, как отмечал американский исследователь У. Кинкейд, особенность подхода США к собственной безопасности заключалась в том, что изолированность не рассматривалась как абсолютная защита от угроз (особенно после создания межконтинентальных ракет)[168], поэтому, согласно теории демократического мира, считалось, что необходимо распространять либеральные и демократические ценности, поскольку демократии не воют друг с другом[169]. Следовательно, чем больше государств будут разделять те же ценности, что и США, тем ниже вероятность конфликтов и войн.

Эти идеи о неизбежности распространения демократии и ведущей роли Соединенных Штатов в мире нашли отражение в принятой в 1993 гг. администрацией У. Клинтона «стратегии расширения свободного мирового сообщества рыночных демократий»[170], явившейся продолжением концепции «нового мирового порядка». Уже в «Стратегии национальной безопасности вовлеченности и расширения» 1995 г. отмечалось, что продвижение демократии и свободной торговли соответствовало не только принципам, но и интересам США, поскольку демократические режимы более склонны сотрудничать друг с другом для борьбы с общими угрозами, они поощряют свободную торговлю и устойчивое экономическое развитие, а также реже развязывают войны и нарушают права своих граждан[171]. Однако, несмотря на это, Соединенные Штаты часто поддерживали дружественные отношения с угодными им авторитарными и недемократичными режимами, например, в Египте и в странах Персидского залива, если они гарантировали региональную стабильность и не препятствовали продвижению

---

[166] Богатуров А.Д. Истоки американского поведения // Российский совет по международным делам. 27.12.2004. [Электронный ресурс]. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_4204 (accessed 5.06.2018)

[167] См., например: Fisher M., Taub A. Sirya Provokes an American Anxiety: Is U.S. Power really so Special? // New York Times. October 8, 2016. URL: https://www.nytimes.com/2016/10/09/world/middleeast/syria-provokes-an-american-anxiety-is-us-power-really-so-special.html (accessed 15.06.2018); Шаклеина Т.А. Эволюция глобальной стратегии США (2001–2011) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2011. – № 3. – С. 39-40.

[168] Kincade W. American National Style and Strategic Culture // Strategic Power: USA/USSR. ed. by Carl G. Jacobsen. – London: Macmillan, 1990.

[169] См., например: Russett B. Grasping the Democratic Peace: Principles for Post-Cold War World. – Princeton NJ: Princeton University Press, 1994. – 192 pp.

[170] Brinkley D. Democratic Enlargement: The Clinton Doctrine // Foreign Policy. – Spring 1997. – P. 111-127.

[171] A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. Washington D.C.: The White House. February 1995. URL: http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/nss/nss-95.pdf (accessed 15.06.2018)

американских интересов в регионе. Как справедливо отмечал известный американский публицист, профессор Массачусетского технологического университета Н. Хомский, Вашингтон стремился создать в странах Ближнего Востока и Северной Африки лояльные США режимы и поддерживал их, даже если они не соответствовали основным принципам демократии и либерализма[172].

В то же время в начале 1990-х гг. администрация У. Клинтона вводила группу «государств-изгоев», которых, как отмечал советник президента по национальной безопасности Э. Лейк в своей статье в «Foreign Affairs», предполагалось «переделать» в конструктивных членов мирового сообщества, способных соблюдать его правила[173]. Подобная политика Вашингтона, активно пытающегося «перевоспитывать» неугодные режимы в Ираке, Иране, Ливии, которые, как считали в США, не принимали западные ценности и угрожали международной безопасности своими попытками заполучить ОМУ, поддержкой терроризма и агрессивной политикой в отношении соседей[174], не находила отклика в Европе. Как и в случае с карательной операцией в Ливии в 1986 г., в 1990-х гг. политика европейских стран в Ираке также противоречила американскому курсу. Многие государства Европы были потрясены, когда в 1997 г. Вашингтон[175] заявил, что санкции, наложенные на Ирак в ходе войны в Персидском заливе, не могут быть отменены, пока С. Хусейн находится у власти. В Европе считали, что Багдаду нужно давать стимулы для развития, поощрять «хорошее поведение», а не угрожать санкциями или силой, как это делали Соединенные Штаты. Растущий раскол между США и государства-членами ЕС по иракскому вопросу пришел в открытую фазу в конце 1997 г., когда администрация У. Клинтона попыталась усилить давление на Багдад, чтобы вынудить его пойти на сотрудничество с инспекторами ООН по вооружениям, а Франция вместе с Россией и Китаем заблокировала американские предложения в СБ ООН. Тогда, в декабре 1998 г., Вашингтон прибег к использованию

---

[172] Chomsky N. After the Cold War: U. S. Foreign Policy in the Middle East // Cultural Critique. – 1991. – №19. – P. 19.

[173] Lake A. Confronting Backlash States // Foreign Affairs. March/April 1994. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/1994-03-01/confronting-backlash-states (accessed 15.06.2018)

[174] Ibid.

[175] Однако следует отметить, что сама администрация У. Клинтона находилась под давлением со стороны неоконсерваторов, объединившихся в «Проект за новый американский век» (ПНАВ – Project for New American Century, PNAC). В 1998 г. они направили письмо президенту относительно вопроса о вводе войск в Ирак и свержения режима С. Хусейна, который, по их мнению, представлял опасность для мирового сообщества. Члены ПНАВ считали, что американские интересы не должны страдать из-за ошибочной ставки на единодушие в Совете Безопасности ООН. Они предлагали проводить собственный курс без оглядки на ООН. И если демократы во главе с Клинтоном могли игнорировать решения ООН в виде исключения, то республиканйы-неоконы, наоборот, в своих документах требовали одностороннего применения силы. См. подробнее: Самуйлов С.М. Неоконсерваторы и внешняя политика Вашингтона // США - Канада: экономика, политика, культура. – 2006. – № 5. – С. 33-34.

военной силы против Ирака без санкции СБ ООН, получив лишь поддержку со стороны Великобритании[176]. Поскольку внутри ЕС не было единства по поводу применения силы против режима С. Хусейна, то накануне военной операции сил США и Великобритании на заседании Европейского совета государства-члены ЕС в окончательном заявлении лишь призвали Ирак соблюдать резолюции Совета Безопасности и обеспечить полное сотрудничество с миссией ООН[177].

Трансформационные процессы на глобальном уровне на рубеже 1980 – 1990-х гг. оказали серьезное влияние не только на место и роль США в постбиполярном мире, но и ЕЭС. Превращение ЕЭС в экономического гиганта на рубеже 1980 – 1990-х гг., а также снижение интереса США к обеспечению безопасности в Европе после окончания «холодной войны» говорили в пользу продвижения сотрудничества в вопросах внешней политики, безопасности и обороны, что позволило бы объединенной Европе превратиться в активного и самостоятельного глобального актора. С вступлением в силу Маастрихтского договора в 1993 г.[178], заложившего начало современного развития Европейского союза, сменившего ЕЭС, началась и реализация Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ), в рамках которой предусматривалось развитие политического сотрудничества европейских государств и согласованное осуществление совместных внешнеполитических действий. Уже с конца 1990-х гг. Брюссель включил в ОВПБ военную составляющую: по решению Европейского совета начала функционировать Европейская политика безопасности и обороны (ЕПБО)[179].

С изменением геополитической ситуации в начале 1990-х гг. также возникла потребность в обновлении политики ЕС в Средиземноморье по трем главным причинам. Во-первых, после исчезновения коммунистической угрозы в связи с распадом СССР и роста влияния США в регионе, ЕС осознавал необходимость укрепления своих позиций в соседнем регионе. Во-вторых, расширение Сообщества в 1980-х гг., когда состоялось вступление южных стран Европы, а именно Греции, Испании и Португалии, привело к

---

[176] См., например: Kagan R. Op. cit. – P. 43-44; Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? – М.: Издательство АСТ, 2016. – С. 262-273.

[177] European Council. Vienna European Council Meeting. Presidency Conclusions. December 12-13, 1998. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/00300-R1.EN8.htm (accessed 17.06.2018)

[178] Council of the European Communities, Commission of the European Communities. Treaty on European Union, 1992. URL: https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf (accessed 17.06.2018)

[179] См. подробнее: Данилов Д.А. Общая внешняя политика, политика безопасности и обороны // Европейский Союз в XXI веке / Под ред. О.Ю. Потемкиной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. – М.: Весь мир, 2012. – С. 254-280.

сокращению доходов от экспорта сельскохозяйственной продукции стран Южного Средиземноморья в Европу в пользу новых государств-членов, которые получили свободный доступ на рынки ЕЭС, что сильно ударило по первым[180]. В то же время, по словам руководителя Центра Средиземноморских и Черноморских исследований Института Европы РАН Н.А. Ковальского, именно появление в Сообществе новой группы стран, имеющих собственные интересы в Средиземноморье, которые необходимо было учитывать, обозначило необходимость пересмотра политики блока в регионе[181]. В-третьих, как отмечал профессор Лувенского католического университета Бельгии Б. Хадер, за 18 лет (с 1972 по 1990 гг.) реализация «Глобальной средиземноморской политики» не привела к достижению поставленных Брюсселем задач, а продолжила определяться торговыми отношениями, т.к. потоки европейских инвестиций в страны Южного Средиземноморья не увеличились, разрыв в социально-экономическом развитии государств по обе стороны Средиземного моря не был преодолен. Кроме того, как отмечал исследователь, подход Сообщества подвергался критике, поскольку Брюссель действовал исходя из своих интересов в области торговли, инвестиций и энергетики и не уделял должного внимания вопросам прав человека и развития демократических институтов в арабских государствах[182].

Таким образом, в начале 1990-х гг. Комиссия была вынуждена искать новые подходы к взаимодействию с соседним регионом. В декабре 1990 г. ЕЭС инициировал «Новую средиземноморскую политику», предусматривающую укрепление двусторонних отношений со странами Южного Средиземноморья и содействие региональному сотрудничеству для достижения социально-экономического развития государств региона. Общий бюджет «Новой средиземноморской политики» составил 4,4 млрд ЭКЮ, 2 млрд ЭКЮ из которых были выделены на финансирование региональных проектов[183]. Однако, как отмечала старший научный сотрудник Сектора исследований Европейского союза ИМЭМО РАН О.Е. Трофимова, инициативы ЕЭС не привели к ожидаемым результатам, поскольку средств, выделенных на столь крупный регион,

[180]См. подробнее: Трофимова О.Е. Ук. соч. – С. 13.
[181] Ковальский Н.А. ЕС и Средиземноморье // Европейский союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития / под ред. Ю.А. Борко и О.В. Буториной. М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 328.
[182] Khader B. Op. cit. – P. 9-10.
[183] European Commission. Press Release, 1992. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-92-30_en.htm (accessed 17.06.2018)

оказалось мало, а наличие политических рисков препятствовало увеличению финансирования[184].

Тем не менее после вступления в силу Маастрихтского договора, активное включение средиземноморского направления в сферу внешнеполитических интересов ЕС продолжилось. Успешный старт новому этапу сотрудничества ЕС со средиземноморскими странами был дан в 1995 г. в ходе конференции в Барселоне, запустившей так называемый Барселонский процесс, который поставил целью создание Евро-Средиземноморского партнерства. Согласно Барселонской декларации, сотрудничество должно было развиваться по трем основным направлениям: во-первых, партнерство в области политики и безопасности, подразумевавшее установление общей зоны мира и стабильности; во-вторых, партнерство в области экономики и финансов, предполагавшее создание «зоны совместного процветания» посредством установления к 2010 г. зоны свободной торговли между ЕС и его партнерами, а также непосредственно между средиземноморскими странами; в-третьих, партнерство в социальной и культурной областях, содействующее установлению диалога между культурами, развитию гражданского общества, сближению народов и т.д.[185].

Так, несмотря на то, что объявленной задачей процесса была демократизация Средиземноморского региона, а в соглашениях об ассоциации, подписанных со странами-партнерами в рамках Барселонского процесса в 1990 – в начале 2000-х гг., указывалась необходимость проведения демократических реформ и продвижения прав человека, на практике акцент делался на двух других направлениях, а именно – на экономическом сотрудничестве и на обеспечении безопасности, т.к. необходимо было обеспечить бесперебойность поставок энергоресурсов, сохранить доступ к рынкам сбыта европейских товаров[186]. В Европе также считали, что авторитарные режимы являются гарантами стабильности, они сдерживали потоки мигрантов и усиление экстремистских и террористических настроений. Фактически, для европейских государств безопасность в соседнем регионе была важнее проведения свободных выборов, защиты прав человека и продвижения демократических реформ.

---

[184] Трофимова О.Е. Ук. соч., 2011. – С. 14.

[185] См. подробнее: European Union. Barcelona Declaration, 1995. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/euromed/docs/bd_en.pdf (accessed 20.06.2018)

[186] См. подробнее: Трофимова О.Е. Ук. соч.; Латкина В.А. Политика Европейского Союза в Средиземноморье в контексте «арабской весны» // Вестник МГИМО. – 2014. – № 2. – С. 139-149; Ткаченко А.А. ЕС и Северная Африка: контуры интеграционной модели. Барселонский процесс // Ближний Восток и Северная Африка. Процессы модернизации и международная безопасность. – М.: Институт Африки, 2016. – С. 330-359.

Иными словами, уже в 1990-е гг. Евросоюз сделал крен в сторону сохранения стабильности, ослабив демократическую риторику. Хотя в последующие годы европейские страны предпринимали усилия по проведению демократических преобразований в странах Южного Средиземноморья, но при этом продолжали сотрудничать с авторитарными режимами, правящими в государствах региона. В связи с этим призывы европейцев к демократическим переменам лидеры арабских стран вполне справедливо расценивали как рекомендации[187]. Главным было поддержание стабильности в регионе, с которым у ЕС имелись значительные торгово-экономические связи. В частности, к началу 2000-х гг. ЕС был ключевым торговым партнером стран Южного Средиземноморья, на которого приходилось порядка 50% экспорта стран региона[188].

Таким образом, на протяжении второй половины XX в. США и Евросоюз укрепляли отношения со странами Арабского Востока, в котором имели значительные экономические, политические и стратегические интересы. Будучи заинтересованными в сотрудничестве с государствами региона Вашингтон и Брюссель оказывали им существенную финансовую помощь. В общей сложности, помощь США странам Ближнего Востока и Северной Африки в 1950 – 1970 гг. достигла порядка 7,8 млрд долл., из которых экономическая помощь составила более 5,6 млрд долл., а военная – чуть больше 2,2 млрд долл. Большая часть этой помощи приходилась на Иран, Израиль, Египет и Иорданию[189]. В 1971 – 2000 гг. Вашингтон выделил государствам Ближнего Востока и Северной Африки почти 145 млрд долл., из которых военная помощь превышала экономическую в полтора раза, составив 82,5 млрд долл., тогда как экономическая – 62,5 млрд долл. Львиная доля выделенных средств пришлась на Израиль и Египет, а также Иорданию[190]. Что же касается ЕС, то в 1960 – 2000 гг. Брюссель выделил более 13 млрд долл. на помощь развитию странам Ближнего Востока и Северной Африки, более 60 % из которых пришлись на 1991 – 2000 гг. Кроме того, в

[187] См., например: Behr T. The European Union's Mediterranean Policies after the Arab Spring: Can the Leopard Change its Spots? // VU University Amsterdam | Amsterdam Law Forum. – 2012. – vol 4:2. – P. 76-83.
[188] European Commission. The EU, the Mediterranean and the Middle East – A longstanding partnership. December 2004. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-04-294_en.htm (accessed 20.06.2018)
[189] Sharp J.M.U.S. Foreign Assistance to the Middle East: Historical Background, Recent Trends, and the FY2011 Request // Congressional Research Service. June 15, 2010. – P. 23.
[190] Ibid. P. 25.

среднем странам Северной Африки ЕС выделял в 2 – 2,5 раза больше средств по сравнению с государствами Ближнего Востока[191].

С рубежа 1990-х – 2000-х гг. Соединенные Штаты и Евросоюз разделяли одни и те же цели на Ближнем Востоке и в Северной Африке: урегулирование палестино-израильского конфликта, обеспечение стабильных поставок энергоресурсов, нераспространение ОМУ и борьба с терроризмом и исламизмом, а также демократизация региона, причем поддержание стабильности и обеспечение собственной энергетической безопасности часто осуществлялось в ущерб демократизации. Несмотря на схожесть целей, средства, которые выбирали США и ЕС для их достижения, продолжали отличаться. Наиболее остро эти противоречия проявились в ходе следующих нескольких лет, когда в Белый дом пришла администрация президента от республиканской партии Дж. Буша-мл.

§2. Стратегия Соединенных Штатов и Евросоюза в регионе в 2000-е гг.

На протяжении 2000-х гг. разногласия между США и ЕС достигли своего пика, что проявилось в ходе событий на Ближнем Востоке, в первую очередь, в связи с войной против терроризма и иракской проблемой. Одной из главных причин являлось то, что в указанный период такие черты американской стратегической культуры, как унилатерализм, приоритет «жесткой силы» над «мягкой» и мессианство, оказались гипертрофированы и неоднократно становились поводом для разногласий между Вашингтоном и Брюсселем.

Как отмечал, профессор истории в Университете Вирджинии М. Леффлер, «до 11 сентября внешняя политика администрации Дж. Буша-мл. была сосредоточена на Китае и России; на поиске возможностей ближневосточного мирного урегулирования; на создании системы противоракетной обороны и на обдумывании того, как вести себя с «государствами-изгоями» – Ираном, Ираком, Ливией и КНДР… Терроризм или радикальный исламизм высокопоставленные официальные лица не рассматривали в качестве серьезного приоритета»[192], но удар пришелся именно оттуда.

---

[191] OECD. Stat. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=Table2A# (accessed 11.07.2018)

[192] Леффлер М. Теракты 11 сентября в ретроспективе. Большая стратегия Джорджа Буша. Переосмысление // Россия в глобальной политике. 22.10.2011. URL: http://globalaffairs.ru/number/Terakty-11-sentyabrya-v-retrospektive-15358 (accessed 20.06.2018)

Теракты 11 сентября 2001 г., осуществленные террористической организацией «Аль-Каида», потрясли весь мир и оказались ударом для Соединенных Штатов, сравнимым по масштабам с «Перл Харбор». Вечером 11 сентября Дж. Буша-мл., вступивший на пост президента США в январе того же года, обратился к нации с выступлением, в котором подчеркнул, что, несмотря на всю горечь потерь и шок об произошедшего «основы Америки непоколебимы». Президент четко обозначил, что Вашингтон «не будет проводить различия между террористами, совершившими эти действия, и теми, кто их укрывает»[193]. 20 сентября глава Белого дома выступил с обращением к Конгрессу и народу, в котором объявил войну против терроризма. «Наша война с терроризмом начнется с «Аль-Каиды», но этим не закончится. Она не завершится, пока каждая международная террористическая группировка не будет найдена, остановлена и побеждена», – заявил президент США в своем выступлении[194].

Трагические события 11 сентября 2001 г. никого не оставили равнодушными. К провозглашенной Дж. Бушем-мл. войне против международного терроризма присоединились и европейские государства, поддержавшие США как по линии НАТО, так и по линии ЕС. В заявлении Совета ЕС от 12 сентября государства-члены резко осудили теракты, назвав их «актом против человечества и общечеловеческих ценностей и свобод», а также подчеркнули полную солидарность Брюсселя с Вашингтоном и выразили готовность Евросоюза и европейских стран тесно сотрудничать с США в борьбе с международным терроризмом[195]. В заявлении Европейского совета по итогам внеочередной сессии, прошедшей 21 сентября, государства-члены подтвердили свою солидарность с США и призвали к созданию максимально широкой глобальной коалиции для борьбы против терроризма под эгидой ООН[196], что являлось свидетельством того, что европейцы выступали за многосторонность и опору на международные организации в решении этой глобальной проблемы.

Несмотря на широкую международную поддержку, администрация Дж. Буша-мл. была полна решимости действовать в одностороннем порядке. События 11 сентября

---

[193] The White House. President George W. Bush Address to the Nation on the Terrorist Attacks. September 11, 2001. [Электронный ресурс]. URL: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=58057 (accessed 20.06.2018)

[194] The White House. President George W. Bush Address to a Joint Session of Congress on the 9/11 Attacks. September 20, 2001. [Электронный ресурс]. URL: https://americanrhetoric.com/speeches/PDFFiles/George%20W.%20Bush%20-%20Joint%20Session%20Address%20on%20Terrorist%20Attacks.pdf (accessed 20.06.2018)

[195] Council of the European Union. Special Council meeting. September 12, 2001. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_PRES-01-318_en.htm (accessed 21.04.2018)

[196] European Council. Conclusion and plan of action of the extraordinary meeting. September 21, 2001. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/20972/140en.pdf (accessed 22.06.2018)

развязали руки президенту-республиканцу и его администрации, состоявшей преимущественно из неоконсерваторов. Глава США и его ближайший соратник – вице-президент Р. Чейни – считали, что ООН не способна справиться с новыми угрозами, исходящими от «государств-изгоев», поэтому Вашингтон имеет право на проведение односторонних операций для обеспечения международной безопасности[197], тем самым обозначив тенденцию на усиление унилатерализма во внешней политике США. Как отмечал руководитель Центра исследований внешнеполитического механизма США ИСК РАН С.М. Самуйлов, если, например, демократы во главе с У. Клинтоном могли игнорировать решения ООН в виде исключения, то неоконы, наоборот, требовали одностороннего применения силы, считая, что американские интересы не должны страдать из-за ошибочной ставки на единодушие в Совете Безопасности ООН[198]. По справедливому утверждению британского профессора Т. Фаррелла, нельзя приписывать внедрение принципа унилатерализма в методы проведения внешней политики США Дж. Бушу-мл. и неоконам, т.к. такая тенденция давно существовала в американской стратегической культуре, просто теракты 11 сентября 2001 г. содействовали укреплению позиций неоконсерваторов, поддерживавших односторонние меры. Как полагает исследователь, их идеи так легко и непринужденно укрепились во внешней политике США, поскольку они имели истоки в американской стратегической культуре[199].

После подписания 18 сентября 2001 г. Дж. Бушем-мл. резолюции Конгресса, санкционирующей применение силы против лиц, ответственных за нападение на США 11 сентября[200], Вашингтон стал готовиться к войне с Афганистаном. Уже 7 октября американо-британские войска начали воздушные удары по военным объектам талибов, обвиняемых Соединенными Штатами в укрывательстве террористов, и тренировочным лагерям «Аль-Каиды» на территории Афганистана. Хотя масштабы военных действий Вашингтона в Афганистане вызывали озабоченность ряда европейских стран, включая Германию и Италию[201], внешне Евросоюз сохранил единство и поддержал операцию

---

[197] См. подробнее: Топычканов П.В., Устинова Ю.В. Соединенные Штаты Америки // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей. – С. 405.

[198] См. подробнее: Самуйлов С.М. Неоконсерваторы и внешняя политика Вашингтона // США - Канада: экономика, политика, культура. – 2006. – № 5. – С. 34.

[199] Farrell T. Strategic Culture and American Empire // The SAIS Review of International Affairs. – 2005. – №2. – P. 9.

[200] U.S. Congress. Joint Resolution to authorize the use of United States Armed Forces against those responsible for the recent attacks launched against the United States. September 18, 2001. URL: https://www.congress.gov/107/plaws/publ40/PLAW-107publ40.pdf

[201] См. подробнее: Hill C. Renationalizing or Regrouping? EU Foreign Policy Since 11 September 2001 // Journal of Common Market Studies. – 2004. – Vol. 42, № 1. – P. 147.

США, о чем указывалось в заявлениях Европейского совета по итогам заседаний в Брюсселе, Генте и в Лакенском дворце осенью 2001 г.[202].п 7 октября президент Еврокомиссии Р. Проди заявил, что «в этот трудный, торжественный и драматичный момент вся Европа поддерживает США и их союзников по коалиции в борьбе с терроризмом», а также подчеркнул, что ЕС уже мобилизует помощь для невинных жертв и беженцев[203].

Администрация США не была намерена останавливаться на этом. Унилатералистский силовой подход лег в основу «доктрины Буша» и Стратегии национальной безопасности 2002 г.[204], в которой говорилось о праве США нанести упреждающий удар по государствам «оси зла», поддерживающим терроризм и стремящимся обрести ОМУ. К числу таких стран администрация Дж. Буша-мл. относила Ирак, Иран и Северную Корею. В Стратегии отмечалось, что Ближний Восток – это приоритетный регион, который подлежал демократизации[205]. В подтверждение своих намерений распространить демократию на Ближнем Востоке, американский президент не раз отмечал, что Соединенные Штаты настроены помочь ближневосточным народам получить свободу, иначе рано или поздно регион станет источником больших угроз для США и их друзей[206].

В своих мемуарах, Дж. Буш-мл. писал: «После 11 сентября я разработал стратегию защиты страны, которая стала известной как «доктрина Буша»: во-первых, не делайте различий между террористами и странами, которые их укрывают или спонсируют. Во-вторых, сражайтесь с врагом за границей, пока он не смог напасть на нас дома. В-третьих, боритесь с угрозами, прежде чем они полностью материализуются. И, в-четвертых, продвигайте свободу и надежду в качестве альтернативы идеологии врага, основанной на репрессии и страхе. «Повестка дня о свободе» (Freedom agenda) была идеалистической и реалистической. Идеализм заключался в том, что свобода – это

---

[202] См. подробнее: European Commission. Press Release. EU response to the 11 September: European Commission action. June 3, 2002. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-02-122_en.htm (accessed 23.06.2018)

[203] European Commission. Statement by European Commission President Romano Prodi on the military action against terrorism. October 7, 2001. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-01-1375_en.htm (accessed 25.06.2018)

[204] The National Security Strategy of the United States of America. Washington D.C.: The White House. September 2002. URL: http://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf

[205] Ibid.

[206] См., например: The White House. Remarks by President George W. Bush on the 20th Anniversary of the National Endowment for Democracy. November 6, 2003. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PPP-2003-book2/pdf/PPP-2003-book2-doc-pg1468-2.pdf (accessed 25.06.2018); The White House. President George W. Bush second inaugural address. January 20, 2005. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PPP-2005-book1/pdf/PPP-2005-book1-doc-pg66.pdf (accessed 26.06.2018)

универсальный дар от Всемогущего Бога. Реализм основывался на том, что свобода – это самый практичный способ защитить нашу страну в долгосрочной перспективе»[207].

Непосредственным ответом Белого дома на атаки 11 сентября 2001 г. стал план демократизации «Большого Ближнего Востока». Под этим термином президент и его ближайшее окружение объединили государства, где у власти, по мнению неоконов, находились деспотические и автократические режимы, чье поведение подрывало стабильность и угрожало региональной и международной безопасности. На Соединенные Штаты возлагалась ответственность за их «перевоспитание» в демократических традициях[208]. Реализацией плана демократизации «Большого Ближнего Востока» стала последовавшая за вводом в 2001 г. войск в Афганистан военная операция в Ираке в 2003 г. Именно Ирак должен был стать «витриной демократии» в арабском мире, примером для остальных арабских стран. Это бы, в свою очередь, позволило, как считали в Вашингтоне, избежать распространения антиамериканизма, а также остановить угрозу терроризма[209]. Белый дом обвинил режим С. Хусейна в производстве ОМУ и спонсировании международного терроризма. Дж. Буш-мл. подчеркивал, что Ирак представляет серьезную и растущую опасность для США и их союзников[210]. Следовательно, необходима была интервенция для «перевоспитания» режима С. Хусейна. Кроме того, свою роль сыграл «нефтяной фактор» и не только прямо, но и косвенно. Как отмечал главный научный сотрудник ИМЭМО РАН Г.И. Мирский, Ирак, являющийся одной из ключевых нефтедобывающих стран, был ненадежен, что шло вразрез с интересами США и Европы, которые зависели от поставок ближневосточной нефти[211].

Политику Дж. Буша-мл., направленную на устранение режимов, причисляемых его администрацией к «изгоям», многие в США критиковали[212], считая опасным прецедентом в международных отношениях. Тем не менее в октябре 2002 г. подавляющее большинство членов обеих палат Конгресса – как республиканцев, так и

---

[207] Bush G. W. Decision Points. – NY.: Crown Publishers, 2010. – P. 395-438.
[208] См. подробнее: Мирский Г.И. Большой Ближний и Средний Восток. Круглый стол в Институте Африки РАН // Азия и Африка сегодня. – 2007. – №12. – С. 14.
[209] См. подробнее: Олбрайт М. Ук. соч. – С. 144.
[210] The White House. President George W. Bush State of the Union Address to Congress about the axis of evil. 29 January 2002. [Электронный ресурс]. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html (accessed 26.06.2018)
[211] См. подробнее: Мирский Г.И. Большой Ближний и Средний Восток. Круглый стол в Институте Африки РАН // Азия и Африка сегодня. – 2007. – №12.
[212] См. подробнее об этом: Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. – С. 611-612.

демократов – одобрило применение силы против Ирака[213]. Это стало очередным доказательством того, что унилатерализм, склонность к проведению превентивных мер, использование силовых методов, стремление трансформировать «неугодные режимы» является характерной чертой американской стратегической культуры. Кроме того, Ирак, возглавляемый С. Хусейном, «демонизация» образа которого началась еще в 1990 г. в ходе войны в Персидском заливе[214], представлялся администрацией Дж. Буша-мл. воплощением «зла», что вполне соответствовало стратегической культуре Соединенных Штатов, которой свойственно конструирование образа врага, гиперболизация его негативных качеств.

Особенности американской и европейской стратегических культур отражались и на методах их борьбы с терроризмом. США, начав войну против терроризма, считали своим долгом бороться не только с террористическими группировками и организациями, но и с государствами, которые, по мнению Вашингтона, их прямо или косвенно поддерживали. В качестве основных методов борьбы администрацией Дж. Буша-мл. были выбраны силовые. В Вашингтоне намного серьезнее относились к террористической угрозе, чем в Брюсселе, поскольку события 11 сентября оставили больший след на стратегической культуре США, чем теракты в Мадриде и Лондоне в 2004 и 2005 гг. на европейской. С одной стороны, это было связано с военной слабостью Европы, которая не позволяла ей сыграть главенствующую роль в сдерживании терроризма, следовательно, как считал главный научный сотрудник ИСК РАН Ю.П. Давыдов, в психологическом плане европейским странам было комфортнее сознательно преуменьшить ее опасность[215]. Во-вторых, их стратегическая культура сказывалась и на разработке стратегии борьбы с терроризмом. В отличие от Соединенных Штатов, которые склонны решать эту проблему «жесткими» методами, их европейские партнеры настаивали на обратом. Как указывалось в Стратегии ЕС по противодействию терроризму, принятой Советом ЕС в 2005 г.[216], в Брюсселе полагали, что, в первую очередь, необходимо бороться с социально-экономическими и политико-

---

[213] Congressional Record – Senate. Authorization of the Use of United States Armed Forces against Iraq. October 10, 2002. S10234.

[214] См. подробнее: Anderson J., Van Atta D. The Democratization of Saddam Hussein // The Washington Post. October 25, 1990. URL: https://www.washingtonpost.com/archive/local/1990/10/25/the-demonization-of-saddam-hussein/6fd0292f-e235-4c37-82b1-0d63241fa17b/?utm_term=.27856fa28014 (accessed 26.06.2018)

[215] Давыдов Ю.П. Стратегические культуры США и Европы // США - Канада: экономика, политика, культура. 2006. – №3. – С. 57-58.

[216] The European Union Counter-Terrorism Strategy. Brussels: Council of the European Union. November 30, 2005. URL: https://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2014469%202005%20REV%204 (accessed 26.06.2018)

идеологическими причинами терроризма, чтобы уничтожить его корни, используя дипломатические методы, способствуя развитию демократии и улучшению экономических и социальных условий жизни в этих странах. Силовые же методы, с точки зрения европейских политиков, могли привести лишь к увеличению террористической угрозы и милитаризации международных отношений в целом.

Все же, если в борьбе с террористами и войне против талибов и «Аль-Каиды» в Афганистане европейские государства поддержали США, то решение о вводе войск в Ирак стало камнем преткновения в евроатлантических отношениях. По справедливому замечанию директора Немецкого института международных отношений и безопасности П. Фолькера, в Брюсселе поддерживали идею демократизации региона, но методы, к которым прибегали американцы, многие европейские политики не разделяли[217]. ЕС поддержал[218] принятие резолюции СБ ООН № 1441, в которой Ираку «давалась последняя возможность выполнить свои обязательства в области разоружения»[219], однако Брюссель и ряд государств-членов ЕС, а именно Франция и Германия, отказывались удовлетворить требование Вашингтона о принятии резолюции, санкционирующей начало военных действий против режима С. Хусейна. Они указывали, что миссия ООН в стране еще не была завершена, непосредственных доказательств в попытках Багдада создать ОМУ не было найдено.

Несмотря на упорное сопротивление ведущих европейских государств, ОВПБ дала трещину. С момента принятия резолюции № 1441 8 ноября 2002 г. и вплоть до начала военной операции 20 марта 2003 г. Высокий представитель ЕС по общей внешней политике и политике безопасности Х. Солана приложил неимоверные усилия, чтобы согласовать позиции государств-членов и избежать войны[220]. Невзирая на отсутствие решения ЕС, 30 января 2003 г. руководители восьми европейских государств[221] опубликовали совместную декларацию о поддержке усилий США по

---

[217] Völker P. America's “Greater Middle East” and Europe: Key Issues for Dialogue // Middle East Policy Council Journal. – Fall 2004. – Vol. 10 №3. – P. 85 – 97.

[218] EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy (CFSP). Statement by Javier Solana on the UN Security Council Resolution on Iraq. November 8, 2002. URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/declarations/73163.pdf

[219] UN Security Council Resolution 1441. November 8, 2002. URL: http://www.un.org/Depts/unmovic/documents/1441.pdf (accessed 26.06.2018)

[220] См. подробнее: Petterson E. The EU Foreign Policy. A Study of the High Representative of the Common Foreign and Security Policy. Halmstad University, 2007. – 51 p.

[221] Великобритания, Венгрия, Дания, Испания, Италия, Португалия, Польша, Чехия.

разоружению Ирака[222]. Таким образом, старания Х. Соланы оказались напрасны. Европейские страны не смогли выработать общую позицию и глава внешней политики Евросоюза на одной из пресс-конференций признал, что Ирак стал серьезным ударом для ОВПБ и ЕС. Тем не менее он выразил уверенность в том, что разногласия будут преодолены, ОВПБ будет развиваться, и призвал государства-члены ЕС сотрудничать ради обеспечения мира и смотреть вместе в будущее[223]. 20 марта Х. Солане не оставались ничего иного, кроме как выразить свое сожаление по поводу того, что мирное решение иракского кризиса оказалось невозможным, и призвать международное сообщество «приложить все усилия, чтобы сделать этот этап войны максимально коротким, дабы свести к минимуму страдания людей, которые к ней не имеют никакого отношения»[224].

По словам исполнительного директора трансатлантического представительства американского Фонда Германа Маршалла в Брюсселе Р. Асмуса, исторически разногласия между американцами и европейцами не раз проявлялись, но «нынешний раскол [в связи с войной в Ираке – прим. Л.О.] стал беспрецедентным по масштабам, интенсивности, а порой и мелочности»[225]. В ответ на отказ большинства союзников войти в международную коалицию накануне военной операции в Ираке президент США заявил: «Быть может, мы будем действовать в одиночку. Лично меня это устраивает. Ведь мы – не кто-нибудь, мы – Америка»[226]. В состав международных коалиционных сил вошли военнослужащие пятнадцати европейских стран, из которых до 2004 г. членами ЕС были только шесть (Великобритания, Дания, Испания, Италия, Нидерланды и Португалия)[227]. Таким образом, выступив против введения войск в Ирак, наиболее влиятельные страны-члены ЕС, Франция и Германия, оказались в оппозиции. Они высказывались против силового решения иракского вопроса, а также выражали

---

[222] Leaders' statement on Iraq: Full text. January 30, 2003. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/2708877.stm (accessed 26.04.2018)

[223] EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy (CFSP). Edited transcript of the statement made by Javier Solana to the press prior to the General Affairs and External Relations Council. March 18, 2003. URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/declarations/74999.pdf

[224] EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy. Remarks by Javier Solana prior to the European Council. March 20, 2003. URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/declarations/75127.pdf (accessed 26.04.2018)

[225] Asmus R.D. Rebuilding the Atlantic Alliance // Foreign Affairs. September/October 2003. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2003-09-01/rebuilding-atlantic-alliance (accessed 1.05.2018)

[226] Цит. по: Woodward B. Bush at War. – N.Y.: Simon and Schuster, 2002. – P. 81.

[227] Носов М.Г. ЕС и регион Большого Среднего Востока // Современная Европа. – 2010. – №4. – С. 23.

обеспокоенность тем, что подобные методы увеличат угрозу террористических атак и нестабильность в соседнем регионе[228].

В своей книги «Союзники на войне: Америка, Европа и кризис вокруг Ирака» авторитетные американские исследователи Ф. Гордон и Дж. Шапиро совершенно точно отмечали, что европейские страны, в первую очередь, Франция и Германия, не отрицали, что Ирак был проблемой, но они не соглашались с решением, которое предлагал Вашингтон[229]. Кроме того, было очевидно, что серьезной причиной глубокого недовольства европейских государств действиями Соединенных Штатов в Ираке стало то, что американцы решили действовать в одностороннем порядке без одобрения европейских союзников и санкции СБ ООН, игнорируя нормы международного права.

Разногласия в евроатлантических отношениях, вызванные противоречиями в связи с попытками США инициировать начало иракской войны, послужили толчком для укрепления общеевропейской безопасности и стратегической культуры. На фоне развития событий вокруг Ирака экс-канцлер Германии Х. Шмидт опубликовал статью в немецкой газете «Die Zeit», в которой отмечал, что все эти тенденции американской политики не являются чем-то новым. Х. Шмидт призывал европейцев осознать, что «нынешняя решимость США действовать в одностороннем порядке будет занимать превалирующее место во внешнеполитической стратегии Вашингтона на долгие годы». По мнению бывшего немецкого канцлера, «европейцы не должны позволить Соединенным Штатам превратить себя в орудие для осуществления американских полицейских миссий». Поэтому они должны стремиться к усилению собственной роли в мировой политике, а также укреплять независимую европейскую безопасность[230].

Как свидетельствует дальнейшее развитие событий в Европе, этот призыв нашел отклик в сердцах многих европейских лидеров. Началось формирование общеевропейской стратегической культуры[231]. Хотя, как указывал директор Программы безопасности и мирового управления в Королевском институте международных отношений Бельгии С. Бископ, одних государств-членов ЕС побуждало стремление дистанцироваться от политики Вашингтона, а других – гармонизировать европейские

---

[228] См. подробнее: Covarrubias J., Lansford T. Strategic Interests in the Middle East. USA: Ashgate, 2007. – P. 39.
[229] Gordon P., Shapiro J. Allies at War: America, Europe and the Crisis over Iraq. – N.Y.: McGraw-Hill, 2004. – P. 8.
[230] Schmidt H. Europa braucht keinen Vormund // Die Zeit. August 1, 2002. URL: http://www.zeit.de/2002/32/Europa_braucht_keinen_Vormund (accessed 1.07.2018)
[231] Подробнее о стратегической культуре ЕС см. в статье автора: Оганисян Л.Д. Стратегические культуры США и ЕС в средиземноморской политике // Современная Европа. – 2017. – №2. – С.47-54.

приоритеты с американскими для сохранения единства евроатлантического сообщества, но независимо от мотивации, иракский кризис «сделал возможным осуществление решающего шага – начала стратегических переговоров внутри ЕС с целью перевести политическую практику в стратегию»[232]. Результатом этих переговоров стало принятие в декабре 2003 г. Европейской стратегии безопасности (ЕСБ)[233], которая явилась первым серьезным документом, где излагались цели и методы ЕС в области безопасности. В ЕСБ указывалось, что, обладая серьезным экономическим и политическим потенциалом, Евросоюз неизбежно становится глобальным актором. Брюссель должен развивать военно-политический потенциал, чтобы не только обеспечивать безопасность в Европе и соседних регионах, но при необходимости быть готовым разделить ответственность за международную безопасность. Хотя ЕС не исключал использование военных методов, они, согласно ЕСБ, должны быть использованы в крайнем случае и при реальной необходимости[234].

В 2003 г. заведующая Отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН Н.К. Арбатова отмечала, что «каждый новый кризис в международных отношениях за последние 10-13 лет (конфликт в бывшей Югославии в 1991-1995 гг., косовский кризис 1999 г., «черный сентябрь» 2001 г., война в Ираке) являлся лишь подтверждением существующего разрыва между экономическим весом ЕС и его ограниченными возможностями противостоять новым угрозам, порождая евроскептицизм. Вместе с тем каждый новый кризис способствовал продвижению и развитию ОВПБ и попыткам придать ЕС военное измерение»[235], уменьшить зависимость от Вашингтона, во взглядах с которым он не всегда сходился.

В конечном итоге, и военная операция в Ираке, и план демократизации «Большого Ближнего Востока» потерпели крах. Оправдывая действия США в Ираке и выбор методов борьбы с международным терроризмом Дж. Буш-мл. писал в своих мемуарах: «Историки могут спорить о принятых мною решениях, проводимой мною политике и выбранных мною инструментах. Но не может быть споров на счет одного факта: после кошмара 11 сентября Америка прожила семь с половиной лет без единой

---

[232] Бископ С. Основы обновленной Европейской стратегии безопасности // Вестнике международных организаций. – 2009. – № 2. – С. 107.

[233] A Secure Europe in a Better World: European Security Strategy. Brussels: European Council, 2003. URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/reports/78367.pdf (accessed 1.07.2018)

[234] Ibid.

[235] Арбатова Н.К. Новая стратегия безопасности ЕС: (Российский взгляд на «документ Соланы») // Современная Европа. – 2003. – № 4. – С. 65.

успешной террористической атаки на нашей территории. Если бы мне пришлось подвести итог моему самому значимому достижению в качестве президента в одном предложении, то я бы назвал именно это»[236]. Однако вряд ли подобный факт можно считать реальным успехом, поскольку провальным оказался не только эксперимент с экспортом демократии, но и попытка остановить распространение антиамериканизма и исламского радикализма. По справедливому замечанию академика РАН В.В. Наумкина и заведующего сектором ИМЭМО РАН Д.Б. Малышевой, на деле получилось, что именно ввод американских войск в Ирак привел как раз к подъему джихадизма[237], а не уничтожению этого «зла».

Противоречия внутри коллективного Запада после иракского кризиса удалось вскоре преодолеть, поскольку они носили скорее характер временного охлаждения между союзниками, а не фундаментального раскола. Тем не менее уже в начале 2000-х гг. стало очевидно, что существуют значительные различия в поведении акторов на международной арене и в способах их реагирования на кризисные явления. США руководствовались глобальными амбициями в своей внешней политике, в то время как для ЕС приоритетом было решение региональных задач. И если в 1990-е гг. НАТО использовалась для поддержания общеевропейской безопасности, то после 11 сентября 2001 г. Североатлантический альянс стал для Соединенных Штатов инструментом решения глобальных задач.

Так или иначе, для Дж. Буша-мл., считавшего проведение односторонних акций в обход СБ ООН и без согласования с европейскими союзниками нормальной практикой, франко-германская оппозиция оказалась неожиданностью и заставила США думать о поиске компромиссов и налаживать партнерство с Европой. Кроме того, изначально, вводя войска в Ирак, администрация Дж. Буша-мл. не думала о послевоенном урегулировании кризиса, создании необходимой инфраструктуры и т.п. Хотя уже в первые месяцы войны многие эксперты, в частности, профессор Университета Дж. Хопкинса Д. Каллео, профессор политики и международных отношений в Принстонском университете Дж. Айкерберри и профессор международных отношений Джорджтаунского университета Ч. Купчан, отмечали, что унилатералистский подход

---

[236] Bush G.W. Op. cit. – P. 151.

[237] Наумкин В.В. Кризис на Ближнем Востоке: внешнее вмешательство и разгул экстремизма // Российский совет по международным делам. 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6362#top-content (дата обращения 5.05.2018); Малышева Д.Б. Новый взгляд на американскую ближневосточную стратегию // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 6. – С. 125.

Дж. Буша-мл. неизбежно приведет к перенапряжению сил США, а опора на союзников, в первую очередь, европейских, помогла бы избежать подобных проблем[238].

Так, после завершения активной фазы войны в Ираке США, приступив к реализации проектов государствостроительства, поняли, что опора на международные организации, ЕС и отдельных европейских союзников необходима и может повысить эффективность (по сравнению с односторонними действиями) самих операций и дальнейшего постконфликтного восстановления в странах. Тогда в Белом доме было решено, оставив противоречия в стороне, пойти на сближение с европейскими союзниками и Евросоюзом в целом[239].

Политика, проводимая Дж. Бушем-мл. во второй президентский срок, развивалась в том же русле. США продолжали оказывать давление на «неугодные» режимы, делался акцент на «жесткую силу», ставилась цель – продвигать демократию. «Америка находится в состоянии войны» – с этих слов начиналась Стратегия национальной безопасности США 2006 г., где, как и в предыдущем документе, акцент делался на использовании военно-силовых методов. В документе говорилось о том, что важнейшей задачей США остается борьба с международным терроризмом, и эту войну Вашингтон доведет до победного конца. В основе стратегии лежал тезис о необходимости покончить с тиранией и продвигать демократию во всем мире[240].

Пока администрация Дж. Буша-мл. разбиралась с иракской проблемой, в Европе полным ходом шли интеграционные процессы. В 2004 г. состоялось очередное расширение ЕС, когда к блоку присоединились десять государств[241], в Риме была подписала Конституция ЕС. Параллельно с этими процессами Брюссель принялся реформировать свои отношения со Средиземноморьем, в торгово-экономическом сотрудничестве с которым был заинтересован в значительно большей степени, чем Вашингтон. В частности, степень развитости торговых связей между США и арабскими странами была очень низкой и в среднем в начале 2000-х гг. составляла около 4%

---

[238] См., например: Calleo D. Power Wealth and Wisdom // The National Interest. – Summer 2003. – № 72. – P. 5-15; Ikenberry J., Kupchan C. Liberal Realism. The Foundations of a Democratic Foreign Policy // The National Interest. – Fall 2004. – P. 38-49.

[239] См. подробнее: Войтоловский Ф.Г. Идеология и практика атлантизма во внешней политике США: диссер. … док. полит. наук. М., 2013. – С. 374-369; Гусаров Ю.А. Трансатлантические отношения в условиях трансформации НАТО: (обзор). – С. 61; Малышев О.С. Динамика американо-европейских отношений в области международной безопасности и торгово-экономической сфере в начале XXI века: дисер. … канд. ист. наук. Нижн.Н., 2012. – С. 77-89.

[240] The National Security Strategy of the United States of America. Washington D.C.: The White House. March 2006. URL: http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf (accessed 1.07.2018)

[241] Венгрия, Кипр, Мальта, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Эстония.

экспорта и порядка 5% импорта США. Значительная часть товарооборота приходилась на нефть и газ[242]. Из 56% нефти и газа, потребляемого в Соединенных Штатах, которые страна импортировала, лишь 10% приходились на Ближний Восток[243]. Для стран Евросоюза эти показатели в 3,5-4,5 раза выше[244], а торговые отношения между ЕС и Южным Средиземноморьем были развиты сильнее. В середине 2000-х гг. импорт Евросоюза из этих стран в среднем составлял порядка 90 млрд евро в год, экспорт в государства Южного Средиземноморья – в среднем 110 млрд евро[245], посему заинтересовать в сотрудничестве с соседним регионом у европейцев была гораздо выше.

В 2004 г. началась реализация нового проекта – Европейской политики соседства (ЕПС)[246], целью которой было создание кольца дружественных государств на южном и восточном направлениях[247], развитие привилегированных отношений с соседними государствами, построенных на демократических ценностях, укрепление экономических связей. На деле, как точно отмечает заведующий сектором ИМЭМО РАН И.Л. Прохоренко, ЕПС «является одним из инструментов, который Евросоюз использует для изменения в свою пользу территориально близкой к нему международной среды»[248].

Ключевым механизмом ЕПС была совместная выработка с каждой страной-партнером индивидуальных планов действий для осуществления политических и экономических преобразований. В соответствии с новым подходом вводился принцип политической обусловленности (conditionality), то есть развитие отношений с ЕС и предоставляемая им помощь зависела от прогресса в выполнении задач, установленных в планах действий. Начиная с 2005 г., в рамках ЕПС были одобрены планы действий с

---

[242] Bolle M.J. Middle East Free Trade Area: Progress Report // Congressional Research Service. – January 27, 2006. – P. 7.
[243] Ibid.
[244] Lawrence R. Recent US Free Trade Initiatives in the Middle East: Opportunities but no Guarantees // KSG Faculty Research Working Paper, Harvard University. – 2006. – P. 3-4.
[245] European Commission. Directorate-General for Trade, European Union, Trade in goods with MEDA (Excluding Eu) - (Mediterranean Countries In The Euro-Mediterranean Partnership). April 16, 2014.
[246] По мнению Б. Хадера, запуск ЕПС не стал ответом на «силовую дипломатию» США, попыткой дистанцироваться от политики и риторики Вашингтона. Khader B. Op. cit. – P. 28.
[247] Для достижения этой цели ставилась задача укрепить стабильность и безопасность, а также повысить благосостояние населения в соседних странах. См. подробнее: Commission of the European Communities. Communication from the Commission. European Neighborhood policy, Strategy Paper. May 12, 2004. URL: https://eeas.europa.eu/archives/delegations/georgia/documents/eu_georgia/commission_communication_enp_strategy_paper.pdf (accessed 1.07.2018)
[248] Прохоренко И.Л. Проект Европейского союза Восточное партнерство: к проблеме конкуренции на постсоветском пространстве // Россия и новые государства Евразии (ежеквартальный журнал ISSN 2073-4786). – 2017. – № 4. – С. 49.

Израилем, Иорданией, Марокко, Тунисом и Палестинской национальной администрацией (ПНА), Ливаном и Египтом[249].

Однако ЕПС, несмотря на широкий формат сотрудничества, не внесла кардинальных изменений в систему внешних связей Евросоюза. Как отмечала старший аналитик по вопросам политики в брюссельском Центре европейской политики Р. Бальфур, с одной стороны, ЕПС использовала опыт расширения 1990-2000-х гг. без учета принципиально важных различий между государствами Центральной Европы и странами «соседства»: отсутствия стимула к присоединению и консенсуса о необходимости «возвращения в Европу», а также совершенного иного понимания суверенитета и границ внешнего вмешательства во внутренние дела государства[250]. С другой стороны, проблема заключалась в том, что в рамках данной программы ЕС придерживался унифицированного подхода к южным и восточным соседям.

Со второй половины 2000-х гг. Вашингтон и Брюссель столкнулись с рядом серьезных проблем. В этот период ЕС застал врасплох конституционный кризис середины 2000-х гг., когда в ходе референдумов французы и голландцы сказали «нет» европейскому проекту конституции[251]. Несмотря на шок, вызванный этими событиями в Брюсселе, все же удалось преодолеть противоречия и продолжить развитие евроинтеграции. Что же касается США, то из-за затяжных войн в Ираке и Афганистане американский государственный бюджет понес огромные потери. По данным Исследовательской службы Конгресса, за десять лет с 2001 по 2010 гг. в этих странах на военные действия и борьбу с терроризмом было потрачено более 1.121 трлн долл.[252]. К тому же в ходе этих войн более 5 тыс. американских солдат было убито, что вызывало серьезное недовольство в обществе[253].

В целом в 2000-е гг. и остальные направления ближневосточной политики США не отметились позитивными результатами. Во-первых, в 2003 г. Дж. Буш-мл. предложил план «Дорожной карты» в рамках «квартета» посредников ближневосточного

---

[249] См. подробнее: Трофимова О.Е. Ук. соч. – С.75-76; Садовская А. Эволюция политики Европейского Союза в отношении стран Южного Средиземноморья в 2000-е гг. // Журнал международного права и международных отношений – 2009. – № 1. – С. 46-47; Бабынина Л.О., Кузнецов В.А. ЕС и страны Магриба // Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / Под общ. ред. Ал.А. Громыко, М.Г. Носова. – М.: «Весь мир», 2015. – С. 512-513.

[250] Balfour R. EU Conditionality after the Arab Spring // European Institute of the Mediterranean. – June 2012. – P. 16.

[251] См. подробнее: Кризис ЕС: последствия и перспективы // Современная Европа. – 2005. – №4. URL: http://www.ieras-library.ru/documenti/soveurope/2005/krisic.doc (дата обращения 5.07.2018)

[252] Belasco A. The Cost of Iraq, Afghanistan, and Other Global War on Terror Operations Since 9/11 // Congressional Research Service. September 2, 2010. – P.1.

[253] ICasualties.org. Data. Operations in Iraq and Afghanistan. URL: http://icasualties.org (accessed 11.07.2018)

урегулирования, участником которого накануне стал ЕС. Переговорный процесс к 2006 г. зашел в тупик в связи с серией терактов в Израиле и победой «ХАМАС» на палестинских выборах. Во-вторых, с середины 2000-х гг. начали обостряться американо-сирийские отношения в связи с убийством настроенного на сотрудничество с Западом бывшего премьер-министра Ливана Р. Харири, т.к. существовали косвенные доказательства причастности Дамаска к преступлению. В-третьих, серьезно обострилась ситуация и в самом Ливане, который в 2006 г. вновь оказался охвачен войной.

Хотя после терактов 11 сентября 2001 г. основное внимание евроатлантического сообщества было направлено на регион Ближнего и Среднего Востока, однако в этот период достаточно интенсивно развивались и отношения со странами Северной Африки. Пожалуй, одной из положительных тенденций стала нормализация отношений между Западом и Ливией, начавшаяся после 11 сентября 2001 г. Лидер Джамахирии М. Каддафи выступил с осуждением терактов, начал сотрудничать с Западом в борьбе с терроризмом и отказался от производства ОМУ, дав старт процессу интеграции Ливии в международное сообщество в первой половине 2000-х гг. и отмены санкций США и ЕС против бывшей «страны-изгоя»[254].

Параллельно США и ЕС оказывали помощь и сотрудничали со своими ключевыми странами-партнерами в регионе, в первую очередь, с авторитарными правителями Египта, Туниса и Марокко, которые подавляли исламистский фундаментализм и обеспечивали региональную стабильность. В общей сложности в 2000 – 2008 гг. Соединенные Штаты выделили на военную помощь странам Северной Африки порядка 12 млрд долл., из которых 11 млрд долл. получил Египет,[255] а также порядка 5,6 млрд долл. на экономическую помощь, львиная доля в 5,4 млрд долл. из которых была также направлена в Каир[256]. В 2000 – 2008 гг. институты ЕС выделили почти 6 млрд долл. на помощь развитию странам региона – преимущественно Марокко, Тунису и Египту[257].

В целом неудачи американской внешней политики на Ближнем Востоке в годы правления Дж. Буша-мл. демонстрировали, что, хотя США остаются доминирующим

---

[254] См. подробнее: Бартенев В.И. Ук. соч. – С. 307-387.
[255] Security Assistance Monitor. Data. URL: http://securityassistance.org/data/country/military/country/2000/2008/all/North%20Africa// (accessed 11.07.2018)
[256] Security Assistance Monitor. Data. URL: http://securityassistance.org/data/country/economic/country/2000/2008/all/North%20Africa// (accessed 11.07.2018)
[257] OECD. Stat. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=Table2A# (accessed 11.07.2018)

актором в международной политике, их сила ограничена. Тогда все активнее стали говорить о кризисе американского лидерства и уменьшении влияния США в мире. Как писал профессор Техасского университета A&M К. Лейн, Вашингтону необходима мудрость, чтобы разграничить достижимые и недостижимые цели внешней политики, а также средства для их достижения. Американцы должны воздержаться от вмешательства в дела других стран с нереализуемыми целями. Они должны понять, что международная политика не может быть сведена к борьбе между «хорошими» и «плохими парнями» или добром и «осью зла»[258]. Кроме того, как подчеркивал глава Совета по международным отношениям Р. Хаас, неуспешная война в Ираке, отсутствие успехов в палестино-израильских мирных переговорах и неудачи в процессе демократизации Ближнего Востока привели к падению авторитета США в регионе, а также усилению недоверия и неприязни арабского населения к американцам[259].

Что касается Евросоюза, то события первой половины 2000-х гг., ключевым из которых стала война в Ираке, вывели на поверхность главный недостаток ЕС – его гетерогенность, которая усложняет принятие внешнеполитических решений. Являясь интеграционным объединением, Евросоюз нередко бывает неспособен выступить единым блоком по внешнеполитическим вопросам. Тогда общеевропейская стратегическая культура отходит на второй план, а государства-члены ЕС действуют исходя из своих национальных интересов. Но можно выделить и преимущество гетерогенности – это комплексный подход[260] к проблеме безопасности, заложенный в ЕСБ 2003 г., согласно которому Евросоюз должен действовать исходя из своих преимуществ в качестве невоенной силы, использовать широкий набор дипломатических, политических и гуманитарных инструментов.[261] По мнению британского эксперта М. Норхейм-Мартинсена, идея комплексного подхода гармонично

---

[258] Layne C. America cannot rely on power alone // Financial Times. August 23, 2006. URL: https://www.ft.com/content/df5601c4-32cc-11db-87ac-0000779e2340 (accessed 10.05.2018)

[259] Хаас Р. Новый Ближний Восток // Россия в глобальной политике. 28 декабря 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_7755 (дата обращения 10.05.2018)

[260] См. подробнее о «комплексном подходе» в отношении «нестабильных государств»: Кулькова О.С. Особенности политического дискурса по проблемам взаимозависимости безопасности и развития в Европейском Союзе // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2016. – №1. С. 72-106.

[261] A Secure Europe in a Better World: European Security Strategy. Brussels: European Council, 2003. URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/reports/78367.pdf (accessed 11.05.2018)

вписывается в стратегическую культуру ЕС, отражает его ценности, подчеркивает вторичный характер военного фактора во внешней политике Брюсселя[262].

В то же время гетерогенность, а также отсутствие четких механизмов для применения «жесткой силы» являются одними из главных причин, по которым ставится под сомнение наличие стратегической культуры у Евросоюза[263]. Действительно, военный аспект внешней политики Брюсселя крайне слабо развит, ЕС далеко не всегда способны действовать самостоятельно и успешно. Даже существует точка зрения, согласно которой развитие Евросоюза как стратегического актора, способного использовать военное и невоенное принуждение, может быть понято полностью только в контексте отношений между Брюсселем и его основным конкурентом в обеспечении европейской и международной безопасности – НАТО[264]. С одной стороны, Североатлантический альянс является отражением евроатлантического партнерства, в котором Соединенные Штаты традиционно оказывали серьезное влияние на развитие европейской стратегии безопасности, с другой – площадкой для американо-европейских дискуссий об обеспечении безопасности в Европе и мире при доминировании США в ущерб развитию стратегического поведения ЕС[265].

Однако такой подход, на наш взгляд, кажется очень узким и ограниченным, поскольку с 2003 г., когда Брюсселем был принят первый документ в этой области – Европейская стратегия безопасности, начала развиваться вполне конкретная стратегическая культура Евросоюза. Европейская стратегическая культура не занимает место национальных, но, как отмечает научный сотрудник Центра европейских политических исследований К. Мейер, постепенно развиваясь, становится институционализацией тех идей, норм и ценностей, которые разделены на национальном уровне[266]. Другими словами, она не заменяет стратегические культуры стран-членов ЕС, а приводит их к общему знаменателю. Тем не менее нельзя отрицать, что европейская стратегическая культура недостаточно прочная, сталкиваясь с

---

[262] Norheim-Martinsen p. M. EU Strategic Culture: When the Means Becomes the End // Contemporary Security Policy. – December 2011. – P. 534-535.

[263] См., например: Rynning S. The European Union: Towards a Strategic Culture? // Security Dialogue. – December 1, 2003. – Vol. 34. Issue 4. – P. 479-496; Sangiovanni M.E. Why a Common Security and Defence Policy is bad for Europe // Survival. – Autumn 2003. – P. 193-206.

[264] Cornish P., Edwards G. The strategic culture of the European Union: a progress report // International Affairs. – 2005. – Vol. 81, № 4. – P. 814-815.

[265] Ibidem.

[266] См. подробнее: Meyer O. C. The Quest for a European Strategic Culture: Changing Norms on Security and Defense in the European Union. – Palgrave Macmillan, 2006; Meyer O.C. Theorising European strategic culture: Between convergence and the persistence of national diversity //Centre for European Policy Studies. – June 2004. – P. 1-24.

кризисными ситуациями, ЕС часто демонстрирует слабость и нерешительность, что не позволяет ему быстро, эффективно и консолидировано отвечать на внешние вызовы, что неоднократно проявлялось на протяжении 2000-х гг.

События 2000-х гг. оказали серьезное влияние на дальнейшее развитие внешней политики Вашингтона и Брюсселя в целом, на Арабском Востоке, в частности. Не меньшее влияние на США и Европу оказал охвативший в 2008 – 2010 гг. мировой финансово-экономический кризис, ставший важной вехой постбиполярной эпохи и который, по словам бывшего замминистра финансов Соединенных Штатов Р. Олтмана, ускорил «тенденции, сдвигающие мировой центр тяжести в сторону от США»[267].

§3. Политика США и ЕС в регионе в период мирового финансово-экономического кризиса 2008-2010 гг.

Разразившийся в 2008 г. мировой финансовый кризис нанес серьезнейший удар по Западу. Первые его симптомы появились в ипотечном секторе США еще в 2006 г. Проблемы с ипотекой привели к кризису ликвидности в американских банках. Ударом по финансовому сектору США стало банкротство в сентябре 2008 г. одного из крупнейших американских банков – «Lehman Brothers». Кризис быстро перекинулся из американского банковского сектора в европейский, а затем распространился на весь мир. Из-за нехватки ликвидности кредитование банками реального и потребительского секторов экономики резко снизилось. Потрясения в банковском секторе сопровождались процессом оттока вкладов вследствие потери населением доверия к банкам, что вызвало банкротство еще ряда банковских учреждений. К концу 2008 г. мировой финансовый кризис, перекинувшись на реальный сектор экономики, перерос в глобальный экономический кризис. Практически по всему миру произошло сокращение объемов производства, что спровоцировало резкое снижение цен на энергоносители. В короткие сроки цены на нефть упали более чем в три раза, снизившись с 147 долл. до 40 долл. за баррель.

В тяжелейшем состоянии оказались многие компании по всему миру. В этих условиях они начинали сокращать штат сотрудников, снижать заработную плату, что приводило к дальнейшему снижению потребительского спроса. За ним последовало

[267] Олтман Р. Великий крах-2008 // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. 21 февраля 2009. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_12448 (дата обращения 13.07.2018)

дальнейшее сокращение производства и, как следствие, очередной скачок безработицы. Ее уровень по всему миру стал резко возрастать, достигнув рекордных цифр в развитых странах (в среднем, порядка 20%)[268].

Таким образом, кризис оказал серьезное воздействие на западный мир, но не обошел стороной Арабский Восток. Правда, осенью 2008 г., когда потрясения банковского сектора охватили США и Европу, казалось, что это не повлияет на регион, который не столь сильно интегрирован в мировую финансовую систему. Действительно, на первых порах финансовый сектор арабских стран оставался относительно стабильным. Согласно оценкам экспертов Всемирного банка и Международного валютного фонда (МВФ), арабская финансовая система была мало подвержена внешнему воздействию, поэтому устояла перед лицом кризиса[269]. Однако, с его углублением и перерастанием в мировой финансово-экономический кризис, экономическая конъюнктура в странах Ближнего Востока и Северной Африки стала резко ухудшаться. Кризиса трех «F» (finance, fuel, food), поразившего финансовый, энергетический и продовольственный сектора, избежать не удалось. Проблемы в этих секторах оказались взаимосвязаны, что усугубило ситуацию и усложнило их преодоление[270].

В условиях глубокого экономического кризиса к власти в США пришел представитель Демократической партии, первый афроамериканец на посту президента Б. Обама. В Европе положительно оценили приход к власти нового президента и выражали надежду на улучшение евроатлантических отношений. Подобные настроения о возможности укрепления евроатлантического партнерства были свойственны и многим политикам в США, о чем свидетельствовали высказывания американских конгрессменов от обеих партий на заседании Комитета Палаты представителей по иностранным делам летом 2009 г.[271]. Согласно информации, поступавшей из ближневосточных посольств и миссий США и опубликованной на сайте WikiLeaks,

---

[268] См. подробнее: Мировой финансовый кризис 2008 года и последствия для России // РИА Новости. 16.08.2013. URL: http://ria.ru/spravka/20130816/956672411.html (дата обращения 13.07.2018); Фридман Дж. Европа: безработица и нестабильность // ИноСМИ. 06.03.2013. URL: http://www.inosmi.ru/europe/20130306/206663387.html (дата обращения 13.07.2018)

[269] Цит. по: Orozco O., Lesaca J. Impact of the Global Economic Crisis in Arab Countries: A First Assessment // CASA ÁRABE and The Club of Madrid. – October, 2009. – P. 1.

[270] См подробнее: Orozco O., Lesaca J. Op. cit. – P. 2-3; Альтфатер Э. Продовольственный кризис // Скепсис. 17.05.2008. URL: http://scepsis.net/library/id_2042.html (дата обращения 15.07.2018)

[271] Strengthening the Transatlantic Alliance: an overview of the Obama administration's policies in Europe: hearing before the Subcommittee on Europe of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Eleventh Congress, first session, June 16. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2009. – P. 1-2.

арабское общество и политические круги также позитивно оценивали смену власти в Вашингтоне, ожидая, что новая администрация изменит американскую политику на Ближнем Востоке и в Северной Африке к лучшему[272].

Перемен ждало и американское общество. По данным опроса общественного мнения, проведенного CNN/Opinion Research Corporation Poll, к 2009 г. три четверти американцев (75%) больше всего были встревожены состоянием экономики. У 7% наибольшую тревогу вызывали проблемы в области здравоохранения, и только 6% ставили на первое место обеспокоенность ситуацией в Ираке и угрозу терроризма. Согласно результатам опроса USA Today/Gallup Poll, участников которого просили указать, какие проблемы должны быть приоритетными для администрации Б. Обамы, две трети опрошенных (64%) назвали экономику, примерно каждый десятый (11%) – ситуацию в Ираке и Афганистане, затем следовали дефицит бюджета (7%), положение дел в энергетике (6%), здравоохранении (5%) и др.[273]. От нового президента респонденты ждали решения именно этих вопросов.

Таким образом, главный вопрос, который волновал большинство американцев, заключался в том, насколько эффективно будут разрешены экономические проблемы в стране. Эти настроения осознавал избранный президент и ставил экономику на первое место в своей повестке. Как указывает в своих мемуарах Х. Клинтон, предлагая ей занять должность госсекретаря, Б. Обама объяснил, что он намерен сконцентрироваться на решении экономического кризиса, поэтому ему нужна фигура, которая могла бы представлять его за границей[274].

Что касается внешней политики, то перед новым президентом стоял ряд важных проблем, требующих разрешения. Непосредственно после победы Б. Обамы на президентских выборах в США в журнале «National Interest» вышла статья Ф. Фукуямы, в которой автор отмечал, что приход к власти нового президента ознаменовал начало новой эпохи в американской политике, когда Соединенные Штаты получат возможность

---

[272] См., например: Public Library of U.S. Diplomacy. Tunisians Welcome Inaguration of President Obama. Confidential // WikiLeaks. January 21, 2009. [Electoric resource]. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09TUNIS51_a.html (accessed 17.07.2018); Public Library of U.S. Algeria: Obama is "America We Dreamed About". Confidential // WikiLeaks. January 21, 2009. [Electoric resource]. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09ALGIERS70_a.html (accessed 17.07.2018); Public Library of U.S. Diplomacy. Yemenis Applaud Obama, Hope for 'New Page' in US-Arab Relations. Unclassified // WikiLeaks. January 22, 2009. [Electoric resource]. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09SANAA119_a.html (accessed 17.07.2018)

[273] Цит. по: Докторов Б.З. Явление Барака Обамы. – М.: Европа, Институт Фонда «Общественное мнение», 2011. – С. 217.

[274] Clinton H.R. Hard Choices. – N.Y.: Simon & Schuster, 2014. – P. 15.

не только перестроить свою социальную и экономическую модели, но и отношение к внешнему миру. «Главная задача избранного президента – по мнению известного американского политолога, – не просто использовать серьезный сдвиг, который произошел в политической власти, а переформулировать американскую идеологию, как это сделали Ф. Рузвельт в 1932 г. или Р. Рейган в 1980 г.»[275].

В сложившейся ситуации новый президент не мог откладывать в долгий ящик пересмотр американской внешней и военной политики. Как отмечал в 2009 г. президент Совета по международным отношениям Р. Хаас, «эра американской однополярности закончилась. Б. Обама унаследует мир, в котором военное, экономическое, дипломатическое и культурное влияние распределяется значительно шире, чем когда-либо прежде»[276]. Поэтому перед ним стояла задача разработать стратегию приспособления США к реалиям полицентричного мира. Вашингтон должен был предпринять усилия для сокращения возникшего разрыва между сверхдержавными претензиями и ограниченными возможностями их реализации, восстановления морального облика Соединенных Штатов и увеличения их роли в международных процессах[277].

Демократы во главе с Б. Обамой пытались дистанцироваться от политики администрации Дж. Буша-мл., которую обвиняли в том, что она предложила американскому народу ложные альтернативы – применение силы вместо дипломатии, одностороннюю политику вместо многосторонней, использование «жесткой силы» вместо «мягкой». Отношение к таким альтернативам как к взаимоисключающим отражало ослепленное идеологией видение мира, которое лишало Соединенные Штаты инструментов и гибкости, необходимых для обеспечения лидерства и достижения успехов. Как свидетельствуют стенографические отчеты заседаний обеих палат американского парламента, Дж. Буша-мл. не раз критиковали демократы и общественные деятели за его манеру ведения внешней политики в духе «сначала

---

[275] Fukuyama F. A New Era // The American Interest. November 9, 2008. URL: https://www.the-american-interest.com/2008/11/09/a-new-era-2/ (accessed 17.07.2018)

[276] Haas R.H. The Obama Surprise // Project Syndicate. January 19, 2009. URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/the-obama-surprise?barrier=accessreg (accessed 17.07.2018)

[277] См., например: Рогов С.М. Перспективы политики администрации Обамы // США-Канада: Экономика, Политика, Культура. – 2009. – №3. – С. 3-22.; Кременюк В.А. Внешняя политика президента Б. Обамы: в борьбе за второй президентский срок // Внешняя политика администрации Барака Обамы (2009–2012 гг.) / Отв. ред. В. А. Кременюк. – М.: ИСКРАН, 2012. – С. 9.

стрелять, потом задавать вопросы», которая оказала негативное влияние на моральный облик США в мире[278].

Администрация Б. Обамы внесла изменения во внешнеполитический инструментарий Соединенных Штатов, поставив на передний план дипломатию. Так, на смену неудачным попыткам односторонних силовых акций, в первую очередь, в Ираке, которые привели к многолетней и изнурительной войне, была принята новая концепция «умной силы» («smart power»). В своих выступлениях новый госсекретарь Х. Клинтон не раз подчеркивала важность этой концепции в формировании американской внешней политики. «Мы должны использовать то, что называется «умной силой», – полный набор инструментов, имеющихся в нашем распоряжении, – дипломатических, экономических, военных, политических, правовых и культурных – выбирая правильный инструмент, или набор инструментов, в каждой ситуации. С умной силой дипломатия будет в авангарде внешней политики» – заявила Х. Клинтон во время слушаний в Сенате, посвященных ее назначению на должность государственного секретаря[279].

Новая администрация считала, что использование дипломатических методов позволит восстановить моральный облик Соединенных Штатов, к искажению образа которых привели последствия политики войны и оккупации. Как отмечали многие конгрессмены от демократической партии, у людей по всему миру за последние годы сложилось негативное восприятие Америки, используя падение престижа США, террористам стало легче рекрутировать новых членов, у Соединенных Штатов появилось больше врагов[280]. Поэтому восстановление имиджа США являлось важной задачей. «Мы должны построить такой мир, – заявляла Х. Клинтон, – где у нас будет больше союзников и меньше врагов»[281].

Помимо использования «умной силы» Б. Обама отказался от жесткого унилатерализма и сделал ставку на многосторонний подход к решению международных проблем, продвижение ценностей и обеспечение лидерства США, прежде всего, путем собственного примера, а не навязывания силой. «Америка не может решить насущные проблемы в одиночку, но и мир не справится с ними без Америки». – заявила

---

[278] См., например: Congressional Record – House. It's time to give diplomacy a chance. January 13, 2009. H187.
[279] Nomination of Hillary R. Clinton to be Secretary of State: hearing before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, One Hundred Eleventh Congress, first session, January 13. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2009. – P. 17.
[280] См., например: Congressional Record – House. It's time to give diplomacy a chance. January 13, 2009. H187.
[281] Nomination of Hillary R. Clinton to be Secretary of State: hearing before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, One Hundred Eleventh Congress, first session, January 13. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2009.

госсекретарь Х. Клинтон. – «Лучший способ продвижения американских интересов в вопросах снижения глобальных угроз и использования глобальных возможностей заключается в создании глобальных решений»[282]. Как справедливо отмечал директор Центра (лаборатории) анализа международных процессов МГИМО А.А. Сушенцов, «в основе внешнеполитической повестки дня … [администрации Б. Обамы – прим. Л.О.] лежали идеи об общности мира, необходимости решения глобальных проблем путем многосторонних усилий при условии ответственного лидерства США»[283].

Летом 2009 г. на заседании Комитета палаты представителей США по иностранным делам, обсуждая перспективы развития евроатлантических отношений при президентстве Б. Обамы, демократы называли ЕС и европейских союзников по НАТО главными партнером в достижении глобальных целей США. В частности, председатель Подкомитета по Европе Комитета Палаты представителей по иностранным делам политик-демократ Р. Векслер, открывая заседание, процитировал слова госсекретаря Х. Клинтон о том, что «Европа является ключевым партнером» США, подчеркнув, что он лично разделяет эту позицию и выступает за укрепление евроатлантического партнерства[284].

Эти идеи нашли отражение в опубликованной в 2010 г. новой Стратегии национальной безопасности США[285]. Во-первых, как указывалось в документе и как отмечали представители администрации Б. Обамы и сам президент, главной его целью было восстановление американского лидерства в мире. «После десятилетия, очерченного событиями 11 сентября, двумя войнами и финансовым кризисом, президент Б. Обама намерен восстановить основы глобального лидерства США», – заявил советник по национальной безопасности Т. Донилон[286]. Во-вторых, в СНБ-2010 подчеркивалось, что разрешение внутренних проблем является приоритетной задачей: «Наша стратегия заключается в признании того, что сила и влияние США за границей начинаются с тех шагов, которые мы делаем внутри страны. Мы должны укрепить нашу

---

[282] Ibid.

[283] Сушенцов А.А. Очерки политики США в региональных конфликтах 2000- х годов. – М.: Издательство МГИМО-Университета, 2013. – С. 155.

[284] Strengthening the Transatlantic Alliance: an overview of the Obama administration's policies in Europe: hearing before the Subcommittee on Europe of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Eleventh Congress, first session, June 16. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2009. – P. 2.

[285] The White House, A National Security Strategy. May 2010. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed 19.07.2018)

[286] The White House. Remarks by National Security Advisor Tom Donilon to the President: «The United States and the Asia-Pacific in 2013». The Asia Society. March 11, 2013. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/03/11/remarks-tom-donilon-national-security-advisor-president-united-states-an (accessed 19.07.2018)

экономику и сократить дефицит»[287]. В-третьих, в документе говорилось о приверженности мультилатерализму и «умной силе», применение которых в условиях кризиса и недостатка финансовых ресурсов могло помочь восстановить престиж США. Однако Соединенные Штаты не отказывались от укрепления своего военного превосходства в целях обеспечения национальной безопасности и осуществления глобального лидерства.

Оба этих принципа подчеркивались и в опубликованных в 2010 г. документах. В частности, в «Четырехлетнем обзоре оборонной политики» отмечалось, что в мировой системе, где происходит подъем таких стран как Китай и Индия, «США хоть и остаются самым влиятельным актором, но все больше вынуждены полагаться на своих ключевых союзников и партнеров для поддержания мира и стабильности»[288]. В «Четырехлетнем обзоре дипломатии и международного развития», впервые опубликованном Госдепартаментом совместно с АМР США[289], указывалось, что Соединенные Штаты намерены осуществлять лидерство, опираясь на свои преимущества в качестве «гражданской силы» и используя «мягкую силу» в качестве ключевого внешнеполитического инструмента. Наконец, в-четвертых, в СНБ-2010 подтверждалась готовность Вашингтона распространять либеральную демократию в мире.

Кроме пересмотра методов ведения внешней политики, важной задачей нового президента стало внесение корректив в политику США в ближневосточном регионе. Более того, по мнению исследователя британского аналитического центра «Чэтэм Хаус» Ф. Леверетта, Б. Обама стал кандидатом в президенты отчасти потому, что он оспаривал аспекты регионального превосходства США. В ходе демократических праймериз 2008 г. он отличился от своего главного соперника, сенатора Х. Клинтон, поскольку резко выступал против иракской войны 2003 г. (которую Х. Клинтон одобрила в Сенате) и призывал к ведению переговоров с Ираном (против чего также выступала Х. Клинтон)[290].

---

[287] A National Security Strategy. Washington D.C.: The White House. May 2010. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed 19.07.2018)

[288] U.S. Department of Defense. Quadrennial Defense Review. February 2010. – P. iii. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/QDR/QDR_as_of_29JAN10_1600.pdf (accessed 19.07.2018)

[289] U.S. Department of State, USAID. The First Quadrennial Diplomacy and Development Review. Leading Through Civilian Power. 2010. URL: https://2009-2017.state.gov/documents/organization/153142.pdf (accessed 20.07.2018)

[290] Leverett F. US Election Note. Middle East Policy After 2016 // Chatham House. – October, 2016. – P.3.

Эти идеи нашли отражение и в опубликованных будущим президентом книгах, в частности, в вышедшей в 2006 г. работе «Дерзость надежды»[291]. А уже накануне дня голосования, 3 ноября 2008 г., в «The Wall Street Journal» появилась статья Б. Обамы «Перемены, которые нам нужны», в которой содержались ключевые моменты, отражавшие его позицию по некоторым узловым ближневосточным проблемам. «Для обеспечения безопасности Америки я намерен завершить войну в Ираке ответственным способом, чтобы мы перестали расходовать по 10 млрд долл. в месяц на страну, обладающую солидным профицитом торгового баланса» – писал Б. Обама. «Ради нашей экономики, ради наших военных, ради долгосрочной стабильности в самом Ираке необходимо, чтобы иракцы взяли ответственность за собственную судьбу. Я, наконец, доведу до конца борьбу с У. бен Ладеном и «Аль-Каидой», напавшей на нас 11 сентября 2001 г., создам новые партнерские отношения для устранения угроз XXI в. и восстановлю наш моральный авторитет, чтобы человечество по-прежнему связывало с Америкой свои лучшие надежды»[292].

На необходимость корректировки курса США в ближневосточном регионе указывало и американское экспертное сообщество. В опубликованном в 2008 г. совместном докладе исследователей авторитетных американских мозговых центров – Института Брукингса и Совета по международным отношениям – под названием «Восстанавливая баланс: ближневосточная стратегия для нового президента» отмечалось, что Б. Обаме нужно пересмотреть и переориентировать политику США на Ближнем Востоке[293]. Это обосновывалось тем, что «Большой Ближний Восток останется жизненно важным регионом для Соединенных Штатов на следующие десятилетия, учитывая его геостратегическое положение, энергетические и финансовые ресурсы, обязательства США перед Израилем, а также исходящие из региона угрозы терроризма и распространения ОМУ. Сокращение же участия США поставит под угрозу все эти интересы»[294]. Признавая, что отстранение от внутренних проблем арабского мира является заманчивой политической опцией для нового президента, составители доклада подчеркнули, что Вашингтон – с учетом его инвестиций и интересов в регионе – не

[291] Обама Б. Дерзость надежды. Мысли о возрождении американской мечты. – М.: Азбука-классика, 2008. – 416 с.
[292] Obama B. The Change We Need // The Wall Street Journal. November 3, 2008. URL: https://www.wsj.com/articles/SB122567490887592021 (accessed 21.07.2018)
[293] Haass R.N, Indyk M.S. Restoring the Balance: A Middle East Strategy for the Next President. The Brookings Institution & The Council on Foreign Relations. – Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2008. – P. 1.
[294] Ibid. P. 2.

может уйти от своей роли в формировании его будущего[295]. Наоборот, от нового президента требовались серьезные усилия для преодоления напряженности, накопившейся за последние годы в связи с политикой его предшественника в отношении Ирака, американской контртеррористической политики, пренебрежения Вашингтона арабо-израильским конфликтом и подхода к Ирану, а также от попыток внедрить демократию[296].

Подчеркивая важность продвижения демократии, исследователи отмечали, что долгосрочным интересам Вашингтона отвечает побуждение своих авторитарных союзников к постепенной либерализации политической и экономической сфер. Акцент делался на том, что Соединенные Штаты должны использовать свои экономические и политические рычаги, чтобы помочь построить более стабильный и процветающий Ближний Восток[297]. Кроме того, одной из важнейших задач нового президента исследователи называли препятствование укреплению восприятия того, что Соединенные Штаты воюют с исламом: Белый дом должен послать четкое сообщение, что США борются против небольшой группы радикалов, действия Вашингтона не направлены против религии в целом[298].

Некоторые из идей авторитетных американских исследователей по-видимому разделяла сама администрация Б. Обамы, о чем свидетельствует, в частности, выступление главы Белого дома летом 2009 г. в Каире, в котором просматривались контуры новой политики Соединенных Штатов в регионе. Обращаясь к мусульманам всего мира с трибуны университета аль-Азхар, Б. Обама призвал исламский мир к сотрудничеству, заявив, что США борются не против мусульман, а против экстремистов, и в этой борьбе американцы являются союзниками мусульман, так как и те, и другие заинтересованы в политической стабильности на Ближнем Востоке[299]. Помимо борьбы с терроризмом и экстремизмом президент США обещал немало внимания уделять урегулированию ситуации в Афганистане и Ираке и вывести войска с территории этих государств. Говоря об арабо-израильском конфликте, Б. Обама подчеркнул, что единственный способ его разрешения – создать два государства. Глава

---

[295] Ibid. P. 160-161.
[296] Ibid. P. 159.
[297] Ibid. P. 161-162.
[298] Ibid. P. 203-204.
[299] The White House. Remarks by the President Barak H. Obama on a New Beginning. Cairo University - Cairo, Egypt. June 4, 2009. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-by-the-President-at-Cairo-University-6-04-09/ (accessed 21.07.2018)

Белого дома призвал палестинцев прекратить обстрелы израильской территории, а Тель-Авив – расширение поселений, поскольку, по словам президента, это не соответствовало условиям заключенных соглашений и тормозило процесс достижения мира[300].

Б. Обама четко отметил, что Соединенные Штаты отказались от намерений перестроить Ближний Восток посредством его демократизации, однако указал, что Вашингтон будет поддерживать отношения с законно избранными правительствами при условии, что те станут соблюдать права своих граждан и не будут сдерживать развитие своих стран[301]. Каирская речь стала яркой демонстрацией того, что регион Ближнего Востока остался в фокусе внимания новой администрации, стремящейся к ликвидации раскола между США и исламским миром.

В опубликованных Wikileaks отчетах сотрудников американских посольств и миссий в странах Ближнего Востока отмечалось, что речь нового президента США была встречена весьма положительно как политическим истеблишментом, так и населением в большинстве арабских государств[302]. В то же время в израильской прессе выступлению американского президента давались исключительно негативные и скептические оценки[303]. Также сторонники произраильской линии считали позицию Б. Обамы предательством Израиля. Популярный в США республиканский политик М. Ромни заявил, что «президент США толкнул Израиль под автобус»[304].

Однако первые внешнеполитические шаги, предпринятые демократической администрацией, включая азиатское турне Х. Клинтон в 2009 г., попытки запуска по инициативе Б. Обамы проекта «Группы двух», который не встретил поддержки со стороны КНР, говорили в пользу совершенно иных тенденций во внешней политике

---

[300] Ibid.
[301] Ibid.
[302] Public Library of U.S. Diplomacy. Tunisians Say “Bravo” to President’s Cairo Speech, But Some Wish He Had Gone Further. Confidential // WikiLeaks. June 4, 2009. [Electoric resource]. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09TUNIS343_a.html (accessed 23.07.2018); Public Library of U.S. Diplomacy. Lebanon: Praise for President’s “Historic Language” to Muslim World. Confidential // WikiLeaks. June 4, 2009. [Electoric resource]. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09BEIRUT617_a.html (accessed 23.07.2018); Public Library of U.S. Diplomacy. Jordan: Mostly Positive Reaction to President Obama’s Speech Among Academia, Students, and Civil Society. Unclassified // WikiLeaks. June 4, 2009. [Electoric resource]. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09AMMAN1261_a.html (accessed 23.05.2018); Public Library of U.S. Diplomacy. Jordan: Government Officials React to President’s Speech. Confidential // WikiLeaks. June 4, 2009. [Electoric resource]. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09AMMAN1263_a.html (accessed 23.07.2018)
[303] Public Library of U.S. Diplomacy. Israel Media Reaction. Unclassified // WikiLeaks. June 4, 2009. [Electoric resource]. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09TELAVIV1209_a.html (accessed 23.07.2018); Public Library of U.S. Diplomacy. Jerusalem Media Reaction (06/04): "The Strategic and Essential Role of Cairo". Unclassified // WikiLeaks. June 4, 2009. [Electoric resource]. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09JERUSALEM886_a.html (accessed 23.07.2018)
[304] Цит. по: Седов Д. Мог ли Обама «предать» Израиль? // Фонд Стратегической культуры. Электронное издание. 24.05.2011. URL: http://www.fondsk.ru/news/2011/05/24/mog-li-obama-predat-izrail.html (дата обращения 21.05.2018)

США. Так, на протяжении 2009 – 2010 гг. представители Белого дома и лично президент неоднократно указывали, что Азиатско-Тихоокеанский регион является ключевой зоной политического, экономического и военного интереса США[305]. Эти идеи нашли отражение в Стратегии национальной безопасности 2010 г., в которой главным приоритетом американской внешней политики провозглашался Азиатско-Тихоокеанский регион[306]. В октябре 2011 г. – накануне саммита АТЭС в Гонолулу под председательством США – в подтверждение растущего американского внимания к АТР в «Foreign Policy» вышла статья госсекретаря Х. Клинтон «Тихоокеанский век Америки»[307]. По мнению госсекретаря, необходимость расширения американского присутствия в АТР была связана с двумя ключевыми задачами: первая – обеспечение стабильности и безопасности в регионе в условиях, когда сохраняются старые угрозы (ситуация на Корейском полуострове, проблемы распространения ядерного оружия) и растет число новых (природные катастрофы и территориальные споры в Южно-Китайском море); вторая задача – обеспечение благоприятных условий для развития американской экономики в регионе, включая торговые и инвестиционные аспекты[308]. Более того, на этом саммите Б. Обама отличился тем, что объявил себя «первым тихоокеанским президентом» США[309].

Таким образом, было совершенно очевидно, что новый глава Белого дома, как и те, кто занимал этот пост до него, был полон решимости в своей внешней политике избежать чрезмерной вовлеченность в дела Ближнего Востока и «повернуться» в

---

[305] См., например: U.S. Department of State. Remarks by Secretary of State Hillary R. Clinton at the Asia Society: U.S.-Asia Relations: Indispensable to Our Future. February 13, 2009. [Electoric resource]. URL: https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/117333.htm (accessed 17.07.2018); The White House. Remarks by President Barack H. Obama at Suntory Hall. November 14, 2009. [Electoric resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-suntory-hall (accessed 17.07.2018); U.S. Department of State. Remarks by Secretary of State Hillary R. Clinton on Regional Architecture in Asia: Principles and Priorities. January 12, 2010. [Electoric resource]. URL: https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/01/135090.htm (accessed 17.07.2018); U.S. Department of State. Secretary of State Hillary R. Clinton on America's Engagement in the Asia-Pacific. October 28, 2010. [Electoric resource]. URL: https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/10/150141.htm (accessed 17.07.2018)

[306] A National Security Strategy. Washington D.C.: The White House. May 2010.
URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed 17.07.2018)

[307] Clinton H. American Pacific Century // Foreign Policy. 11.10.2011. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americas_pacific_century (accessed 19.07.2018)

[308] Ibidem.

[309] The White House. President Barak H. Obama at the Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC). November 12, 2011. URL: http://www.whitehouse.gov/blog/2011/11/13/president-obama-asia-pacific-economic-cooperation-apec (accessed 19.07.2018)

Азиатско-Тихоокеанский регион, в котором США имели существенные торговые, экономические, финансовые и стратегические интересы[310].

В этот период политика Евросоюза в регионе также находилась в стадии трансформации. С конца 2000-х гг. стал активно обсуждаться вопрос о диверсификации подхода к государствам-адресатам ЕПС с учетом культурно-цивилизационных различий между южными и восточными соседями ЕС[311]. В итоге, в 2008 г. было запущено «Восточное партнерство», а после долгих споров и компромиссов на южном направлении по инициативе Франции был создан «Союз для Средиземноморья» (СДС)[312]. Действительно, идея президента Франции Н. Саркози вызвала серьезные разногласия между Парижем и Берлином. Изначально идея Н. Саркози заключалась в том, чтобы объединить в рамках СДС те государства, которые имеют выход к Средиземному морю. Берлин считал инициативу Франции ответом на усиление ФРГ в Евросоюзе и расширение блока на Восток. Это могло привести к разделению сфер влияния между Германией и Францией, учитывая стремление последнего укрепиться в Северной Африке, которая традиционно была зоной его интересов, что значительно усилило бы позиции Франции на международной арене. Северные страны ЕС, не имеющие выхода к Средиземному морю, также считали инициативу французского президента дискриминирующей и грозились отказать в финансировании. Более того, эта инициатива вызывала опасения южных стран Европы, в первую очередь, Испании и Италии, которые считали ее попыткой Франции снизить их влияние в Магрибе. В итоге европейцам удалось найти компромисс и все государства Евросоюза приняли участие в создании СДС, который был вписан в институциональную систему ЕС[313].

Задачей СДС было развитие межрегионального и внутрирегионального партнерства. Основными адресатами европейской политики должны были стать страны

---

[310] См. подробнее об интересах США в регионе: Ратнер И., Кэмпбелл К. Что сулит Дальний Восток // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. 13 июня 2014. URL: http://globalaffairs.ru/global-processes/Chto-sulit-Dalnii-Vostok-16732 (дата обращения: 20.07.2018).

[311] См., например: Латкина В.А. Политика Европейского Союза в Средиземноморье в контексте «арабской весны» // Вестник МГИМО. – 2014. – № 2. – С. 139-149.

[312] Commission of the European Communities. Communication from the Commission to the Eropean Parliament and the Council. Barcelona Process: Union for the Mediterranean. May 20, 2008. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/docs_autres_institutions/commission_europeenne/com/2008/0319/COM_COM(2008)0319_EN.pdf (accessed 20.07.2018)

[313] См. подробнее: Татарчук Н.В. Эволюция идеи Н. Саркози о создании Средиземноморского союза: от Тулонской речи к «Римскому воззванию» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2010. – № 1. – С. 57-59; Татарчук Н.В. Средиземноморская политика ЕС / Европейский Союз в XXI веке. Под ред. О.Ю. Потемкиной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. М.: Весь мир, 2012. – С. 370-379; Elsholz M. Vom «ring of friends» zum «ring of fire» // Institut für Wirtschaftsrecht. – März, 2016. – S. 10-11; Садовская А. Ук. соч. – С. 48.

Северной Африки, с которыми Европу связывали давние политические и экономические отношения. Было очевидно, что Союз должен был содействовать сотрудничеству между двумя берегами Средиземноморья, в первую очередь, в торговом плане. Важнейшими приоритетными проектами в рамках СДС были энергетика, инфраструктура, транспорт, окружающая среда, развитие малого и среднего предпринимательства[314]. Фактически, целью СДС было содействие сотрудничеству ЕС и стран Южного Средиземноморья, но при исключении политической сферы. В основу Союза лег принцип сотрудничества, а не интеграции. По сути, СДС стал продолжением Барселонского процесса.

Поскольку демократизация региона и либерализация общественно-политической жизни в арабских странах были важны для Евросоюза с точки зрения поддержания внутренней стабильности, поэтому распространение европейских ценностей, демократических стандартов, внедрение законодательства (*acquis communautaire*) стали одной и ключевых задач политики Брюсселя в отношении ближайших соседей. Таким образом, европеизация (распространение европейской модели политической организации и управления на соседние страны) рассматривалась ЕС как способ демократизации соседних стран по собственному образцу.

Однако несмотря на то, что взаимодополняющие инструменты политики ЕС в средиземноморском направлении – Евро-средиземноморское партнерство, ЕПС и СДС – были призваны стимулировать демократическое развитие арабских стран, дилемма «демократизация – стабильность» разрешалась в пользу последней. При этом, как отмечали многие европейские исследователи, в Брюсселе считали, что содействие либерализации экономик арабских стран, развитие торгово-экономических отношений между ними и ЕС постепенно приведут к модернизации политических систем этих государствах[315].

Подобная позиция вполне соответствовала европейской стратегической культуре, для которой характерно стремление демократизировать соседние государства, желание сделать их похожими на себя. Причем Евросоюз отдавал предпочтение более мягким

---

[314] См. подробнее: Татарчук Н.В. Эволюция идеи Н. Саркози о создании Средиземноморского союза: от Тулонской речи к «Римскому воззванию». – С. 42–67; «Средиземноморский союз: лучше синица в руках…» Интервью корреспондента РИА Новости с Дороте Шмид, специалистом по средиземноморскому региону и Среднему Востоку во Французском институте международных отношений // РИА Новости. 25.03.2008. URL: http://ria.ru/interview/20080325/102173459.html (дата обращения 21.07.2018)

[315] Подробнее об этом см., например: Huber D. US and EU Human Rights and Democracy Promotion since the Arab Spring. Rethinking its Content, Targets and Instruments // The International Spectator. – 2013. – Vol. 48. – P. 98-112; Reynaert V. Democracy through the Invisible Hand // The Substance of EU Democracy Promotion. Concepts and Cases / Ed. Wetzel A., Orbie J. – N.Y.: Palgrave Macmillan. – P. 149-161.

формам воздействия на соседей для реализации своих целей, в частности, принципу политической обусловленности, который профессор Лондонской школы экономики К. Смит определила как «получение другим государством выгоды (в виде помощи, торговых преференций, соглашения о сотрудничестве, политических контактов или членства в международных организациях) при выполнении условий, связанных с защитой прав человека и продвижением демократических принципов»[316]. Также в инициативах Брюсселя просматривалось понимание Евросоюзом того, что демократизация Средиземноморья – это долгосрочный проект, требующий постоянных вложений и терпения, пока «высокая» конечная цель не будет достигнута.

Кроме того, в принятом в 2007 г. Лиссабонском договоре, вступившем в силу 1 декабря 2009 г., говорилось, что «действия Союза на международной арене должны руководствоваться принципами, которые вдохновили его создание, развитие и расширение и которые он стремится продвигать в мире: демократия, верховенство закона, универсальность и неделимость прав человека и основополагающих свобод, уважение человеческого достоинства, принципы равенства и солидарности, уважение принципов Устава ООН и международного права»[317]. В документе вновь подтверждалась приверженность ЕС принципу многосторонности[318].

На фоне этого и общая внешняя политика Евросоюза стала приобретать реальные формы. Со вступлением в силу Лиссабонского договора в 2009 г. Общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ) должна была стать более согласованной и плодотворной при сохранении в целом межправительственного формата сотрудничества[319]. Как отмечали заведующий Сектором ИМЭМО РАН М.В. Стрежнева и младший научный сотрудник ИМЭМО РАН Д.Э. Руденкова, «Лиссабонский договор укрепил роль Верховного представителя ЕС по иностранным делам и позволил создать ЕСВД [Европейскую службу внешних действий – прим. Л.О.], а также передал в ведение последней военно-политические аспекты внешней политики ЕС, но такие

---

[316] См. подробнее: Smith K.E. The Use of Political Conditionality in the EU's Relations with Third Countries: How Effective? // European Foreign Affairs Review. – 1998. – Vol. 3. – № 2. – P. 253-274.

[317] European Union. Treaty of Lisbon. December 3, 2007. URL: http://www.eurocollege.ru/fileserver/infcenter/Treaty-Lisbon_2007-en.pdf (accessed 27.07.2018)

[318] Ibid. P. 31-31.

[319] См. подробнее: Стрежнева М.В., Руденкова Д.Э. Ук. соч.; Кавешников Н. Европейской союз после лиссабонского договора // Европейский Союз в XXI веке / Под ред. О.Ю. Потемкиной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. – М.: Весь мир, 2012. – С. 21-26.

направления, как … Европейская политика соседства, были оставлены Комиссии»[320]. Так, как справедливо отмечал заведующий Отделом европейской безопасности Института Европы РАН Д.А. Данилов, к моменту начала волнений в арабском мире в Европе и за ее пределами, считали, что обновленная после принятия Лиссабонского договора ОВПБ и ее новые механизмы и инструменты, такие как Европейская служба внешних действий во главе с Высоким представителем ЕС, могут справиться со внешними вызовами[321].

Хотя США часто критиковали ЕС за отсутствие согласованности в принятии решений в области внешней политики, после ратификации Лиссабонского договора председатель Комитета Палаты представителей по иностранным делам Г. Берман выразил надежду на то, что Евросоюз, учитывая новые реалии, сможет проводить более убедительную внешнюю политику, способную адекватно реагировать на новые вызовы и угрозы[322]. Вместе с тем, обсуждая весной 2010 г. на слушаниях в Комитете Палаты представителей по иностранным делам проблемы обеспечения евроатлантической безопасности в XXI в., американские конгрессмены призывали ЕС и государства-члены к большей активности и самостоятельности. Как демократы, так и республиканцы отмечали, что в течение многих десятилетий демократическим странам Европы в основном предлагалось сосредоточиться только на своей собственной защите, в то время как Соединенные Штаты обеспечивали лидерство во всем мире. По их мнению, теперь США были вправе ожидать реальной и всеобъемлющей поддержки со стороны ведущих европейских государств, а Европа не может оставить эти призывы без внимания и должна поддержать Соединенные Штаты, взяв на себя ответственность за глобальную безопасность и стабильность[323].

***

На протяжении второй половины XX в. политика США и ЕЭС / ЕС на Арабском Востоке прошла несколько этапов, в ходе которых менялась их роль в регионе. Процесс деколонизации и Суэцкий кризис положили конец эпохе доминирования

---

[320] Стрежнева М.В., Руденкова Д.Э. Ук. соч. – С. 77.

[321] См.: Данилов Д.А. Европейский союз // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред-ры: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: ИВ РАН, 2012. – С. 418.

[322] Transatlantic Security in the 21st Century: Do New Threats Require New Approaches?: hearing before the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Eleventh Congress, first session, March 17. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2010. – P. 2.

[323] См. подробнее: Ibid.

западноевропейских стран в регионе и открыли этап борьбы за региональное господство между СССР и США. На фоне острого американо-советского противостояния на Ближнем Востоке и в Северной Африке, ЕЭС, учрежденное в 1957 г., активно развивало двустороннее, а затем и многостороннее торгово-экономическое и политическое сотрудничество со странами региона. С окончанием эпохи «холодной войны» и распадом Советского Союза Соединенные Штаты стали единственной державой, доминирующей в регионе. После распада СССР и, как следствие, крушения биполярного мирового порядка в американском сознании укрепилась вера в особую миссию США. Вашингтон стал более активно и даже агрессивно продвигать свои интересы на международной арене и, в частности, на Арабском Востоке. Евросоюз же, превратившись в экономического гиганта, с начала 1990-х гг. стал укреплять военно-политический потенциал, чтобы превратиться самостоятельного и влиятельного субъекта мировой политики.

Хотя в течение десятилетий «холодной войны» американо-советское противостояние в регионе оттеняло разногласия между США и Европой, они, тем не менее, присутствовали и в ряде случаев даже достигали высокого уровня остроты. Притом что США и государства-члены ЕС в постбиполярный период преследовали схожие цели в регионе, методы для их достижения выбирались различные, что, собственно, в большинстве случаев и служило причиной разногласий. Силовые средства, которые были приемлемы для США, казались неприемлемыми или нерациональными для ЕС. Тогда как методы «мягкой силы», которым отдавал предпочтение Евросоюз, считались Соединенными Штатами слабыми и неубедительными. Наиболее остро эти различия проявились при администрации Дж. Буша-мл., когда определяющими принципами политики США стали унилатерализм, выбор в пользу «жесткой силы» и новый подъем мессианства. В итоге внешнеполитический курс администрации Дж. Буша-мл. привел к перенапряжению сил США и падению их престижа на международной арене. В это время Европейский союз продолжил развивать торгово-экономические и политические отношения со странами Южного Средиземноморья, выстраивая новые и дополняя существующие механизмы и инструменты, имея целью изменение сопредельного региона «под себя», путем создания кольца дружественных государств по периметру своих границ на южном направлении.

Кроме того, в этот период концепты и идеи, которые использовали и которых придерживались американцы, в частности, «ось зла», «государства-изгои», «Большой Ближний Восток», «девиантное поведение», «перевоспитание режимов» и проч., и ЕС и государства-члены, – например, «поощрение», стимулирование «хорошего поведения» и т.д., отражали их стратегическую культуру. Более того, разногласия между Вашингтоном и Брюсселем на рубеже XX – XXI вв. стали одной из главных причин укрепления внешней политики ЕС и становления европейской стратегической культуры, что позволило бы Евросоюзу превратиться в независимого и влиятельного актора на международной арене.

Несмотря на вышеуказанные различия в методах, частью стратегических культур Соединенных Штатов и Европейского союза являлось видение себя в качестве трансформационных сил, поэтому и те, и другие в постбиполярный период провозгласили одной из своих приоритетных целей распространение демократии и западных ценностей на Арабском Востоке. При этом нередко был очевиден конфликт между ценностями и интересами. Хотя продвижение либеральной демократии и вера в особую миссию США продолжала занимать центральное место в американской внешней политике, Вашингтон прагматично подходил к отбору тех «плохих» режимов, которые необходимо было демократизировать. Европейский союз также нередко закрывал глаза на нарушения прав человека, защита которых являлась одной из высших ценностей для Брюсселя, когда речь шла об обеспечении безопасности в соседнем регионе, в котором у ЕС и государств-членов были значительные экономические, политические и энергетические интересы. Таким образом, когда дело касалось долгосрочных стратегических интересов, ценности отходили на второй план, а США и ЕС поступали в соответствии со своими интересами.

К концу 2000-х гг. унилатералистская, силовая политика Дж. Буша-мл. привела к перенапряжению сил Соединенных Штатов, и новая администрация во главе с Б. Обамой, пришедшая к власти в США по итогам выборов 2008 г., поставила себе задачу пересмотреть методы, используемые Вашингтоном для достижения своих целей на международной арене. Б. Обама стремился избежать углубления диссонанса между глобальными амбициями и целями США и ограниченными возможностями для их достижения, как это произошло в годы правления предыдущей администрации. По этой причине 44-й президент предложил смену методов ведения внешней политики

Соединенных Штатов – «умную силу» вместо «жесткой», многосторонность вместо односторонности, решил повысить порог применения военной силы и отказался от намерения реформировать Ближний Восток посредством демократизации. Это должно было привести к уменьшению разногласий между США и ЕС по отдельным проблемам на Арабском Востоке, потому как одна из главных причин этих разногласий – силовая, унилатералистская политика Соединенных Штатов – должна была измениться.

К 2011 г. как США, так и Евросоюз обладали возможностью повлиять на ситуацию на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Однако, с другой стороны, как в Соединенных Штатах, так и в Европейском союзе существовали острые внутренние проблемы и вызовы. В США боролись с экономическим кризисом, который охватил страну еще в 2007 г., а также изменение расстановки сил в Конгрессе в пользу республиканцев в 2010 г. сковывало в действиях администрацию Б. Обамы. В Европе разразился долговой кризис, решением которого активно занимались государства-члены ЕС, чтобы стабилизировать ситуацию в зоне евро. Именно в этих условиях, когда по обе стороны Атлантического океана США и объединенная Европа переживали экономические потрясения и занимались решением внутренних проблем, Ближний Восток и Северную Африку охватило «арабское пробуждение».

*ГЛАВА 2. «*АРАБСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ» КАК ВЫЗОВ ДЛЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

§1. Феномен «арабского пробуждения»: причины, основные события, реакция Запада

17 декабря 2010 г. тунисский торговец М. Буазизи совершил акт самосожжения в знак протеста против бесправия народа. Его поступок послужил спусковым крючком для начала волнений в арабском мире. Протесты, вспыхнувшие в Тунисе, быстро распространились на соседние страны Северной Африки и Ближнего Востока. Эти события объединили молодых и старых, богатых и бедных, верующих и неверующих, христиан и мусульман, суннитов и шиитов, жителей арабских городов и деревень, которые вышли на улицы, требуя улучшения социально-экономической жизни, гражданских прав и свобод, честных выборов и демократических реформ. Эти волнения, охватившие арабский мир, были названы мировой прессой «арабской весной» по аналогии с «Весной народов»[324] или «арабским пробуждением». Как отмечала главный научный сотрудник ИВ РАН И.Д. Звягельская, ««арабская весна» оказалась слишком сезонной и слишком оптимистичной, «арабское пробуждение» предусматривало политический и социальный прогресс или хотя бы вектор, но этого не произошло, хотя «пробуждение» все же означало, что арабский мир больше не будет прежним. Наконец, менее спорный и менее выразительный термин «трансформации в арабском мире» стал понемногу оттеснять другие названия, поскольку нейтрально фиксировал изменения, но не их направление»[325].

Несмотря на популярность в отечественной литературе конспирологических теорий, сторонники которых расценивали «арабское пробуждение» как результат заговора западных стран, эта трактовка событий выглядит малоубедительной и не отражает действительность. Большинство экспертов, специализирующихся на изучении этого региона, сходятся во мнении, что причины нестабильности в арабском мире носили внутренний характер, хотя, как отмечается в докладе международного дискуссионного клуба «Валдай», подготовленном исследователями ИВ РАН, «конкретная их иерархия остается предметом дискуссий: одни считают решающим фактором дисбаланс в социально-экономическом развитии (бедность, коррупция,

[324] Волна революций, прокатившаяся по Европе в 1848-1849 гг.

[325] Звягельская И.Д. Ближневосточный клич: Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. – С. 61.

безработица, «молодежный бугор»), другие концентрируют внимание на политико-психологических (авторитаризм, депривация и т.д.) или социально-политических (отсутствие социальных лифтов) проблемах»[326].

Итак, можно выделить ряд внутренних причин, которые спровоцировали волну протестных движений в арабском мире. Во-первых, следует сказать о демографическом факторе. Двадцать-тридцать лет назад благодаря успехам медицины в регионе резко снизилась детская смертность, несколько улучшились условия жизни населения. В итоге, к 2011 г. в среднем по арабскому миру более 60% населения составляли молодые люди до 30 лет, т.е. образовался т.н. «молодежный бугор». Проблема заключалась в том, что это была в большинстве своем образованная, но безработная молодежь. Именно эта группа населения, как правило, стремится к переменам в обществе, склонна к максимализму и не боится рисковать, они и послужили ударной силой революций[327].

Во-вторых, свою роль сыграли социально-экономические причины, в первую очередь, проблема коррупции. В рейтинге восприятия коррупции, составляемом Transparency International (международной неправительственной организации по исследованию и борьбе с коррупцией), страны региона низменно занимали высокие позиции по уровню коррумпированности власти и государственных институтов. Согласно данным этой организации за 2010 г., почти 90% арабских государств находились в нижней трети рейтинга[328]. Хотя, скорее, не сама коррупция, а непотизм правящих классов вызывал раздражение у народа. Практика, когда сторонники и родственники правителей контролировали самые доходные сферы экономики, являлась весьма распространенной в странах Северной Африки и Ближнего Востока. Разрыв между доходами основной массы населения и верхушки все увеличивался и вызывал бурное недовольство населения. К тому же в этих государствах была низкая социальная мобильность. Молодежь, как и население в целом, не видели возможностей

---

[326] Наумкин В.В., Кузнецов В.А., Сухов Н.В., Звягельская И.Д. Ближний Восток в эпоху испытаний: травмы прошлого и вызовы будущего // Валдай. Август 2016. – С. 6.

[327] См. подробнее: Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года. Структурно-демографический анализ. – С. 68-69; Васильев А.М. Рецепты арабской весны: русская версия / А. Васильев, Н. Петров. - М.: Алгоритм, 2012. – С. 37-39; Charafeddine R. The Economic and Financial Impacts of the Arab Awakening // The Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard University. – October 3, 2011. – P. 1-15; Фитуни Л.Л. Экономические причины и последствия «арабской весны» // Проблемы современной экономики. – 2012. – №1; Economics of the Arab Awakening: From Revolution to Transformation and Food Security. P. 1; Völker P. Arabischer Frühling. Druckwelle des Wandels // Der Spiegel. 31.05.2011. URL: http://www.spiegel.de/spiegelgeschichte/a-765896.html (accessed 28.07.2018)

[328] Transparency International. Corruptions Perception Index 2010. URL: file:///C:/Users/Touch/Downloads/2010_CPI_EN.pdf (accessed 28.07.2018)

продвижения по социальной лестнице, т.к. отсутствовала система «социальных лифтов»[329].

Более того, ситуацию с социальным неравенством усугубляла проблема бедности и безработицы, которые к концу 2000-х гг. оказались более актуальными на фоне финансово-экономического и продовольственного кризисов[330]. Несмотря на то, что в 2000-е гг. правящим режимам в арабских государствах удалось достичь хороших успехов в борьбе с нищетой, и уровень крайней бедности был значительно сокращен, уровень бедности в странах Ближнего Востока и Северной Африки хотя и сильно варьировался, но в среднем к 2011 г. был довольно высоким – порядка 35-40%[331]. Проблема безработицы также была неравномерна и неоднозначна, поскольку в ряде стран региона, например, в большинстве монархий Персидского залива, в Ливии, где уровень жизни был выше, люди сами не стремились работать. Тем не менее в среднем по региону уровень безработицы достигал порядка 15%[332].

Наконец, в-третьих, значительную роль в дестабилизации ситуации сыграли политические причины. Проблема геронтократии была актуальна в большинстве стран Северной Африки и Ближнего Востока, где государства возглавляли несменяемые лидеры. Например, по состоянию на 2011 г. З. Бен Али правил в Тунисе уже 23 года, Х. Мубарак в Египте и А. Салех в Йемене – по 30 лет, М. Каддафи в Ливии – более 40 лет, Х. Асад руководил Сирией 30 лет, после чего власть перешла его сыну – Б. Асаду, который, в свою очередь, правил 11 лет. По примеру Х. Асада, Х. Мубарак и М. Каддафи готовили своих сыновей для передачи им властных полномочий. В связи с этим ощущалась «усталость населения» от власти и стремление к переменам. Жесткое

---

[329] См. подробнее: Мирский Г.И., Наумкин В.В. События в Северной Африке и на Ближнем Востоке: причины и следствия. Круглый стол; Долгов Б.В. Ук. соч. – С. 187; Звягельская И.Д. Ук. соч. – С. 66.; Сапронова М.А. Генезис арабских революций // Международные процессы. – 2011. – № 3. – С. 129-136.

[330] По данным ООН, в декабре 2010 г. стоимость продовольственных товаров превысила предыдущий исторический максимум, отмеченный в период продовольственного кризиса 2008 г. Ситуация в регионе усложнялась тем, что страны Северной Африки и Ближнего Востока сильно зависели от импорта продовольствия. Согласно данным Всемирного банка, к группе риска относились такие государства, как Египет, Иордания, Ливан и Йемен, которые остро нуждаются в импорте пшеницы, цены на которую субсидировались правительством. Также в группе риска оказались такие страны как Марокко и Тунис, где в тот период наблюдалось сокращение урожая зерновых. Если в среднем в мире на импорт продовольственных товаров приходится 1,6% ВВП, то в странах Ближнего Востока и Северной Африки данный показатель составляет 6-7%. См. подробнее: Продовольственный кризис в мире: текущая ситуация и долгосрочные тенденции // Институт комплексных стратегических исследований. – Февраль 2011. – № 2 (12).

[331] World Bank Group. MENA Economic Monitor. Inequality, Uprisings, and Conflict in the Arab World. October 2015. – P. 12.

[332] См. об этом: Orozco O., Lesaca J. Op. cit. – P. 9; Akhtar S.I., Bolle M.J., Nelson R.M. U.S. Trade and Investment in the Middle East and North Africa: Overview and Issues for Congress // Congressional Research Service. – March 4, 2013. – P. 3.

авторитарное правление и готовность лидеров любой ценой удержаться у власти лишали народ возможности отстаивать свои политические и экономические интересы легальным путем. Помимо этого, массы были фактически лишены представительства, а, следовательно, и возможности влиять на политику своих стран. В дополнение к этому население не обладало большинством демократических прав и свобод[333].

В своей книге, посвященной анализу политики США на Ближнем Востоке в контексте «Арабской весны», директор центра анализа ближневосточных конфликтов ИСКРАН А.И. Шумилин писал, что, несмотря на доминирование сугубо внутренних факторов, спровоцировавших «арабское пробуждение», в современном взаимозависимом мире нельзя также отрицать влияние внешних причин. При этом исследователь отмечал, что трактовать их нужно в серьезном аналитическом ключе, и выделял два таких внешних фактора: во-первых, многолетние попытки США и ЕС демократизировать Ближний Восток и Северную Африку, распространить западные ценности, образ жизни и образование, содействовать созданию гражданского общества; во-вторых, т.н. «эффект домино», поскольку изменения в одной стране повлекли за собой схожие перемены в других[334]. Подобную точку зрения разделяют многие российские[335] и западные эксперты и политики. Так, старший научный сотрудник Совета по международным отношениям Э. Абрамс считал, что «арабское пробуждение» было результатом не внешней политики Вашингтона, а американской политической теории, в частности, теории демократизации[336]. Другой влиятельный американский политолог, журналист и телеведущий Ф. Закария отмечал, что и Дж. Буш-мл., и Б. Обама косвенно ответственны за «арабское пробуждение». Унилатералистская политика 43-его президента США, направленная на силовую демократизацию Ближнего Востока, стала причиной, по которой правительствам арабских стран было легко дискредитировать идею демократии, представляя ее как «имперский заговор». Б. Обама дистанцировался от агрессивной внешней политики Дж. Буша-мл. в регионе и отказался от навязывания демократии. Этот курс, по мнению Ф. Закарии, позволил политическим

---

[333] См. подробнее: Васильев А.М. Ук. соч. – С. 58-66; Мирский Г.И., Наумкин В.В. События в Северной Африке и на Ближнем Востоке: причины и следствия. Круглый стол; Сапронова М.А. Генезис арабских революций // Международные процессы. – 2011. – № 3. – С. 129-136.

[334] Шумилин А.И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «Арабской весны». – М.: «Международные отношения», 2015. – С. 247.

[335] См., например: Васильев А.М. Рецепты арабской весны: русская версия / А. Васильев, Н. Петров. - М.: Алгоритм, 2012. – С. 67-72.

[336] Abrams E. From 9/11 to Arab Spring // The Daily. September 11, 2011. URL: http://www.thedaily.com/page/2011/09/11/091111-opinions-oped-abrams-arab-spring-1-2/

процессам войти в «нормальное» русло, обусловленное внутренним развитием каждого арабского государства, что и привело к протестным движениям 2011 г., которые полностью принадлежали арабам[337].

Таким образом, к концу 2010 г. существовало немало причин для всплеска нестабильности в регионе. Тем не менее начавшиеся в 2011 г. события «арабского пробуждения» оказались неожиданными. Хотя и следует отметить, что при всей их внезапности в докладах о человеческом развитии, подготовленных Программой развития ООН (ПРООН) в 2009 – 2010 гг.[338], прогнозировались возможные проблемы, в частности, связанные с «дефицитом демократии», поскольку медленно зарождающийся народный спрос на демократические преобразования и участие граждан в политическом процессе слабо удовлетворялся. Многие же реформы, которые проводились правительствами арабских государств, нейтрализовывались контрмерами, ограничивающими политическое участие граждан. Как указывалось в докладах, по сути, в большинстве стран региона был очевиден контраст между реальной политикой правительств и формальной поддержкой демократии, прав человека и верховенства закона. Так, в арабском мире к моменту волнений накопилось немало причин для недовольства населения. Достаточно было пары «триггеров», одним из которых оказалось самосожжение М. Буазизи, чтобы привести механизм в действие и запустить «эффект домино».

После тунисской революции волнения охватили многие государства Северной Африки и Ближнего Востока, некоторым из которых, тем не менее, удалось успешно нейтрализовать вызов. Правительства Алжира, Марокко, Иордании, монархий Персидского залива справились с этой задачей самостоятельно, проведя ряд реформ (чаще номинальных, чем реальных) или благодаря финансовым рычагам (увеличение социальных пособий, повышение зарплат), а в случае с Бахрейном определяющую роль в подавлении волнений сыграло вмешательство Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ – региональной организации монархий

---

[337] Zakaria F. In the Middle East protests, a seismic shift // The Washington Post. February 24, 2011. URL: https://fareedzakaria.com/columns/2011/02/24/in-the-middle-east-protests-a-seismic-shift (accessed 29.07.2018)

[338] UNDP. Arab Human Development Report 2009. – P. 73. URL: http://www.ae.undp.org/content/united_arab_emirates/en/home/library/human_development/arab_human_developmentreport2009.html (accessed 29.05.2018); UNDP. Human Development Report. 2010. – P. 69. URL: http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2010 (accessed 29.07.2018)

Персидского залива)[339]. Другие страны Северной Африки и Ближнего Востока оказались менее устойчивыми перед лицом «арабского пробуждения»: в Тунисе, Египте протестные движения переросли в революции, в Ливии, Йемене и Сирии – в кровопролитные конфликты.

С самого начала «арабское пробуждение» застало врасплох лидеров Соединенных Штатов Америки и стран-членов Европейского союза. Для евроатлантического сообщества события на Ближнем Востоке и в Северной Африке и их масштаб оказались полной неожиданностью. Первоначально Вашингтон и Брюссель не спешили давать конкретные оценки происходящему, не желая на первых порах ошибиться с выводами, поскольку не было ясно, как следует действовать в подобной ситуации. Несмотря на осторожность и нерасторопность американцев и европейцев, им не удалось избежать обвинений в проведении политики «двойных стандартов» со стороны общественности и исследователей[340], что на самом деле соответствовало действительности, поскольку США и Евросоюз по-разному реагировали на события в странах региона. Так, можно ввести следующую классификацию. С точки зрения реакции Вашингтона и Брюсселя государства «арабского пробуждения» можно подразделить на три основные группы:

1) политическое давление (разной степени интенсивности) на режимы – Тунис, Йемен, Египет;

2) невмешательство – Бахрейн;

3) непосредственное вмешательство – Ливия, Сирия.

Анализируя реакцию Соединенных Штатов и Евросоюза на протестные движения в Тунисе, Йемене и Египте, можно отметить две главные тенденции. С одной стороны, была характерна поэтапная смена подхода от поддержки или благожелательного нейтралитета по отношению к правящему режиму к выступлению против него. С другой стороны, давление имело разную степень интенсивности в том числе в связи с уровнем напряженности в самой стране.

---

[339] Ввод войск в Бахрейн был осуществлен в соответствиями с условиями договора о безопасности государств-членов ССАГПЗ и только после того, как протестующие потребовали свержения монархии.

[340] См., например: Warrick J., Birnbaum M. As Bahrain stifles protest movement, U.S.'s muted objections draw criticism // The Washington Post. April 15, 2011. URL: https://www.washingtonpost.com/world/as-bahrain-stifles-protest-movement-uss-muted-objections-draw-criticism/2011/04/14 (accessed 31.07.2018); Amirahmadi H., Afrasiabi K. The west's silence over Bahrain smacks of double standards // The Guardian. April 29, 2011. URL: http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2011/apr/29/bahrain-saudi-arabia-iran-west; Rothkopf D. Time for America to end its double standard in the Middle East // Foreign Policy. August 3, 2011. URL: http://foreignpolicy.com/2011/08/03/time-for-america-to-end-its-double-standard-in-the-middle-east/ (accessed 31.07.2018)

Революция в Тунисе, оказавшись первой в череде событий «арабского пробуждения», привела США и ЕС в замешательство. В разгар волнений министр иностранных дел Франции М. Аллио-Мари даже предложила направить французский спецназ, чтобы помочь тунисским властям подавить беспорядки. Администрация Б. Обамы предпочла остаться в стороне: она не поддерживала и не выступала против главы Туниса, поскольку до событий «арабского пробуждения» Вашингтон не имел значительно развитых торгово-экономических или военно-политических отношений с североафриканской страной. Что же касается Европейского союза, то когда власти Туниса применили оружие для разгона протестующих, Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон и Комиссар ЕС по расширению и европейской политике соседства Ш. Фюле в совместном заявлении выразили свою обеспокоенность в связи с событиями в Тунисе и призвали президента Бен Али воздержаться от применения силы и освободить задержанных активистов[341].

Только после побега Бен Али из страны 14 января 2011 г. в очередном совместном заявлении К. Эштон и Ш. Фюле высказались в поддержку демократических устремлений тунисского народа[342], а лидеры западных государств пожелали Тунису скорее вступить на демократический путь развития[343]. Париж, в доказательство того, что вынес уроки из своих первоначальных ошибок, отказался принять Бен Али. Тем временем М. Аллио-Мари заменил на посту главы французского МИД А. Жуппе. Позже президент Н. Саркози признался, что Франция на тот момент недооценивала значение протестов[344].

Воодушевленные быстрым успехом тунисской революции жители соседних стран стали выходить на улицы с аналогичными требованиями. Кровопролитными оказались события в Йемене, за которыми ЕС наблюдал со стороны и воздержался от использования дипломатического и любого иного давления на режим. Хотя США также

---

[341] European Union. Statement by EU High Representative Catherine Ashton and European Commissioner for Enlargement Stefan Füle on the situation in Tunisia. Brussels, January 10, 2011. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/118752.pdf (accessed 31.07.2018)

[342] European Union. Joint Statement by EU High Representative Catherine Ashton and Commissioner Stefan Füle on the event in Tunisia. Brussels, 14 January 2011.

[343] In quotes: Reaction to Tunisian crisis // BBC. 15.01.2011. URL: http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-12197681 (accessed 27.07.2018)

[344] См. подробнее о позиции Франции в связи с событиями в Тунисе: Barah M. France and the Arab Spring: an opportunistic quest for influence // Fride. – 2011. October. – P. 5-6; Behr T. The European Union's Mediterranean Policies after the Arab Spring: Can the Leopard Change its Spots? // VU University Amsterdam | Amsterdam Law Forum. – 2012. – Vol 4:2; Карева Д.О. Реакция Франции на революционные события в Тунисе и Египте в начале 2011 года: сравнительный анализ // Вестник МГУ. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2014. – №1. – С. 29-51.

не стремились давать категоричных оценок, Белый дом все же призвал президента А. Салеха оставить свой пост и начать в стране переходный процесс[345].

В конце января 2011 г. митинги начались уже в Египте. К. Эштон, чья невнятная позиция жестко критиковалась как изнутри представителями различных групп и партий, так и вне его различными НПО и государствами[346], проявила желание играть более активную роль, чем в первые дни «арабского пробуждения». В официальном заявлении о событиях в Египте 27 января 2011 г. она отметила, что граждане имеют право на мирное выражение своего мнения, и их голоса должны быть услышаны, а также добавила, что применение насилия египетскими властями неприемлемо[347]. Уже 31 января на заседании Европейского совета обсуждалась ситуация в Тунисе и Египте. В заключении Европейского совета говорилось о полной солидарности с тунисским народом и о готовности оказать ему необходимую помощь в проведении демократических реформ, в социальном, экономическом и политическом преобразовании государства. Хотя в ходе встречи Европейский совет признал легитимными демократические устремления египетского народа[348], но воздержался от прямых обвинений в адрес Х. Мубарака, оставляя себе место для маневра, в случае если он все же удержится у власти.

События в Египте поставили Соединенные Штаты в довольно непростую ситуацию. 25 января госсекретарь Х. Клинтон заявила, что Белый дом считает «египетское правительство стабильным», а два дня спустя вице-президент Дж. Байден в интервью сказал, что «не стал бы называть Х. Мубарака диктатором»[349]. Хотя Вашингтон не стремился давить на своего египетского союзника, однако, встав на сторону правящего режима и отказавшись поддерживать протестующих, американцы поступили бы вразрез со своими ценностными установками. Тем не менее, приняв сторону правящего режима на первых этапах египетской революции, призвав Х.

---

[345] The White House. Statement by the Press Secretary on John Brennan's Meeting with President Salih of Yemen. July 10, 2011. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/07/10/statement-press-secretary-john-brennans-meeting-president-salih-yemen (accessed 30.07.2018)

[346] См. подробнее: Данилов Д.А. Европейский союз // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? – С. 418-419.

[347] European Union. Statement by EU High Representative Catherine Ashton on the events in Egypt. January 27, 2011. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/118963.pdf (accessed 1.08.2018)

[348] Council of the European Union. Press Release, 5888/1/11 REV 1 (en). January 31, 2011. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/119045.pdf (accessed 30.07.2018)

[349] Recent developments in Egypt and Lebanon: implications for U.S. policy and allies in the Broader Middle East: hearing before the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Twelfth Congress, first session, February 9 and 10. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2001.

Мубарака лишь отказаться от насилия, пойти навстречу народу и провести необходимые реформы[350], уже в начале февраля администрация Б. Обамы была вынуждена сменить позицию в отношении лидера Египта. С одной стороны, многие конгрессмены – как демократы, так и республиканцы, – например, глава Комитета Палаты представителей по иностранным делам И. Рос-Лейтинен, представляющая республиканскую партию, и демократ Г. Акерман критиковали позицию американского президенты в отношении Х. Мубарака и его неспособность противодействовать росту влияния исламистских партий в стране, включая «Братьев-мусульман»[351]. С другой стороны, как свидетельствовали письма сотрудников американских миссий в Египте Х. Клинтон, опубликованные WikiLeaks, в Госдепартаменте осознавали, что в условиях, когда армия держалась в стороне, правящий режим не смог бы устоять[352]. Кроме того, как утверждает профессор Лондонской школы экономики Ф. Гергес, колебания Б. Обамы также были связаны с раскладом сил внутри его команды: сторонники «традиционного внешнеполитического истеблишмента» в лице госсекретаря Х. Клинтон и ее советника Д. Росса выступали за сохранение статус-кво, тогда как постоянный представитель США при ООН С. Пауэр и глава аппарата Белого дома Д. Макдоноу считали, что необходимо оказать давление на Х. Мубарака[353]. Только в начале февраля Б. Обама заявил о своем разочаровании развитием событий в Египте. Президент отметил, что Х. Мубарак принял решение не переизбираться на следующих выборах, а также призвал его «сделать правильный выбор»[354], по всей видимости, подразумевая, что на фоне продолжающихся протестов главе Египта пора уходить в отставку. 11 февраля глава Египта сложил с себя полномочия президента, власть перешла Высшему армейскому совету (ВАС) до проведения выборов, назначенных на начало 2012 г.

По мнению американского политолога из Международного фонда Карнеги за международный мир Т. Каротерса, позиция Вашингтона в отношении стран первой

---

[350] The White House. Remarks by President Barak H. Obama on the Situation in Egypt. January 28, 2011. [Электронный ресурс]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/01/28/remarks-president-situation-egypt (accessed 3.08.2018)

[351] Recent developments in Egypt and Lebanon: implications for U.S. policy and allies in the Broader Middle East: hearing before the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Twelfth Congress, first session, February 9 and 10. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2001.

[352] Hillary Clinton Email Archive. Latest Intel on Egypt and New Options. Unclassified // WikiLeaks. February 2, 2011. [Electronic resouce]. URL: https://wikileaks.org/clinton-emails/emailid/6764 (accessed 5.08.2018)

[353] Gerges F.A. Obama and the Middle East: the end of America's moment. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012. – P. 165.

[354] The White House. Remarks by President Barak H. Obama and Prime Minister Stephen Harper of Canada in Joint Press Availability. February 4, 2011. [Electronic resouce]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/02/04/remarks-president-obama-and-prime-minister-stephen-harper-canada-joint-p (accessed 20.08.2018)

группы – Туниса, Йемена и Египта – характеризовалась следующими особенностями: во-первых, отсутствием четкого понимания влияния политических изменений в арабских странах на интересы США в регионе; во-вторых, желанием сохранить связи с правящим режимом на случай, если он выстоит против оппозиции; в-третьих, стремлением дистанцироваться от оппозиции, чтобы с одной стороны не дискредитировать ее контактами с США, с другой – в связи с тем, что в Вашингтоне существовали опасения, что Белый дом не сможет выполнить свои обязательства перед оппозиционными движениями, если потребуется[355]. Таким образом, несмотря на демократическую риторику, свержение тунисского, египетского и йеменского режимов шло вразрез с региональными интересами безопасности США. Уже на первом этапе «арабского пробуждения» американцы потеряли нескольких своих союзников. Отставка лидеров этих стран также не соответствовала интересам европейцев.

Так, потеря Египта стала наибольшим ударом для США. Б. Обаме не удалось избежать обвинений со стороны ближневосточных союзников, включая Израиль, и ряда американских политиков в том, что он «толкнул Мубарака под автобус», не поддержал давнего «друга» США[356]. Однако старший научный сотрудник Института Брукингса Р. Кейган, выступая в феврале 2012 г. в Комитете Палаты представителей по иностранным делам заявил, что «не США бросали Мубарака или других авторитарных правителей под автобус – они сделали эти сами»[357]. По его словам, с февраля 2010 г. активно действовала созданная им и директором Центра по изучению Ближнего Востока имени Рафика Харири Атлантического совета М. Данн рабочая группа по Египту, целью которой было убедить Х. Мубарака провести умеренные реформы в преддверии парламентских выборов, поскольку в стране росло недовольство возможной передачей власти его сыну. Собственно, умеренные реформы, открывающие некоторое пространство для оппозиционных партий, могли бы ослабить напряжение. Но Х. Мубарак выбрал иной путь, предложение рабочей группы не было реализовано. Как

---

[355] Carothers T. Democracy Policy Under Obama: Revitalization or Retreat? – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2012. – P. 34.

[356] См., например: Hamilton D. Israel shocked by Obama's «betrayal» of Mubarak // Reuters. January 31, 2011. URL: https://www.reuters.com/article/us-egypt-israel-usa/israel-shocked-by-obamas-betrayal-of-mubarak-idUSTRE70U53720110131 (accessed 20.08.2018); Smith C.R. Obama throws another one under the bus // WND. February 14, 2011. URL: https://www.wnd.com/2011/02/263373/ (accessed 30.07.2018); McGreal C., Sherwood H. Rick Perry accuses Barack Obama of betraying Israel over Palestinian bid // The Gaurdian. September 20, 2011. URL: https://www.theguardian.com/world/2011/sep/20/rick-perry-barack-obama-israel (accessed 30.07.2018)

[357] Reflections on the revolution in Egypt, Part I: hearing before the Subcommittee on the Middle East and the South Asia of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Twelfth Congress, second session. February 15. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2012. – P. 7.

отмечал Р. Кейган, когда же люди вышли на площадь ат-Тахрир, глава Египта стал говорить о намерении провести эти реформы, однако было уже поздно[358].

Далее волна протестов и выступлений прошлась и по Аравийскому полуострову. Во всех монархиях Персидского залива возникли внутренние беспорядки. В то время как в Саудовской Аравии, в Кувейте и в Объединенных Арабских Эмиратах удалось в короткие сроки положить конец волнениям с помощью увеличения социальных выплат, в Омане демонстрации достигли больших размахов, но в ответ на протесты султан страны провел умеренные реформы, передав часть полномочий парламенту, что успокоило толпу и позволило ему удержаться у власти[359].

Единственной страной Персидского залива, не справившейся с внутренними беспорядками самостоятельно, стал Бахрейн, который оказался очередной жертвой «арабского пробуждения». Ситуация в королевстве усложнилась тем, что 70% населения страны составляют шииты, а у власти находится суннитское меньшинство. Несмотря на то, что среди протестующих были как шииты, так и сунниты, правительство боялось именно шиитского мятежа. В этом случае главной контрреволюционной силой стала Саудовская Аравия[360]. Видя, что власти Бахрейна не справляются с протестными выступлениями, ССАГПЗ ввел свои силы, костяк которых составляли саудовские подразделения, для подавления волнений в тот момент, когда стали раздаваться призывы к установлению республиканского строя.

Примечательно, что события в Бахрейне как в Брюсселе, так и в Вашингтоне предпочли не комментировать. Более того, как свидетельствуют опубликованные WikiLeaks письма госсекретарю Х. Клинтон, еще накануне ввода войск в США знали, что власти КСА твердо намерены использовать силу, если волнения в Бахрейне усилятся[361]. В связи с этим действия американской администрации в общественно-политическом дискурсе оценивались как проведение политики «двойных стандартов»[362],

---

[358] Ibidem.

[359] См. подробнее: Blanchard C.M., Arieff A., Danon Z., Katzman K., Sharp J.M., Zanotti J. Change in the Middle East: Implications for U.S. Policy // Congressional Research Service. March 7, 2012. – P. 8-9; Малышева Д.Б. Монархии Персидского залива и «арабская весна» // Международная жизнь. 31.08.2012. URL: http://interaffairs.ru/author.php?n=arpg&pg=714 (accessed 30.07.2018)

[360] См. подробнее: Hassan O. Undermining the transatlantic democracy agenda? The Arab Spring and Saudi Arabia's counteracting democracy strategy // Democratization. – 2015. – Vol. 22, № 3. – P. 479-495.

[361] Hillary Clinton Email Achieve. Dramatic new Libya & Bahrain developments. Confidential // WikiLeaks. March 16, 2011. [Electronic resouce]. URL: https://wikileaks.org/clinton-emails/emailid/12698 (accessed 3.08.2018)

[362] Blomfield A., Spillius A. Arab fury at Obama UN speech // The Telegraph. September 22, 2011. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/barackobama/8782527/Barack-Obama-UN-speech-Arab-fury-over-Palestinian-statehood-speech.html (accessed 23.04.2018); Amirahmadi H., Afrasiabi K. The west's silence over Bahrain

поскольку одновременно в одних странах американцы призывали режимы уйти и выступали за демократические реформы, а в других поддерживали авторитарные режимы для удержания там своих позиций. Так, в Бахрейне дислоцируются военно-морские силы США, в Кувейте – база сухопутных войск и в Катаре – военно-воздушных сил. Администрации Б. Обамы предпочтительнее было молчаливо согласиться на ввод войск ССАГПЗ в Бахрейн, чем с возможной потерей своих баз в стратегически важной для Соединенных Штатов зоне Персидского залива. В СМИ с отсылкой на источники из ООН даже высказывалась точка зрения, что между Вашингтоном и Эр-Риядом была достигнута договоренность, по которой Белый дом закрывал глаза на вторжение в Бахрейн в обмен на согласие короля Саудовской Аравии поддержать в ЛАГ идею создания бесполетной зоны в Ливии[363].

Именно Ливия, а позже и Сирия оказались следующими государствами, которые не устояли под натиском «арабского пробуждения». В отличие от позиции в отношении протестов и революций в соседних странах, когда волнения охватили эти два арабских государства, реакция Вашингтона и Брюсселя оказалась довольно жесткой и в случае Ливии – бескомпромиссной. Благодаря усилиям региональных стран и организаций, в частности, ЛАГ, и европейских государств, «ливийская проблема» в своей новой ипостаси была обсуждена в СБ ООН, что впоследствии привело к прямой военной операции Запада в стране. В Сирии же, где волнения начались только в марте 2011 г., вместе с эскалацией конфликта происходила его постепенная интернационализация с возрастающим вовлечением региональных и глобальных игроков.

Когда в начале 2011 г. массовые выступления на востоке Ливии быстро переросли в кровопролитную гражданскую войну, Запад сразу же встал на сторону повстанцев, требуя лидера страны М. Каддафи пойти навстречу их требованиям[364].

---

smacks of double standards // The Guardian. April 29, 2011. URL: http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2011/apr/29/bahrain-saudi-arabia-iran-west (accessed 23.08.2018); Atlas P.M. U.S. Foreign Policy and the Arab Spring: Balancing Values and Interests // Digest of Middle East Studies. – 2012. – Vol. 21, № 2. – P. 353-385; Cooper A.F., et. al. The United States and Bahrain: Interpreting the Differentiated U.S. Responses to the Arab Spring // Digest of Middle East Studies. – 2014. – Vol. 23, № 2. – P. 360-384.

[363] Escobar P. The US-Saudi Libya deal // Asia Times. Hongkong. 02.04.2011. URL: http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/MD02Ak01.html (accessed 5.08.2018)

[364] The White House. Remarks by President Barak H. Obama on Libya. February 23, 2011. [Electronic resouce]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/02/23/remarks-president-libya (accessed 25.08.2018); The White House. Remarks by President Barak H. Obama on the Situation in Libya March 18, 2011. [Electronic resouce]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/03/18/remarks-president-situation-libya (accessed 25.04.2018); European Union. Declaration by the High Representative Catherine Ashton on behalf of the European Union on Libya. February 23, 2011. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/cfsp/119453.pdf (accessed 5.08.2018)

Североафриканское государство не было приоритетным направлением внешней политики Вашингтона. Как отмечалось выше, история отношений режима М. Каддафи не только с Соединенными Штатами, но и с европейскими странами была довольно мрачной и напряженной. Хотя, оказавшись под серьезным давлением со стороны Запада с 1980-х гг. и попав под международные санкции в связи с «делом Локкерби» в 1992 г., лидер Джамахирии в начале 2000-х гг. внес коррективы в свою политику: отказался от развития ядерной программы и поддержки терроризма, стал налаживать отношения с европейцами[365] и американцами, но это, как оказалось, не изменило полностью их отношение к ливийскому режиму. М. Каддафи продолжал оставаться для многих представителей политического истеблишмента стран Запада неприятной фигурой, чье эпатажное поведение и противопоставление себя и своей страны всему мировому сообществу вызывало критику и недоверие[366].

С обострением ситуации в стране и началом гражданской войны евроатлантическое сообщество встало на сторону оппозиции, признав Переходный национальный совет (ПНС). Началось обсуждение вопроса о вмешательстве в ливийский конфликт для защиты мирного населения. Уже в феврале 2011 г. Франция, поддержанная Великобританией, выступила с инициативой введения бесполетной зоны в Ливии. Несмотря на несогласие ФРГ, после долгих споров идея была поддержана европейскими странами[367].

Что касается США, то, по информации обозревателя американского журнала «The Atlantic» К. Фридерсдорфа, в ходе продолжительной дискуссии в Белом доме президент Б. Обама, чью сторону не приняло большинство его коллег, решил поддержать европейский проект. Решение президента США было обусловлено уверенностью в том, что лидеры Франции и Великобритании возьмут на себя основную ответственность, равно как и военные и экономические издержки[368]. 14 марта 2011 г. сенаторы Дж.

---

[365] Более того, М. Каддафи стали тепло и по-дружески встречать в европейских столицах, а Н. Саркози даже обвиняли в том, что он получал финансовую помощь от лидера Ливии в ходе своей предвыборной кампании 2007 г.

[366] См. подробнее: Бартенев В.И. Ук. соч. – С. 187-387; O'Hanlon M. Libya and the Obama Doctrine: How the United States Won Ugly // Foreign Affairs. 31.08.2011. URL: http://www.foreignaffairs.com/articles/68237/michael-ohanlon/libya-and-the-obama-doctrine (accessed 7.08.2018)

[367] См. подробнее: EU divided on Franco-British Libya plan // RFI. 11.03.2011. URL: http://www.english.rfi.fr/africa/20110311-eu-divided-franco-british-libya-plan (accessed 7.08.2018)

[368] Friedersdorf C. How Obama Ignored Congress, and Misled America, on War in Libya // The Atlantic. 13.08.2013. URL: http://www.theatlantic.com/politics/archive/2012/09/how-obama-ignored-congress-and-misled-america-on-war-in-libya/262299/ (accessed 8.08.2018)

Маккейн и Дж. Либерман призвали Белый дом поддержать резолюцию[369]. Пользующийся большим авторитетом в Вашингтоне сенатор-республиканец Р. Лугар, выступая на слушаниях в Конгрессе 17 марта и выражая свою обеспокоенность, вызванную введением бесполетной зоны над Ливией, счел очевидным тот факт, что США, наравне со своими союзниками должны поддержать чаяния ливийского народа. Но, с другой стороны, по его мнению, учитывая затраты на введение бесполетной зоны, риски эскалации конфликта при иностранном вмешательстве, перенапряжение военных сил Соединенных Штатов в Ираке и Афганистане, а также внутренние проблемы Америки, это могло привести к еще большему истощению сил США[370]. Собственно, осознавая возможные риски, Б. Обама стремился избежать новых обязательств в условиях финансово-экономического кризиса, увеличения бюджетного дефицита и ряда других экономических и социальных проблем. Белый дом вполне устраивала вспомогательная роль (лидерство из-за спины – leadership from behind) при ведущей роли франко-британского тандема[371]. Такое видение президента поддерживали многие конгрессмены, в частности, сенатор и глава Комитета Сената по международным делам Дж. Керри считал, что администрация Б. Обамы выбрала правильную позицию: помочь предотвратить гуманитарную катастрофу, но не допустить втягивания США в наземную операцию[372].

Любопытно, что в начале марта 2011 г. сын М. Каддафи Сейф аль-Ислам тайно встречался с представителями правительств Великобритании и Италии. Как свидетельствует информация из личной переписки Х. Клинтон, опубликованной WikiLeaks, сын ливийского лидера, по всей видимости, пытался убедить европейцев не

---

[369] Congressional Record – Senate. Libya. March 14, 2011. S1579.

[370] Popular uprising in the Middle East: The implications for U.S. policy: hearings before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, One Hundred Twelfth Congress, first session, March 17. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2011. – P. 5-6.

[371] Накануне военного вмешательства в Ливию Франция и Великобритания заключили в 2010 г. договор об обороне и сотрудничестве в области безопасности, согласно которому создавались общие военные группы, способные совершать гуманитарные, восстановительные и полноценные военные операции по всему миру, и совместный центр ядерных исследований. Мера была направлена на сокращение расходов на вооруженные силы и повышение их эффективности: См. подробнее: Jones B. Franco-British military cooperation: a new engine for European defense? // European Union Institute for Security Studies. – February 2011; Иванов А.В. Англо-французское военно-политическое сотрудничество в контексте общей европейской безопасности // Информационный центр по вопросам международной безопасности. 2011. URL: http://isc.mslu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=325&Itemid=36 (accessed 8.08.2018)

[372] Perspectives on the crisis in Libya: hearing before the Committee on Foreign Relations. United States Senate, One Hundred Fourteenth Congress, first session, April 6. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2011. – P. 2.

поддерживать резолюцию о введении бесполетной зоны в Ливии[373]. Тем не менее 17 марта 2011 г. соответствующая резолюция под номером 1973 была принята СБ ООН[374], открывшая дорогу к проведению военной операции международной коалиции в Ливии с целью защитить мирное население.

С началом ливийской военной кампании, группа демократов в Конгрессе выступила с заявлением, требуя от Б. Обамы отозвать американские самолеты из Ливии. Даже те, кто накануне поддерживали позицию Белого дома, буквально через несколько дней стали выражать свое недовольство действиями президента США. Например, за пару дней до принятия резолюции СБ ООН № 1973 американский политик и публицист, бывший спикер Палаты представителей США Н. Гингрич, выступая по американскому телевидению, обвинял ООН в бездеятельности, когда в Ливии «нещадно убивали людей», но на следующий после начала интервенции день, выступая по американскому телевидению, заявил, что США не должны были вмешиваться[375]. В рамках начавшейся в Соединенных Штатах полемики многие республиканцы, а также некоторые демократы критиковали Б. Обаму за поддержку военной операции в Ливии. Президента обвиняли в том, что он превысил свои полномочия, приняв решение, не посоветовавшись с Конгрессом[376]. Член Палаты представителей, демократ Д. Кусинич даже заявил, что президент совершил преступление, заслуживающее импичмента[377].

К концу марта НАТО взяла на себя командование ливийской операцией. 22 ноября 2011 г. после заседания в Брюсселе генеральный секретарь Североатлантического альянса А. Расмуссен заявил, что «операция НАТО в Ливии стала решающим успехом»[378], и через 222 дня после ее начала, 31 октября, операция «Объединенный защитник» была завершена. Несмотря на объявленный успех, она выявила ряд «проблемных точек». Во-первых, в очередной раз на поверхность вышли

---

[373] Hillary Clinton Email Achieve. Dramatic new Libya & Bahrain developments. Confidential // WikiLeaks. March 16, 2011. [Electronic resource]. URL: https://wikileaks.org/clinton-emails/emailid/12698 (accessed 8.08.2018)

[374] UN Security Council Resolution 1973. March 17, 2011. URL: http://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2011_03/20110927_110311-UNSCR-1973.pdf (accessed 8.08.2018)

[375] Newt Gingrich Assails Obama Over Libya Policy // Huffington Post. March 23, 2011. URL: https://www.huffingtonpost.com/entry/newt-gingrich-assails-oba_n_839450.html (accessed 8.08.2018)

[376] Popular uprising in the Middle East: The implications for U.S. policy: hearing before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, One Hundred Twelfth Congress, first session, March 17. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2011.

[377] Condon S. Kucinich says Obama «crossed the line», calls attacks on Libya an «indisputable» impeachable offense // CBS News. March 21, 2011. URL: https://www.cbsnews.com/news/kucinich-says-obama-crossed-the-line-calls-attacks-on-libya-an-indisputable-impeachable-offense/ (accessed 9.08.2018)

[378] НАТО объявило о прекращении операции в Ливии // РБК daily. 22.10.2011. URL: http://www.rbcdaily.ru/world/562949981797558 (accessed 9.08.2018)

противоречия между членами Евросоюза. С одной стороны, глава Еврокомиссии Ж.М. Баррозу, председатель Европейского совета Х. Ван Ромпей и прочие официальные лица ЕС, а также большинство депутатов Европарламента поддерживали идею вмешательства в Ливии[379]. С другой стороны, в ходе заседаний Совета ЕС в марте 2011 г. ряд европейских государств выступали против операции, продемонстрировав отсутствие единства внутри Евросоюза по вопросу о военном вмешательстве в ливийский конфликт[380]. Например, Германия сразу же после начала операции отозвала свои корабли, предназначенные для участия в морской блокаде в Средиземном море, и вывела свои экипажи из числа самолетов НАТО, которые должны были обеспечить бесполетную зону над Ливией[381]. Действия ФРГ стали объектом критики со стороны европарламентариев[382], утверждающих, что подобная позиция «подрывает усилия ЕС по защите прав человека» и «служит причиной провала внешней политики ЕС», тогда как усилия Великобритании и Франции были оценены весьма позитивно[383]. Помимо Германии, Италия, имевшая широкие экономические и политические связи с Ливией, считала уход М. Каддафи не самым лучшим решением. В Риме хорошо понимали, что углубление кризиса неизбежно вызовет поток беженцев и Италия будет одной из первых, кто пострадает от наплыва нелегальных иммигрантов. Глава Ливии, имевший с Римом ряд соглашений, направленных на борьбу с нелегальной миграцией, сдерживал эти потоки, обеспечивая региональную стабильность и безопасность. Мальта также сопротивлялась вмешательству из опасений потенциального наплыва беженцев. Польские власти, придерживавшиеся схожих с ФРГ позиций, утверждали, что проблемы Ливии являются ее внутренним делом, а поэтому нет необходимости во

[379] BQE. № 10323. 25.02.11; BQE. № 10323. 25.02.11; BQE. № 10346. 29.03.11.
[380] BQE. № 10343. 24.03.11.
[381] Weiland S., Nelles R. Berlin lässt seine Verbündeten alleine kämpfen // Der Spiegel. 18.03.2011. URL: http://www.spiegel.de/politik/deutschland/libyen-einsatz-berlin-laesst-seine-verbuendeten-alleine-kaempfen-a-751673.html (accessed 29.08.2018)
[382] Помимо критики Германии, лидеры политических групп Европарламента осудили недостаточную активность ЕС. В ответ на критику Ж.М. Баррозу указал, что политика безопасности и обороны, несмотря на прогресс, достигнутый благодаря Лиссабонскому договору, по-прежнему остается в значительной степени национальной политикой. Глава Еврокомиссии заявил, что «критика не вполне справедлива. Это бессилие некоторых правительств, а не ЕС», (BQE. № 10338. 17.03.11) подразумевая, по-видимому, позицию Берлина.
[383] BQE. № 10340. 19.03.11.

вмешательстве[384]. Австрия, Венгрия и Болгария отказались участвовать в любых военных действиях в Ливии[385].

Во-вторых, ливийская операция дала возможность европейцам объективно оценить свои военно-политические возможности и подтвердила их неспособность вести полномасштабные боевые действия без участия Североатлантического альянса. Как отмечал директор Программы безопасности и мирового управления в Королевском институте международных отношений Бельгии С. Бископ, кризис в Ливии был «примером из учебника», когда Евросоюз оказался в подходящих условиях, чтобы взять на себя инициативу и доказать, что является актором, способным обеспечить безопасность, т.к. существовала и резолюция СБ ООН № 1973, санкционирующая применение силы, и региональная поддержка в виде просьбы со стороны ЛАГ вмешаться, и абсолютно ясная позиция Соединенных Штатов, что они не собираются брать на себя инициативу. Тем не менее европейским странам не удалось начать военную интервенцию под флагом ЕС[386]. Собственные же небольшие военные инициативы Евросоюза также оказалось невозможно осуществить. Например, в апреле 2011 г. в разгар войны в Ливии, когда европейские государства начали выражать недовольство действиями НАТО в стране, в Брюсселе стали обсуждать проект операции «EUFOR Libya» (EU military operation in support of humanitarian assistance operations in Libya – Военная операция ЕС в поддержку операций по оказанию гуманитарной помощи в Ливии)[387]. Операция должна была стать одним из вариантов оказания помощи в ответ на кризисную ситуацию в стране. В качестве основных ее задач числились обеспечение безопасного передвижения мирных жителей и эвакуация беженцев, а также поддержка деятельности гуманитарных организаций[388]. Однако из-за внутренних противоречий и сомнений, очередная инициатива ЕС так и не была реализована.

Что же касается Соединенных Штатов Америки, то им в целом удалось реализовать свой замысел. Хотя в самих США поддержка президентом ливийской

---

[384] См. подробнее: BQE. № 10340. 19.03.11; BQE. № 10341. 22.03.11; BQE. № 10346. 29.03.11; Isaac S.K. Europe and the Arab Revolutions. From a Weak to Proactive Response to a Changing Neighborhood // Kolleg-Forschergruppe (KFG). Freie Universitaet Berlin. – May 2012. – P. 17.

[385] BQE. № 10340. 19.03.11.

[386] Biscop S. Mediterranean Mayhem: Lessons for European Crisis Management // In An Arab Springboard for EU Foreign Policy / Ed. by S. Biscop, R. Balfour, and M. Emerson. Brussels: Academia Press, 2012. – P. 75-81.

[387] Official Journal of the European Union. Council Decision 2011/210/CFSP of 1 April 2011 on a European Union military operation in support of humanitarian assistance operations in response to the crisis situation in Libya (EUFOR Libya). April 5, 2011. URL: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2011:089:0017:0020:en:PDF (accessed 5.08.2018)

[388] Ibid.

операции привела к расколу в Конгрессе, его вскоре удалось преодолеть. Вашингтон сумел выйти победителем из ливийской войны, не понеся при этом серьезных потерь. США потратили на войну чуть больше 1 млрд долл., не потеряв при этом ни одного американского солдата[389]. Это позволило Б. Обаме избежать серьезных политических затруднений в стране.

Действия коалиции привели к свержению действующего режима и убийству лидера Джамахирии 20 октября 2011 г.[390], но не положили конец хаосу и кровопролитию в стране. Хотя по традиции официальные лица США и ЕС выразили надежду на строительство демократии в Ливии[391], мир в стране так и не наступил. С одной стороны, на поверхность вышли более глубокие традиционные для ливийского общества противоречия между провинциями, кланами и племенами, которые привели к крайней фрагментации страны и разрушению государственности. С другой стороны, ни Париж и Лондон, инициировавшие интервенцию, ни Вашингтон, поддержавший их, не взяли на себя ответственность за содействие экономическому и политическому восстановлению Ливии.

В июле 2012 г. в Ливии впервые после 1950-х гг. прошли всеобщие выборы в созданный Всеобщий национальный конгресс (ВНК) – временный представительный орган, которому ПНС передал все полномочия. Задача ВНК заключалась в том, чтобы выработать проект ливийской конституции и организовать выборы в постоянный парламент. Все эти меры вселяли надежду, что политическая ситуация в Ливии стабилизируется. Однако насилие в стране продолжалось: регулярно происходили столкновения между различными группировками, племенами и кланами, сторонниками и противниками режима. Особую озабоченность международного сообщества и бурную реакцию в США вызвало нападение в сентябре 2012 г. радикальных исламистов на

---

[389] The Cost of War: Iraq Versus Libya // Think Progress. 24.01.2012. URL: http://thinkprogress.org/security/2012/01/24/410150/chart-cost-of-wa-iraq-libya/# (дата обращения: 17.08.2018)

[390] Об убийстве М. Каддафи см. подробнее: Егорин А.З. Каддфи. Хроника Убийства. М.: Издательство Алгоритм, 2013. 352с.

[391] The White House. Remarks by President Barak H. Obama on the Death of Muammar Qaddafi. Rose Garden. October 20, 2011. [Electronic resource]. URL: http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/10/20/remarks-president-death-muammar-qaddafi (accessed 5.09.2018); European Union. Statement by High Representative Catherine Ashton on the Day of Liberation of Libya. October 23, 2011. [Electronic resource]. URL: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/125501.pdf (accessed 15.08.2018)

американское консульство в Бенгази, в ходе которого посол К. Стивенс и несколько работников дипломатического представительства были убиты[392].

Волнения в Сирии начались значительно позже, чем в соседних арабских государствах. Только в марте 2011 г. начались протесты на юге и западе страны. Хотя волна выступлений усилилась, по мнению российского специалиста по Сирии В.М. Ахмедова, уровень доверия сирийцев президенту Б. Асаду был достаточно высоким, народ не желал революции, которая могла бы привести к большим жертвам, а также опасался, что протесты могут перерасти в широкомасштабные столкновения между различными этническими и конфессиональными группами[393]. В ответ на это правительство Б. Асада провело ряд реформ, которые должны были ускорить политическое и социально-экономическое развитие страны, однако это не удовлетворило сирийское общество.[394] К тому же с увеличением силового давления на протестующих усилилась ненависть населения к и без того непопулярной правящей партии «Баас». С ростом числа жертв и беженцев произошел поворотный момент в развитии сирийского кризиса, а именно начался процесс его интернационализации[395].

События в Сирии вызвали критику в адрес правительства Б. Асада со стороны Евросоюза и Соединенных Штатов, деятельность которых на сирийском направлении активизировалась. ЕС разорвал двустороннее сотрудничество с сирийским правительством, приостановил программы помощи стране[396]. Брюссель сразу же наложили запрет на поставки оружия в Сирию и заморозил ее активы, вместе с США ввел санкции против президента Б. Асада и чиновников из его ближайшего окружения[397]. Уже с середины 2011 г. Соединенные Штаты и Евросоюз встали на сторону антиасадовских сил, начали оказывать им активную поддержку, а в декабре 2012 г. Вашингтон и Брюссель признали Сирийскую национальную коалицию

---

[392] Blanchard C.M. Libya: Transition and U.S. Policy // Congressional Research Service. January 8, 2018. – P. 5-6; Apap J. Political developments in Libya and prospects of stability // European Parliament Members' Research Service. June 2017. – P. 2-6.

[393] Ахмедов В.М. Сирия // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше. – С. 309-312.

[394] См. об этом: Наумкин В.В. Вместо предисловия: круговорот Арабского пробуждения // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? – С. 11; Олимпиев А.Ю., Хазанов А.В. Международные проблемы Ближнего Востока. 1960-е-2013 г. – М.: Юнити-Дана, 2012. – С. 283.

[395] Там же.

[396] BQE. 2011-2012; European Commission. ENP Package – Syria. Brussels, March 27, 2014. URL: file:///C:/Users/Touch/Downloads/MEMO-14-232_EN.pdf (accessed 15.08.2018)

[397] См.: European Commission. ENP Package – Syria. Brussels, March 27, 2014. URL: file:///C:/Users/Touch/Downloads/MEMO-14-232_EN.pdf; Blanchard C.M., Humud C.E., Nikitin M.B.D. Armed Conflict in Syria: Overview and U.S. Response // Congressional Research Service. – January 15, 2014. – P. 9.

единственным представителем сирийского народа[398]. Возможно, именно это оказалось поворотным моментом, своеобразной точкой бифуркации. Вероятность того, что правительству Б. Асада удалось бы в кратчайшие сроки справиться с оппозиционными силами, была довольно высокой, но иностранная финансовая и военная подпитка оппозиционных сил извне затянула противостояние.

Параллельно 4 октября 2011 г. в СБ ООН прошло голосование по проекту резолюции, подготовленной европейскими странами и поддержанной США, которая предусматривала введение санкций против правительства Б. Асада, если он продолжит силовое давление на оппозицию. Однако проект не содержал пункта, запрещающего ввод иностранных войск, тогда Россия и Китай применили «право вето»[399], посчитав, что принятие резолюции может привести к повторению «ливийского сценария».

Кровопролитная гражданская война в Сирии продолжалась, международное сообщество не могло выработать консолидированную позицию. 4 февраля 2012 г. в Совете Безопасности ООН вновь состоялось обсуждение проекта резолюции, призывавшей Б. Асада подать в отставку. Российская Федерация и КНР во второй раз применили «право вето»[400]. Мировое сообщество окончательно раскололось на два блока, с одной стороны оказались США, ЕС, Турция и ЛАГ, с другой – Россия и Китай, чье восприятие событий «арабского пробуждения» в целом и конфликта в Сирии, в частности, было зеркальным отражением позиции Запада.

Летом 2013 г. началась новая фаза эскалации сирийского конфликта, когда в окрестностях Дамаска было применено химическое оружие, в результате чего погибло порядка 1,5 тыс. человек. Оппозиция обвиняла в трагедии Б. Асада, правительство же говорило, что за преступление ответственность несут как раз оппозиционные силы[401]. Вашингтон и Брюссель резко осудили это, возложив всю вину на правительство Б.

---

[398] Council of the European Union. Press Release of 3149th Council meeting. February 27, 2012. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_PRES-12-58_en.htm (accessed 5.09.2018); Council of the European Union. Press Release of 3209th Council meeting. December 10, 2011. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/134152.pdf (accessed 15.08.2018); McGreal C. US to formally recognize Syrian opposition // The Guardian. December 12, 2012. URL: https://www.theguardian.com/world/2012/dec/12/us-formally-recognise-syrian-opposition (accessed 15.08.2018)

[399] Медведев: РФ и КНР предложили достойный вариант урегулирования в Сирии // РИА Новости. 07.10.2011. URL: http://ria.ru/arab_sy/20111007/451975919.html (дата обращения 15.08.2018)

[400] Запад осудил вето России и Китая на сирийскую резолюцию // BBC Русская служба. 5.02.2012. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2012/02/120204_lavrov_syria_scandal.shtml (дата обращения 25.08.2018)

[401] Три года противостояния в Сирии. Хроника событий // Коммерсант.ru. 15.03.2014. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2322152 (дата обращения 25.04.2018)

Асада[402], хотя не было весомых доказательств его причастности, скорее многие факты говорили не в пользу оппозиции. На фоне этих событий евроатлантическое сообщество начало оказывать большую помощь сирийской оппозиции и приступило к обсуждению возможности оказания силового давления на Дамаск[403].

В итоге, 31 августа 2013 г. Б. Обама настоял, что США должны предпринять военные действия против сирийского режима, перешедшего «красную линию»[404], и подчеркнул, что будет консультироваться с Конгрессом[405]. 3 сентября в ходе долгих дебатов большинство конгрессменов поддержали президента[406]. Однако глава Белого дома не смог реализовать свой замысел без поддержки операции Францией и Великобританией, где ни парламенты, ни население не одобряли идею военной операции в Сирии[407]. Более того, Брюссель сразу исключил возможность военного урегулирования конфликта, отметив, что он должен быть урегулирован политическими методами. Германия, как и в случае с Ливией, отказалась поддерживать идею военной интервенции[408]. Так Ливия послужила уроком для евроатлантического сообщества. Не столько вероятность российско-китайской оппозиции, сколько ливийский опыт и нежелание брать на себя дополнительные обязательства, склонили чашу весов в сторону отказа от военного разрешения сирийского конфликта. Тогда в своей речи 10 сентября президент США объяснил, что он попросил Конгресс отложить голосование, санкционирующее применение военной силы, для того чтобы дать время

---

[402] Council of the European Union. Press Release of 3267th Council meeting. October 21, 2013. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/139093.pdf (accessed 17.08.2018); European Union. Statement by EU High Representative Catherine Ashton on the US statement on Syrian Chemical Weapons Use. June 14, 2013. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/137474.pdf (accessed 17.08.2018); U.S. Department of Defense. White House Assesses Assad Used Sarin, Will Boost Opposition Aid. American Forces Press Service. June 13, 2013. [Electronic resource]. URL: http://archive.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=120288 (accessed 17.08.2018)

[403] См., например: US says it will give military aid to Syria rebels // BBC News. June 14, 2013. URL: https://www.bbc.com/news/world-us-canada-22899289 (accessed 17.08.2018)

[404] Еще летом 2012 г. Б. Обама заявил, что Соединенные Штаты не будут непосредственно вмешиваться в конфликт, если Б. Асад не применит химическое оружие. Но если он использует его, то это будет означать переход через «красную линию», после чего американцы могут пойти на силовое решение вопроса. См.: The White House. Remarks by President Barak H. Obama to the White House Press Corps. August 20, 2012. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2012/08/20/remarks-president-white-house-press-corps (accessed 19.08.2018)

[405] The White House. Statement by President Barak H. Obama on Syria. August 31, 2013. [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/08/31/statement-president-syria (accessed 19.08.2018)

[406] См. подробнее: The authorization of use of force in Syria: hearing before the Committee on Foreign Relations, U.S. Senate, One Hundred Thirteenth Congress, first session, September 3. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2013.

[407] Британский парламент не поддержал "гуманитарную интервенцию" в Сирию // Вести. 30.08.2013. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=1123574&tid=95994 (дата обращения 19.08.2018); Лидеры конгресса поддержали план Обамы ударить по Сирии // ИноСМИ. 04.09.2013. URL: http://inosmi.ru/world/20130904/212590856.html (accessed 19.08.2018)

[408] См. подробнее: Михеев В. ЕС и сирийский кризис: никто не хотел воевать // Вся Европа и Люксембург. – 2013. – № 9 (79). URL: http://www.alleuropa.ru/es-i-siriyskiy-krizis-nikto-ne-chotel-voevatj (дата обращения 19.08.2018)

администрации реализовать дипломатическую инициативу, направленную на принятие проекта по уничтожению химического оружия в Сирии[409].

Тем не менее ни заключение соглашения об уничтожении химического оружия уже к середине 2013 г.[410] благодаря усилиям России и российско-американскому сотрудничеству, ни дальнейшие попытки урегулировать конфликт политически в ходе Женевских встреч[411] ни к чему не привели. Наоборот, произошла дальнейшая интернационализация конфликта.

В результате событий «арабского пробуждения» регион Ближнего Востока и Северной Африки подвергся серьезной трансформации и погрузился в состояние нестабильности. Как справедливо отмечает заведующий сектором ИМЭМО РАН Д.Б. Малышева ««арабская весна» стала также отправной точкой процессов, приведших к перекраиванию карты Ближнего Востока, изменению его привычной геополитической конфигурации и созданию для государств региона новой системы координат»[412]. В то же время с уверенностью можно констатировать, что те демократические лозунги, с которыми люди выходили на улицы в начале 2011 г., в подавляющем большинстве случаев – разве что только Тунис можно назвать исключением, а также государства, нейтрализовавшие вызов «арабского пробуждения», например, Иордания и Марокко, в меньшей степени Алжир, которые провели ряд «косметических» либеральных реформ – не воплотились в жизнь.

Опыт революций во всем мире учит, что к власти традиционно приходят не те силы, которые выходят на улицы, а те, которым удается взять под контроль развитие событий в охваченных нестабильностью государствах. Как отмечают ведущие российские специалисты по Ближнему Востоку А.Г. Аксененок и И.Д. Звягельская, «смена режимов в арабском мире, прошедшая под демократическими лозунгами, еще раз явила эту историческую закономерность. С начала массовых выступлений исламские лозунги на улице отсутствовали, но со временем тунисские и египетские исламисты оседлали революционно-демократические выступления, используя опыт

---

[409] The White House. President Barak H. Obama Addresses the Nation on Syria. September 10, 2013. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2013/09/10/president-obama-addresses-nation-syria (accessed 21.08.2018)

[410] UN Security Council Resolution 2118. September 27, 2013. URL: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_res_2118.pdf (accessed 21.08.2018)

[411] Серия встреч в Женеве под эгидой ООН, целью которых является поиск путей преодоления сирийского конфликта.

[412] Малышева Д.Б. Крупные региональные государства в зонах нестабильности Ближнего Востока // Мировая экономика и международные отношения. – № 9. – 2016. – С. 28-36.

организационной работы в массах, проповеди в мечетях, разобщенность в рядах светской оппозиции»[413].

Одним из наиболее существенных последствий «арабского пробуждения» явился выход на авансцену исламистов и проявление дихотомии исламизм-секуляризм. Естественными бенефициариями сложившейся ситуации в регионе стали умеренные исламистские движения – давние оппоненты потерпевших поражение арабских лидеров. Так, произошло укрепление позиций исламистов в политической системе государств, которые активно включились в борьбу за власть во время демократических выборов после событий 2011 г. В октябре 2011 г. в Тунисе прошли выборы в Национальное учредительное собрание (НУС), на которых победу одержала исламская партия «Ан-Нахда» («Возрождение»), занявшая 89 мест из 217. В предвыборный период (как, впрочем, и позднее) члены партии говорили о своей поддержке прав женщин и стремлении способствовать демократическому развитию страны, однако их оппоненты рассматривали подобные заявления как пустую риторику, будучи убежденными в том, что придя к власти исламисты не смогут бороться с искушением установить религиозный правопорядок[414]. На прошедших вскоре после этого парламентских выборах в Египте в ноябре 2011 – январе 2012 гг. победу одержала Партия свободы и справедливости, созданная старейшим исламистским движением «Братья-мусульмане». Второе место заняла более ригористская салафитская партия «Ан-Нур». Президентом страны был избран представитель Партии свободы и справедливости М. Мурси, сочетавший в себе черты умеренного исламиста и вполне вестернизированного интеллектуала, защитившего в свое время диссертацию в США и имевшего опыт работы в NASA[415]. Не прошло и месяца, как М. Мурси стал концентрировать власть в своих руках, стремясь лишить армейскую верхушку власти в стране.

Новые реалии развития региона ставили вопрос о необходимости пересмотреть политику США и ЕС в регионе с учетом этих трансформаций. В целом политика Вашингтона и Брюсселя на Арабском Востоке в 2011 – 2016 гг. прошла две стадии:

---

[413] Аксененок А.Г., Звязельская И.Д. Слушать музыку революции? // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. 03.09.2014. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Slushat-muzyku-revolyutcii-16931 (дата обращения 21.08.2018)

[414] См. подробнее: Кузнецов В.А., Оганисян Л.Д. Дилеммы демократизации: политика Евросоюза в Тунисе и Египте после Арабского пробуждения // Современная Европа. – 2018. – № 5; Оганисян Л.Д. Политика США и ЕС в Тунисе: поддержка демократизации // Восток Oriens. – 2016. – №3. – С. 127-137.

[415] Представленный анализ содержится в статье, опубликованной в соавторстве с В.А. Кузнецовым: Кузнецов В.А., Оганисян Л.Д. Дилеммы демократизации: политика Евросоюза в Тунисе и Египте после Арабского пробуждения // Современная Европа. – 2018. – №5.

первая – пересмотр их курса в регионе, который происходил с начала 2011 г. до весны 2013 г.; вторая – возврат к модели отношений до «арабского пробуждения», очертания которого стали проявляться с лета 2013 г.

§2. Политика Соединенных Штатов на Арабском Востоке с начала 2011 г. до лета 2013 г.

События «арабского пробуждения» дали Соединенным Штатам новый импульс оценить свою политику на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В Вашингтоне признали, что на протяжении десятилетия в ближневосточной политике США руководствовались интересами энергетической безопасности и рассматривали правящие режимы в регионе главным образом как союзников в борьбе с терроризмом, закрывая глаза на нарушения ими прав и свобод человека. В частности, 17 марта 2011 г. на слушаниях в Комитете Сената по международным делам об этом заявил его председатель, сенатор – демократ Дж. Керри, отметив, что Соединенные Штаты сейчас вынуждены расплачиваться за этот подход[416].

На фоне этого актуализировались дискуссии о необходимости внесения изменений в политику страны на Арабском Востоке. Крайне осторожная, выжидательная и компромиссная политика Белого дома в период волнений, протестов и революций набрала в американском обществе как критиков, так и сторонников. Критики осуждали отсутствие согласованного похода, а также отступление американского президента от демократических идеалов, они считали, что Б. Обама «сдал» интересы США в регионе[417]. Сторонники высоко оценили прагматизм администрации, разумный подход Б. Обамы к международным делам по сравнению с его предшественником, склонным к военному авантюризму. Они считали, что в условиях экономического кризиса и ограниченности средств президент в целом вел эффективную политику и

---

[416] Popular uprising in the Middle East: The implications for U.S. policy: hearing before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, One Hundred Twelfth Congress, first session, March 17. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2011. – P.3.

[417] См., например: Hamid S. What Obama and American Liberals Don't Understand About the Arab Spring // Brookings. 01.10.2011. URL: http://www.brookings.edu/research/opinions/2011/10/01-obama-hamid (accessed 23.08.2018); Ibrahim A.H. The Arab Uprisings and the United States: The Dichotomy Between Balancing Stability and Upholding Commitment to Democracy // Digest for Middle East Study. – Spring 2016. – Vol. 25, Issue 1. – P. 70-87; Kitchen N. The Contradictions of Hegemony: The United States and the Arab Spring // London School of Economics. – 2012. – P. 53-58; Diehl J. Is Obama to blame for the Arab Spring's failure? // The Washington Post. June 24, 2012. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/jackson-diehl-is-obama-to-blame-for-the-arab-springs-failures/2012/06/24/gJQAzF5O0V_story.html?utm_term=.ecd5bd4ddcfd (accessed 23.08.2018)

пытался предотвратить катастрофу[418]. Несмотря на это, как сторонники, так и противники ближневосточной политики Б. Обамы сошлись во мнении, что США нужно пересмотреть свой курс в регионе и прервать многолетнюю поддержку авторитарных режимов во имя стабильности.

Первое крупное выступление Б. Обамы, прямо посвященное рассматриваемой теме, состоялось лишь через полгода после начала волнений в арабском мире. 19 мая 2011 г. в Госдепартаменте американский президент произнес речь, предназначенную для того, чтобы обозначить роль США в претерпевающем изменения регионе, а также конкретизировать их стратегию. «В течение многих десятилетий, – заявил он, – США защищают свои основные интересы в регионе: борьба с терроризмом и предотвращение распространения ядерного оружия; содействие свободной торговле и обеспечение безопасности в регионе; поддержка Израиля и продвижение арабо-израильского мирного процесса. Мы будем продолжать делать все это с твердой уверенностью в том, что интересы Америки не противоречат надеждам людей, а соответствуют им»[419]. Другими словами, первое, что подчеркнул президент – «арабское пробуждение» не изменило приоритетов США в регионе. Б. Обама признал, что стратегия, основанная исключительно на узком достижении этих интересов, не решит региональные проблемы, а даст лишь повод говорить, что американцы преследуют свои корыстные цели за счет арабского народа[420].

В связи с этим в своем выступлении глава Белого дома объявил о намерении выделить деньги для поддержания перехода к демократии в странах Арабского Востока[421]. Поскольку в Вашингтоне не было четкого плана действий в меняющемся регионе, были активизированы уже существующие агентства и инициативы. В частности, выделялась помощь через Корпорацию частных зарубежных инвестиций (КЧЗИ)[422], Агентство США по международному развитию (АМР США)[423], в рамках

---

[418] См., например: Lynch M. The Arab Uprising: The Unfinished Revolutions of the New Middle East; Lynch M. The New Arab Wars: Uprisings and Anarchy in the Middle East; Dervis K. The Obama Administration and the Arab Spring // Brookings. April 1, 2011. URL: https://www.brookings.edu/opinions/the-obama-administration-and-the-arab-spring/ (accessed 23.08.2018)

[419] The White House. Remarks by President Barak H. Obama on the Middle East and North Africa. State Department, Washington, D.C. May 19, 2011. [Electronic resource]. URL: http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/05/19/remarks-president-middle-east-and-north-africa (accessed 23.08.2018)

[420] Ibid.

[421] Ibid.

[422] Overseas Private Investment Corporation (OPIC). Ее целью является помощь американскому бизнесу в осуществления вложений в развивающиеся рынки через выдачи кредитов и грантов.

таких программ как Инициатива по ближневосточному партнерству Госдепартамента[424] и т.д.[425] Наряду с этим, в сентябре 2011 г. Государственный департамент создал специальное Управление по переходному периоду на Ближнем Востоке (Coordination for Middle East Transitions in the State Department) во главе со специальным координатором, экс-послом США в Украине У. Тейлором[426]. Управление должно было выполнять функции координационного центра для поддержки Соединенными Штатами ближневосточных стран, осуществляющих переход к демократии. Первоначально сфера его ответственности распространялась на Тунис, Египет и Ливию, позже охватила также Сирию и Йемен. Кроме того, управление служило в качестве координационного центра для взаимодействия с третьими странами, такими как европейские союзники США и ЕС, которые также выразили готовность принять меры для обеспечения стабильного перехода[427]. Собственно, этот момент подчеркнул в своей речи Б. Обама, обозначив, что усилия Соединенных Штатов по расширению торговли и улучшению инвестиционного климата в регионе должны осуществляться в сотрудничестве с Европейским союзом[428].

Управление также должно было заниматься реализацией двух новых проектов, о запуске которых президент США объявил еще в мае 2011 г. Первым был Фонд поощрения для Ближнего Востока и Северной Африки[429]. Госдепартамент запросил у Конгресса 770 млн долл. на финансирование этой инициативы, нацеленной на поддержку арабских стран, проводящих демократические и экономические реформы для удовлетворения требований граждан и обеспечения устойчивой стабильности в регионе. Однако запрос не получил одобрения Конгресса, который выделил лишь 175

---

[423] United States Agency for International Development (USAID). Центральный орган государственного управления Соединённых Штатов Америки в области оказания помощи за рубежом.

[424] Middle East Partnership Initiative (MEPI). Программа Госдепартамента США, которая поддерживает организации и отдельных лиц в их усилиях по продвижению политических, экономических и социальных реформ на Ближнем Востоке и в Северной Африке. См. подробнее: https://mepi.state.gov (accessed 23.08.2018)

[425] См. подробнее: Akhtar S.I., Bolle M.J., Nelson R.M. U.S. Trade and Investment in the Middle East and North Africa: Overview and Issues for Congress // Congressional Research Service. March 4, 2013.

[426] Rogin J. State Department Opens Middle East Transitions Office // Foreign Policy. September 12, 2011. URL: http://foreignpolicy.com/2011/09/12/state-department-opens-middle-east-transitions-office/ (accessed 24.08.2018)

[427] См. подробнее: Blanchard C.M., Arieff A., Danon Z., Katzman K., Sharp J.M., Zanotti J. Change in the Middle East: Implications for U.S. Policy // Congressional Research Service. March 7, 2012. – P. 18-19.

[428] The White House. Remarks by President Barak H. Obama on the Middle East and North Africa. State Department, Washington, D.C. May 19, 2011. [Electronic resource]. URL: http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/05/19/remarks-president-middle-east-and-north-africa

[429] Middle East/North Africa Incentive Fund (MENA-IF)

млн в рамках уже существующих программ[430]. Госдепартамент вновь направил заявку теперь уже на выделение 580 млн долл. в 2014 фин. г., но также безрезультативно[431].

Вторым проектом стала Инициатива торгового и инвестиционного партнерства для Ближнего Востока и Северной Африки[432], которую президент также представил в мае 2011 г. Согласно проекту, различные федеральные государственные учреждения США, например, Министерство торговли или Управление торгового представителя США (The Office of the U.S. Trade Representative, USTR), должны были предпринять усилия для расширения торговых связей с арабскими государствами и увеличения инвестиций в их экономики. Также указывалось, что основное внимание будет уделяться Египту, Иордании, Марокко и Тунису[433].

Многие американские эксперты, в частности, директор Международной экономической программы Фонда Карнеги за международный мир У. Дадуш и директор Центра по изучению Ближнего Востока имени Рафика Харири Атлантического совета М. Данн, считали, что продвижение торговых отношений между Западом и арабскими странами, заключение торговых соглашений между ними и увеличение инвестиций в экономики арабских государств могут стать лучшим инструментом для обеспечения демократического транзита и сохранения стабильности в долгосрочной перспективе[434].

Хотя некоторые конгрессмены – республиканцы и демократы – призывали к заключению торговых и инвестиционных соглашений со странами региона[435], однако, как отмечается в докладе Исследовательской службы Конгресса, посвященному обзору торговой и инвестиционной политики США на Ближнем Востоке и в Северной Африке, среди экспертного сообщества некоторые выражали сомнения в эффективности

---

[430] House Excludes Majority of MENA Incentive Fund // Project on Middle East Democracy. POMED. URL: http://pomed.org/blog-post/us-policy/congress/committee-meetings/house-excludes-majority-of-mena-incentive-fund/ (accessed 5.05.2018); Wiser D. Obama Giving Up on Promoting Democracy in Middle East, North Africa // The Washington Free Beacon. January 17, 2014. URL: http://freebeacon.com/national-security/obama-giving-up-on-promoting-democracy-in-middle-east-north-africa/ (accessed 24.08.2018)

[431] Ibid.

[432] Middle East/North Africa Trade and Investment Partnership Initiative (MENA-TIP).

[433] The White House. Remarks by President Barak H. Obama on the Middle East and North Africa. State Department, Washington, D.C. May 19, 2011. URL: http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/05/19/remarks-president-middle-east-and-north-africa (accessed 24.08.2018)

[434] Dadush U., Dunne M. American and European Responses to the Arab Spring: What's the Big Idea? // The Washington Quarterly. – Fall 2011. – Vol. 34, № 4. – P. 132.

[435] См., например: Lieberman J.I. Prepared Remarks of Senator Joseph Lieberman // Carnegie Endowment for International Peace. July 22, 2011. http://carnegieendowment.org/files/Lieberman_Prepared_Remarks.pdf; McCain J., Graham L., Kirk M., Rubio M. The Promise of a Pro-American Libya // Wall Street Journal. October 7, 2011. URL: https://www.wsj.com/articles/SB10001424052970203388804576613293623346516 (accessed 24.08.2018)

использования подобных соглашений для достижения американских целей в регионе[436]. В частности, противники этой инициативы выделяли ряд факторов, доказывающих несостоятельность идеи проведения экономических реформ для достижения политических целей. Во-первых, объемы торговли и инвестиций между Соединенными Штатами и арабскими государствами традиционно были довольно ограниченными, в отличие от Европы. Согласно данным за 2011 г., объем товарооборота между США и странами Ближнего Востока и Северной Африки составлял лишь 5% от общего американского товарооборота, а прямые иностранные инвестиции США в регион – не более 1%. Основная часть американского экспорта приходилась на промышленные товары, а «львиная доля» импорта (73%) – на нефть и нефтепродукты[437].

Во-вторых, отношения со странами региона и история их взаимодействия с США были очень разнообразны, следовательно, развитие связей происходило неравномерно и в торгово-экономические соглашения удалось бы втянуть не все государства. К тому же ряд стран регионе не смогли бы обеспечить стабильность торгово-экономических отношений в долгосрочной перспективе. В связи с постоянными политическими изменениями переговорный процесс мог тормозиться с приходом тех или иных сил к власти, что также усложнило бы процесс развития торгово-экономического и инвестиционного партнерства. Поэтому сторонники такого подхода утверждали, что необходимо подождать, пока произойдут политические изменения, выяснить, будут ли новые силы поддерживать либерализацию отношений, и только после этого приступить к внесению корректировок в американскую стратегию на Арабском Востоке[438].

Таким образом, американская администрация предложила отдельные проекты и идеи для реформирования ближневосточной политики США, но целостной стратегии ответа на «арабское пробуждение» в Вашингтоне разработано не было. Белый дом действовал медленно и осторожно, отвечал на проблемы по мере их поступления. С одной стороны, новые инициативы и проекты президента столкнулись со скептицизмом

---

[436] См. подробнее: Blanchard C.M., Arieff A., Danon Z., Katzman K., Sharp J.M., Jim Zanotti J. Change in the Middle East: Implications for U.S. Policy // Congressional Research Service. March 7, 2012 (accessed 27.08.2018); Akhtar S.I., Bolle M.J., Nelson R.M. U.S. Trade and Investment in the Middle East and North Africa: Overview and Issues for Congress // Congressional Research Service. March 4, 2013.

[437] Akhtar S.I., Bolle M.J., Nelson R.M. U.S. Trade and Investment in the Middle East and North Africa: Overview and Issues for Congress // Congressional Research Service. March 4, 2013. – P. 10.

[438] См. подробнее: Blanchard C.M., Arieff A., Danon Z., Katzman K., Sharp J.M., Jim Zanotti J. Change in the Middle East: Implications for U.S. Policy // Congressional Research Service. March 7, 2012; Akhtar S.I., Bolle M.J., Nelson R.M. U.S. Trade and Investment in the Middle East and North Africa: Overview and Issues for Congress // Congressional Research Service. March 4, 2013.

Конгресса, большинство в котором составляли республиканцы. С другой стороны, ограниченное участие США в ближневосточных процессах, стремление не оказаться вовлеченными в новые проблемы и конфликты в значительной степени были личным выбором Б. Обамы, который, однако, был обусловлен рядом внутренних причин.

Во-первых, глава Белого дома придерживался твердого намерения сократить вовлеченность США в ближневосточные дела[439]. Б. Обамой двигало стремление дистанцироваться от проблемного региона, не дав ему, по выражению советника президента по вопросам национальной безопасности С. Райс, «поглотить международную повестку», как это произошло с правительством Дж. Буша-мл.[440]. Как она заявила в 2013 г. в интервью газете «The New York Times», «мы не можем заниматься одним регионом, даже настолько важным, 24 часа 7 дней в неделю», добавив, что президент считает, что «настало время сделать шаг назад и критично оценить то, каким мы видим регион»[441].

Бурный рост добычи сланцевого газа в США, сокращение импорта нефти и перспективы превращения в крупного экспортера сланцевой нефти[442], снижали интерес Вашингтона к Ближнему Востоку. Хотя энергетическую независимость США не следует рассматривать непосредственно как причину для снижения внимания к региону, она, как справедливо отмечает научный сотрудник итальянского Института международных отношений Р. Спрингборг, может использоваться в качестве рычага воздействия на арабских экспортеров нефти[443]. На этом фоне Азиатско-Тихоокеанский регион оставался приоритетным направлением американской внешней политики, как продолжалось указываться в новых доктринальных документах, в частности, в документе Пентагона 2012 г. под названием «Поддержание глобального лидерства США: приоритеты для обороны в XXI в.»[444]. В связи с этим администрации Б. Обамы

---

[439] Хотя после выступления в Каире и в первые два года своего президентства Б. Обама говорил о важности региона, о необходимости более широкой и конструктивной роли США в нем, после событий «Арабского пробуждения» наметилась тенденция на максимально возможное сокращение своих обязательств, и что важнее – отказ от принятия новых обязательств.

[440] Lander M. Rice Offers a More Modest Strategy for the Mideast // The New York Times. October 26, 2013. URL: http://www.nytimes.com/2013/10/27/world/middleeast/rice-offers-a-more-modest-strategy-for-mideast.html

[441] Ibid.

[442] См. подобнее: Manning R.A. The Shale Revolution and the New Geopolitics of Energy // The Atlantic Council. November 2014; Мельникова С.И., Сорокин С.Н. «Сланцевая революция» в США: внутренние и глобальные изменения на энергетических рынках // Экономический журнал ВШЭ. – 2012. – № 3. – С. 456-478.

[443] Springborg R. The New US President: Implications for the Middle East and North Africa // Middle East and North Africa Regional Architecture. – October 2, 2016. – P. 3.

[444] U.S. Department of Defense. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for the 21st Century Defense. Washington. January 2012. – P. 2. URL: http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf (accessed 25.08.2018)

было необходимо дистанцироваться от проблемного Арабского Востока, чтобы сконцентрироваться на реализации трансрегиональных интеграционных мегапроектов со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и Европейским союзом, осуществление которых считалось внешнеполитическим приоритетом администрации президента[445]. Однако, как точно указал Р. Хаас, «теперь, когда большинство американцев мало заинтересованы в том, чтобы заниматься Большим Ближним Востоком, официальным лицам США становится все труднее от него отвернуться»[446].

Во-вторых, Б. Обама считал необходимым сосредоточиться на решении внутренних проблем, т.к. экономическая ситуация в стране оставалась нестабильной, а осенью 2013 г. разразился бюджетный кризис. Эти и другие внутренние проблемы в США[447], преимущественно социальные, ограничивали возможности мирового лидера. В том числе и поэтому нововведением Б. Обамы стал отказ от наземных операций в пользу воздушных миссий. Более того в документе «Поддержание глобального лидерства США: приоритеты для обороны в XXI в.» отмечалось, что Соединенные Штаты больше не будут содержать вооруженные силы в размерах для проведения продолжительных крупномасштабных операций по стабилизации обстановки[448].

Вместе с тем администрация президента была очень чувствительна к настроениям в Конгрессе и внутри общества, выражавшего недовольство в связи с расходованием колоссальных бюджетных средств на Ближний Восток, усталость от изнурительных войн в Афганистане и Ираке. В этом контексте очень символичной была речь, которую Б. Обама произнес 28 марта 2011 г. по телевидению, оправдывая действия США в Ливии. Президент, осознавая насколько сильна в стране критика его позиции, начал свое выступление с того, что подчеркнул необходимость поддержки ливийской кампании Вашингтоном. «Ливийская оппозиция и Лига арабских государств не раз обращались к мировому сообществу с призывом остановить кровопролитие в Ливии», –

---

[445] См.: Рогов С.М. Доктрина Обамы. Властелин двух колец // Российский совет по международным делам. 06.05.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1783#top (дата обращения 25.08.2018)

[446] Haas R. The Irony of American Strategy. Putting the Middle East in Proper Perspective // Foreign Affairs. May/June 2013. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2013-04-03/irony-american-strategy (accessed 25.08.2018)

[447] См. подробнее: Boccia R. How the United States' High Debt Will Weaken the Economy and Hurt Americans // Heritage. February 12, 2013. URL: http://www.heritage.org/budget-and-spending/report/how-the-united-states-high-debt-will-weaken-the-economy-and-hurt (accessed 27.08.2018); Chollet D. The Long Game. How Obama Defied Washington and Redefined America's Role in the World. – N.Y.: PublicAffairs, 2016. – P. 51-53.

[448] U.S. Department of Defense. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for the 21st Century Defense. Washington. January 2012. – P. 6. URL: http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf (accessed 25.08.2018)

сказал глава Белого дома[449]. «Европейские союзники заявили о своей готовности выделить ресурсы, чтобы остановить насилие в Ливии. Америка поддержала усилия наших союзников, чтобы провести резолюцию в Совете Безопасности ООН и не позволить режиму М. Каддафи совершать атаки с воздуха», – утверждал Б. Обама[450]. Для него было важно подчеркнуть тот факт, что в планы его администрации не входило тратить слишком много средств в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры в самих США, а также действовать в одностороннем порядке.

Такой подход американского президента вписывался в предложенную им еще в 2009 г. концепцию «умной силы». В этой связи закономерным явилось возникновение понятия «лидерства из-за спины» (leadership from behind), использованного анонимным представителем администрации Б. Обамы для объяснения американской позиции во время военной интервенции в Ливии[451], когда США, передав бремя ответственности за ситуацию в североафриканской стране европейским странам, предпочитали «прикрывать их сзади». Отказ от унилатерализма и переход к использованию многосторонних каналов для решения региональных проблем оказались удачной тактикой для американской администрации в условиях, когда Соединенные Штаты не могли отгородиться от проблем и не предложить никаких ответов, но при этом и не могли позволить себе действовать в одностороннем порядке.

Подобная политика Вашингтона на Ближнем Востоке и в Северной Африке, такое понимание своей роли в регионе обозначило очень важный сдвиг во внешней политике США и стало широко обсуждаться в американском экспертном сообществе. Как отмечали американские исследователи – старший научный сотрудник Центра американского прогресса Н. Хачигян и программный координатор Фонда Стэнли Д. Шорр, – тот факт, что Вашингтон придерживался гораздо менее интервенционистского подхода, отражал признание администрацией пределов американской силы и ее стремление к тому, чтобы союзники играли более активную роль в обеспечении собственной безопасности. Они назвали такой подход «доктриной ответственности»,

---

[449] The White House. Remarks by President Barak H. Obama in Address to the Nation on Libya. March 28, 2011. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/03/28/remarks-president-address-nation-libya

[450] Ibid.

[451] Lizza R. How the Arab Spring remade Obama's foreign policy // The New Yorker. 02.05.2011. URL: http://www.newyorker.com/reporting/2011/05/02/110502fa_fact_lizza?currentPage=all (accessed 25.08.2018)

определив его как «побуждение других стран к разделению бремени за содействие стабильному, мирному международному порядку»[452].

Авторитетные американские исследователи, старшие научные сотрудники Центра новой американской безопасности К. Каль и М. Линч также считали, что Вашингтон не должен возвращаться к использованию военных методов для осуществления своей региональной стратегии, поскольку США просто не могут себе позволить ни широкого военного участия в региональных конфликтах, ни крупной экономической помощи странам для поддержания стабильности в переходный период[453]. По мнению этих экспертов, восстановление «равновесия обязательств» не означало «уход» из Ближнего Востока или отказ от жизненно важных интересов США в регионе. Это также не означало отказ от лидерских позиций Вашингтона в мире, а просто стало необходимой мерой в условиях тех возможностей, которыми обладали Соединенные Штаты. Таким образом, К. Каль и М. Линч подчеркивали, что администрация Б. Обамы должна преследовать те же цели, но иными способами – теми, которые сейчас есть в арсенале США, она должна выступать за более активную роль региональных организаций в обеспечении безопасности на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а также в продвижении политических реформ[454].

Таким образом, внутренняя ситуация в США привела к тому, что лидеры обеих партий сошлись на необходимости сокращения бюджета, что стало сигналом Ближнему Востоку о том, что американское правительство намерено сократить свою роль в обеспечении безопасности в регионе. За это на Вашингтон обрушился шквал разного рода критических замечаний со стороны политических деятелей и представителей экспертного сообщества ближневосточных государств[455], которые можно свести к двум основным идеям: во-первых, Б. Обаму обвиняли в том, что он отвернулся от Ближнего Востока, бросил регион и Израиль на произвол судьбы; во-вторых, в том, что, несмотря

---

[452] Hachigian N., Shorr D. The Responsibility Doctrine // The Washington Quarterly. – Winter 2013. – Vol. 36. – № 1. – P. 73.

[453] Kahl C., Lynch M. U.S. Strategy after the Arab Uprisings: Toward Progressive Engagement // The Washington Quarterly. – Spring 2013. – P. 53-55.

[454] Ibid. P. 57.

[455] См., например: Alamiri Y.S. Obama's «New Beginning» in the Arab world filled with false starts // Al Arabiya. March 29, 2014. URL: http://english.alarabiya.net/en/perspective/analysis/2014/03/29/Obama-s-New-Beginning-in-the-Arab-world-filledwith-false-starts.html (accessed 28.05.2018); Parasiliti A. Saudi Prince Turki: «High Level of Disappointment» With U.S. Over Syria // Al-Monitor. October 22, 2013. URL: http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/10/saudi-turki-syriaus- reaction.html (accessed 25.05.2018)

на обещания, администрация президента не смогла подтвердить лидерство США, а американская политика стала все более слабой и безответственной.

Все эти факторы естественным образом повлияли на политику Вашингтона в государствах «арабского пробуждения», в частности, в Тунисе, Египте и Ливии, в начале 2011 – середине 2013 гг.

Несмотря на то, что Вашингтон сразу заявил о намерении помочь **Тунису** в процессе демократизации, первые три года американская политика в стране была довольно инертной. С одной стороны, это было связано с недостатком механизмов и штата, что не позволяло быстро и эффективно поддержать постреволюционный Тунис, с другой стороны – с отсутствием существенных стимулов и возможностей для укрепления партнерства с североафриканским государством. По мнению директора Центра ближневосточной политики Института Брукингса Т. Кофман-Уиттс, недостаточная поддержка, оказываемая администрацией Б. Обамы тунисскому правительству, говорила намного больше о положении дел в Вашингтоне, чем в Тунисе. Принятию амбициозных программам помощи, интенсивному политическому диалогу и широкому сотрудничеству в сфере торговли препятствовали серьезные сокращения бюджета. Госдеп и Агентство по международному развитию (АМР) не были способны взять на себя новые многолетние обязательства помощи перед страной, которая не являлась крупным союзником США. Несмотря на то, что американские чиновники в течение многих лет обещали поддержку тем арабских странам, где проводится успешная демократизация, на практике это не было реализовано. В связи с этим, по мнению исследователя, не удивительно, что арабы критиковали Белый дом за несоответствие слов действиям[456].

В октябре 2012 г. госсекретарь Х. Клинтон заявила, что после победы «ан-Нахды» на осенних выборах 2011 г. и сентябрьского теракта 2012 г. в американском посольстве и в школе в Тунисе многие в Вашингтоне выражали сомнения относительно возможности демократизации страны. Однако, спустя год после выборов, американцы стали свидетелями того, как исламисты сформировали коалицию со светскими силами и пообещали поддержать универсальные права и свободы граждан. Также после теракта правительство увеличило безопасность вокруг американского посольства и

[456] Cofman-Wittes T. Security interests overshadow Tunisia's President Essebsi in Washington // Brookings. May 19, 2015. URL: http://www.brookings.edu/blogs/markaz/posts/2015/05/19-tunisia-essebsi-arab-spring-democracy-security-obama (accessed 25.08.2018)

отремонтировало школу. Более того, Х. Клинтон подчеркнула, что министр иностранных дел прилетел в Вашингтон, чтобы публично осудить насилие, и сообщил о готовности принять необходимые меры для антитеррористической борьбы в Тунисе[457]. В целом, несмотря на заявления госсекретаря, после сентябрьского теракта наступил период охлаждения американо-тунисских отношений. Белый дом обвинял Тунис в недостаточной защите посольства, за то, что правительство не предпринимало серьёзных усилий в борьбе с терроризмом[458].

В общей сложности в 2011 – 2013 гг. США выделили Тунису более 360 млн долл. в виде двусторонней помощи на стабилизацию финансовой системы, стимулирование частных инвестиций и экономических реформ, развитие гражданского общества, политических партий, независимых СМИ, а также оказание военной помощи и помощи в сфере борьбы с терроризмом[459].

В феврале 2012 г. Х. Клинтон высказала идею запуска переговорного процесса по заключению соглашения о свободной торговле со «страной, которая заслуживает большего внимания и поддержки Вашингтона» – Тунисом – в своей речи в Сенате, представили которого положительно отреагировали на предложение[460]. Однако товарооборот между США и Тунисом продолжал оставаться незначительным, в частности, в 2012 г. объем экспорта в Соединенные Штаты составил 594 млн долл., импорта 738 млн долл.[461], также и инвестиции Вашингтона в тунисскую экономики были невелики. (См. Таблица 1).

Таблица 1. ПИИ США в Тунис в 2011 – 2013 гг., млн долл.

Год	**2011**	**2012**	**2013**
Тунис	221	248	348

Источник: Bureau of Economic Analysis. US Department of Commerce.

[457] U.S. Department of State. Remarks by Secretary of State Hillary R. Clinton on Democratic Transitions in the Maghreb. October 12, 2012. [Electronic resource]. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/10/199102.htm (accessed 25.08.2018)
[458] Arieff A., Humud C.E. Political Transition in Tunisia // Congressional Research Service. February 10, 2015. – P. 14.
[459] Arieff A. Political Transition in Tunisia // Congressional Research Service. – May 22, 2013. – P. 15-17.
[460] State, foreign operations, and related programs appropriations for fiscal year 2013: hearing before a Subcommittee of the Committee on Appropriations, U.S. Senate, One Hundred Twelfth Congress, second session, February 28. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2012.
[461] U.S. International Trade Commission. Data. URL: http://dataweb.usitc.gov/ (accessed 25.08.2018)

Таким образом, в течение весны 2011 – лета 2013 гг. в основном американская помощь была незначительной, администрация Б. Обамы присматривались к Тунису, не стремилась взять на себя обязательства перед страной, от которой не знала, чего ожидать. (См. Таблица 2, Таблица 3, Таблица 4).

Таблица 2. Объемы официальной помощи развитию (ОПР), обещанной и предоставленной США Тунису в 2008 – 2013 гг., млн долл.

Помощь	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**
Обещанная	0.8	2.14	0.95	17.3	133.58	77.57
Предоставленная	-9.06	-5.86	-3.56	5.13	113.92	17.55

Источник: OECD. Stat.

Таблица 3. Объемы экономической помощи и помощи в сфере безопасности, выделяемой США Тунису в 2008 – 2013 гг. в млн долл.

Финансовый год	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**
Экономическая помощь	1.2	1.5	2.0	10.6	43.7	18.5
Помощь в сфере безопасности	20.5	23.9	20.8	38.0	64.7	34.6

Источник: Security Assistance Monitor.

Таблица 4. Объемы продажи оружия США Тунису в 2008 – 2013 гг., млн долл.

Финансовый год	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**
Поставки	10.4	7.97	12.76	14.0	11.9	131.96

Источник: Security Assistance Monitor.

Наиболее важной задачей для внешней политики администрации Б. Обамы представлялась нормализация отношений с **Египтом**. Казалось, что ситуация с концентрацией власти в руках ВАС была приемлема для Белого дома, поскольку американцы за долгие годы сотрудничества укрепили отношения с высшими военными кругами Египта. Однако на фоне экономических проблем, нарастающего недовольства населения, укрепления позиций исламистских партий в стране накануне парламентских

выборов в декабре 2011 г. разразился конфликт вокруг деятельности американских НКО в Египте. Офисы НКО, включая Национальный демократический институт и Международный республиканский институт, а также Freedom House, занимающихся мониторингом и освещением предстоящих выборов, подверглись рейдам под предлогом отсутствия у них регистрации. Уже к февралю 2012 г. стало понятно, что ситуация выходит из-под контроля, поскольку стороны столкнулись с кризисом в отношениях, когда начались судебные разбирательства над сотрудниками НКО.

Подобный ход событий сильно возмутил как Белый дом, так и Конгресс, где демократы и республиканцы сошлись на том, что происходящие в Египте события вокруг американских НКО неприемлемы[462]. Более того, выступая на заседании Комитета Палаты представителей по иностранным делам, научный сотрудник Вашингтонского института ближневосточной политики Э. Трэгер отмечал, что это все дело рук не столько исламистов, сколько военных, которые такими мерами пытались бороться против египетских активистов, симпатизировавших западной демократии[463]. Их стремление представить США в виде «зла» дало свои результаты, поскольку, по сведениям, имеющимся у исследователя, выступавшего на слушаниях в Комитете Палаты представителей по иностранным делам, более 70% египтян не приветствовали и даже выступали против получения помощи от Вашингтона[464].

Так или иначе, практически все политические силы стремились дистанцироваться от Белого дома. Как отмечал директор Центра анализа ближневосточных конфликтов ИСКРАН А.И. Шумилин, после революции 2011 г. США подвергали критике «практически все политические силы в Египте: отряды оппозиции (светской и религиозной) за попытки «поддержать Мубарака» на ранней стадии революции (не говоря уже о трех десятилетиях такой поддержки), а позднее – за поддержку ВАС, поскольку оппозиционеры воспринимают генералов как «пережиток режима Мубарака»; светская оппозиция – якобы за «поддержку исламистов»; генералы ВАС – за поддержку НКО»[465].

---

[462] Reflections on the revolution in Egypt, Part I: hearing before the Subcommittee on the Middle East and the South Asia of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Twelfth Congress, second session. February 15. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2012. – P. 2-5.
[463] Ibid. P. 22.
[464] Ibid. P. 39.
[465] Шумилин А.И. США – Египет: между прагматизмом и идеализмом // Российский совет по международным делам. 20 сентября 2012. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ssha-egipet-mezhdu-pragmatizmom-i-idealizmom/ (accessed 26.08.2018)

Когда в ходе последующих парламентских и президентских выборов «Братья-мусульмане» пришли к власти в Египте, а М. Мурси занял президентское кресло, американцы стали искать точки соприкосновения с новыми властями, потому как для Белого дома было крайне важно сохранить Египет в качестве одного из важнейших стратегических партнеров в регионе. 24 июня глава Белого дома поздравил М. Мурси с победой и подчеркнул, что «Соединенные Штаты будут продолжать содействовать переходу Египта к демократии и поддерживать египетский народ, выполняющий обещание своей революции»[466]. Спустя месяц, в июле 2012 г. египетский президент стал концентрировать в своих руках власть, отправив в отставку наиболее видных представителей ВАС. Администрация Б. Обамы не отреагировала какой-либо критикой на «тихий переворот» М. Мурси, поэтому ее позиция и дальнейшее выстраивание Белым домом отношений с «Братьями-мусульманами» раскололо американские политические и исследовательские круги на два полюса. Сторонники политического курса Б. Обамы считали, что, сотрудничая с исламистами во главе с М. Мурси, президент действует в соответствии с американскими интересами, проводит прагматичный курс, направленный на развитие демократических институтов в Египте, и что смещение ВАС не скажется негативно на американо-египетских отношениях[467]. Критики политики американского президента обвиняли его в снисходительном отношении к исламистам, чья политика никоим образом не вписывается в рамки демократического процесса, более того – наносит вред долгосрочным интересам США, включая отношения с Израилем[468].

Наиболее радикальные критики администрации Б. Обамы, конгрессмены и исследователи, даже указывали[469], что политика Белого дома в ходе «арабского

---

[466] The White House. Readout of President Barak H. Obama Call with President-Elect Morsi of Egypt. June 24, 2012. [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2012/06/24/readout-president-s-call-president-elect-morsi-egypt (accessed 26.08.2018)

[467] См., например: Alterman J.B. Egypt: The President and the Military // Center for Strategic and International Studies. August 13, 2012. URL: https://www.csis.org/analysis/egypt-president-and-military (accessed 26.08.2018); Gerges F.A. Obama and the Middle East: the end of America's moment. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012. – 292 p.

[468] См., например: Cohen R. Working with the Muslim Brotherhood// The New York Times. October 22, 2012. URL: https://www.nytimes.com/2012/10/23/opinion/roger-cohen-working-with-the-muslim-brotherhood.html (accessed 3.05.2018); Trager E. Think Again: The Muslim Brotherhood // Foreign Policy. January 28, 2013. URL: https://foreignpolicy.com/2013/01/28/think-again-the-muslim-brotherhood/ (accessed 26.08.2018); Kirkpatrick D.D. Obama Walks a Fine Line With Egyptian President // The New York Times. December 14, 2012. URL: https://www.nytimes.com/2012/12/15/world/middleeast/obama-walks-a-fine-line-with-egyptian-president.html (accessed 26.08.2018)

[469] На одном из слушаний в Комитете Палаты представителей по иностранным делам республиканец С. Перри потребовал у занимавшего в 2009 – 2013 гг. должность директора по вопросам Северной Африки в СНБ США Б. Фишмана прокомментировать директиву 11. См. Подробнее: Libya's terrorist descent: Causes and Solutions: hearing

пробуждения», стала реализацией принятой летом 2010 г. (за несколько месяцев до начала революционной волны) президентской директивы 11 – секретного документа с заголовком «Политические реформы на Ближнем Востоке и в Северной Африке», в котором ставилась под сомнение идея того, что стабильность соответствует интересам США, и предлагалось сместить внешнеполитический вектор Вашингтона на Ближнем Востоке с поддержки авторитарных лидеров в обмен на стабильность на поддержку народных масс, что должно было привести к смене непопулярных режимов. В частности, говорилось об усилении сотрудничества с умеренными исламистскими движениями, а именно с «Братьями-мусульманами». Собственно, об этом свидетельствовали частые контакты американской администрации и дипломатов с представителями движения во многих государствах арабского мира, включая Египет, Ливию и Тунис[470].

В любом случае с момента отставки Х. Мубарака администрация Б. Обамы была намерена содействовать укреплению отношений с Египтом. Сразу через несколько недель Вашингтон направил 165 млн долл. на поддержку египетской экономики (100 млн долл.) и политического перехода (65 млн долл.). В выступлении в Государственном департаменте 19 мая 2011 г. американский президент предложил предоставить Египту до 1 млрд долл. на облегчение бремени задолженности страны, сотрудничать с Каиром в целях инвестирования в предпринимательскую деятельность, а также оказать помощь стране для восстановления доступа к рынкам капитала путем предоставления 1 млрд долл. в качестве кредитов для финансирования инфраструктуры и создания рабочих мест[471]. (См. Таблица 5).

Конгресс поддержал новые предложения администрации Б. Обамы в отношении Египта, включая облегчение бремени задолженности, выделение помощи, привлечение инвестиций для частного сектора и проч., и подчеркнул, что поддержка США должна

---

before the Subcommittee on Terrorism, Nonproliferation, and Trade of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Fourteenth Congress, second session, September 27. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2016. – P. 41-42. См. также: Greenfield D. Directive 11: Obama's Secret Islamist Plan // FRONTPAGE Mag. July 7, 2015. URL: http://www.frontpagemag.com/fpm/258089/directive-11-obamas-secret-islamist-plan-daniel-greenfield (accessed 26.08.2018); Ibrahim R. Obama, Muslim Brotherhood, and Mideast chaos: Presidential Study Directive 11 // Human Events. July 7, 2014. URL: http://humanevents.com/2014/07/07/obama-muslim-brotherhood-and-mideast-chaos-presidential-study-directive-11/ (accessed 26.08.2018)

[470] См., например: Ibrahim R. Op. cit.; Gerges F.A. The Obama approach to the Middle East: the end of America's moment? // International Affairs – 2013. – № 2. – P. 306; Murray D. Military action but not as we know it: Libya, Syria and the making of an Obama Doctrine // Contemporary Politics. – 2013. – Vol. 19:2. P. 146-166.

[471] The White House. Remarks by President Barak H. Obama on the Middle East and North Africa. State Department, Washington, D.C. May 19, 2011. [Electronic resource]. URL: http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/05/19/remarks-president-middle-east-and-north-africa (accessed 26.08.2018)

стать обусловленной. В соответствии с принятым Конгрессом документом (The Consolidated Appropriations Act, FY2012) никакие средства не могли быть предоставлены Египту до тех пор, пока государственный секретарь не подтвердит, что страна выполняет свои обязательства в соответствии с египетско-израильским мирным договором 1979 г. Далее в документе указывалось, что военная помощь не будет предоставляться, пока Белый дом не подтвердит, что Египет привержен проведению демократических реформ, обеспечению верховенства закона, укреплению гражданского общества, защите прав и свобод граждан и проч.[472]. Администрация могла отказаться от этой сертификации при определенных условиях. Госсекретарь Х. Клинтон впервые осуществила отказ 23 марта 2012 г. В сопроводительном заявлении представителя Госдепа подчеркивалось, что «решение секретаря об отказе призвано продемонстрировать нашу решительную поддержку важной роли Египта в качестве партнера по безопасности и лидера в деле содействия региональной стабильности и миру»[473]. Сменивший Х. Клинтон на посту госсекретаря Дж. Керри осуществил отказ в начале мая 2013 г.[474]

Таблица 5. Объемы ОПР, обещанной и предоставленной США Египту в 2008 – 2013 гг., млн долл.

Помощь	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**
Обещанная	488.43	275.36	322.73	256.81	158.68	399.65
Предоставленная	528.51	206.2	54.36	-106.04	-15.73	60.92

Источник: OECD.Stat.

Таким образом, администрация Б. Обамы стремились привлечь новое египетское правительство, оказывая ему широкую поддержку по целому ряду вопросов, включая экономическую и военную поддержку. (См. Таблица 6, Таблица 7).

Таблица 6. Объемы экономической помощи и помощи в сфере безопасности, выделяемой США Египту в 2008 – 2013 гг., млн долл.

[472] Sharp J.M. Egypt: Background and U.S. Relations // Congressional Research Service. December 6, 2012. – P. 10.
[473] Ibidem.
[474] Sharp J.M. Egypt: Background and U.S. Relations // Congressional Research Service. – July 19, 2013.

Финансовый год	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Экономическая помощь	411.6	250.0	250.0	349.5	350.0	241.0
Помощь в сфере безопасности	1,295	1,305	1,306	1,304	1,307	1,247

Источник: Security Assistance Monitor.

Таблица 7. Объемы продажи оружия США Египту в 2008 – 2013 гг., млн долл.

Финансовый год	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Поставки	1007.1	927.6	963.5	933.6	870.2	1554.5

Источник: OECD. Stat.

Тогда как США присматривались к Тунису, стремились налаживать отношения со стратегически важным для американской внешней политики Египтом, Белый дом придерживался линии на ограничение своего участия в ливийских делах.

В этих обстоятельствах на фоне общего уменьшения объемов американской помощи с 2011 г. средства, выделяемые Соединенными Штатами **Ливии** как в виде ОПР, экономической помощи, так и в виде помощи в сфере безопасности, были довольно незначительными. (См. Таблица 8, Таблица 9, Таблица 10).

Таблица 8. Объемы ОПР, обещанной и предоставленная США Ливии в 2008 – 2013 гг., млн долл.

Помощь	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Обещанная	10.74	11.9	19.88	94.78	66.46	18.61
Предоставленная	16.01	6.3	7.26	311.62	40.81	12.87

Источник: OECD. Stat.

Таблица 9. Объемы экономической помощи и помощи в сфере безопасности, выделенной США Ливии в 2008 – 2013 гг., млн долл.

Финансовый год	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Экономическая помощь	-	2.0	0	9.3	4.6	24.8

Помощь в сфере безопасности	1.1	0.8	0.8	00.4	17.1	33.7

Источник: Security Assistance Monitor.

Таблица 10. Объемы продажи оружия США Ливии в 2008 – 2013 гг., млн долл.

Финансовый год	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**
Поставки	0.842	0.433	2.807	0.000237	0	2.07

Источник: Security Assistance Monitor.

Весной 2011 – летом 2013 гг. США сместили в своей деятельности в Ливии фокус с гуманитарной помощи на поддержку переходного периода в стране и реформирование сектора безопасности, что было крайне важно, поскольку террористическая угроза в стране была велика. За этот период АМР США стране было выделено более 25 млн долл. для поддержания деятельности групп гражданского общества и обеспечения технической помощи органам управления выборами[475]. Следует отметить, что в 2011 г. Конгресс наложил запрет[476] на предоставление помощи Ливии на реализацию инфраструктурных проектов, «за исключением выделения кредитов на выгодных для США условиях», аргументируя это наличием у той достаточных собственных ресурсов[477].

Важной вехой в развитии американо-ливийских отношений стал сентябрь 2012 г., когда в результате нападения на американское консульство в Бенгази был убит посол К. Стивенс. Эти трагические события вызвали бурное недовольство в США. Американское дипломатическое представительство было эвакуировано из Ливии, что временно осложнило управление финансируемыми Вашингтоном программами поддержки страны в переходный период.

Критическая ситуация в сфере безопасности не играла на руку Ливии. Как справедливо отмечалось в докладе Исследовательской службы Конгресса, хотя угрозы безопасности создавали серьезные проблемы для обеспечения стабильности Ливии и ее демократического развития, но в этих условиях оказание помощи США осложнялось относительной слабостью аппарата государственной безопасности Ливии и рисками,

[475] Blanchard C.M. Libya: Transition and U.S. Policy // Congressional Research Service. May 13, 2016. – P. 16-17.
[476] См. Таблицу 8. Происходит резкое снижение объемов помощи Ливии с 2012 г.
[477] Blanchard C.M. Libya: Transition and U.S. Policy // Congressional Research Service. May 13, 2016. – P. 17.

связанными с прямым или опосредованным вмешательством США. При этом подчеркивалось, что если конфликт будет сохраняться, дискуссии в Конгрессе по вопросам перехода и программы помощи в области безопасности в Ливии могут активизироваться и вызвать дополнительные споры. Таким образом, пока в стране отсутствует политическое согласие между ливийцами, помощь США остается маловероятной, потому как Вашингтон не сможет способствовать достижению намеченных целей[478]. Неблагоприятная экономическая конъюнктура и жесткие бюджетные ограничения не позволяли правительству США, и без того не стремящегося оказывать широкую помощь Ливии, идти на подобные риски.

§3. Внешнеполитическая деятельность Евросоюза в регионе с начала 2011 г. до лета 2013 г.

В условиях, когда США четко обозначили намерение сократить масштабы своих обязательств на Ближнем Востоке, в Брюсселе было распространено мнение, что «арабское пробуждение» предоставило Евросоюзу возможность выйти на первый план и сыграть ведущую роль в регионе, учитывая обновление ОВПБ после Лиссабонского договора и начало работы с 1 декабря 2010 г. нового ведомства ЕС – Европейской службы внешних действий (ЕСВД). Более того, по словам европейского исследователя и политика, главы делегации ЕС в Ливане К. Лассен, тот факт, что государства-члены Европейского союза, в частности, бывшие колониальные державы Франция и Великобритания, позволили Еврокомиссии и ЕСВД взять на себя инициативу в связи с событиями «арабского пробуждения», свидетельствовал о замешательстве в европейских столицах[479].

Сразу после того, как волна протестов и революций охватила страны Северной Африки и Ближнего Востока и привела к смене авторитарных, но дружественных Западу режимов, представители ЕС, в первую очередь, Высокий представитель Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон[480] и комиссар по

[478] Blanchard C.M. Libya: Transition and U.S. Policy // Congressional research Service. September 8, 2014.
[479] Lassen C.A Changing Regional Order: The Arab uprisings, the West and the BRICS // International Affairs and Arab Uprisings. Working Paper Series 18. September, 2013. – P. 6.
[480] European Union. EU High Representative for Foreign Affairs and Security Policy and Vice President of the European Commission Catherine Ashton. Address at the United Nations Security Council. February 8, 2011. [Electronic resource]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-11-77_en.htm (accessed 27.08.2018); European Union. Remarks by the High Representative Catherine Ashton at the end of her visit to Tunisia. February 14, 2011. [Electronic resource]. URL:

политике соседства Ш. Фюле[481], уже в начале 2011 г. заявили, что функционировавшая в течение десятилетий система поддержки авторитарных лидеров арабских стран в обмен на политическую стабильность в этих государствах дискредитировала себя. Чиновники отмечали, что долгие годы Брюссель руководствовался интересами энергетической безопасности и рассматривал правящие режимы в качестве гарантов стабильности и бастионов против распространения экстремизма, закрывая глаза на отсутствие демократических реформ и нарушения ими гражданских прав и свобод. Поэтому пришло время пересмотреть средиземноморскую политику Евросоюза. Таким образом, «арабское пробуждение» предоставило ЕС возможность, наконец, изменить модель отношений с государствами Южного Средиземноморья, выдвинув содействие продвижению демократии и прав человека на первый план.

Как справедливо отметил профессор Университета Любляны А. Беблер, если до событий начала 2010-х гг. идея Европейской политики соседства заключалась в том, что реформы должны проводить страны-партнеры, то революционные события в ряде арабских государств показали необходимость перемен в самой политике ЕС[482]. Таким образом, в ответ на события «арабского пробуждения» Брюссель пересмотрел свои приоритеты и приступил к формированию новой политики в Средиземноморье, фокус которой должен был сместиться с обеспечения безопасности и стабильности и продвижения торгово-экономических интересов на содействие демократизации региона, защиту прав и свобод граждан.

На практике это отразилось в принятых в марте и мае 2011 г. документах ЕС – «Партнерство с Южным Средиземноморьем во имя демократии и совместного процветания»[483] и «Новый ответ меняющему соседству»[484], которые наметили новый вектор средиземноморской политики Евросоюза. В качестве основных задач в

---

http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-11-101_en.htm (accessed 27.08.2018); The European Union Response to the Arab Spring. Features Speaker Catherine Ashton // The Brookings Institution. Washington, D.C. 12.7.2011

[481] European Commission. Speech by European Commissioner for Enlargement and Neighbourhood Policy Stefan Füle on the Recent Events in North Africa. February 28, 2011. [Electronic resource]. URL: http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/11/130 (accessed 27.08.2018)

[482] Беблер А. Европейский Союз, НАТО и «арабская весна» // Современная Европа. – 2012. – №4. – С. 76.

[483] European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. A Partnership for Democracy and Shared Prosperity with the Southern Mediterranean. Joint Communication to the European Council, the European Parliament, the Council and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, March 8, 2011. [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/research/iscp/pdf/policy/com_2011_200_en.pdf (accessed 27.08.2018)

[484] European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. A new response to a changing Neighborhood. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, May 25, 2011. [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/research/iscp/pdf/policy/com_2011_303.pdf (accessed 27.08.2018)

документах провозглашались построение «глубокой демократии» и обеспечение устойчивого и инклюзивного экономического роста и развития. Первое подразумевало не просто принятие демократических конституций и проведение честных выборов, но и установление независимой юридической системы, борьбу с коррупцией, расширение свободы слова, независимость собраний и СМИ, создание гражданского общества и других признаков зрелой демократии. Задача обеспечения устойчивого экономического роста и развития, без которого демократия не сможет укорениться, требовала особого внимания к созданию рабочих мест, расширению межрегиональной торговли и отраслевому сотрудничеству[485].

Целью указанных инициатив было реформировать ЕПС, чтобы более жестко связать помощь Евросоюза с развитием демократии и защитой прав человека в странах-адресатах программ – как южных, так и восточных. В связи с этим особую роль приобрела привязка новопровозглашенного принципа 3M (money, mobility, markets), то есть деньги, мобильность, рынки, к принципу «больше за большее» («more for more»), означающему, что те страны, которые проведут больше реформ, могут рассчитывать на более щедрую помощь со стороны ЕС по трем этим направлениям. Таким образом, помощь должна была носить обусловленный характер, что способствовало бы проведению демократических реформ в арабских государствах. Кроме того, представители Брюсселя подчеркивали, что большинство проблем, ставших причиной нестабильности в регионе, являются общими для арабских стран, но к каждому государству ЕС планировал применять дифференцированный подход, учитывая конкретные потребности, пожелания и нужды каждого государства. Хотя эти документы напрямую не вводили рестриктивных мер в отношении правительств, не желавших проводить реформы, большинство экспертов, среди которых можно отметить научного сотрудника финского Института международных отношений Т. Бера, утверждали, что

[485] См. подробнее: European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. A Partnership for Democracy and Shared Prosperity with the Southern Mediterranean. Joint Communication to the European Council, the European Parliament, the Council and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, March 8, 2011. [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/research/iscp/pdf/policy/com_2011_200_en.pdf (accessed 27.08.2018); European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. A new response to a changing Neighborhood. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, May 25, 2011. [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/research/iscp/pdf/policy/com_2011_303.pdf (accessed 27.08.2018); European Commission. Press Release. EU response to the Arab Spring: the SPRING Programme. Brussels, September 27, 2011. [Electronic resource]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-11-636_en.htm?locale=en (accessed 27.08.2018)

данный подход подразумевал также принцип «меньше за меньшее», в соответствии с которым ЕС станет наказывать тех, кто не стремится к преобразованиям[486].

Примечательно, что если до событий «арабского пробуждения» в Брюсселе считали, что либерализация экономик стран Южного Средиземноморья приведет к их демократизации, теперь в документах указывалось обратное: реформы, основанные на элементах «глубокой демократии», не только укрепят демократический строй, но и помогут создать условия для устойчивого и всеобъемлющего экономического роста, интенсификации торговли и инвестиций[487]. Следовательно, в приоритет ставилось продвижение демократии, а не развитие торгово-экономических отношений, что означало отход от модели отношений до «арабского пробуждения».

Основные принципы, изложенные в документах, нашли свое отражение в принятых Еврокомиссией инициативах, а именно:

– программа SPRING (Support to Partnership, Reform and Inclusive Growth – Поддержка партнерства, реформ и инклюзивного роста), целью которой являлось реагирование на острые социально-экономические проблемы в странах-партнерах в Южном Средиземноморье и оказание им поддержки в переходе к демократии[488];

– Партнерстве в области мобильности (Mobility Partnership), призванное облегчить передвижение людей между Евросоюзом и наиболее успешными с точки зрения проведения демократических реформ средиземноморскими странами, а также обеспечить эффективное управление существующими миграционными потоками, в том числе за счет упрощения процедуры предоставления виз[489];

– «Глобальном подходе ЕС к миграции и мобильности» (GAMM – Global Approach to Migration and Mobility), предусматривающем набор рамочных условий для развития диалога и сотрудничества со странами-соседями, направленных на организацию легальной миграции, принятие эффективных мер по борьбе с нелегалами,

---

[486] Behr T. Op. cit. – P. 82.

[487] European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. A new response to a changing Neighborhood. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, May 25, 2011. – P. 4. [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/research/iscp/pdf/policy/com_2011_303.pdf (accessed 27.08.2018)

[488] European Commission. Press Release. EU response to the Arab Spring: the SPRING Programme. Brussels, September 27, 2011. [Electronic resource]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-11-636_en.htm?locale=en (accessed 27.05.2018)

[489] European Commission. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. The Global Approach to Migration and Mobility. Brussels, November 18, 2011. [Electronic resource]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52011DC0743&from=EN (accessed 27.05.2018)

упрощение визовых процедур и определение условий возврата нелегальных мигрантов[490];

– соглашениях о глубокой и всеобъемлющей свободной торговле (Deep and comprehensive free trade agreements), которые должны были способствовать развитию более тесных торгово-экономических отношений между ЕС и странами Южного Средиземноморья и привести к интеграции экономик наиболее успешных соседних стран в единый рынок ЕС (по принципу так называемого «полного партнерства без членства»)[491] и проч.

В подтверждение того, что урегулирование ситуации на Арабском Востоке является приоритетной задачей для Брюсселя и он стремится реагировать на изменения в регионе, уже летом 2011 г. был введен пост специального представителя ЕС по Южному Средиземноморья, который занял испанский политик Б. Леон, имеющий богатый опыт работы на Ближнем Востоке как в роли еврочиновника, так и испанского дипломата. Его кандидатура была единогласно одобрена Советом ЕС и поддержана Высоким представителем[492]. Важно отметить, что одной из задач Б. Леона являлась координация политики ЕС с американской посредством сотрудничества с Управлением по переходному периоду на Ближнем Востоке во главе со специальным координатором послом У. Тейлором.

Поскольку с началом волнений в странах Южного Средиземноморья потоки нерегулируемой миграции в Европу увеличились, между государствами-членами начались разногласия[493] по поводу того, как эффективно и справедливо разрешить миграционную проблему. Так, в новых документах ЕС отдельное внимание уделялось вопросу миграции. Было решено установить партнерство со странами Южного Средиземноморья с целью сделать более эффективным сотрудничество в области миграции. Возможности для «взаимовыгодного» сотрудничества в этой сфере обсуждались в формате «Диалога по вопросам миграции, мобильности и безопасности», закрепленного в «Глобальном подходе ЕС к миграции и мобильности». Осенью 2011 г. «Диалоги по вопросам миграции, мобильности и безопасности» были запущены с

---

[490] Ibid.

[491] См. подробнее: BQE. № 10460. 27.09.11; European Parliament. Directorate General for External Policies. Policy Department. The Euromed Region after the Arab Spring and the New Generation of DCFTAs. January 2014. – 84 p.

[492] BQE. № 10409. 1.07.11; BQE. № 10421. 19.07.11.

[493] Подробнее о разногласиях между Италией и Францией по вопросу о нелегальных мигрантах см.: Brady H. The Schengen crisis in the framework of the Arab Spring. London: Centre for European Reform. – 2012. – P. 275-278; BQE. № 10323. 25.02.11.

Тунисом и Марокко, предполагалось запустить аналогичные проекты с Египтом, Иорданией и Ливией[494].

На протяжении 2011 – первой половины 2013 гг. в ответ на потоки мигрантов Евросоюзом принимались меры для преодоления проблем, главными из которых стало усиление пограничного контроля, в первую очередь, за счет мобилизации агентства Frontex[495], в рамках которого были развернуты миссии для помощи Италии для контроля над судами, перевозящими иммигрантов и беженцев, а также организации спасательных операций. Параллельно ЕС и отдельные государства-члены оказывали гуманитарную помощь для преодоления кризиса беженцев в самом регионе и побуждали новые властей североафриканских государств к сотрудничеству в борьбе с незаконной миграцией. Наиболее успешно шло сотрудничество с Тунисом, которому институты ЕС и государства-члены, в первую очередь, Италия, оказывали значительную финансовую поддержку для демократического перехода в обмен на сотрудничество в борьбе с нелегальной миграцией[496].

Хотя уже в первые месяцы 2011 г. миграционная проблема стала крайне актуальной для ЕС, особенно в связи с кризом на итальянском острове Лампедуза, тем не менее, исследование, проведенное директором и сотрудником Центра миграционной политики при Европейском университетском институте П. Фаргусом и К. Фандрих, показало, что миграционные потоки в Европу не ускорилась в связи с «арабском пробуждением», за исключением кратковременного увеличения потоков из Туниса (в связи с революцией) и Ливии (на фоне начала военных действий), а лишь продолжалась по предыдущим тенденциям[497]. Подобная точка зрения подтверждается и спорами на заседании Совета ЕС в конце февраля 2011 г., когда министры внутренних дел Германии, Бельгии, Франции, Великобритании и скандинавских стран призвали Италию прекратить нагнетать ситуацию с мигрантами, а представитель ФРГ подчеркнул, что «на данный момент нет огромного количества беженцев, и мы должны избегать провокаций

---

[494] European Commission. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. The Global Approach to Migration and Mobility. Brussels, November 18, 2011. [Electronic resource]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52011DC0743&from=EN (accessed 27.08.2018)

[495] European Border and Coast Guard Agency, Европейское агентство пограничной и береговой охраны.

[496] См. подробнее: Carrara S., Hertog L., Parkin J. EU Migration Policy in the wake of the Arab Spring. What prospects for the EU-Southern Mediterraneab Relations? // MedPro, Technical Report No. 15. – August 2012. – P. 4-7.

[497] См. подробнее: Fargues P., Fandrich C. Migration after the Arab Spring // Migration Policy Centre Research Report. September 2012. – 35 p.

со стороны стран, утверждающих, что есть»[498]. Реальное обострение миграционной проблемы началось позже – со второй половины 2013 г., – когда масштабы неконтролируемой миграции существенно увеличились[499], как и количество жертв.

Смена вектора политики Евросоюза после событий «арабского пробуждения», в центре которой должны были стать вопросы продвижения демократии и прав человека, намеченная в документах 2011 г., нашла отражение в политике Брюсселя в Тунисе, Египте и Ливии.

Хотя ЕС приветствовал свободные выборы 2011 – 2012 гг. в **Тунисе** и **Египте** и заявил о своей помощи государствам на пути демократического развития[500], подобное развитие событий, несомненно, вызывало опасения европейских стран[501], значительно большие, чем американцев, которые более прагматично относились к сотрудничеству с исламистами. Учитывая девиз «Братьев-мусульман» – «Ислам – вот решение» – и их опыт террористической деятельности в прошлом, опасения были небезосновательны. Они были связаны, в первую очередь, с европейским восприятием политического ислама в целом.

Как отмечает академик РАН В.В. Наумкин, между тремя выделившимися к 2010-м гг. «основными течениями исламистов — «Братьями-мусульманами» (и близкими к ним структурами) [т.е. умеренными исламистскими группами – прим. Л.О.], салафитами и джихадистами – существуют достаточно серьезные противоречия»[502] и различия. Тогда как джихадисты, естественно, рассматриваются в качестве региональной и международной угрозы, западные государства и институты не исключают сотрудничества с умеренными исламистами и салафитами, не отрицающими демократические процедуры. Проблема, однако, состояла в том, что одни и те же люди

---

[498] BQE. № 10323. 25.02.11.

[499] Число беженцев и мигрантов, прибывающих в Италию, Грецию, Испанию и Мальту через Средиземное море, выросло по экспоненте с 22 500 человек в 2012 году до 60 000 в 2013 г. См.: UNHCR. UNHCR calls for urgent European action to end refugee and migrant deaths at sea. July 24, 2014. URL: http://www.unhcr.org/news/latest/2014/7/53d0e2d26/unhcr-calls-urgent-european-action-end-refugee-migrant-deaths-sea.html (accessed 27.08.2018)

[500] BQE. № 10485. 29.10.11; European Union. Statement by High Representative Catherine Ashton on the elections in Tunisia. October 24, 2011. URL: https://eeas.europa.eu/archives/eueom/pdf/missions/125531.pdf (accessed: 28.08.2018)

[501] Примечательно, что еще в начале февраля 2011 г., когда в Брюсселе были опасения по поводу того, что исламисты могут занять вакуум власти, который возникнет после отставки Х. Мубарака в Египте, многие влиятельные европарламентарии, включая М. Шульца, указывали, что «демонстранты не хотят строить теократическое государство, им нужен светский режим, демократическое государство. Это наши партнеры, мы должны их поддерживать». BQE. № 10307. 3.02.11.

[502] Наумкин В.В. Вместо предисловия: круговорот Арабского пробуждения // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / отв. ред-ры: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: ИВ РАН, 2012. – С. 15.

сегодня могли оказываться в рядах джихадистов, а завтра выступать под знаменами умеренных, сохраняя при этом свои старые связи и лояльности, что прекрасно осознавали в Брюсселе и что являлось препятствием к их эффективному сотрудничеству[503].

Негативный опыт взаимодействия ЕС с исламистами – в ходе гражданской войны в Алжире в 1990-е гг., в Афганистане в 2000-е гг., в связи с политикой «ХАМАС» в Палестине и «Хизбаллы» в Ливане – лишь усиливал скептицизм Брюсселя. Естественное взаимное недоверие европейцев и исламистов было серьезным препятствием для успешного сотрудничества между ними. Дело здесь не только в том, что, как справедливо указывают ряд европейских исследователей, защита интересов в сфере экономики и безопасности является первостепенной целью политики Евросоюза и государств-членов в регионе, и, следовательно, он охотнее сотрудничал с авторитарными режимами, сторонясь исламистов[504]. Дело еще и в том, что отношение к исламистам как к фактору потенциальной дестабилизации проистекало из тесных связей между правящими кругами европейских и арабских государств, полной интегрированности арабских элит в западное политическое пространство и исключенности из него исламистских контрэлит.

Хотя подобная позиция Европейского союза нередко становилась объектом критики внутри ЕС теми, кто считал, что нельзя исключать из политического процесса столь влиятельную часть арабского общества. Попытки европейцев придерживаться инклюзивного подхода к политическим системам, включив в них умеренные исламистские силы, особенно после победы «ХАМАС» на демократических выборах в Палестине в 2006 г., к началу 2010-х гг. не привели к какой-либо существенной интенсификации сотрудничества с ними[505]. Более того, инклюзивность противоречила подходу большинства ближневосточных режимов, которые не желали взаимодействовать с исламистами в рамках политического процесса, обвиняя их в связях с террористическими организациями.

---

[503] Представленный анализ содержится в статье, опубликованной в соавторстве с В.А. Кузнецовым: Кузнецов В.А., Оганисян Л.Д. Дилеммы демократизации: политика Евросоюза в Тунисе и Египте после Арабского пробуждения // Современная Европа. – 2018. – №5.

[504] См., например: Behr T. EU Foreign Policy and Political Islam: Towards a New Entente in the Post-Arab Spring Era // The International Spectator. – 2013. – № 1. – С. 20-33; Wolff S. U.S. and EU Engagement with Islamists in the Middle East and North Africa // Transatlantic Academy Paper Series. August 2015. – P. 6-7.

[505] Ibid.

Исходя из этого, в начале 2010-х гг. в Европе предполагали, что позиция «ан-Нахды» не будет способствовать демократизации Туниса, но вопреки этим ожиданиям правящая коалиция[506] соблюдала все демократические процедуры, понимая, что отказ от них лишит ее поддержки армии, внешних сил и, собственно, власти в стране. В то время как тунисское правительство придерживалось относительно умеренного курса, направленного на демократизацию политической системы, этого нельзя было сказать о египетских исламистах во главе с М. Мурси, которого местное население обвиняло в навязывании норм шариата. Более того, президент всячески стремился расширить свои полномочия, лишив традиционно сильную египетскую армию влияния в стране.

Еще с конца января 2011 г. из Брюсселя отправлялись миссии в **Тунис** для изучения ситуации в стране[507]. Уже в первые недели после свержения режима Бен Али руководители ЕС и представители его институтов и учреждений, в частности, Европарламента, Европейского инвестиционного банка (ЕИБ) и проч., выразили готовность и желание оказать помощь Тунису в переходный период[508]. Специальная делегация во главе с Высоким представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности, отправившаяся в эту страну Магриба в феврале 2011 г., обозначила своей задачей пересмотр политики Евросоюза в регионе и приведение ее в соответствие с новыми реалиями. Объявив о своей солидарности с тунисским народом, К. Эштон отметила готовность Брюсселя оказать стране поддержку, чтобы она не сошла с избранного ею демократического пути развития. «Европейский союз может многое сделать. Мы хотим стать ключевым союзником Туниса на пути к демократическому развитию», – заявила глава внешней политики Евросоюза[509].

В сентябре Еврокомиссией была одобрена программа, касающаяся мер по отношению к Тунису. Было решено выделить дополнительные средства для содействия развитию гражданского общества, создания рабочих мест и т.д. Также говорилось о необходимости возобновить переговоры по расширению партнерства межу ЕС и Тунисом для заключения в будущем глубоких и всеобъемлющих соглашений о

---

[506] «Ан-Нахда» сформировала коалицию («Тройку») с двумя светскими центристскими партиями, что позволило получить большинство в парламенте Туниса.
[507] BQE. № 10303. 20.01.11; № 10301. 26.01.11
[508] BQE. № 10300. 25.01.11
[509] European Union. Remarks by the High Representative Catherine Ashton at the end of her visit to Tunisia. February 14, 2011. [Electronic resource]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-11-101_en.htm (accessed 28.08.2018)

свободной торговле, предусматривающих либерализацию сельскохозяйственных связей, и для начала диалога по вопросам миграции, мобильности и безопасности[510].

В соответствии с принципом «больше за большее» с 2011 г. ЕС более чем в два раза увеличил финансовый вклад в сотрудничество с Тунисом, правительство которого более остальных было склонно проводить демократические реформы. В ноябре 2012 г. государство получило статус привилегированного торгового партнера, что означало удовлетворение Брюсселя политическими, экономическими и социальными реформами, проводившимися в Тунисе, и обеспечивало льготный доступ для тунисских промышленных и сельскохозяйственных товаров на европейский рынок[511].

Страна стала основным получателем помощи ЕС среди государств Южного Средиземноморья: за 2011-2013 гг. через Европейский инструмент соседства и партнерства (ЕИСП) Тунису было выделено 455 млн. евро, 62% из которых – на стабилизацию экономики и поддержку демократического перехода[512]. В рамках программы SPRING за 2011-2013 гг. страна получила 155 млн. евро, оказавшись первой среди получателей европейской помощи[513]. Египет с населением почти 95 млн чел. (население Туниса составляет менее 11,5 млн чел.) получил лишь 90 млн евро[514]. (См. Таблица 11). Кроме того, значительная часть помощи Евросоюза Тунису осуществлялась через механизмы бюджетной поддержки, т.е. предоставлялась правительству напрямую, что говорило о высокой степени доверия со стороны руководства ЕС. (см. Таблица 12).

В отличие от тунисского правительства, приветствовавшего иностранную помощь, исламистское правительство М. Мурси в **Египте** пыталось дистанцироваться от иностранных акторов и, насколько это было возможно, проводить независимую политику. Несмотря на ограниченные действия в Египте, за 2012-2013 гг. ЕС выделил

---

[510] European Commission. Press Release. EU response to the Arab Spring: the SPRING Programme. Brussels, September 27, 2011. [Electronic resource]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-11-636_en.htm?locale=en (accessed 28.08.2018)

[511] European Commission. Statement by Commissioner Stefan Füle following the EU-Tunisia Association Council. November 19, 2012. [Electronic resource]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-12-878_en.htm?locale=en (accessed 28.08.2018); Council of the European Union. Press Release of 3273rd Council meeting. November 18-19, 2013. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/foraff/139633.pdf (accessed 28.08.2018)

[512] European Neighborhood Policy. Tunisia Financial Assistance. October 2015. URL: http://ec.europa.eu/enlargement/neighbourhood/pdf/key-documents/tunisia/20150630-tunisia-financial-assistance-fiche.pdf (accessed 28.08.2018)

[513] Ibid.

[514] European Commission. Factsheet. Relations between the EU and Tunisia. September 4, 2017. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/2017-09-4_factsheet_tunisia_en.pdf (accessed 28.08.2018)

стране почти 450 млн евро[515]. Кроме того, в период правления «Братьев-мусульман» и средства, выделяемые через механизмы бюджетной поддержки, были незначительными (см. Таблица 12).

Таблица 11. Объемы официальной помощи развитию (ОПР), обещанной и предоставленной Евросоюзом Египту и Тунису в 2010 – 2013 гг., млн долл.

Страна	**Помощь**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**
Египет	*обещанная*	228.44	562.92	769.31	350.32
	предоставленная	121.99	56.79	690.97	-1.64
Тунис	*обещанная*	93.18	172.36	752.02	292.01
	предоставленная	82.27	371.8	502.12	377.17

Источник: OECD. Stat.

Таблица 12. Объемы помощи, выделяемой ЕС Египту и Тунису в 2011 – 2016 гг. через механизмы бюджетной поддержки, млн долл.

Реципиент	**2011**	**2012**	**2013**
Египет	23.980	38.043	2.270
Тунис	107.106	140.304	54.764

Источник: OECD. Stat.

Таким образом, действия Евросоюза в Тунисе и Египте в 2011 – первой половине 2013 гг. были направлены на содействие демократизации, преодоление экономических и социальных проблем, вызовов в сфере безопасности. Эти государства получили большие, по сравнению с другими странами «арабского пробуждения», объемы финансирования, поскольку рассматривались Брюсселем как потенциальные примеры успешного транзита, являющиеся свидетельством верности европейского видения мира. При этом значительно большее средств ЕС выделял Тунису, что по всей видимости, определялось тем, что в Брюсселе считали, что вероятность повлиять на него с помощью финансовых рычагов значительно выше, а учитывая небольшое население и относительно развитую политическую систему, и вероятность успешного

[515] Balfour R., Fabbri F., Youngs R. Report on Democracy Assistance from the European Union to the Middle East and North Africa // EUSpring Report. – 2016. – P.17.

демократического транзита в этой стране была выше[516]. Ливия же, в соответствии с решением Еврокомиссии, по которому поддержка ЕС должна была носить обусловленный характер, оказалась не в числе приоритетных реципиентов помощи.

Не сумев выступить единым фронтом, несмотря на необходимость защитить свои жизненно важные интересы, и организовать военную интервенцию через ОПБО по причине внутренних разногласий[517], 20 октября 2011 г. (в день убийства М. Каддафи) Европейский союз заявил о своей готовности поддержать ливийцев в переходный период к демократическому правовому государству. Высокий представитель К. Эштон заявила, что ЕС совместно с международными партнерами будет содействовать постконфликтному восстановлению **Ливии**[518]. Однако, в соответствии с принципом «больше за большее», в 2011–2012 гг. Ливия не была в числе реципиентов помощи программы SPRING. Лишь в 2013 г. действие программы распространилось и на нее: североафриканскому государству было выделено в общей сложности 15 млн евро на экономическое развитие: 10 млн евро на развитие малого и среднего бизнеса, позволяющего создать рабочие места, в первую очередь, для женщин и молодежи, и 5 млн евро – на улучшение условий жизни наиболее уязвимых групп населения[519].

В 2011–2012 гг. ЕС принял небольшой пакет краткосрочных мер в размере 30 млн евро для оказания помощи Ливии в переходный период, предполагающий поддержку только зародившегося в стране гражданского общества (10 млн евро), укрепление институтов гражданского общества (3 млн евро), укрепление потенциала институтов государственного управления (4,5 млн евро), повышение качества начального образования (2,4 млн евро), управление миграционными потоками внутри Ливии и из нее (10 млн евро), реабилитацию раненых в ходе войны и проч.[520] (См. Таблица 13).

---

[516] Представленный анализ содержится в статье, опубликованной в соавторстве с В.А. Кузнецовым: Кузнецов В.А., Оганисян Л.Д. Дилеммы демократизации: политика Евросоюза в Тунисе и Египте после Арабского пробуждения // Современная Европа. – 2018. – №5.

[517] См. подробнее о разногласиях между Великобританией и Францией с одной стороны, Германией, Австрией, Венгрией, Болгарией и др. с другой: BQE. № 10340. 19.03.11.

[518] European Union. Statement by High Representative Catherine Ashton on the fall of Sirte and reports of the death of Colonel Gaddafi. October 20, 2011. [Electronic resource]. URL: https://www.avrupa.info.tr/en/eeas-news/statement-high-representative-catherine-ashton-fall-sirte-and-reports-death-colonel (accessed 29.05.2018)

[519] European Commission. Press Release. EU reinforces its support to democratic and economic transition in the Southern Neighbourhood. November 21, 2013. [Electronic resource]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-1030_en.htm (accessed 29.08.2018)

[520] European Parliament. Directorate-General for External Policies. Policy Department. Despite obstacles, Libya's transition advances. January 2013. – P. 20-21.

Таблица 13. Объемы помощи, обещанной и предоставленной Ливии институтами ЕС в 2008 – 2013 гг., млн долл.

Помощь	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**
обещанная	9.84	-	14.16	38.8	49.62	74.92
предоставленная	3.57	1.85	0.94	41.56	26.23	51.59

Источник: OECD. Stat.

Летом 2012 г. Евросоюз, который был одним из ключевых доноров, оказавших существенную материальную помощь для организации выборов в Ливии[521], приветствовал избрание ВНК. В совместном заявлении Высокий представитель по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон и Комиссар ЕС по расширению и европейской политике соседства Ш. Фюле объявили, что в стране прошли поистине исторические выборы, которые «должны ознаменовать начало новой эры демократии в Ливии»[522]. В 2012–2013 гг. ЕС выдел пакет помощи в размере 50 млн евро для реализации совместно с ливийскими властями программ в приоритетных областях, а именно в сфере здравоохранения и образования[523].

Оценивая политику Европейского союза в свете событий «арабского пробуждения» и попытки пересмотра его курса в Южном Средиземноморье, многие европейские исследователи подчеркивали, что из-за давления со стороны стран-членов и быстрого изменения ситуации в регионе, принятые инициативы были лишь попыткой представить старые проекты в новой обертке[524]. В частности, в интервью научному сотруднику шведского Института международных отношений Н. Брембергу один из чиновников ЕС заявил, что «на самом деле, мы делали все это и раньше»[525]. На это указывала и аналитик Центра европейской политики Р. Бальфур на встрече

[521] Ibid. P. 5.
[522] European Union. Joint Statement by the spokespersons of High Representative Catherine Ashton and Commissioner for Enlargement and European Neighbourhood Policy Stefan Fule on the Libyan elections. July 9, 2012.
[523] European Parliament. Directorate-General for External Policies. Policy Department. Despite obstacles, Libya's transition advances. January 2013. – P. 20.
[524] См., например: Teti A. The EU's First Response to the 'Arab Spring': A Critical Discourse Analysis of the Partnership for Democracy and Shared Prosperity // Mediterranean Politics. – 2012. – Vol. 17, № 3. – P. 266-284; Bicchi F. The Politics of Foreign Aid and the European Neighbourhood Policy Post- Arab Spring: 'More for More' or Less of the Same? // Mediterranean Politics. – 2014. – Vol. 19, № 3. – P. 318-332; Bauer P. The European Mediterranean Policy after the Arab Spring: Beyond Values and Interests // Middle East Critique. – 2015. – Vol. 24, № 1. – P. 27-40.
[525] Bremberg N. Making sense of the EU's response to the Arab uprisings: foreign policy practice at times of crisis // European Security. – 31 October 2016. – Vol. 25, № 4. – P. 431.

представителей ЕСВД и исследователей ведущих европейских «фабрик мысли» в феврале 2012 г. в Брюсселе, на которой обсуждали политику Евросоюза в условиях «арабского пробуждения». В частности, исследователь заявила, что на этом этапе можно видеть, что «изменения не являются достаточно фундаментальными, и преемственность по-прежнему присутствует, поскольку прошлые интересы не были существенно пересмотрены ЕС и странами-членами», добавив, что Брюссель теперь признает, что его политика до «арабского пробуждения» была «плохо продуманной и неправильной»[526].

Также в документах, принятых Еврокомиссией совместно с ЕСВД, ощущалось явное желание Брюсселя дистанцироваться от той политики, которую Евросоюз проводил в средиземноморском регионе на протяжении предшествующего десятилетия. С одной стороны, бросался в глаза чрезмерный – по сравнению с документами ЕС 1990-2000-х гг. – акцент на правах человека и продвижении демократии. На фоне общей нестабильности и дальнейшего ухудшения ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке подобные инициативы Брюсселя были, мягко говоря, идеалистическими. С другой стороны, был очевиден разрыв между риторикой и реальной политикой, сохраняя традиционную двусмысленность политики ЕС, характерной чертой которой являлось сочетание демократизации и секьюритизации.

По мнению главы Ближневосточной программы аналитического центра FRIDE К. Кауш, разрабатывая свою политическую линию в 2011 г., ЕС совершил ряд серьезных просчетов. С одной стороны, Евросоюз переоценил вес и значение своей финансовой помощи и, в более широком смысле, способность финансовых инструментов как таковых обеспечить проведение глубоких политических реформ в странах Южного Средиземноморья[527]. С другой стороны, посчитав события «арабского пробуждения» схожими с процессами демократизации в странах Центральной и Восточной Европы в 1990-е гг., ЕС предложил аналогичные методы на южном направлении[528].

Более того, по этой причине начиная с 2011 г. государства ЦВЕ – при поддержке Евросоюза – активизировались, чтобы экспортировать свой опыт демократического

---

[526] BQE. № 10546. 4.02.12.

[527] Kausch K. The End of the (Southern) Neighbourhood // European Institute of the Mediterranean. April 2013. – P. 10.

[528] См. об этом, например: Witney N., Dworkin A. A Power Audit of EU-North Africa Relations. London: European Council on Foreign Relations, 2012. P. 32; Lassen C.A Op. cit. – P. 6-7; Liargovas P. EU trade policies towards neighboring // International Center for Black Sea Studies. University of Peloponnese. – January 2013; Balfour R. Op. cit. – P. 16-17.

транзита в арабские страны[529]. В первую очередь, Польша, Чехия, Словакия, Болгария и др. – осуществляли в 2011 – 2013 гг. в основном краткосрочные проекты (от трех до четырех месяцев) главным образом в Тунисе и Египте. Ими организовывались конференции, семинары, учебные поездки, посвященные целому ряду важнейших вопросов, включая реформы в сфере экономики, безопасности и правосудия, противодействие коррупции, обеспечение свободы СМИ, укрепление гражданского общества, мониторинг выборов и т.д.[530] Однако те стимулы, которые сработали в случае с восточными соседями, не дали должного эффекта в отношении средиземноморских стран по двум главным причинам. Во-первых, государства Южного Средиземноморья в отличие от восточных партнеров ЕС, для которых участие в ЕПС означало шаг на пути к вступлению в Европейский союз, не имели и не имеют подобных намерений и ощущают себя частью арабского мира. Так или иначе, пересмотренная политика ЕС не давала представления о том, как взаимодействовать с государствами, которые не стремятся интегрироваться в институты ЕС. Во-вторых, инициативы в рамках ЕПС были направлены на содействие глубоким социальным, политическим и экономическим реформам, которые были долгосрочными и не годились для удовлетворения неотложных потребностей арабских стран[531].

По мнению же экспертов расположенного в бельгийском г. Левен Центра по изучению глобального управления Дж. Вутерса и С. Дукета, при учреждении новых программ у ЕС не было комплексной стратегии, которая содержала бы в себе видение будущего региона. Политика Брюсселя, с их точки зрения, представляла собой курс, направленный на достижение исключительно краткосрочных целей на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Дж. Вутерс и С. Дукет подчеркивали, что и сами арабские страны довольно равнодушно отнеслись к инициативам ЕС, направленным на строительство демократии, и с куда большей охотой участвовали в проектах, нацеленных на повышение мобильности и облегчение доступа к европейскому рынку[532].

---

[529] BQE. № 10321. 23.02.11.

[530] См. подробнее: Mikulova K., Berti B. Converts to missionaries. Central and Eastern European Democracy Assistance in the Arab World // Carnegie Endowment for International Peace. July, 2013. – 32 p.

[531] Подробнее см.: Kausch K. The End of the (Southern) Neighbourhood // European Institute of the Mediterranean. April 2013; Witney N., Dworkin A. Op. cit.; Noutcheva G. Institutional Governance of European Neighbourhood Policy in the Wake of the Arab Spring // Journal of European Integration. – 2015. – Vol. 37, № 1. – P. 19-36.

[532] Wouters J., Duquet S. The Arab Uprisings and the European Union: In Search of a Comprehensive Strategy // Leuven Centre for Global Governance Studies. – January 2013. – P. 20.

В любом случае, можно отметить, что политика Евросоюза в регионе в условиях «арабского пробуждения» не представляла целостной стратегии, а была скорее ситуативной. Брюссель принялся пересматривать свой курс в регионе в разгар протестных движений 2011 г., когда трансформационные процессы, охватившие Ближний Восток и Северную Африку, не были завершены. Позиционируя себя как трансформационную силу и оценивая революционные события 2011 г. как предвестник демократизации региона, ЕС направил свои усилия на поддержку процесса реформирования ближневосточных государств. Однако в условиях ограниченных ресурсов объемы средств, выделяемых на эти программы, были незначительными. В частности, по данным ОЭСР, в 2011 – 2013 гг. институтами ЕС на помощь странам «арабского пробуждения», а именно Тунису, Египту, Ливии, Сирии и Йемену, было выделено почти 2,5 млрд долл.[533], тогда как ущерб, причиненный только трем охваченным конфликтами государствам (Ливии, Сирии и Йемену), по данным Всемирного банка, оценивался в 300 млрд долл.[534].

Кроме того, проблемы были связаны с традиционной для ЕС проблемой гетерогенности. Речь идет о проблеме координации политики между отдельными государствами-членами и противоречиями между ними, которые не позволили обновленной внешней политике ЕС сыграть ведущую роль. Разногласия проявились, например, в ливийском и сирийском конфликтах. Евросоюзу скорее приходилось подстраиваться под отдельных членов, когда последним не удавалось согласовать их позиции. В ряде же случаев из-за разногласий государств-членов ЕС некоторые инициативы Брюсселя и вовсе оказывались сорваны. Так, например, произошло в 2011 г. с миссией «EUFOR Libya» или в истории блокировки ФРГ помощи странам Ближнего Востока и Северной Африки через ЕИБ[535].

За 2011 – 2013 гг. наибольших успехов ЕС смог добиться, пожалуй, только в Тунисе, где пришедшее к власти правительство само выражало желание проводить демократические реформы, за что, в соответствии с принципом «больше за большее», государство получило от Брюсселя значительную, по сравнению с другими странами, финансовую поддержку. Тем не менее на первых порах было очевидно, что в

---

[533] OECD. Stat. URL: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=Table2A (accessed 30.08.2018)

[534] World Bank. MENA Economic Monitor. The Economics of Post-Conflict Recon- struction in MENA. April 2017. – P. 40.

[535] См.: Арбатова Н.К. Кризис как катализатор европейской интеграции // Глобальная перестройка / отв. ред.: Дынкин А.А., Иванова Н.И. – М.: Весь мир, 2014. – С. 352.

государствах, правительства которых были намерены осуществлять демократические преобразования, стимулы и обусловленная помощь могли оказать положительный, хотя и не решающий эффект. В странах, правительства которых не были склонны к проведению демократических реформ (Египет), и в тех, которые были охвачены конфликтом (Ливия), принцип «больше за большее» оказался неспособен оказать позитивный эффект.

***

Подводя итог, можно сказать, что в первые месяцы 2011 г., когда волна протестов и революций охватила страны Арабского Востока, Соединенные Штаты и Европейский союз довольно противоречиво реагировали на события в этих государствах, что в целом подорвало доверие региональных акторов к ним. После первоначальных колебаний Вашингтон и Брюссель поддержали революции в Тунисе и Египте. Ливия стала кульминацией поддержки «арабского пробуждения» евроатлантическим сообществом, когда Запад совершил гуманитарную интервенцию во имя спасения ливийского народа от диктатора М. Каддафи. Впоследствии США и ЕС изменили позицию и закрыли глаза на силовое подавление волнений в таких странах, как Саудовская Аравия или Бахрейн. Сирию же как Запад, так и другие глобальные и региональные акторы превратили в арену для противостояния, поддерживая конфликтующие стороны. Иными словами, политика США и ЕС в регионе в условиях «арабского пробуждения» не представляла из себя целостной стратегии, а была скорее ситуативной, оппортунистической. При этом в реакции Соединенных Штатов и Европейского союза было намного больше общего, чем различного.

Что касается США, то они не стремились вовлекаться в решение новых проблем региона. Отталкиваясь от своего понимания американской роли и игнорируя критику со стороны неоконсерваторов за излишнюю «мягкость»[536], Б. Обама выдвинул вперед европейцев в Ливии, закрыл глава на вмешательство ССАГПЗ в Бахрейне, отказался от военной операции в Сирии, несмотря на полученное от Конгресса согласие на нее. По сути, подобная позиция президента США и его ближайшего окружения соответствовала американской стратегической культуре, т.к. не подразумевала отказа от лидирующей роли Соединенных Штатов или от экспорта демократии, но в условиях ограниченности финансовых ресурсов и наличия серьезных внутренних проблем администрация Б.

[536] См.подробнее: Fawcett L. International Relations of the Middle East. – U.K.: Oxford University Press, 2016. – P. 373.

Обамы сделала ставку на многосторонние усилия под главенством Вашингтона в духе «лидерства из-за спины».

Что касается Евросоюза, то уже на первых порах стало понятно, что у него не было соответствующих политических и военных инструментов для эффективного ответа на исходящие из Арабского Востока вызовы и угрозы. Показательным в данном отношении стало принятие после долгих споров и разногласий в 2011 г. проекта операции «EUFOR Libya», которая так и не была реализована[537]. Как отмечает старший научный сотрудник Центра исследований безопасности в Швейцарской высшей технической школе Цюриха Д. Кохэйн, с провалом идеи проведения военно-гуманитарной миссии «в ливийских песках утонуло стремление ЕС вести военную интервенцию»[538]. В итоге, по выражению заведующего кафедрой интеграционных процессов МГИМО Н.Ю. Кавешникова, пока Высокий представитель ЕС «вынужден произносить обтекаемые фразы, а реальные мероприятия осуществляются на национальном уровне или в рамках ad hoc коалиций, как произошло с военной операцией в Ливии»[539]. Так, инициатива по проведению операции в Ливии принадлежала франко-британскому тандему, совместно с США и рядом других стран НАТО организовавшему интервенцию в 2011 г., а ЕС сосредоточился на том, что у него получается лучше всего – оказании гуманитарной помощи.

В разгар событий «арабского пробуждения», когда трансформационные процессы, охватившие Ближний Восток и Северную Африку, не были завершены, США и ЕС принялись пересматривать свою политику в регионе. Исходя из видения себя в роли трансформационных сил и оценив революционные события 2011 г. как особый региональный вариант демократизации, Вашингтон и Брюссель направили свои инициативы на поддержание процесса реформирования государств Арабского Востока. Однако в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры и в Соединенных Штатах, и в Европейском союзе средства, выделяемые на эти программы, были незначительные, а громкие обещания, данные странами Запада на саммите «восьмерки»

---

[537] См. подробнее: Оганисян Л.Д. Становление новой ливийской государственности и политика Евроатлантического сообщества (2011-2017) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2017. – № 3. – С.177-212.

[538] Keohane D. Libyan Lessons for Europe // Carnegie Europe. February 2, 2016. URL: http://carnegieeurope.eu/strategiceurope/62645 (accessed 30.08.2018)

[539] Кавешников Н.Ю. Европейский союз после Лиссабонского договора // Европейский союз в XXI веке: время испытаний / Под редакцией О.Ю. Потемкиной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. – М.: Весь мир, 2012. – С. 25.

в Довиле, так и не были выполнены в полной мере. И если в Тунисе и Египте помощь евроатлантического сообщества могла оказать положительное влияние на процесс трансформации политической системы, в Ливии, охваченной конфликтом, США и ЕС не могли способствовать стабилизации обстановки. Как справедливо отмечал заведующий отделом европейской безопасности Института Европы РАН Д.А. Данилов, «новая средиземноморская стратегия партнерства ЕС явно недостаточна, она явно нуждается в дополнении с учетом неблагоприятных сценариев»[540]. Это утверждение вполне справедливо и для пересмотренной политики США. К такой оценке предрасполагало и то, что ситуация в регионе уже к лету 2013 г. начала резко ухудшаться, и стало очевидно, что амбициозные программы поддержки реформ в арабском мире, предложенные США и Евросоюзом в 2011-2012 гг., будет непросто осуществить.

[540] Данилов Д.А. Европейский союз в поиске ответов на вызовы Арабской весны // Индекс безопасности. – 2012. – № 3-4 (102–103), Том 18. – С. 135.

ГЛАВА 3. ПОЛИТИКА США И ЕС НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ С ЛЕТА 2013 Г. ДО КОНЦА 2016 Г.

§1. Трансформационные процессы в арабском мире в 2010-е гг.: глобальные и региональные аспекты

Со второй половины 2013 г. происходит значительное ухудшение ситуации на Арабском Востоке в целом, в Тунисе, Египте и Ливии, в частности. Период триумфа «Братьев-мусульман» и идеологически близких им партий и движений, получивших огромную поддержку арабов в ходе демократических выборов конца 2011 – начала 2012 гг., был недолгим. Уже с 2013 г. они начали терпеть поражения и сдавать свои позиции.

Так, исламистские правительства в Тунисе и Египте оказались в конечном счете неустойчивыми. В Тунисе новые власти не смогли предпринять необходимые меры для улучшения социально-экономического положения в стране и обеспечения безопасности. Итогом неудач стала череда политических кризисов[541], которые привели к двум сменам правительства и глубокой поляризации общества. В итоге, летом 2013 г. Тунис оказался под угрозой широкомасштабной эскалации политического насилия.

Что касается Египта, то проект новой Конституции, продвигавшийся исламистским правительством Египта, привел к расколу в обществе – светская оппозиция считала, что «Братья-мусульмане» навязывают египтянам нормы шариата. Обвинение это было не вполне справедливым, поскольку шариат и без того уже не один десяток лет провозглашается основным источником права в Египте, а правительство М. Мурси своими решениями лишь выводило на конституционный уровень нормы, ранее установленные решениями Верховного суда. Более существенным было то, что президент М. Мурси всячески стремился расширить свои полномочия, лишив традиционно сильную египетскую армию влияния в стране[542].

Тем не менее централизация власти в руках президента не только привела в ярость армейскую верхушку, но и вызвала бурное недовольство светской и либеральной оппозиции, объединившейся вокруг Фронта национального спасения (ФНС), получившего поддержку значительной части населения. В июне 2013 г. президент М. Мурси был отстранен от власти армейским руководством страны во главе с генералом

---

[541] См. подробнее: Кузнецов В.А. Тунис-2015. Знаки грядущей беды // Оценки и идеи. Институт востоковедения РАН. – Август 2015. – Том 1. – № 6.

[542] Представленный анализ содержится в статье, опубликованной в соавторстве с В.А. Кузнецовым: Кузнецов В.А., Оганисян Л.Д. Дилеммы демократизации: политика Евросоюза в Тунисе и Египте после Арабского пробуждения // Современная Европа. – 2018. – № 5. – С. 25-36.

Абдельфаттахом ас-Сиси[543]. После свержения исламистского правительства временное правительство начало судебный процесс против сторонников движения «Братья-мусульмане» и многие его представители, в том числе бывший президент, в лучшем случае оказались за решеткой, в худшем – были приговорены к смертной казни. На президентских выборах 2014 г. победу одержал А. ас-Сиси.

В отличие от египетского сценария, в случае с Тунисом армия сохранила нейтралитет в ходе политического кризиса. Решающую роль в выводе страны из него сыграло весьма развитое в Тунисе, по сравнению с другими странами региона, гражданское общество. Был создан так называемый «Квартет Национального диалога», в который вошли четыре организации гражданского общества[544]. Имея большой авторитет в тунисском обществе, он инициировал проведение консультаций между властью и оппозицией. Несмотря на все разногласия между сторонами, усилия «Квартета» и прагматичность тунисских политиков сыграли решающую роль в процессе вывода страны из состояния политической нестабильности и возвращения ее на рельсы демократического развития. За усилия, предпринятые «Квартетом», в октябре 2015 г. он удостоился Нобелевской премии мира[545].

В начале 2014 г. в Тунисе была принята новая конституция, по мнению тунисцев, самая демократичная в регионе, значительно расширившая права и свободы граждан[546]. Осенью 2014 г. состоялись парламентские и президентские выборы, в результате которых победу одержала партия «старой» светской элиты «Нидаа Тунис», а президентское кресло занял ее лидер Б. Каид ас-Себси. Примечательно, что исламисты не были отстранены от власти, напротив, они заняли второе по числу мандатов место в парламенте, сформировали коалицию с «Нидаа Тунис» и получили министерские посты.

Таким образом, к середине 2013 г. обе страны были охвачены политическим кризисом, но в Тунисе он был преодолен благодаря переговорам и компромиссам, в Египте – путем силовой смены политического режима. Лето 2013 г. стало решающим моментом для этих двух государств, когда стало понятно, в какую сторону пойдет

---

[543] См. подробнее: Коротаев А., Исаев Л. Анатомия египетской контрреволюции // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 8. – С. 91-100; Сапронова М.А. Становление новой государственности на Арабском Востоке // Международные процессы. – 2015. Том 13. № 3. – С. 34-35.

[544] Тунисская лига защиты прав человека (ТЛЗПЧ), Всеобщий тунисский союз труда (ВТСТ), Гильдия адвокатов и Тунисский союз промышленности, торговли и ремесел (ТСПТР).

[545] См. подробнее: Оганисян Л.Д. Политика США и ЕС в Тунисе: поддержка демократизации // Восток Oriens. – 2016. – № 3. – С. 127-137.

[546] См. подробнее: Arieff A., Humud C.E., Political Transition in Tunisia // Congressional Research Service. February 10, 2015. – P. 7-8.

политическое развитие стран. Получилось так, что там, где исламистские партии более гармонично вписались в политическую систему государств (например, «Ан-Нахда» в Тунисе), им удалось сохранить свое присутствие в парламенте, но в тех странах, где они оказались менее гибкими (например, «Братья-мусульмане» в Египте), они потеряли народную поддержку, власть и легитимное существование. В случае Туниса мы можем говорить о глубокой политической трансформации, в Египте же трансформационные процессы носили значительно менее глубокий характер.

Что касается Ливии, то к середине 2013 г. на фоне растущей волны преступности и насилия в стране внутри ВНК, раздираемого спорами и противоречиями, укрепились позиции исламистов. Выборы в постоянный законодательный орган – Палату представителей, – прошедшие летом 2014 г., привели к окончательному расколу Ливии на два противоборствующих блока, поскольку ВНК отказался передать парламенту свои полномочия, что фактически привело к возобновлению конфликта и его обострению. По сути, с середины 2014 г. в североафриканском государстве существовало два правительства. Первое было создано ВНК и находилось в Триполи. На его стороне действовали представители бывшего офицерства ливийской армии – участники операции НАТО «Рассвет Ливии», направленной на свержение М. Каддафи, различных происламских ополчений и племен. На базе Палаты представителей светскими силами в Тобруке было создано второе правительство, признанное международным сообществом. Его поддержали Ливийская национальная армия (ЛНА), возглавляемая тогда еще генералом Х. Хафтаром, прогрессивные слои городского населения, представители крупного и среднего бизнеса, племенные элиты.

На фоне нестабильности на локальном уровне противоборство между тобрукским и триполитанским правительствами продолжалось без существенных изменений до конца 2015 г. В декабре в Риме прошла международная встреча для обсуждения ситуации в Ливии и выработки долгосрочных договоренностей для сохранения ливийской государственности, куда были приглашены триполитанские и тобрукские власти. Благодаря усилиям Миссии ООН по поддержке в Ливии (МООНПЛ) во главе с спецпредставителем генерального секретаря М. Коблером, евроатлантического сообщества и региональных государств переговоры между двумя правительствами

привели к подписанию соглашения в марокканском г. Схирате о создании правительства национального единства (ПНЕ) во главе с Ф. Сараджем[547].

При активной поддержке миссии ООН, дипломатов из Алжира, Туниса и Саудовской Аравии в марте 2016 г. правительство Ф. Сараджа получило признание со стороны триполитанских властей и смогло перебраться в столицу из Туниса, где оно находилось, однако Палата представителей его так и не признала. Таким образом, Ливия оставалась крайне децентрализованной и превратилась в арену вооруженного противоборства, где столкновения происходили на трех уровнях. Шла борьба на национальном уровне за власть и ресурсы между правительством Ф. Сараджа, сторонниками Х. Хафтара, а также менее влиятельными силами Правительства национального спасения Ливии во главе с Х. Аль-Гвейли, отколовшимися от ВНК и организовавшими свое представительство в Триполи[548]. На местном уровне действовало порядка десяти крупных и мелких радикальных салафитских группировок, шла борьба между разного рода племенами и кланами. Все это сопровождалось вмешательством в ливийские дела внешних акторов, как региональных, так и внерегиональных, преследующих разновекторные интересы. Хотя М. Коблер провел большую часть 2016 г., пытаясь наладить диалог между основными игроками, действующими на национальном уровне, и найти консенсус, ни миссии ООН, ни другим акторам, региональным и внерегиональным, а именно ОАЭ, Франции и др., также выступавшим с рядом инициатив, не удалось привести стороны к согласию.

Таким образом, к середине 2013 г. наступила новая фаза дестабилизации ситуации в регионе, демократический процесс, если и получил дополнительный импульс в ряде стран региона, почти повсюду сопровождался резким ухудшением обстановки в сфере безопасности, ростом террористической угрозы, ухудшением экономической ситуации и т.д. Вовне же Ближний Восток стал восприниматься, главным образом, как источник вызовов и угроз.

События 2011 – 2013 гг. в арабском мире, как отмечается в валдайском докладе исследователей ИВ РАН, «дали импульс тектоническому сдвигу на Ближнем Востоке –

---

[547] Там же.

[548] См. подробнее: Blanchard C.M. Libya: Transition and U.S. policy // Congressional Research Service. – May 2, 2018. – P. 5-6; Apap J. Political developments in Libya and prospects of stability // European Parliament Members' Research Service. June 2017. – P. 2-6; Лукьянов Г.В. Ливия: если не США, то кто? // Российский совет по международным делам. 02.05.2017. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/liviya-esli-ne-ssha-to-kto/ (дата обращения: 29.07.2018).

тотальному переустройству всей системы культурных, социальных, экономических и политических отношений в обществах региона». При этом наиболее опасные тенденции глобального развития, такие как «утрата управляемости международными процессами, возвращение в них фактора силы, повышение случайности, укрепление периферии и полупериферии, кризис национальных государств и идентичностей» крайне остро стали проявляться во всем регионе Ближнего Востока и Северной Африки[549].

Можно обозначить ряд тенденций, характеризующих динамику развития региона в 2010-е гг.

Во-первых, с начала 2010-х гг. наметился резкий подъем радикального джихадизма в регионе. Как подметил глава Центра ближневосточных исследований имени Моше Даяна в Тель-Авиве Э. Зиссер, скоро «выяснилось, что речь идет не об «Арабской весне», а об «Исламской зиме»», которую затем сменило «Лето ИГИЛ»[550]. «Арабское пробуждение» и последовавшие конфликты в Сирии, Ливии, Йемене способствовали укреплению в этих государствах террористических группировок[551], главные из которых «Аль-Каида» и организация «Исламское государство Ирака и Леванта»,[552] объявившая о создании независимого исламского халифата на подвластных ей территориях[553], что явилось серьезным вызовом для всего региона, так как предложенная террористической группировкой модель развития предполагала полную ревизию существующего порядка. Укрепившись в Ираке и Сирии, ИГИЛ распространяло свое влияние на соседние государства, привлекло в свои ряды новые силы[554], вело интенсивную террористическую деятельность. В Ливии, где с начала 2010-х гг. на местном уровне действовало порядка десяти крупных и мелких радикальных салафитских группировок, среди которых следует выделить «Ансар аш-Шариа»,

---

[549] Наумкин В.В., Кузнецов В.А., Сухов Н.В., Звягельская И.Д. Ближний Восток в эпоху испытаний: травмы прошлого и вызовы будущего // Валдай. Август 2016. – С. 6.

[550] Зисер Э. «Арабская весна» перевернула Ближний Восток // ИноСМИ. 20.12.2015.URL: http://inosmi.ru/politic/20151220/234857005.html (дата обращения 5.09.2018)

[551] См., например: Hamid S. Radicalization after the Arab Spring: Lessons from Tunisia and Egypt // Brookings. December 1, 2015. URL: https://www.brookings.edu/research/radicalization-after-the-arab-spring-lessons-from-tunisia-and-egypt/ (accessed 5.09.2018); Hamid S., McCants W., Dar R. Islamism after the Arab Spring: Between the Islamic State and the nation-state. The Brookings Project on U.S. Relations with the Islamic World. – January 2017. – P. 1-7.

[552] Подробнее о возникновении организации см.: Вайс М. Хасан Х. Исламское государство: Армия террора. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016. – С. 245-247; Батюк В.И. США против ИГИЛ // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2016. - № 6. – С. 3-19.

[553] Об этом свидетельствует видео, опубликованное меди-службой ИГ – «The Al Hayat Media Center».

[554] Вместе с усилением ИГИЛ обострилось соперничество между ним и «Аль-Каидой» за доминирование среди радикальных исламистских организаций. ИГ переманивало на свою сторону группировки, особенно связанные с «Аль-Каидой», и ей довольно успешно удалось это сделать, учитывая, что с конца 2014 г. более 30 террористических групп присягнуло на верность лидеру ИГИЛ А.Б. аль-Багдади.

совершившую нападение на американское консульство в Бенгази в сентябре 2012 г., «Аль-Каиду» стран исламского Магриба (АКИМ), уже в конце 2014 г. была создана ячейка «Исламского государства», которая вела активную деятельность в стране и за ее пределами, оказывая деструктивное влияние на процессы в соседних странах. Так, проблемы терроризма крайне остро стояли и в Египте с Тунисом. Ряд синайских джихадистских группировок примкнули к ИГИЛ, присягнув на верность его лидеру А.Б. аль-Багдади. По информации заместителя помощника госсекретаря США по делам Египта и стран Магриба Дж. Десрочера, к 2016 г. от трех до шести тыс. выходцев из Туниса вступили в ряды «Исламского государства»[555].

Во-вторых, события в арабском мире начала 2010-х гг. спровоцировали также резкое ухудшение экономического положения региона и всплеск миграционной активности. Если кратко суммировать экономические последствия для стран Северной Африки и Ближнего Востока, то можно констатировать, что «арабское пробуждение» нанесло им тяжелый ущерб, подорвав возможности формирования внутренних накоплений, отпугнув прямые иностранные инвестиции, сократив торговлю и уменьшив поступления от туризма, потоки которого, например, серьезно сократились в связи с ростом террористической угрозы. Все это привело в большинстве стран к резкому снижению темпов хозяйственного роста в 2011-2013 гг. увеличению безработицы[556]. Получилось так, что те экономические проблемы, которые породили восстания, не только не были решены, но и обострились. Учитывая, что социально-экономические требования были среди главных во время волнений 2011 г., отсутствие улучшений в жизни людей привело к глубоким разочарованиям среди арабов. Хотя экономические проблемы существовали во многих странах региона[557], но государства «арабского пробуждения» оказались перед лицом серьезных и глубоких экономических вызовов.

В частности, острый кризис в экономике наблюдался в Ливии. Например, постоянные нападения на нефтяные месторождения, трубопроводы, их захват или повреждение существенно ослабили экспортный потенциал богатой углеводородами

---

[555] Tunisia's struggle for stability, security, and democracy: hearing before the Subcommittee on the Middle East and North Africa of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Fourteenth Congress, second session, May 25. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2016.

[556] См. подробнее: Фитуни Л.Л. Экономические причины и последствия «арабской весны»; Khan M. The Economic Consequences of the Arab Spring // The Atlantic Council. February 2014. – P. 1-7; IMF Staff Discussion Note. The Economic Impact of Conflicts and the Refugee Crisis in the Middle East and North Africa. September 2016. – P. 12-13; World Bank Group. Global Economic Prospects Weak Investment in Uncertain Times. January 2017. – P. 131-160.

[557] См. подробнее: Федорченко А.В. Арабский мир: возможен ли экономический ренессанс? // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – №1. – С. 83-101.

Ливии, который сократился с 1,8 млн баррелей в день в 2011 г. до 300 тыс. баррелей в день к началу 2016 г. Вместе с резким падением мировых цен на нефть в этот период страна недополучала порядка 2-3 млрд долл. в месяц[558]. Однако к концу 2016 г. экспорт поднялся до уровня 380 тыс.[559]. Согласно данным Всемирного банка, бюджетный дефицит в Ливии вырос с 42% ВВП в 2014 г. до 75% – в 2015 г., но стал постепенно сокращаться, достигнув в 2016 г. 63.9% ВВП. Инфляция, увеличившаяся в 2015 г. до 9.2%, с 2016 г. стала резко снижаться, остановившись на уровне 3.5%[560]. На фоне инфляции выросли цены на продовольственные товары. Отсутствие финансирования импорта (особенно субсидирования продуктов питания) привело к нехватке товаров и развитию черного рынка. Контрабанда товаров, оружия и людей в стране процветала, а власти были совершенно неспособны контролировать эти процессы и противодействовать им[561].

Тунис и Египет, хотя и не были охвачены конфликтом и их политическая система ко второй половине 2013 г. обрела некоторую устойчивость, но также и они оказались в состоянии глубокого экономического кризиса. После недолгого периода укрепления экономики в 2012 г. нараставшая в 2013 г. социально-политическая нестабильность в странах обусловила замедление темпов экономического развития. Рост ВВП Туниса, резко замедлившийся в 2011 г., в 2012 г. составил 3.8%, а после 2013 г. снизился, дойдя до 2% в 2016 г.[562]. Государственный долг страны, постоянно повышавшийся с 2011 г., в 2016 г. достиг почти 55% ВВП[563]. Безработица оставалась крайне высокой: в середине 2011 г. она перешла отметку в 16%, а к 2016 г. опустилась лишь до 15.5%[564]. Экономическая ситуация в Египте была еще более пессимистичной. В 2012 г. страна заключила сделку с МВФ, получила кредиты в обмен на соблюдение условий жесткой экономии. С тех пор инфляция в стране возросла, достигнув в середине 2016 г. 15.5%. Цены на продукты питания и расходы на здравоохранение резко возросли, что

---

[558] World Bank. Libya’s Economic Outlook. Spring 2016. URL: http://pubdocs.worldbank.org/en/456341460208808731/Libya-MEM.pdf (accessed 5.09.2018)
[559] World Bank. Libya’s Economic Outlook. April 2017. URL: http://pubdocs.worldbank.org/en/992911492266521026/Libya-MEM2017-ENG.pdf (accessed 5.09.2018)
[560] World Bank. Libya's Economic Outlook. October 2017. URL: http://pubdocs.worldbank.org/en/860391507055170984/MEM-Oct2017-Libya-ENG.pdf (accessed 5.09.2018)
[561] World Bank. Libya’s Economic Outlook. Spring 2016. URL: http://pubdocs.worldbank.org/en/456341460208808731/Libya-MEM.pdf (accessed 5.09.2018)
[562] The World Bank. Tunisia Overview. 2016. URL: http://www.worldbank.org/en/country/tunisia/overview (accessed 5.09.2018)
[563] Ibid.
[564] Ibid.

негативно повлияло на жизнь простых египтян[565]. Государственный долг достиг 101% от ВВП в 2016 г.[566]. По данным на 2015 г., четверть египетской молодежи, составляющей почти 24% от общей численности населения (около 20,7 млн.), не имела работы, а 51,2% египтян оказались за чертой бедности[567].

Что же касается миграционных потоков, то конфликты в Ливии, Йемене и Сирии стали причиной массового бегства населения, начавшегося с 2011 г. Бремя размещения беженцев легло на соседние государства: Ливан, Турцию, Иорданию, а также на страны ЕС, которые с трудом справлялись с массовой нелегальной миграцией. Например, по данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, только сирийских беженцев к концу 2016 г. в соседних странах было около 5 млн, в том числе в Турции (2,86 млн), Ливане (1 млн), Иордании (685 200), Ираке (261 900) и Египте (213 900)[568].

В-третьих, наиболее тревожные тенденции – это кризис модели государства–нации, а также ослабление и разрушение государственности на фоне возникновения новых конфликтов и войн[569]. Еще накануне событий «арабского пробуждения» необходимость модернизации политической системы и расширения участия в политическом процессе становилась все более очевидной, однако авторитарные режимы не были готовы к этому. По словам директора Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН В.А. Кузнецова и палестинского специалиста по Ближнему Востоку В. Салема, в тех государствах, где вовлечение преимущественно традиционных слоев общества в политическую систему в начале 2010-х гг. произошло вне институциональных рамок, как, например, в Ливии, Йемене или Сирии, этот процесс привел к частичному или полному разрушению государственности. Однако в тех странах, где изменения не пошли по «жесткому сценарию», как в Тунисе или в меньшей

---

[565] Sharp J.M. Egypt: Background and U.S. Relations // Congressional Research Service. March 24, 2017; The World Bank, Arab Republic of Egypt. 2016. URL: http://pubdocs.worldbank.org/en/574381475460658572/Egypt-MEM-Fall-2016-ENG.pdf (accessed 7.09.2018)

[566] Ibid.

[567] Aggour S. 26.3% of youth unemployed, 51.2% suffer poverty. August 11, 2015. URL: http://www.dailynewsegypt.com/2015/08/11/26-3-of-youth-unemployed-51-2-suffer-poverty/ (accessed 7.09.2018)

[568] UNHCR. Regional Summaries. Middle East and North Africa. Global Report 2016. URL: http://www.unhcr.org/publications/fundraising/593e4c3e7/unhcr-global-report-2016-middle-east-north-africa-mena-regional-summary.html (accessed 7.09.2018)

[569] См., например: Наумкин В.В. Цивилизации и кризис наций-государств // Россия в глобальной политике. 19.02.2014. [Электоронный ресурс]. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Tcivilizatcii-i-krizis-natcii-gosudarstv-16393 (accessed 7.09.2018); Кузнецов В., Салем В. Безальтернативная хрупкость: судьба государства-нации в арабском мире // Россия в глобальной политике. 13.03.2016. [Электоронный ресурс]. URL: http://www.globalaffairs.ru/valday/Bezalternativnaya-khrupkost-sudba-gosudarstva-natcii-v-arabskom-mire-18043 (дата обращения: 7.09.2018); Звягельская И.Д., Кузнецов В.А. Проблемы государственности на Ближнем Востоке // Свободная мысль: международный общественный журнал. – 2015. – № 4. – С. 18-31.

мере в Египте, институты не были разрушены, государственная система продемонстрировала большую прочность, причем в перспективе возможно повышение ее эффективности[570]. Исследователи отмечали, что в первом случае «происходит полная традиционализация политической сферы. В зависимости от конкретной ситуации она может оборачиваться ростом трайбализма (как в Ливии), этноконфесионализма (как в Сирии) или же того и другого вместе (как в Йемене)»[571].

В-четвертых, кризис национального государства сопровождался кризисом идентичности. Как отметил старший исследователь аналитического центра FRIDE Б. Микаил, восстания ясно показали, что независимо от того, какому племени, клану, религии, конфессии или этнической группе принадлежали восставшие, главные их требования были политические и социально-экономические. По словам исследователя, только позже, когда переход к демократии не состоялся, а государство оказалось слабым, традиционные идентичности вышли на первый план, тогда люди все охотнее стали идентифицировать себя по племенному или конфессиональному признаку, а не политическому[572]. Другими словами, трайбалистские и иные формы социальной идентичности усилились, например, в некоторых частях Сирии или в Ливии.

В-пятых, как причиной, так и следствием ослабления центральной власти стало укрепление этнических и конфессиональных групп, кланов, племенных объединений, различных исламистских движений. Они боролись за политические права, конкурировали за экономические и финансовые ресурсы и возможности, а в ряде случаев, выдвигали требования автономии и даже отделения.

Особую опасность представляло расширение деятельности радикальных террористических группировок и других агрессивных негосударственных акторов в связи с растущей слабостью государственных институтов в арабских странах. Как отмечали в своих работах преподаватель факультета политики и международных отношений в Университетском колледже Дублина В. Дюрак и научный сотрудник Института исследований национальной безопасности Тель-Авивского университета К. Валенси, политические режимы с низким уровнем легитимности оказались неспособны обеспечить лояльность населения. Обращаясь же к репрессиям или исключая значительную часть населения из политического процесса или подвергая ее

[570] Кузнецов В.А., Салем В. Ук. соч.
[571] Там же.
[572] Mikail B. Sectarianism after the Arab spring: an exaggerated spectre // FRIDE. – June 2012. – № 131. – P. 3.

дискриминации, они, как правило, провоцировали оппозиционные движения и появление агрессивных негосударственных субъектов. Когда государство не способно обеспечить безопасность и доступ к основным услугам, эти акторы выходят на первый план и предлагают альтернативное управление[573]. Так, слабость центральных государственных учреждений в Ливии и Йемене, дискриминирующие и репрессивные методы управления в Ираке и Сирии, наряду с другими факторами, вызвали появление множества агрессивных негосударственных субъектов, представляющих значительную угрозу как внутренней безопасности государств, так и региональной.

Иными словами, модель государственности, сформированная и установленная европейцами в начале XX в., подверглась серьезной трансформации. По сути, система Сайкса-Пико, основой которой служила западная модель управления при сохранении традиционного характера социальной структуры и экономики, была разрушена[574]. Одни стремятся сохранить устройство государств–наций, другие желают пересмотреть существующий региональный порядок и даже границы национальных государств, выступают за то, чтобы в большей степени учитывались интересы племенных, религиозных и иных групп. Если до событий «арабского пробуждения» на Ближнем Востоке и в Северной преобладали политически умеренные и, как правило, прозападные по своей сути (хотя нередко придерживающиеся антизападной риторики) авторитарные режимы, то после событий начала 2010-х гг. картина стала более пестрой как в самих государствах, так и в регионе в целом.

В-шестых, с начала 2010-х г. на Ближнем Востоке наблюдался значительный рост активности региональных стран[575]. В самом начале «арабского пробуждения» именно по инициативе стран региона была рассмотрена ливийская проблема в СБ ООН. В рамках региональных организаций, как, например, Лига арабских государств, они вырабатывали планы урегулирования ливийского и сирийского конфликтов, и до сих пор важнейшими игроками в продолжающихся конфликтах остаются местные акторы.

Среди важнейших локальных акторов отдельно можно выделить наиболее сплоченный альянс, возглавляемый объединившим вокруг себя проасадовские силы

---

[573] См. подробнее: Durac V. The Role of Non-State Actors in Arab Countries after the Arab Uprisings // European Institute of the Mediterranean. IEMed. Mediterranean Yearbook 2015. – P. 37-41; Valensi C. Non-State Actors: A Theoretical Limitation in a Changing Middle East // Military and Strategic Affairs. – March 2015. – Vol. 7 №1. – P. 61-62.

[574] Наумкин В.В., Кузнецов В.А., Сухов Н.В., Звягельская И.Д. Ближний Восток: от конфликтов к стабильности // Валдай. Февраль 2016. – С. 3.

[575] См. подробнее: Малышева Д.Б. Крупные региональные государства в зонах нестабильности Ближнего Востока // Мировая экономика и международные отношения. – № 9. – 2016. – С. 28-36.

Сирии и ливанскую «Хизбаллу» Ираном, который стремится стать ведущим региональным игроком на Ближнем Востоке и позиционирует себя как главную шиитскую силу, защищающую и продвигающую интересы шиитского населения[576]. Во-вторых, это альянс суннитских государств во главе с Саудовской Аравией, который, в отличие от первого блока, не придерживается антизападной политики, наоборот, сотрудничает с Западом, особенно с США[577]. Однако существуют немалые противоречия между странами Персидского залива, в первую очередь, между Саудовской Аравией и Катаром, который также имеет лидерские амбиции[578]. Эти противоречия к лету 2017 г. вылились в серьезный кризис. Все же наибольшую тревогу в Эр-Рияде вызывали амбиции не Дохи, а Тегерана, борьбу с ростом влияния которого он вел в Ираке, Сирии, Йемене и Бахрейне. Кроме того, подписанное в 2015 г. соглашение по иранской ядерной программе оказалось настоящим потрясением для всего суннитского мира. Хотя оно не означало «дистанцирование» США от своих союзников в регионе и сближение с Тегераном, но вбило клин в отношения между Вашингтоном и его арабскими союзниками.

Претензии на региональное лидерство имеют Иран, Саудовская Аравия, а также Турция и Израиль. При этом сохраняется значительная дистанция между арабскими и неарабскими государствами, поскольку активизация последних вызывает настороженность стран региона, которые расценивают активность неарабских государств как вызов их собственной безопасности[579]. Несмотря на это, можно отметить, что Турция довольно тесно и успешно сотрудничает с суннито-арабским блоком, как в ходе сирийского конфликта, так и в вопросах борьбы с терроризмом. А в период волнений 2011 г. Анкара даже активно пыталась продемонстрировать успешность «турецкой модели» исламского государства и способствовать ее распространению в странах «арабского пробуждения», что, тем не менее, не встретило

---

[576] См., например: Heller M.A. Regional Transformation in the Middle East 2015 // Strategic Survey for Israel 2015-2016 / Ed. by S. Brom, A. Kurz. – Tel Aviv, 2016. – P. 19; Cook S., Stokes J., Brock A.J. The Contest for Regional Leadership in the New Middle East // Center for New American Security. – June 2014. – P. 3-5.

[577] См., например: Heller M.A. Op. cit. – P. 19-20; Истомин И. Серые кардиналы или беспомощные наблюдатели? США, Россия и ЕС на Ближнем Востоке // Валдай. Май 2016. – С. 6.

[578] См., например: Cook S., Stokes J., Brock A.J. The Contest for Regional Leadership in the New Middle East. – P. 7-8; Hroub K. Qatar and the Arab Spring // Heinrich Böll Stiftung; Kaussler B. Tracing Qatar's Foreign Policy and its Impact on Regional Security // Arab Center for Research and Policy Studies. – September 2015. – P. 1-44.

[579] См., например: Наумкин В.В., Кузнецов В.А., Сухов Н.В., Звягельская И.Д. Ближний Восток в эпоху испытаний: травмы прошлого и вызовы будущего // Валдай. Август 2016. – С. 24.

поддержки с их стороны[580]. Кроме того, Израиль сотрудничает с прагматичным суннитским блоком, в частности, с Саудовской Аравией, странами Персидского залива, Египтом, Иорданией, поскольку они разделяют общие интересы, главные из которых – недопущение усиления влияния шиитского Ирана, радикальных джихадистских группировок, которые представляют опасность для их национальной безопасности[581].

В-седьмых, трансформации подверглась и роль внерегиональных акторов. Как отмечают многие исследователи[582], глобальная тенденция упадка Запада и подъема «восходящих держав» нашла отражение и в процессах, происходящих на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Так, на фоне роста роли негосударственных акторов, активизации локальных претендентов на лидерство в регионе, совершенно иную форму приобрела политика внерегиональных игроков. Речь идет не только о европейских государствах, поддерживавших тесные связи с арабскими государствами с колониальных времен, и США, которые с 1990-х гг., после распада СССР, играли лидирующую роль в региональных делах, но и других сил, в первую очередь, России и Китая, а в некоторой степени даже Бразилии и Индии.

По сути, к подобной трансформации соотношения влияния западных и незападных акторов в регионе привел в том числе отказ Соединенных Штатов при администрации Б. Обамы играть активную роль в ближневосточных процессах. Россия, которая к концу XX в. потеряла вес и влияние на Ближнем Востоке, на фоне сирийских событий «вернулась» в регион, как считают некоторые эксперты[583], или просто стала действовать более инициативно, как полагают другие[584], поскольку никуда не уходила и ждала подходящего случая заявить о себе. Собственно, военная операции России в Сирии, начатая в 2015 г. по просьбе Дамаска, и поддержка алавитского правительства Б.

---

[580] См. подробнее: Gulash A. Turkey's Democracy Saga. The Struggle Against Interventionist Politics. – NY: 2015. – 332 pp.; Börzel T.A., Dandashly A., Risse T. Responses to the 'Arabellions': The EU in Comparative Perspective — Introduction // Journal of European Integration. – 2015. – Vol. 37, № 1. – P. 1-17.

[581] См. подробнее: Heller M.A. Op. cit. – P. 24-27.

[582] См., например: Carothers T., Youngs R. The Long Road for Rising Democracies and Democracy Support // Carnegie Endowment for International Peace. July 12, 2016; Lassen C.A. Op. cit.; Lynch M. The Arab Uprising: The Unfinished Revolutions of the New Middle East. – P. 24-25; Lynch M. The New Arab Wars: Uprisings and Anarchy in the Middle East. – P. 4-5.

[583] См., например: Тренин Д. Россия на Ближнем Востоке: задачи, приоритеты, политические стимулы // Московский центр Карнеги. 21.04.2016. [Электоронный ресурс]. URL: http://carnegie.ru/2016/04/21/ru-pub-63388 (дата обращения 8.09.2018); Baker P., Kershner I. Russia, Already Reinserting Itself in Middle East, Enters Israeli-Palestinian Fray // The New York Times. September 9, 2016. URL: https://www.nytimes.com/2016/09/10/world/middleeast/russia-israel-palestinian-peace-talks.html (accessed 8.09.2018)

[584] См., например: McMeekin S. Russia returns to a Middle East it never really left // Chatham House. The World Today. April&May 2016; Shabaneh G. Putin's Moment in the Middle East // Al-Jazeera. November 30, 2015. URL: http://studies.aljazeera.net/en/reports/2015/10/201510191151255233 94.html (accessed 8.09.2018)

Асада, по ряду оценок, негативно сказалась на образе России в суннитском мире[585], однако стала тем моментом, когда Москва посчитала, что необходимо более решительно проявить свое несогласие с политикой Запада. Как отметила профессор Джорджтаунского университета А. Стент, «Б. Обама может относиться к России как к региональной державе, но военная операция в Сирии показывает, что Москва намерена вновь добиться признания своего статуса глобального игрока и участвовать в принятии ключевых международных решений»[586].

Китай, который хоть не стремится играть ведущую роль в ближневосточных делах, несмотря на стратегическую важность региона для Пекина с точки зрения поставки углеводородов и реализации инициативы «Один пояс – один путь», в которой региону отводилась роль одной из основных опорных точек, в целом стал энергичнее действовать в регионе, налаживать экономические и политические связи с арабскими странами по линии Юг-Юг. Государства региона довольно охотно сотрудничают с Пекином, не предъявляющим никаких политических условий для развития экономических и торговых связей и получения инвестиций, тогда как они устали от обусловленного сотрудничества с Западом.

Таким образом, развитие событий на Ближнем Востоке и в Северной Африке в 2010-е гг. – кровопролитные конфликты и войны, разрушение государственности, деятельность радикальных террористических группировок – для РФ и КНР явилось доказательством того, что Запад не в полной мере осознавал последствия ослабления авторитарных режимов в арабском мире.

В свете общего напряжения в отношениях между Россией и Западом в связи с «украинским кризисом» и присоединением Крыма обозначилось сближение Москвы и Пекина. Стороны стали налаживать прагматичное сотрудничество в политической, экономической, энергетической сферах, взаимодействовать на Ближнем Востоке, оказывая оппозицию действиям США и их европейских союзников. Независимо от того, носит ли российско-китайское сотрудничество «долгосрочный и стратегический

---

[585] См. подробнее: Долгов Б., Махмуд О. Сирийский конфликт: позиции России и стран ССАГПЗ // Российский Совет по международным делам. 18 ноября 2015. [Электоронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/siriyskiy-konflikt-pozitsii-rossii-i-stran-ssagpz/ (дата обращения 8.09.2018)

[586] Стент А. Силовая игра Путина в Сирии // Россия в глобальной политике. 28.12.2015. [Электоронный ресурс]. URL: http://globalaffairs.ru/global-processes/Silovaya-igra-Putina-v-Sirii-17910 (дата обращения 8.09.2018)

характер», как нередко указывают в МИД России[587], или прагматичный и эпизодический характер, оно отражает важные сдвиги на глобальном уровне.

Международный порядок, основанный на однополярности, подвергается изменениям. В 1997 г., когда Россия и Китай подписали совместную декларацию о многополярном мире[588], вряд ли кто-то мог подумать, что подобные изменения на глобальном уровне возможны в среднесрочной перспективе. Спустя 20 лет влияние двух государств на международные процессы значительно возросло, их мощь выросла, что также проявилось в политике этих акторов на Ближнем Востоке.

В итоге, можно отметить, что события 2011 г. на Ближнем Востоке и в Северной Африке не только привели к метаморфозам внутри государств, но и изменили архитектуру всего региона, трансформировали роль глобальных и локальных акторов. Во-первых, местные акторы стали действовать самостоятельно (например, ССАГПЗ в Бахрейне или Саудовская Аравия в Йемене). Во-вторых, союзники и партнеры США начали расширять контакты с внешним миром, искать новых «друзей»[589] (например, российско-турецкая кооперация, углубление связей Кремля с Египтом и Ираком, прагматичное сотрудничество в ряде сфер между Москвой и Эр-Риядом[590], развитие экономических отношений арабских стран с Китаем). В-третьих, наметился период высокой активности восходящих держав в арабском мире, в первую очередь, России и Китая. Как справедливо отмечает старший научный сотрудник Центра (лаборатории) анализа международных процессов МГИМО М.А. Сучков «сам факт наращивания присутствия одной державой [Китая – прим. Л.О.] и возвращения в регион другой [России – прим. Л.О.] выступают дополнительными свидетельствами вакуума американского влияния в 2010-х годах»[591]. Причем факт активизации России и Китая и противодействие политике Запада уникален тем, что иллюстрировал серьезные сдвиги на глобальном уровне. Иными словами, изменилась роль Соединенных Штатов, которые

---

[587] См., например: МИД РФ. О российско-китайских отношениях стратегического партнерства. [Электоронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/strategiceskoe-partnerstvo-s-kitaem (дата обращения 9.09.2018)

[588] Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. 23 апреля 1997 г. [Электоронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/1902155 (дата обращения 9.09.2018)

[589] См. подробнее: Сондерс П. Ближний Восток: война за мир или площадка для самоутверждения региональных и внешних сил? // Валдай. 25.08.2016. [Электоронный ресурс]. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/blizhniy-vostok-voyna-za-mir/ (дата обращения 9.09.2018)

[590] Хотя Россия и Саудовская Аравия разделяли совершенно полярные точки зрения в сирийском вопросе, стороны были готовы сотрудничать и искать точки соприкосновения в других сферах.

[591] Сучков М.А. Как американцам «починить» Ближний Восток // Международные процессы. – 2016. – Том 14. – № 4 (47). – С. 171.

не захотели брать на себя ответственность за все проблемы мира, что явилось как причиной, так и следствием трансформации мирового порядка. Эта тенденция отразилось и на процессах в отдельных регионах, в первую очередь, на Арабском Востоке. Новая реальность в регионе побуждала США и Евросоюз, действуя на Ближнем Востоке и в Северной Африке, в большей степени учитывать особенности трансформационных процессов, охвативших Арабский Восток, политику региональных и внерегиональных акторов.

§2. Внешнеполитический курс Соединенных Штатов в Тунисе, Египте и Ливии в условиях новых реалий развития региона

К середине 2013 г. даже самые большие оптимисты осознали, что «арабское пробуждение» не способствовало демократизации региона, а наоборот, привело к всплеску экстремизма и насилия. Хотя курс, проводимый Б. Обамой во второй президентский срок (2013 – 2017), сохранял преемственность с той политикой, которую он вел в первые годы своего пребывания у власти, с середины 2013 г. американская администрация стала руководствоваться большим прагматизмом во внешней политике, что в том числе отразилось на действиях США в Тунисе, Египте и Ливии во второй половине 2013 – 2016 гг. Смена госсекретаря Х. Клинтон в январе 2013 г. на опытного и сведущего в мировой политике сенатора-демократа Дж. Керри, занимавшего в 2009 – 2013 гг. должность председателя Комитета Сената по международным делам, по оценкам американских экспертов[592], также должна была внести больший прагматизм во внешнеполитический курс Соединенных Штатов при сохранении прежних установок в отношении Ближнего Востока и Северной Африки. На слушаниях в Конгрессе, посвященных его назначению на должность госсекретаря США, Дж. Керри отметил, что поддержка демократии на Ближнем Востоке никогда прежде не была важнее. При этом новый глава Госдепартамента подчеркнул, что, поддерживая демократический транзит на Ближнем Востоке, Соединенные Штаты должны адаптировать свою стратегию с учетом конкретного внутриполитического контекста, потребностей, возможностей и

[592] См., например: Miller A.D. Why John Kerry could be a better secretary of state than Hillary Clinton // The Washington Post. April 25, 2013. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/why-john-kerry-could-be-a-better-secretary-of-state-than-hillary-clinton/2013/04/25/dacf6bac-ad0b-11e2-a198-99893f10d6dd_story.html?utm_term=.c03c89d23bd6 (accessed 10.09.2018); Gordon M.R. Kerry Links Economics to Foreign Policy // The New York Times. January 24, 2013. URL: https://www.nytimes.com/2013/01/25/us/politics/kerry-links-economic-and-foreign-policy-at-hearing.html (accessed 10.09.2018)

проблем в каждой стране, а также принять во внимание имеющиеся в их распоряжении инструменты для достижения поставленных целей[593].

Таким образом, хотя вектор американской политики на Арабском Востоке сохранялся, к середине 2013 г. алармистские настроения по поводу развития событий в арабском мире усилились как в Белом доме, так и в Конгрессе. Как указывали в американских политических и экспертных кругах, в Вашингтоне осознали, что долгие годы роль и влияние США на Арабском Востоке переоценивали, на деле же американцы оказались неспособны управлять событиями в регионе[594].

Если в мае 2011 г. Б. Обама говорил о поддержке демократического транзита в странах «арабского пробуждения», продвижении прав и свобод человека, развитии свободного рынка и торговли, то уже 24 сентября 2013 г., выступая в ООН, глава Белого дома обозначил серьезные проблемы, существующие на Ближнем Востоке и в Северной Африке, подчеркнув в очередной раз, что односторонние действия США, тем более военные, не решат всех проблем региона, количество которых растет в геометрической прогрессии[595]. Более того, президент подчеркнул, что, преодоление конфессионального раскола и отказ от экстремизма – это задача для самих жителей Ближнего Востока. «Никакая внешняя сила не может привести к трансформации сердец и умов, однако Америка будет уважительным и конструктивным партнером», – подчеркнул президент. Он также добавил, что США не будут закрывать глаза на действия террористов, но и не станут действовать как оккупирующая держава, они будут принимать меры для обеспечения своей безопасности и безопасности своих союзников, создавая архитектуру антитеррористического сотрудничества и поддерживая тех, кто противостоит экстремистам. При этом Б. Обама отметил, что США будут расширять программы поддержки предпринимательства и гражданского общества, образования и молодежи, т.к. в конечном счете эти инвестиции являются лучшим противоядием от насилия[596].

---

[593] Nomination of John F. Kerry to be Secretary of State: hearing before the Committee on Foreign Relations, U.S. Senate, One Hundred Thirteenth Congress, first session, January 24. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2013.

[594] См., например: The rise of ISIL: Iraq and beyond: joint hearing before the Subcommittee on Terrorism, Nonproliferation, and Trade and the Committee on Middle East and North Africa of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Thirteenth Congress, second session, July 15. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2014; United States policy and military strategy in the Middle East: hearing before the Committee on Armed Services, United States Senate, One Hundred Fourteenth Congress, first session, March 24. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2015; Cook S., et. al. Op. cit. – P. 14; Kitchen N. Op. cit. – P. 5.

The White House. Remarks by President Barak H. Obama in Address to the United Nations General Assembly. September 24, 2013. [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/09/24/remarks-president-obama-address-united-nations-general-assembly (accessed 10.09.2018)

[596] Ibid.

После событий середины 2013-2014 гг., когда ситуация на Ближнем Востоке и Северной Африке значительно ухудшилась, США принялись адаптировать свою политику к реалиям развития региона. В стратегии АМР США, выпущенной за месяц до свержения «Братьев-мусульман» в Египте, говорилось, что «события «арабского пробуждения» вселяют надежду и оптимизм в отношении будущего демократии и свободы». Указывалось, что авторитарные режимы нестабильны и в большинстве своем чаще сталкиваются с экономическими и социальными проблемами, приводящими к росту бедности, поэтому продвижение демократии является началом цикла, за которым следуют улучшение управления и инклюзивный экономический рост[597].

В документах, опубликованных Госдепартаментом и АМР США в 2014-2016 гг., ощущаются совершенно иные настроения. «Сегодня демократия переживает критический момент», – говорится в «Четырехлетнем обзоре дипломатии и международного развития», – хотя после «арабского пробуждения» в ряде стран, например, в Тунисе, наблюдаются существенные преобразования, тревожных реакционных действий, ограничивающих деятельность организаций гражданского общества и сдерживающих развитие демократии, по всему региону значительно больше[598]. В связи с этим в документах Госдепартамента и АМР указывается, что в условиях дестабилизации региона ключевой стратегической целью внешней политики Соединенных Штатов является построение нового стабильного порядка на Ближнем Востоке и в Северной Африке[599]. Таким образом, в концептуальных документах внешнеполитических ведомств США 2014-2016 гг. приоритетными задачами назывались укрепление региональной стабильности, разрешение конфликтов и усиление сотрудничества для борьбы с региональными угрозами. Поскольку стало очевидно, что демократизации, которая приведет к инклюзивному экономическому росту, не происходит, то было решено пойти обратным путем: в документах отмечалось, что

---

[597] USAID. Strategy on Democracy, Human Rights and Governance. June 2013. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1866/USAID%20DRG_%20final%20final%206-24%203%20%281%29.pdf (accessed 11.09.2018)

[598] U.S. Department of State, USAID. Quadrennial Diplomacy and Development Review. Enduring Leadership in a Dynamic World. 2015. URL: https://www.state.gov/documents/organization/267396.pdf (accessed 11.09.2018)

[599] U.S. Department of State, USAID. Strategic Plan FY 2014-2017. URL: https://www.state.gov/documents/organization/223997.pdf(accessed 17.04.2018); U.S. Department of State, USAID. FY 2015 Annual Performance Report, FY 2017 Annual Performance Plan. URL: https://www.state.gov/documents/organization/259539.pdf (accessed 11.09.2018)

США намерены расширять торговлю и инвестиции посредством заключения и реализации соглашений и протоколов к 30 сентября 2017 г.[600].

Летом 2014 г. с активизацией ИГИЛ и захватом иракского Мосула, пришлось активизироваться и Соединенным Штатам. Как отметил на слушаниях в Комитете Сената по вооруженным силам директор Центра Сабан по ближневосточной политике в Институте Брукингса К. Поллак, это вынудило Белый дом признать, что он зашел слишком далеко в своем «дистанцировании» от Ближнего Востока и противопоставлении своей политики той, которую проводила администрация Дж. Буша-мл., поскольку изоляция от региона не менее опасна, чем излишнее вовлечение[601]. Как отмечает руководитель Центра военно-политических исследований ИСКРАН В.И. Батюк, активизация террористической группировки и ее трансформация в «государство», по всей видимости, оказались неожиданностью для администрации Б. Обамы, которой пришлось разрабатывать стратегию борьбы с ИГИЛ в условиях стремительного наступления экстремистов[602]. Тогда Б. Обама внес изменения в американскую стратегию, возобновив военное вмешательство, о чем он объявил в сентябре 2014 г.[603]. «Наша цель ясна, – заявил президент. – Мы ослабим и, в конечном счете, уничтожим ИГИЛ посредством реализации всеобъемлющей и устойчивой стратегии борьбы с терроризмом». Б. Обама пообещал, что для этого США станут проводить систематическую кампанию авиаударов против террористов; наращивать поддержку сил, ведущих борьбу с террористами на местах; оказывать гуманитарную помощь ни в чем не повинным гражданам, которые были вынуждены покинуть места своего постоянного пребывания по причине деятельности этой террористической организации; использовать существенные контртеррористические возможности, в частности, работая с партнерами, Соединенные Штаты смогут удвоить свои усилия по пресечению финансирования ИГИЛ, улучшить работу разведывательных служб, остановить поток иностранных боевиков на Ближний Восток и из него и т.д.[604]. Хотя некоторые конгрессмены, в частности, демократ Дж. Гараменди, сомневались в эффективности антитеррористической кампании без использования наземных сил США,

---

[600] Ibid.
[601] United States policy and military strategy in the Middle East: hearing before the Committee on Armed Services, United States Senate, One Hundred Fourteenth Congress, first session, March 24. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2015. – P. 13.
[602] Батюк В.И. США против ИГИЛ // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2016. – № 6. – С. 6.
[603] The White House. Statement by President Barak H. Obama on ISIL. September 10, 2014. [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/09/10/statement-president-isil-1 (accessed 12.09.2018)
[604] Ibid.

большинство из них на слушаниях Комитете Сената по вооруженным силам поддержало идею президента об отказе от отправки крупного контингента[605]. Выступая перед Конгрессом генерал Л. Остин, занимающий в 2013 – 2016 гг. пост главы Центрального командования вооружённых сил США в Ираке и Афганистане, заявил, что это в силах Соединенных Штатов победить ИГИЛ без развертывания крупных наземных бригад, подчеркнув, что Вашингтон «приветствуют тех, кто готов внести соответствующий вклад»[606], из числа региональных акторов.

Со своей стороны Б. Обама в своих заявлениях также делал акцент на важности многосторонних усилий: «Это не наша борьба в одиночку. Американская мощь может иметь решающее значение, но мы не можем сделать для иракцев то, что они должны сделать для себя, и мы не можем взять на себя роль наших арабских партнеров в обеспечении безопасности их региона. Такова наша стратегия, и в каждом из пунктов этой стратегии к Америке должна присоединиться широкая коалиция партнеров»[607]. Иначе говоря, президент намеревался мобилизовать международное сообщество для противостояния «Исламскому государству». Вместе с тем американский президент подчеркнул, что эта стратегия согласуется с его подходом: использовать силу против любого, кто угрожает ключевым интересам США, но мобилизовать партнеров, где это возможно, для решения более широких задач мировой политики[608]. На этом фоне активизировался госсекретарь Дж. Керри, отправившись в сентябре 2014 г в турне по странам Ближнего Востока и Европы в поисках партнеров.

Так, в условиях бюджетных ограничений, в том числе и серьезных сокращений военного бюджета, как и в первый срок своего президентства Б. Обама продолжал настаивать на коллективных действиях, сотрудничестве с союзниками и партнерами, включая региональными, для обеспечения глобального лидерства США, борьбы с терроризмом, стабилизации ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Эти идеи нашли отражение в «Четырехлетнем обзоре оборонной политики» 2014 г.[609],

---

[605] См. подробнее: The President's proposed authorization for use of military force against ISIL and U.S. policy, strategy, and posture in the Greater Middle East: hearing before the Committee on Armed Services, House of Representatives, One Hundred Fourteenth Congress, first session, March 3. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2015.
[606] Ibid. P. 21.
[607] The White House. Statement by President Barak H. Obama on ISIL. September 10, 2014. [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/09/10/statement-president-isil-1 (accessed 12.09.2018)
[608] Ibid.
[609] U.S. Department of Defense. Quadrennial Defense Review. March 2014. URL: http://archive.defense.gov/pubs/2014_Quadrennial_Defense_Review.pdf (accessed 12.09.2018)

«Национальной военной стратегии» 2015 г.[610] и в указанных выше документах Государственного департамента.

В начале 2015 г. вышла новая СНБ[611], содержание которой подтверждало единство политического курса в течение двух президентских сроков Б. Обамы. В СНБ-2015 закреплялся селективный подход к использованию силы, приоритет многосторонности, разделение бремени между союзниками[612]. В связи с этим даже лето 2014 г. нельзя назвать «точкой бифуркации», поскольку Б. Обама продолжал заявленную в начале своего президентства тенденцию: вмешиваться только при наличии непосредственной угрозы жизненно важным интересам США. Собственно, поэтому Вашингтон и активизировался в ответ на расширение ИГИЛ в Ираке, но не делал этого, когда организация развернула свое присутствие в Ливии.

На фоне этих событий в Белом доме росло недовольство в связи с действиями европейских союзников, точнее их бездеятельностью, за что Б. Обама и представители его администрации неоднократно их критиковали[613]. В частности, в США было распространено мнение, что Вашингтон ответственен за Ирак и Сирию, а Европа должна взять на себя инициативу в Северной Африке, в первую очередь, в Ливии, хотя и со значительной американской поддержкой[614]. ЕС – естественный партнер, с кем США могут разделить бремя ответственности за глобальные проблемы, однако в Вашингтоне в очередной раз убедились, что Брюссель способен обеспечить экономическую и гуманитарную помощь, но в политических вопросах на него нельзя положиться. В этом контексте показательным является выступление К. Поллака на слушаниях в Комитете по вооруженным силам Сената США в марте 2015 г., когда в качестве альтернативы политике европейских государств и ЕС, которые «до сих пор не используют весь свой потенциал во всех сферах политики и на которых нельзя сильно рассчитывать», эксперт выдвинул идею сотрудничества с «восходящими державами»,

---

[610] U.S. Department of Defense. The National Military Strategy of the United States of America. June 2015. URL: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/National_Military_Strategy_2015.pdf (accessed 12.09.2018)

[611] National Security Strategy. Washington D.C.: The White House. February 2015. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (accessed 14.09.2018)

[612] Ibid.

[613] См., например интервью Б. Обамы «The Atlantic»: Goldberg G. The Obama Doctrine // The Atlantic. April 2016. URL: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/ (accessed 14.09.2018)

[614] United States policy and military strategy in the Middle East: hearings before the Committee on Armed Services, United States Senate, One Hundred Fourteenth Congress, first session, March 24. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2015. – P. 14.

такими как Китай и Индия, для разделения бремени за решение проблем не только на Ближнем Востоке, но и в других регионах[615].

Разочарование в европейских союзниках нашло подтверждение в СНБ-2015, где Евросоюз упоминался лишь вскользь в привязке к Трансатлантическому торгово-инвестиционному партнерству и необходимости углубления отношений ЕС с НАТО[616]. Вместе с этим, СНБ-2015 подтвердила важность Азиатско-Тихоокеанского региона, тогда как «украинский кризис» и дестабилизация Ближнего Востока и Северной Африки рассматривались в качестве препятствий для осуществления разворота в Азию[617]. Причем еще одно препятствие в виде ядерной программы Ирана, Б. Обаме удалось преодолеть, заключив – вместе с другими членами «шестерки» – в 2015 г. сделку с Тегераном, руководствуясь политикой «вовлечения»[618] и игнорируя опасения ближневосточных союзников Вашингтона, в частности, Израиля и Саудовской Аравии.

Эти тенденции в политике США, характерной чертой которых стало усиление прагматизма в условиях новых реалий развития региона, нашли непосредственное отражение в курсе Вашингтона в Тунисе, Египте и Ливии.

Успешное разрешение политического кризиса 2013–2014 гг. положительно сказалось на имидже родины «арабского пробуждения». Как отметил демократ Т. Дойч в своем выступлении на заседании Комитета Палаты представителей по иностранным делам, именно тогда Вашингтон поверил в возможность демократизации **Туниса**[619]. Начались регулярные контакты американских и тунисских официальных лиц[620]. В феврале 2014 г. госсекретарь США посетил страну, где пообещал поддержать ее тернистый путь к демократии. Дж. Керри также объявил о начале американо-тунисского стратегического диалога, первая встреча в рамках которого прошла в апреле того же года[621]. М. Джомаа, занимавший пост премьер-министра Туниса, встретился с Б. Обамой

---

[615] См. подробнее: Ibid. – P. 18.

[616] См. подробнее: Бартенев В.И. «Стратегия национальной безопасности США» 2015 года: от всеобъемлющего к селективному вовлечению и сдерживанию // Пути к миру и безопасности. – 2015. – № 1 (48). – С. 60.

[617] Там же.

[618] Политика вовлечения была сформирована Б. Обамой в ходе интервью Т. Фридману, которая предполагает отказ многолетнего курса США, изолирующего такие страны как Иран или Куба. Friedman T.L. Iran and the Obama Doctrine // The New York Times. April 5, 2015. URL: https://www.nytimes.com/2015/04/06/opinion/thomas-friedman-the-obama-doctrine-and-iran-interview.html (accessed 16.09.2018).

[619] Tunisia's fragile democratic transition: hearing before the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Fourteenth Congress, first session, July 14. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2015. – P. 3–4.

[620] См. подробнее: Оганисян Л.Д. Политика США и ЕС в Тунисе: поддержка демократизации // Восток Oriens. – 2016. – № 3. – С. 127-137.

[621] U.S. Department of State. Secretary of State Kerry Holds News Conference in Tunis, Tunisia. February 18, 2014. [Electronic resource]. http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/02/221754.htm (accessed 17.09.2018)

в Белом доме, где американский президент поздравил его с успешным выходом из кризиса и выразил готовность к расширению сотрудничества в сферах экономики, образования и культуры, безопасности и противодействия терроризму[622]. Обещание президента стало частью американской СНБ-2015[623]. В январе 2015 г. глава Белого дома пригласил нового президента Туниса Б. Каида эс-Себси в Вашингтон для обсуждения вопросов дальнейшего сотрудничества[624].

Накануне визита Б.К. эс-Себси 60 тунисских, ближневосточных и американских экспертов отправили открытое письмо президенту США, в котором призывали его поддержать демократический процесс в Тунисе. К примеру, они предлагали увеличить объемы финансовой помощи для стимулирования экономического развития и реформирования юридической системы, а также оказать тунисскому правительству необходимую поддержку для обеспечении безопасности страны[625].

В мае 2015 г. состоялась встреча президентов США и Туниса в Вашингтоне. После серии переговоров лидеры заявили, что отношения между странами будут укрепляться и возможно заключение торгового соглашения между ними. Б. Обама объявил, что Соединенные Штаты присвоят Тунису статус «союзника вне НАТО», тем самым подчеркнув стратегическую важность этой страны.[626] Этот статус, полученный Тунисом летом 2015 г., предполагал увеличение объемов материальной помощи в сфере безопасности, но не участие американцев в военных действиях в случае конфликта.

Примечательно, что помощник госсекретаря США по вопросам демократии, прав человека и трудовых отношений Т. Малиновски в ходе своего визита в Тунис в сентябре 2015 г. заявил: «В результате Арабской весны возникли две модели управления: одна –

---

[622] The White House. Joint Statement by the United States of America and the Tunisian Republic. April 4, 2014. [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/04/04/joint-statement-united-states-america-and-tunisian-republic (accessed 17.09.2018)

[623] National Security Strategy. Washington D.C.: The White House. February 2015. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (accessed 15.09.2018)

[624] U.S. Embassy in Tunisia. Remarks by President Obama and the President Caid Essebsi of Tunisia after Bilateral Meeting. May 21, 2015. [Electronic resource]. URL: http://tunisia.usembassy.gov/resources/president-beji-caid-essebsi-official-visit-tothe-united-states/remarks-by-presidents.html (accessed 12.05.2018)

[625] American Tunisian Association. Open Letter to President Obama. May 20, 2015. URL: http://pomed.org/wp-content/uploads/2015/05/Letter.pdf (accessed 12.05.2018)

[626] U.S. Embassy in Tunisia. Remarks by President Obama and the President Caid Essebsi of Tunisia after Bilateral Meeting. May 21, 2015. [Electronic resource]. URL: http://tunisia.usembassy.gov/resources/president-beji-caid-essebsi-official-visit-tothe-united-states/remarks-by-presidents.html (accessed 17.09.2018)

тунисская, другая – ИГИЛ. Мы глубоко заинтересованы в том, чтобы первая модель преуспела, а вторая потерпела неудачу»[627].

Таким образом, американо-тунисские отношения развивались по следующим направлениям: экономика и торговля, противодействие терроризму и демократизация. При этом последнему направлению уделялось значительно меньше внимания, чем двум первым[628]. Например, в общей сложности в 2011-2015 гг. США предоставили Тунису материальную помощь в размере 600 млн долл. (большая часть пришлась на 2013 – 2015 гг.), из которых примерно 200 млн – на безопасность, и лишь 80 млн долл. на демократические реформы[629]. В 2016 г. США выделили стране около 134 млн долл. (в два раза больше, чем в 2015 г.), 60% из которых было направлено в сферу безопасности[630]. (См. Таблица 14, Таблица 15, Таблица 16).

Таблица 14. Объемы ОПР, обещанной и предоставленной США Тунису в 2013 – 2016 гг., млн долл.

Помощь	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**
обещанная	77.57	42.69	20.07	54.42
предоставленная	17.55	18.81	20.75	30.71

Источник: OECD. Stat.

Таблица 15. Объемы экономической помощи и помощи в сфере безопасности, выделяемой США Тунису в 2013 – 2016 гг., млн долл.

Финансовый год	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**
Экономическая помощь	18.5	26.6	20.0	60.0
Помощь в сфере безопасности	34.6	34.3	104.5	116.6

Источник: Security Assistance Monitor.

Таблица 16. Объемы продажи оружия США Тунису в 2013 – 2016 гг., млн долл.

[627] U.S. Department of State. Remarks by Assistant Secretary, Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor Tom Malinowski on The New Tunisian Model of Governance. September 2, 2015. [Electronic resource]. URL: https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/rm/2015/246584.htm (accessed 17.09.2018)

[628] См. подробнее: Kausch K. 'Foreign funding' in post-revolution Tunisia // Foundation for International Relations and Foreign Dialogue (FRIDE). May 20, 2013. – P. 13.

[629] Tunisia's fragile democratic transition: hearing before the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Fourteenth Congress, first session, July 14. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2015.

[630] Arieff A., Humud C.E. Political Transition in Tunisia // Congressional Research Service. February 10, 2015. P. 2.

Финансовый год	2013	2014	2015	2016
Поставки	131.96	25.86	30.2	20.867

Источник: Security Assiatance.org

Еще в августе 2014 г., во время американо-африканского саммита в Вашингтоне, администрация Б. Обамы заявила, что Тунис станет одной из шести ключевых африканских стран-адресатов новой «Инициативы управления безопасностью» (Security Governance Initiative). Тунис также являлся одной из 11 стран, участвующих в координируемой Госдепом программе «Транссахарского партнерства по противодействию терроризму» (Trans-Sahara Counter-Terrorism Partnership). В 2014 г. Белый дом уведомил Конгресс о намерении продать Тунису военную технику на 700 млн долл., в том числе 12 вертолетов и 2 военных самолета для борьбы с джихадистами[631]. В 2016 г. североафриканской стране было выделено чуть менее 100 млн долл. на военно-техническую помощь, что почти в три раза больше, чем в 2014 г.[632]

В области экономического развития американцами было запущено несколько проектов, направленных на финансовую стабилизацию Туниса, укрепление экономики, решение проблем трудоустройства, прежде всего молодежи, на привлечение инвестиций, чем занимается американская Корпорация частных зарубежных инвестиций (Overseas Private Investment Corporation, OPIC)[633]. (См. Таблица 17). Действовали Тунисско-американский фонд предприятий (Tunisian-American Enterprise Fund), привлекающий инвестиции на развитие малого и среднего бизнеса, и корпорация «Вызов тысячелетия» (Millennium Challenge Corporation), поддерживающая различные экономические реформы[634].

Таблица 17. Объемы ПИИ США в Тунис в 2013 – 2016 гг., млн долл.

Финансовый год	2013	2014	2015	2016

[631] Arieff A., Humud C.E. Political Transition in Tunisia // Congressional Research Service. – February 10, 2015. – P. 16.
[632] Goodman C. U.S.-Tunisia Security Cooperation Escalates to Nearly $100 Million // Security assistance Monitor. May 19, 2015. URL: http://www.securityassistance.org/blog/us-tunisia-security-cooperation-escalates-nearly-100-million (accessed 17.09.2018)
[633] OPIC and Tunisian Banks Support Economic Growth in Tunisia // Overseas Private Investment Corporation (OPIC). March 4, 2015. [Electronic resource]. https://www.opic.gov/press-releases/2015/opic-and-tunisian-banks-support-economic- growth-tunisia (accessed 17.09.2018)
[634] Tunisia's fragile democratic transition: hearing before the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Fourteenth Congress, first session, July 14. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2015. – P. 3–4

ПИИ	348	447	297	317

Источник: Bureau of Economic Analysis. US Department of Commerce.

Хотя в целом в арабском мире Соединенные Штаты имели отрицательный имидж, в этом отношении в Тунисе ситуация была некритична. Тунисцы негативно отзывались о сотрудничестве США с режимом Бен Али, однако накануне революции отношения между двумя странами развивались незначительно и американское присутствие в Тунисе было малозаметным. Хотя, как отмечала глава Ближневосточной программы аналитического центра FRIDE К. Кауш, после революции тунисцы начали проявлять недовольство тем, что финансовая помощь США имеет негативные последствия для гражданского общества, а не способствует его развитию, т.к. «многие тунисцы теперь гонятся за грантами, а не стремятся преобразовать страну»[635], в большинстве случаев помощь приветствовалась.

Что касается **Египта**, то примечательно, что еще осенью 2012 г. в США осознавали, что политика президента М. Мурси, направленная на расширение своих полномочий, а также споры вокруг проекта новой конституции могут стать причиной для волнений в стране. В частности, письма сотрудников Госдепартамента Х. Клинтон, опубликованные WikiLeaks, свидетельствовали о том, что американцы ожидали в Египте народных протестов[636]. Более того, как отмечают корреспонденты «The New York Times», весной 2013 г., когда антиправительственные настроения в стране возросли, госсекретарь Дж. Керри отправился в Каир, чтобы призвать М. Мурси вступить в диалог с оппозицией, иначе своей политикой глава Египта сам «подготовит почву для нового восстания, на этот раз против самого себя». Однако президент не был склон к компромиссам[637].

После свержения М. Мурси, когда развитие событий в Египте приобрело драматичный характер, противники Б. Обамы набросились на него с критикой из-за нерешительности Белого дома. Представители консервативного крыла в американском истеблишменте и экспертном сообществе считали, что США выпал шанс вернуть свое

[635] Kausch K. 'Foreign funding' in post-revolution Tunisia // Foundation for International Relations and Foreign Dialogue (FRIDE). May 20, 2013. – P. 14.
[636] Hillary Clinton Email Archive. Internal Egyptian Politics on Morsi Seizure of Powers. Confidential // WikiLeaks. November 26, 2012. [Electronic resource]. URL: https://wikileaks.org/clinton-emails/emailid/12108 (accessed 18.09.2018)
[637] Kirkpatrick D.D., et. al. How American Hopes for a Deal in Egypt Were Undercut // The New York Times. August 17, 2013. URL: https://www.nytimes.com/2013/08/18/world/middleeast/pressure-by-us-failed-to-sway-egypts-leaders.html (accessed 18.09.2018)

влияние в Египте, поэтому они призывали Вашингтон поддержать военных, но с оговорками относительно восстановления демократического процесса и гражданского правления. Либералы настраивали, что необходимо «наказать» армейскую верхушку, недемократические действия которой привели к дестабилизации страны[638].

Администрация Б. Обамы заняла срединную позицию. Осознавая всю остроту ситуации, президент США, несмотря на внутреннее давление, действовал крайне осторожно. 3 июля глава Белого дома заявил, что Соединенные Штаты «глубоко обеспокоены решением египетских вооруженных сил отстранить президента М. Мурси и приостановить процесс принятия египетской конституции»[639]. Президент отметил, что «США не поддерживают отдельных лиц или политические партии, но привержены демократическому процессу и уважению верховенства закона». Кроме того, он подчеркнул, что поручил соответствующим департаментам и агентствам проанализировать дальнейшее выделение помощи США Египту в соответствии с американским законодательством[640].

Осенью 2013 г. представитель Госдепа заявил, что «решено сохранить наши отношения с египетским правительством, в то же время перенастроить помощь Египту, чтобы лучше продвигать наши интересы». Отмечалось, что Соединенные Штаты будут работать с временным правительством Египта и Конгрессом, чтобы продолжить оказание поддержки, которая непосредственно приносит пользу египетскому народу в таких областях, как здравоохранение, образование и развитие частного сектора. Кроме того, Вашингтон намеревался продолжить выделение помощи для обеспечения безопасности на границах страны, в том числе на Синае, борьбе с терроризмом, а также планировал продолжить предоставление *части*[641] [курсив наш – Л.О.] военной техники США, а также военной подготовки и образования[642].

Таким образом, Белый дом не решился квалифицировать события лета 2013 г. как «военный переворот», иначе, в соответствии с американским законодательством,

---

[638] Об этом см. подробнее: Шумилин А.И. Ук. соч. – С. 300-301.

[639] The White House. Statement by President Barak H. Obama on Egypt. July 3, 2013. [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/07/03/statement-president-barack-obama-egypt (accessed 18.09.2018)

[640] Ibid.

[641] Администрация Б. Обамы объявила в октябре 2013 года, что она приостанавливает поставки некоторых крупных военных систем (F-16, вертолеты Apache, ракеты Harpoon и танки M1A1) в Египет, пока Каир не будет демонстрировать успех в направлении демократизации страны. См.: Sharp J.M. Egypt: Background and U.S. Relations // Congressional Research Service. – June 5, 2014.

[642] U.S. Department of State. Press Statement of Department Spokesperson Jen Psaki on U.S. Assistance to Egypt. October 9, 2013. [Electronic resource]. URL: https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/10/215258.htm (accessed 18.09.2018)

Вашингтону пришлось бы прекратить выделение военной помощи стране, предоставляемой ежегодно в размере 1,3 млрд долл.[643]. США же демонстративно свернули программы помощи лишь на краткий период и затем, чтобы выразить неодобрение жестким мерам, предпринимавшимися новыми властями против движения «Братья-мусульмане».

Подобная позиция главы Белого дома в отношении египетских событий была довольно по-разному оценена американскими экспертами. В частности, вице-президент Международного научного центра В. Вильсона А.Д. Миллер отмечал, что, несмотря на то, что политика Б. Обамы в отношении Египта кажется запутанной и бесцельной, она логична, поскольку президент США правильно расставил приоритеты, учитывая внутреннюю повестку, общественное мнение и особенности ближневосточных процессов[644]. Совершенно иной точки зрения придерживалась директор Центра по изучению Ближнего Востока имени Рафика Харири Атлантического совета М. Данн, критиковавшая Белый дом за бездействие. Исследователь справедливо отметила следующее: когда переходное правительство в 2011–2012 гг. преследовало сотрудников американских НКО, финансируемых правительством США, Вашингтон оставался нем и продолжал оказывать Каиру военную помощь; когда М. Мурси проталкивал проект конституции, пытаясь навязать египтянам нормы шариата, Вашингтон держался в стороне, стремясь не обострять отношения с Каиром, – позиция, из-за которой позже египтяне обвиняли США в поддержке «Братьев-мусульман» против секуляристов; когда после свержения М. Мурси военные начали массовую кампанию против исламистов, Белый дом не приостановил помощь сразу же, а только позже, когда в связи с нарушениями прав человека уже невозможно было бездействовать, некоторые программы были свернуты[645].

В 2014 г. после выборов президента А. ас-Сиси и принятия новой конституции программы помощи были возобновлены. Что касается поставок вооружения, то на фоне роста террористической угрозы в Египте, пик которого пришелся на середину 2010-х гг., весной 2015 г. американские конгрессмены призвали администрацию Б. Обамы прекратить приостановление поставки вооружений. 31 марта состоялся телефонный

---

[643] Hawthorne A. Rethinking U.S. Economic Aid to Egypt // Project on Middle East Democracy POMED. October 2016. – P. 2.

[644] Miller A.D. Obama's Egypt Policy Makes Perfect Sense // Foreign Policy. August 20, 2013. [Electronic resource]. URL: https://foreignpolicy.com/2013/08/20/obamas-egypt-policy-makes-perfect-sense/ (accessed 18.09.2018)

[645] Dunne M. A U.S. Strategy Toward Egypt Under Sisi // Carnegie Endowment for International Peace. June 2014. – P. 2.

разговор между главами США и Египта, в ходе которого было решено продолжить поставки вооружений в страну[646]. (См. Таблица 18).

Таблица 18. Объемы продажи оружия США Египту в 2013 – 2016 гг., млн долл.

Финансовый год	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**
Поставки	1554.5	944.5	482.5	1289.5

Источник: Security Assistance Monitor.

Критикуя действия Белого дома, научный сотрудник Вашингтонского института ближневосточной политики Э. Трэгер скептически отметил, что «администрация полагала, что египетское правительство будет интерпретировать эту политику следующим образом: Каир должен быть признателен за приверженность Вашингтона обеспечению безопасности Египта, но также осознавать озабоченность США в отношении долгосрочного политического развития страны. Излишне говорить, что этого не произошло»[647], а спустя полтора года Вашингтон возобновил поставки.

Параллельно Белый дом принял решение с 2018 фин. г. завершить политику финансирования денежных потоков – механизм, который позволял Египту использовать будущую помощь для приобретении оружия[648]. По мнению исследователя, подобная амбивалентность политики Б. Обамы была связана с тем, что президент не мог решить, является ли Египет стратегическим партнером, который должен быть щедро поддержан, или жестким авторитарным режимом, которому не следует оказывать помощь, пока он не вступит на демократический путь развития[649].

В связи с этим не удивительным было стремление Каира налаживать тесное сотрудничество с другими государствами, в частности, монархиями Персидского залива[650], выделяющими многомиллиардные гранты, ставя минимум политических

---

[646] Sharp J.M. Egypt: Background and U.S. Relations // Congressional Research Service. – March 24, 2017. – P. 7.

[647] Trager E. Obama Wrecked U.S.-Egypt Ties // The National Interest. April 8, 2015. URL: https://nationalinterest.org/feature/obama-wrecked-us-egypt-ties-12573 (accessed 18.09.2018)

[648] См. подробнее: Sharp J.M. Ending Cash Flow Financing to Egypt: Issues for Congress // Congressional Research Service. June 4, 2015.

[649] Trager E. Obama Wrecked U.S.-Egypt Ties // The National Interest. April 8, 2015. URL: https://nationalinterest.org/feature/obama-wrecked-us-egypt-ties-12573 (accessed 18.09.2018)

[650] В то же время страны Залива демонстрировали готовность поддержать египетское правительство, ставя минимум политических условий. Если в период правления «Братьев-мусульман» основная поддержка шла из

условий, Францией и Россией, с которыми Египет стал активно развивать политическое, экономическое и военное сотрудничество в последние годы. Эти шаги правительства А. ас-Сиси, конечно, не позволяли говорить, что Египет отвернулся от США, но являлись сигналом для Вашингтона пересмотреть свой подход к стране, потеря влияния в которой дорого обошлась бы американцам.

Тем не менее помощь Вашингтона была необходима, поскольку правительство А. ас-Сиси было погружено в решение острых экономических проблем и проблем в сфере безопасности. Между тем, Каир стал вести активную антитеррористическую деятельность в регионе, а также призывал к «исламской толерантности»[651]. Египетские военные с осени 2013 г. вели боевые действия против синайских джихадистов, с лета 2014 г. они начали серию авианалетов против террористов в Ливии.

На протяжении 2013–2016 гг. американская военная помощь оказалось неизменной (1,3 млрд долл.), тогда как объемы экономической помощи были невелики. (см. Таблица 20). По сути, администрация Б. Обамы совершала те же ошибки в отношении египетского правительства, что и предыдущие, десятилетия инвестирующие в военную модернизацию и проекты по реформированию государства «сверху вниз», т.е. выделяя помощь правительствую напрямую через механизмы бюджетной поддержки, которые не привели к необходимым результатам. (См. Таблица 19, Таблица 20, Таблица 21).

Таблица 19. Объемы ОПР, обещанной и предоставленной США Египту в 2013 – 2016 гг., млн долл.

Помощь	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**
обещанная	399.65	150.48	224.7	147.18
предоставленная	60.92	-177.29	-156.47	-129.94

Источник: OECD. Stat.

Таблица 20. Объемы экономической помощи и помощи в сфере безопасности, выделяемой США Египту в 2013 – 2016 гг., млн долл.

Катара, симпатизировавшего этому движению, то в годы президентства А. с-Сиси главным партнером Каира стали Саудовская Аравия, сыгравшая к тому же немалую роль в событиях 2013 г., и ОАЭ.

[651] В январе 2015 г. А. ас-Сиси произнес шокирующую международное сообщество своей смелостью речь в Аль-Азхаре, призвав теологов к проведению реформы в религии.

Финансовый год	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**
Экономическая помощь	241.0	200.0	150.0	142.6
Помощь в сфере безопасности	1,247	1,306	1,349	1,307

Источник: Security Assistance Monitor.

Таблица 21. Объемы ПИИ США в Египет в 2013 – 2016 гг., млн долл.

Год	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**
ПИИ	18,796	-	14,068	12,561

Источник: Bureau of Economic Analysis. US Department of Commerce. URL: https://www.bea.gov/index.htm

К концу 2013 г. некоторые проекты Соединенных Штатов, нацеленные на обучение и оснащение военных, борьбу с терроризмом, уничтожение ОМУ, удалось восстановить после того, как они были сорваны в связи с охлаждением отношений между США и **Ливией**, последовавшим после убийства посла К. Стивенса. В общей сложности, в 2013–2014 гг. Белый дом выделил Ливии почти 40 млн долл. в виде военной помощи. (См. Таблица 23).

Летом 2014 г., когда началась очередная эскалация конфликта в Ливии, США вновь свернули большую часть программ помощи. В связи с этими событиями среди отложенных инициатив оказался проект, нацеленный на создание ливийских сил общего назначения, которые могли бы служить ядром новых сил национальной безопасности[652]. Рост нестабильности в Ливии стал причиной резкого сокращения военной и экономической помощи стране до символических 6 и 3 млн долл. соответственно. (См. Таблица 22, Таблица 23). Также в середине 2014 г. состоялся вывод из Ливии американских военных сил, находившихся в стране со времен борьбы против М. Каддафи[653].

[652] Ryan M. Libyan force was lesson in limits of U.S. power // Washington Post. August 5, 2015. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/a-security-force-for-libya-becomes-a-lesson-in-failure/2015/08/05/ (accessed 19.09.2018)
[653] Blanchard C.M. Libya: Transition and U.S. policy // Congressional Research Service. – May 2, 2018. – P. 23.

Таблица 22. Объемы ОПР, обещанной и предоставленной США Ливии в 2013 – 2016 гг., млн долл.

Помощь	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**
обещанная	18.61	50.09	15.31	35.56
предоставленная	12.87	21.16	21.02	20.11

Источник: OECD. Stat.

Таблица 23. Объемы экономической помощи и помощи в сфере безопасности, выделенной США Ливии в 2013 – 2016 гг., млн долл.

Финансовый год	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**
Экономическая помощь	24.8	3.0	3.2	12.3
Помощь в сфере безопасности	33.7	6.1	4.5	8.5

Источник: Security Assistance Monitor.

На 2015 фин. год Конгресс установил условия для предоставления средств Ливии, потребовав от Госдепартамента подтвердить, что международно признанное ливийское правительство во главе с Ф. Сараджем будет сотрудничать с США в расследовании и привлечении к ответственности виновных в нападении на американское консульство в Бенгази. В сопроводительном послании к бюджету дополнительно требовалось подробно уведомлять комитеты по ассигнованиям о планируемых обязательствах по программам помощи в области безопасности и проведении процедур проверки конкретных получателей ассигнуемых средств[654]. В 2016 г. администрация Б. Обамы запросила 20 млн долл. для финансирования программ в Ливии, направленных на укрепление государственных институтов и гражданского общества, охрану границ, на демократизацию и стабилизацию страны, а также на выделение гуманитарной помощи ливийскому народу[655]. На 2017 фин. г. администрация запросила 20,5 млн долл. на двустороннюю помощь. Согласно информации, содержащейся в проекте бюджета, американские программы разработаны совместно с международным сообществом для поддержания усилий ливийского правительства и гражданского общества, направлены

[654] Blanchard C.M. Libya: Transition and U.S. Policy // Congressional Research Service. – May 13, 2016. – P. 17.
[655] Ibidem.

на развитие демократической политической системы, укрепление способности институтов предоставлять базовые услуги, защиту государственной территории, строительство эффективной системы национальной безопасности[656].

Объективные внутренние экономические и политические причины с одной стороны и продолжение конфликта в Ливии и отсутствие единого правительства в стране с другой, оказались, пожалуй, ключевыми факторами, повлиявшими на проводимый США курс. Изучение логики эволюции американской политики показывает, что, несмотря на заявленные цели и задачи, включающие в себя развитие демократических институтов, гражданского общества, укрепление правоохранительных органов, Белый дом концентрировался на решении текущих проблем безопасности. Более того, те незначительные средства, которые выделялись, не могли способствовать ни развитию демократической политической системы, ни строительству системы национальной безопасности. Также достижению этой цели мешало отсутствие целостной стратегии США в Ливии. Хотя подвижная политическая ситуация мешала выработке целостного курса, более существенной являлось отсутствие мотивации со стороны Вашингтона. Одной из важнейших причин было то, что происходящее в Ливии не рассматривалось в качестве непосредственной угрозы американским интересам, о чем свидетельствовали слова специального посланника США в Ливии Дж. Вайнера, выступавшего летом 2016 г. в Комитете Сената по иностранным делам[657], а также исследования специалистов, в частности, старшего научного сотрудника итальянского Института международных отношений Д. Хубер[658]. Крайне ограниченные масштабы действий Вашингтона определялись в том числе и стремлением американских властей побудить к действию европейских партнеров. Б. Обама и представители его администрации неоднократно критиковали европейцев за бездействие в Ливии[659]. В частности, в Белом доме было распространено мнение, что, поскольку Вашингтон понес

---

[656] Ibidem.

[657] US policy in Libya: hearing before the Senate Foreign Relations Committee, United States Senate, One Hundred Fourteenth Congress, second session, June 15. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2016.

[658] Huber D. A Pragmatic Actor — The US Response to the Arab Uprisings // Journal of European Integration. – 2015. – Vol. 37, № 1. – P. 57-75.

[659] Goldberg G. The Obama Doctrine // The Atlantic. April 2016. URL: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/ (accessed 19.09.2018)

основное бремя в Ираке и Сирии, Европа должна взять на себя инициативу в Северной Африке, в первую очередь, в Ливии, пусть и при значительной поддержке США[660].

Иными словами, поскольку фокус внимания Соединенных Штатов был смещен с Северной Африки на Левант, где администрация Б. Обамы вела борьбу против ИГИЛ в Сирии и Ираке, была погружена в переговорный процесс по иранской ядерной сделке и проч., проблемы Туниса и тем более Ливии, в значительно меньшей степени Египта были для нее второстепенными, ими США призывали активно заниматься ЕС и европейские государства.

§3. Эволюция подходов Евросоюза к взаимодействию со странами «арабского пробуждения» на примере Туниса, Египта и Ливии

Со второй половины 2013 г., когда произошло значительное ухудшение ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке, в Брюсселе возросли алармистские настроения. В частности, причинами дестабилизации стали беспрецедентный подъем джихадизма на фоне разрушения государственности в Сирии, Ливии, Ираке и Йемене, политические кризисы в Тунисе и Египте, сопровождаемые ухудшением экономического положения стран и ситуации в сфере безопасности, а также стремительный рост потока беженцев в Европу, приведший к миграционному кризису 2014-2015 гг.[661], который наряду с кровопролитными терактами 2015-2017 гг. в столицах государств-членов ЕС стал причиной поляризации европейского общества, усиления исламофобии и национализма, популизма и евроскептицизма[662], сопровождаемого «кризисом солидарности», как между странами севера и юга Европы, так и между Вышеградской группой и «Старой Европой»[663].

Это привело к осознанию того, что нужно менять вектор политики в регионе, поскольку события на Ближнем Востоке и в Северной Африке в начале 2011 – середины 2013 гг. вывели недостатки внешней политики ЕС на поверхность. Во-первых, речь идет

---

[660] United States policy and military strategy in the Middle East: hearing before the Committee on Armed Services, United States Senate, One Hundred Fourteenth Congress, first session, March 24. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2015. – P. 14.

[661] См. подробнее: Потемкина О. Актуальные проблемы иммиграционной политики Европейского союза // Институт Европы РАН. – 3 июля 2015. – С. 1-12; Прохоренко И.Л. Внешнеполитическая стратегия Европейского Союза и проблема регулирования миграционного кризиса // Год планеты: ежегодник. Вып. 2016 г: экономика, политика, безопасность. – М.: Идея-Пресс, 2016. – С. 178-186.

[662] См. подробнее: Арбатова Н.К. Заключение // ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиции европейских стран / Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – С. 48.

[663] См. подробнее: Вимон П. Миграция в Европе: преодоление кризиса солидарности – М.: «Московский центр Карнеги», 2017. – С. 1-30.

о проблеме координации политики между государствами-членами и противоречиями между ними, которые проявились, например, в ливийском и сирийском конфликтах. Во-вторых, обновленная после Лиссабонского договора внешняя политика ЕС не справилась с вызовами «арабского пробуждения». В связи с этим бельгийский министр иностранных дел С. Ванакере заявил, что глава ЕСВД К. Эштон не смогла добиться того, чтобы европейцы говорили единым голосом. По его мнению, Европейская служба внешних действий должна была стать «центральной осью, вокруг которой смогли бы организоваться государства-члены», однако пока сильной и активной ЕСВД не существует, «сегодня немцы, завтра французы или англичане берут на себя часть этой стержневой роли, и тогда именно вокруг них должны группироваться и другие»[664].

Осенью 2014 г. Ф. Могерини, сменившая на посту Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон, во время слушаний в Европарламенте обозначила в качестве своих главных приоритетов следующие: проведение оценки деятельности ЕСВД и, если потребуется, пересмотр Европейской стратегии безопасности 2003 г., а также улучшение сотрудничества на уровне институтов ЕС и между государствами-членами, чтобы Брюссель мог более эффективно отвечать на современные вызовы и угрозы. Ф. Могерини подчеркнула, что в условиях нестабильности, охватившей ближайших соседей ЕС, она намерена сосредоточиться на решении именно этих вопросов[665]. Еще накануне назначения, в августе 2014 г., будущая глава внешней политики ЕС заявляла, что хочет, чтобы ЕС сыграл решающую роль в кризисных ситуациях. «Мы переживаем печальный и трудный период. Вокруг Евросоюза никогда не было столько кризисов и конфликтов. Крайне важно, чтобы ЕС сыграл решающую роль в этом сценарии», – заявила Ф. Могерини[666].

В сложившихся условиях, когда сам Евросоюз оказался в состоянии системного кризиса[667], Брюссель вновь принялся пересматривать свои подходы к взаимодействию со странами Южного Средиземноморья в целом и государствами, затронутыми «арабским пробуждением», в частности. События 2010-х гг. в соседних региона –

---

[664] Цит по: Данилов Д.А. Европейский союз // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей. – С. 453.

[665] European Parliament: hearing. Federica Mogherini. High Representative of the Union for Foreign Policy and Security Policy – Vice-President. October 6, 2014. URL: http://www.europarl.europa.eu/hearings-2014/en/schedule/06-10-2014/federica-mogherini (accessed 20.09.2018)

[666] BQE. № 11145. 2.09.14.

[667] Кавешников Н.Ю. Институционально-политическое развитие ЕС: кризис и варианты трансформации // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – № 5. – С. 14-24.

наплыв беженцев, рост террористической активности, резкое ухудшение отношений с Россией в связи с украинским конфликтом и присоединением Крыма – пошатнули уверенность Евросоюза в способности стимулировать преобразования. Брюссель отошел от своей роли экспортера ценностей и демократии и ключевым приоритетом для него стало недопущение ухудшения ситуации в соседних регионах[668]. Как выразилась старший научный сотрудник Европейского Центра Карнеги Дж. Демпси, «эра наивности сменилась новым веком реализма, если не прагматизма»[669], а реализм этот основан на том, что стабилизация обстановки стала главным политическим приоритетом ЕС.

Эти идеи нашли отражение в новых документах ЕС 2015-2016 гг., главные из которых – это «Пересмотр Европейской политики соседства»[670], принятый по инициативе главы Еврокомиссии Ж.К. Юнкера в ноябре 2015 г., и «Глобальная стратегия ЕС по внешней политике и политике безопасности. Общее видение, единое действие: более сильная Европа»[671], представленная Ф. Могерини летом 2016 г.

Ближний Восток и Северная Африка охвачены нестабильностью, – подчеркивалось в «Глобальной стратегии» Евросоюза, – и, несмотря на то, что безопасность Европы неразрывно связана с тем, что происходит в соседнем регионе, Брюссель, как показали события начала 2010-х гг., имеет ограниченные возможности для влияния на ситуацию и, тем более, стимулирование демократических преобразований[672]. По этой причине Еврокомиссия признала наличие серьезных недостатков в подходах ЕС к взаимодействию со странами региона и необходимость занять прагматичную позицию, чтобы более эффективно содействовать стабилизации Южного Средиземноморья.

---

[668] Dempsey J. The EU's Shift from Transformation to Stabilization // Carnegie Europe. December 15, 2016. URL: http://carnegieeurope.eu/strategiceurope/?fa=66455 (accessed 20.09.2018); Kausch. K. Resilient Anchors in the Southern Mediterranean // Carnegie Endowment for International Peace. September 30, 2016. URL: http://carnegieendowment.org/2016/09/30/resilient-anchors-in-southern-mediterranean-pub-64740 (accessed 20.09.2018)

[669] Dempsey J. Op. cit.

[670] European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. Review of the European Neighbourhood Policy. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, November 18, 2015. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_joint-communication_review-of-the-enp_en.pdf (accessed 20.09.2018)

[671] European External Action Service. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016.

[672] Ibid.

Как указывается в «Пересмотре Европейской политики соседства»[673], «новая ЕПС признает стабилизацию своим главным политическим приоритетом». Под стабилизацией, в первую очередь, подразумевалось решение проблем в области безопасности, борьба с бедностью, неравенством, коррупцией, стимулирование экономического роста и социальных реформ. Также отличительной чертой новой политики соседства должен был стать дифференцированный подход, нацеленный на то, чтобы отношения со странами-адресатами носили индивидуальный характер и отвечали непосредственным потребностям и пожеланиям партнеров[674]. При этом Брюссель отмечал, что хотя ЕС не может решить многие проблемы арабских государств самостоятельно и его рычаги влияния ограничены, новая ЕПС должна играть важную роль в создании условий для позитивного развития региона[675]. Однако, как отмечал приглашенный исследователь Института Брукингса в Дохе А.А. Гафар, дифференцированный подход к странам партнерам – это, по-видимому, дипломатический маневр, позволяющий ЕС воздерживаться от риторики о правах человека и продвижении демократии в тех случаях, когда ему это будет удобно[676].

В документе подчеркивалось, что Евросоюз «будут искать более эффективные пути для продвижения демократии и благого управления, а также для содействия реформе правосудия в целях обеспечения верховенства закона и соблюдения прав человека. Ключом к стабилизации соседних государств в документе назывались открытые рынки, экономический рост и инклюзивное экономическое развитие и перспективы для молодежи[677].

Что же касается «Глобальной стратегии», то она также была проникнута прагматизмом. В ней указывалось, что в ответ на растущую нестабильность Евросоюз должен способствовать повышению «стрессоустойчивости» (resilience) государств и обществ. Под «стрессоустойчивостью» в документе подразумевалась «способность

---

[673] Представляя документ, комиссар по Европейской политике соседства и переговорам о расширении Й. Хан заявил, что это стало итогом «честного обсуждения, определившего меньшие по числу, но общие для всех стран приоритеты». Также Й. Хан добавил, что документ станет началом новой стратегии Евросоюза. BQE. № 11382. 5.9.2015.

[674] European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. Review of the European Neighbourhood Policy. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, November 18, 2015. P. 2-3.

[675] Ibid.

[676] Ghafar A.A. Toward a Recalibration of EU-North Africa Relations // Brookings Doha Center. – May 2017. – P. 6.

[677] European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. Review of the European Neighbourhood Policy. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, November 18, 2015. – P. 3.

государств и обществ реформироваться, выдерживая и преодолевая внутренние и внешние кризисы»[678]. В отличие от авторитарных государства, которые являются хрупкими (fragile) в долгосрочной перспективе, по мнению Брюсселя, «стрессоустойчивые» страны менее подвержены риску государственных переворотов или народных восстаний и настроены на сотрудничество и установление партнерских отношений с соседями[679]. По замечанию К. Кауш, региональная политика «стрессоустойчивых» государств, в отличие от авторитарных режимов, которые в долгосрочной перспективе являются хрупкими, не обусловлена беспорядочным стремлением к выживанию режима, который лежит в основе многих конфликтов, вспыхнувших в последние годы на Ближнем Востоке[680].

Анализируя глобальную стратегию ЕС, старший научный сотрудник барселонского Центра международных отношений Э. Сольер-Леча и заместитель директора итальянского Института международных отношений Н. Точчи отмечали, что, в соответствии с новым подходом, Европейский союз скорее сосредоточится на поддержке немногих позитивных процессов, будь то содействие демократическому транзиту в Тунисе, оказание гуманитарной помощи Сирии, Ливии и Йемену, установление регионального диалога и стимулирование торгово-экономического и политического сотрудничества, а демократическая риторика, развитие гражданского общества и продвижение прав человека отступят на второй план. Вместе с тем, по мнению экспертов, Брюсселю необходимо найти правильный баланс, поскольку Евросоюз не может игнорировать законные интересы граждан арабских стран, т.к. это не соответствует концепции «стрессоустойчивости» и не способствует решению глубинных проблем, которые стали причиной «арабского пробуждения»[681].

Таким образом, новые доктринальные документы ЕС продемонстрировали, что прагматизм постепенно вытеснил идеализм в европейском политическом мышлении[682]. Как выразился старший научный сотрудник Европейского центра Карнеги Р. Янгс,

---

[678] European External Action Service. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016. – P. 8-9.
[679] Ibid.
[680] Kausch K. Resilient Anchors in the Southern Mediterranean // Carnegie Endowment for International Peace. September 30, 2016. URL: http://carnegieendowment.org/2016/09/30/resilient-anchors-in-southern-mediterranean-pub-64740 (accessed 21.09.2018)
[681] Soler i Lecha E., Tocci N. Implications of the EU Global Strategy for the Middle East and North Africa // Middle East and North Africa Regional Architecture. – June 2016. – P. 4.
[682] См. подробнее: Оганисян Л.Д. Политика Евросоюза на Арабском Востоке в 2010-е годы: от идеализма к прагматизму // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: гуманитарные науки. – 2017. - № 2. – С. 26-32.

«наконец Брюссель осознал, что необходимо адаптироваться к региону, а не пытаться приспособить регион к своему видению»[683]. Вместе с тем «новый» подход Европейского союза представляется не чем иным, как возвратом к старой модели взаимодействия с государствами Южного Средиземноморья. К 2016 г. ЕС оказался в той же точке, в которой находился в декабре 2010 г. Более того, когда Европа пережила миграционный кризис, многочисленные террористические акты, унесшие жизни сотен людей, и другие внешние и внутренние кризисы, Брюссель делает больший акцент на безопасности, чем когда-либо раньше.

Причем преодоление миграционного кризиса являлось наиболее проблематичной задачей для европейцев. Несмотря на то, что они сумели к 2016 г. выработать общий подход, включающий в себя закрытие балканского миграционного маршрута, усиление охраны внешних границ Евросоюза, а также заключение соглашения с Турцией[684], отдельные его части, в первую очередь, система квот, предполагающая распределение легальных мигрантов в государствах-членах ЕС, вызывали серьезные разногласия[685]. По сути, Брюссель попытался «откупиться» от миграционной проблемы, заключив сделку с Турцией, которая должна была принять беженцев в обмен на финансовую компенсацию, безвизовый режим и ускорение политического процесса о вступлении страны в Евросоюз. Однако реализация миграционного соглашения турецкой стороной вызывала вопросы и противоречия между государствами-членами ЕС[686].

Смена вектора в средиземноморской политике Европейского союза, наметившаяся с середины 2013 г. и непосредственно отразившаяся в принятых в 2015-2016 гг. документах ЕС, нашла отражение в той политике, которую Брюссель проводил в Тунисе, Египте и Ливии с середины 2013 – 2016 гг.

Европейский союз с энтузиазмом встретил политические преобразования в **Тунисе**, когда после событий лета 2013 г. удалось избежать эскалации политического конфликта. Страну хвалили, отмечали, что она является примером политики

---

[683] Youngs R. The European Union: inclusion as geopolitics // Geopolitics and Democracy in the Middle East / Ed. by K. Kausch. FRIDE, 2015. – P. 124.

[684] См. подробнее: Вимон П. Миграция в Европе: преодоление кризиса солидарности. – С. 1-30; BQE. № 11441. 29.11.2015.

[685] BQE. № 11490. 16.2.2016; BQE. № 11491. 17.2.2016; BQE. № 11492. 18.2.2016; BQE. № 11493. 19.2.2016.

[686] См. подробнее о критике миграционного соглашения Европарламентом: BQE. № 11508. 10.3.2016; BQE. № 11524. 5.4.2016; спорах о сделке между государствами-членами: BQE. № 11509. 11.3.2016; BQE. № 11515. 19.3.2016; BQE. № 11516. 22.3.2016; BQE. № 11531. 14.4.2016; поддержке соглашения Еврокомиссией: BQE. № 11539. 26.4.2016.

компромисса. Представители Евросоюза выражали надежду, что переходный процесс завершится созданием демократичного и процветающего Туниса[687].

Что касается **Египта**, то в конце июня-начале июля, когда антиправительственные протесты в стране усилились, активизировались К. Эштон и Б. Леон, вызвавшиеся на роль посредников в урегулировании конфликта между оппозицией и исламистским правительством. В течение лета 2013 г. делегация во главе с Высоким представителем неоднократно приезжала в Каир для переговоров со всеми сторонами конфликта для того, чтобы способствовать прекращению насилия в стране[688]. В сотрудничестве с американскими представителями, включая госсекретаря Дж. Керри[689], чиновники ЕС пытались способствовать установлению диалога между лагерями, чтобы обеспечить хоть какую-то стабильность в переходный период. Однако их усилия ни к чему не привели[690]. Отстранение армейской верхушкой М. Мурси и «Братьев-мусульман» от власти поставило Брюссель в довольно неприятную ситуацию. Дело в том, что с 2012 г. спецпредставитель ЕС по Южному Средиземноморью Б. Леон усердно налаживал отношения между Брюсселем и «Братством», а в Евросоюзе постепенно привыкали к перспективе правления исламистской партии в Египте[691], но менее чем через год М. Мурси лишился власти в стране. Высокий представитель ЕС К. Эштон выразила озабоченность ситуацией в Египте, в связи с которой возрос уровень насилия, и требовала вернуться к демократическому процессу[692]. Однако было очевидно, что Брюссель избегал риторики, способной оставить впечатление того, что Евросоюз поддерживал М. Мурси.

Сразу после прихода к власти армейской верхушки в июле-августе 2013 г. представители ЕС совместно с американскими коллегами пытались оказывать давление на военных, чтобы избежать кровопролития в связи с начавшейся в стране борьбой

---

[687] European External Action Service. Statement by High Representative/Vice-President Federica Mogherini on the presidential elections in Tunisia. December 22, 2014. [Electronic resource]. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/angola/2242/statement-by-high-representativevice-president-federica-mogherini-on-the-presidential-elections-in-tunisia_en (accessed 22.09.2018)

[688] BQE. № 10890. 18.07.13; BQE. № 10898. 30.07.13; BQE. № 10903. 21.08.13.

[689] Пресс-секретарь К. Эштон М. Манн заявлял, что Высокий представитель находилась в постоянном контакте с госсекретарем США Дж. Керри на протяжении лета 2013 г. BQE. № 10899. 31.07.13.

[690] См. подробнее: Mühlberger W. Egypt's Botched Revolution. Absolutism and the Infelicitous Role of External Actors // The Finnish Institute of International Affairs. – August 2015. – P. 5.

[691] См. подробнее: Burke E. Running into the sand? The EU's faltering response to the Arab revolutions // Centre for European Reform. December 2013. – P. 9.

[692] European Union. Statement by EU High Representative Catherine Ashton on developments in Egypt. July 3, 2013. [Electronic resource]. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/137704.pdf (accessed 22.09.2018)

против сторонников движения «Братья-мусульмане», и противодействовать притеснению иностранных НПО[693]. Как отмечают исследователи Атлантического совета, располагающие информацией от источников о контактах между официальными лицами США и ЕС, в начале 2010-х гг. удалось достичь значительного прогресса в институционализации тактического общения по отдельным проблемам в странах региона, но такие усилия не достигли уровня стратегической координации, который был необходим для создания согласованного подхода к оказанию помощи переходным странам. В частности, как отмечают исследователи, периодические встречи между Б. Леоном, У. Тейлором и представителями государств-членов ЕС упорядочивали процесс обмена информацией, но не привели к координации программ помощи или политического курса. Наиболее серьезные усилия по координации политики предпринимались лишь в период кризисов, как продемонстрировали события в Египте. Поэтому, как отмечают исследователи, политика США и ЕС в Египте после «арабского пробуждения», когда они совместными усилиями пытались противодействовать притеснению НПО, содействовать разрешению политического кризиса летом 2013 г. и т.д., иллюстрировали как пределы, так и возможности для более глубокого сотрудничества между евроатлантическими партнерами[694].

Таким образом, хотя политическая система обоих государств после кризисов лета 2013 г. обрела некоторую устойчивость и стабильность, перед Тунисом и Египтом стояли серьезные проблемы в сфере экономики и безопасности, помощь в решении которых оказывал Европейский союз. Причем сравнение политики Евросоюза в этих двух странах представляет значительный интерес, поскольку пример Туниса демонстрирует успехи курса ЕС в содействии демократизации извне, а в случае Египта – ограниченность влияния Брюсселя.

Одним из важных направлений политики ЕС было оказание финансовой поддержки Тунису и Египту. В 2014 – 2016 гг. предоставление Евросоюзом финансовой помощи этим государствам осуществлялось по трем основным направлениям: социально-экономическое реформирование, поддержание процесса демократического перехода, содействие устойчивому развитию. В этот период через ЕИС Тунису была

---

[693] BQE. № 10890. 18.07.13; BQE. № 10898. 30.07.13; BQE. № 10903. 21.08.13.

[694] Greenfield D., Balfour R. Arab Awakening: Are the US and EU Missing the Challenge? // The Atlantic Council. June 2012. – 36 p.; Greenfield D., Hawthorne A., Balfour R. US and EU: Lack of Strategic Vision, Frustrated Efforts Toward the Arab Transitions // The Atlantic Council. September 2013. – 52 p.

предоставлена двусторонняя помощь в размере 550 млн евро на восстановление экономики, реформирование сектора безопасности, на образование и здравоохранение, управление границами, поддержку гражданского общества, региональное развитие. Более того, по принципу «больше за большее» Тунис в качестве поощрения за демократическое реформирование удостоился дополнительного финансирования через «зонтичные фонды»: в 2014 г. – 50 млн евро, в 2015 г. – 71.8[695]. Причем после снижения в 2013 г. объемов средств, предоставляемых Евросоюзом непосредственно тунисскому правительству (см. Таблица 24), с 2014 г. (в связи с успешным разрешением политического кризиса) объемы выделяемых средств через механизмы бюджетной поддержки резко возросли. (см. Таблица 25).

Что касается Египта, то в период правления М. Мурси средства, выделяемые через механизмы бюджетной поддержки, были незначительными, а после смены власти в 2013 г. были существенно сокращены. (см. Таблица 24). Кроме того, в отличие от тунисского правительства, приветствовавшего иностранную помощь, египетские власти – как исламисты, так и пришедшая им на смену армейская верхушка – пытались дистанцироваться от иностранных акторов и, насколько это было возможно, проводить независимую политику. Несмотря на ограниченные действия в Египте, за 2014 – 2016 гг. помощь Брюсселя через ЕИС составила 320 млн евро, уделив отдельное внимание борьбе с нищетой, социально-экономическому развитию на местном уровне и социальной защите, улучшению качества жизни, окружающей среды и т.д.[696].

Впрочем, стоит признать, что дело здесь было далеко не только в стремлении египетских властей к призрачному суверенитету. Гораздо более важным фактором, ограничивавшим перспективы сотрудничества с ЕС, была заметно большая заинтересованность в Египте со стороны других акторов – США и монархий Залива. В то время как Тунис мог рассчитывать почти исключительно на европейских соседей, Каир чувствовал себя в привилегированном положении[697].

---

[695] European Union. Relations between the EU and Tunisia. September 15, 2016. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/10_tunisia_4pg.pdf (accessed 22.09.2018)

[696] Balfour R., Fabbri F., Youngs R. Report on Democracy Assistance from the European Union to the Middle East and North Africa // EUSpring Report. – 2016. – P.17.

[697] Представленный анализ содержится в статье, опубликованной в соавторстве с В.А. Кузнецовым: Кузнецов В.А., Оганисян Л.Д. Дилеммы демократизации: политика Евросоюза в Тунисе и Египте после Арабского пробуждения // Современная Европа. – 2018. – №5. – С. 25-36., а также в статье автора: Оганисян Л.Д. Политика США и ЕС в Тунисе: поддержка демократизации // Восток Oriens. – 2016. – № 3. – С. 127-137.

Поскольку и Брюссель был заинтересован в том, чтобы налаживать сотрудничество с Каиром, то после короткого периода, когда ЕС использовал в отношении Египта политику «негативной обусловленности», с 2014 г. Еврокомиссия вновь стала оказывать североафриканской стране финансовую помощь. (См. Таблица 24). Как отмечали европейские исследователи, «ЕС вернулся к своей политике с Египтом, несмотря на возвращение страны в авторитарное правление»[698]. Большое влияние на политику Брюсселя оказывала позиция государств-членов ЕС, поскольку некоторые считали, что Египет слишком важная в стратегическом и экономическом плане страна, чтобы вводить против нее санкции. В частности, Франция и Италия после победы А. ас-Сиси на президентских выборах пригласили его нанести официальный визит, что подрывало позицию ЕС, в это время свернувшего программы помощи[699].

Таблица 24. Объемы ОПР, обещанной и предоставленной Евросоюзом Египту и Тунису в 2013 – 2016 гг., млн долл.

Страна	**Помощь**	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**
Египет	*обещанная*	350.32	183.93	328.45	291.6
	предоставленная	-1.64	260.55	148.23	309.56
Тунис	*обещанная*	292.01	827.23	435.66	511.82
	предоставленная	377.17	385.57	324.23	330.84

Источник: OECD. Stat.

Таблица 25. Объемы помощи, выделяемой ЕС Египту и Тунису в 2011 – 2016 гг. через механизмы бюджетной поддержки, млн долл.

Реципиент	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**
Египет	2.270	2.646	2.637	10.963
Тунис	54.764	174.229	102.235	63.488

Источник: OECD. Stat.

[698] Balfour R., et. al. Op. cit. – P. 6.

[699] См. подробнее о разногласиях между государствами-членами ЕС по поводу Египта: Burke E. Op. cit. – P. 8-9; Mühlberger W. Op. cit. – P. 5.

В большей степени чем США, ЕС, который является первым торговым партнером Туниса и Египта[700], уделял внимание развитию торгово-экономических отношений, поскольку укрепление сотрудничества в этой области, по мнению Брюсселя, смогло бы привести к стимулированию экономического роста, повышению конкурентоспособности, поддержки экономического восстановления[701]. Как отмечали также директор Программы по мировой экономике Фонда Карнеги за международный мир У. Дадуша и директор Центра по изучению Ближнего Востока имени Рафика Харири Атлантического совета М. Данн, ключевым инструментом для США и Европейского союза в деле поддержки демократических преобразований на Ближнем Востоке и в Северной Африке могло стать расширение торговых соглашений со странами региона[702]. По мнению ученых, преимущество торговых соглашений над другими мерами очевидно, т.к. они могли привести к расширению доступа к международным рынкам, содействовать разделению труда, повышению конкуренции на внутреннем рынке и стимулированию производительности труда, увеличению объемов прямых иностранных инвестиций, активизации внутренних реформ и инвестиций, улучшению бизнес-климата в стране[703]. Таким образом, исследователи делали вывод, что хорошо структурированные торговые соглашения могли помочь в создании условий для проведения соответствующих реформ в странах с переходной экономикой[704].

Собственно, в Европейском союзе было принято решение о расширении доступа к рынкам, а также постепенной интеграции экономик североафриканских стран в единый рынок ЕС. Было установлено, что главной целью будущих переговоров будет заключение глубоких и всеобъемлющих соглашений о свободной торговле. Хотя еще в декабре 2011 г. было решено запустить процесс переговоров о заключении таких

---

[700] В среднем, в 2013 – 2016 гг. на ЕС приходилось более 75% тунисского и 30% египетского экспорта. См. подробнее: European Commission. Directorate General for Trade. European Union, Trade in goods with Tunisia. April 16, 2018. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_122002.pdf (accessed 23.09.2018); European Commission. Directorate General for Trade. European Union, Trade in goods with Egypt. April 16, 2018. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113375.pdf (accessed 23.09.2018)

[701] См., например: European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. A new response to a changing Neighborhood. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, May 25, 2011; European Parliament. European Parliament resolution of 10 May 2012 on Trade for Change: The EU Trade and Investment Strategy for the Southern Mediterranean following the Arab Spring revolutions. May 10, 2012. URL: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P7-TA-2012-0201+0+DOC+XML+V0//EN (accessed 23.09.2018)

[702] Dadush U., Dunne M. Op. cit. – P. 132.

[703] Ibidem.

[704] Ibid. P. 137.

соглашений с четырьмя арабскими странами, включая Египет и Тунис[705], переговорный процесс с Египтом был начат в 2013 г., но уже летом того же года был приостановлен из-за политической ситуации в стране и не возобновлялся, а переговоры с Тунисом были запущены в 2015 г., успешно шли на протяжении 2016 г., однако еще не завершились. Чуть раньше – в марте 2014 г. Тунис стал второй страной Южного Средиземноморья (после Марокко), с которой Евросоюз подписал соглашение о партнерстве в области передвижения граждан из одной страны в другую (Mobility Partnership)[706]. С Египтом аналогичное соглашение не заключалось.

Кроме того, после «арабского пробуждения» особое внимание в Тунисе и Египте ЕС уделял поддержке институционального строительства, которое Брюссель осуществлял с помощью трех инструментов – «Twinning»[707], «TAIEX» (Technical Assistance and Information Exchange)[708], «SIGMA» (Support for Improvement in Governance and Management)[709].

Проекты «Twinning» в Тунисе и Египте охватывали различные сферы – от управления водными ресурсами и защиты окружающей среды до здравоохранения, образования и правосудия. С начала 2010-х гг. Тунис стал основной страной-партнером ЕС в Южном Средиземноморье, где в 2013 – 2016 гг. реализовывалось более 40 проектов в сфере занятости и других социальных вопросов, окружающей среды, финансов и торговли, а также проектов по реформированию судебной и модернизации тюремной систем, которые достигли немалых успехов, что позволило значительно

---

[705] European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. A new response to a changing Neighborhood. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, May 25, 2011.

[706] European Commission. Press Release. EU and Tunisia establish their Mobility Partnership. Brussels, March 3, 2014. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-14-208_en.htm (accessed 24.09.2018); См. подробнее: Биссон Л.С. Внешнее измерение миграционной политики ЕС: инструменты и выгоды // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2018. – № 5. – С. 21-26.

[707] Инструмент нацелен на приспособление законодательства страны-партнера к европейскому, содействие модернизации административного аппарата, обмен опыта между органами государственного управления государств-членов ЕС и страны-партнера.

[708] Техническое содействие и информационный обмен. Инструмент, позволяющий оказывать техническое содействие органам управления стран-партнеров в различных сферах, в первую очередь, при внедрении законодательства Евросоюза. Главными целевыми группами являются госслужащие стран-реципиентов помощи, при этом проекты реализуются по запросу правительства страны-партнера.

[709] Поддержка улучшения государственного руководства и управления. Инструмент реализуется Евросоюзом совместно с Организацией по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР). «SIGMA» была разработана специально для дополнения основных инструментов поддержки институционального строительства, а именно «Twinning» и «TAIEX». Проекты с помощь данного Инструмента реализуются по запросу правительства страны-партнера или Еврокомиссии.

приблизиться к международным стандартам в сфере правосудия[710]. В Египте же в эти годы действовало порядка 10 проектов в области образования, налогообложения, защиты прав потребителей и проч.[711] Что касается проектов «TAIEX», то они осуществлялись в сфере образования, обеспечения занятости, торговли, сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности, здравоохранения и защиты прав потребителей, правосудия и внутренней политики[712]. Говоря же о проектах в рамках программы «SIGMA», то сотрудничество с правительством Туниса реализовывалось в сфере реформы госслужбы, предоставления государственных услуг, управления государственными предприятиями и учреждениями[713]. В Египте осуществлялось сотрудничество с соответствующими министерствами для проведения реформ в сфере государственных закупок, торговли и промышленности[714].

Не менее важным направлением помощи ЕС была поддержка гражданского общества, но здесь между Тунисом и Египтом были существенные различия. В Египте с 2011 г. неоднократно возникали проблемы в связи с притеснением правительством организаций гражданского общества, предъявлением обвинений и высылкой представителей американских и европейских НПО[715], поэтому помощь в этой сфере была невелика. Например, на фин. период 2014-2017 гг. через Европейский инструмент демократии и прав человека (ЕИДПЧ) Египту было выделено 4 млн евро[716]. Примечательно, что в 2011-2013 гг. через ЕИДПЧ было выделено порядка 4,7 млн евро[717].

Что же касается Туниса, то помощь Европейского союза в развитии гражданского общества играла важную роль в стране. Делегация ЕС к декабрю 2016 г. реализовывала более 70 проектов на сумму 58.5 млн евро, финансируемых ЕИДПЧ, Инструментом

---

[710] European Commission. Twinning, TAIEX and SIGMA within the European Neighbourhood and Partnership countries. Activity Report 2013.URL: https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/activity-report-twinning-taiex-and-sigma_2013-20140911_en.pdf; European Commission. TAIEX and Twinning. Activity Report 2015. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/taiex/20160601-taieex-activity-report-2015.pdf (accessed 19.05.2018); European Commission. TAIEX and Twinning. Highlights 2016. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/taiex_2016_aar_en.pdf (accessed 24.09.2018)

[711] Ibid.

[712] European Commission. TAIEX and Twinning. Highlights 2016. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/taiex_2016_aar_en.pdf (accessed 24.09.2018)

[713] SIGMA. Tunisia. URL: http://www.sigmaweb.org/countries/tunisia-sigma.htm (accessed 24.09.2018)

[714] SIGMA. Egypt. URL: http://www.sigmaweb.org/countries/egypt-sigma.htm (accessed 24.09.2018)

[715] См. подробнее: Brechenmacher S. Civil Society Under Assault. Chapter 3. Institutionalized Repression in Egypt // Carnegie Endowment for International Peace. May 18, 2017. URL: http://carnegieendowment.org/2017/05/18/institutionalized-repression-in-egypt-pub-69959 (accessed 24.09.2018)

[716] European Commission. European Neighbourhood Policy and Enlargement Negotiations. Egypt. https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/neighbourhood/countries/egypt_en (accessed 24.05.2018)

[717] Balfour R., et. al. Op. cit.

гражданского общества, ЕИС и проч. Проекты, осуществляемые местными и международными НПО, охватывали широкий спектр проблем, включая поддержку прав женщин, обеспечение свободы слова и продвижение демократических ценностей, наблюдение за выборами и т.д.[718].

В докладе Европейской счетной палаты 2017 г., посвященном анализу помощи ЕС в Тунисе после «арабского пробуждения», давалась положительная оценка политики ЕСВД и Еврокомиссии в стране. Средства, выделенные Брюсселем, как правило, были потрачены с пользой и способствовали процессу демократического транзита и улучшению ситуации в сфере экономики, проблемы в которой вызывали наибольшую тревогу. Тем не менее в докладе указывался ряд недостатков политики ЕС по оказанию помощи, главным из которых была попытка Еврокомиссии покрыть слишком много областей, в результате чего ее помощь оказалась размытой, а управление многочисленными инициативами было трудно осуществлять[719].

Что касается Египта, то как указывал доцент кафедры политологии Маастрихтского университета А. Дандашли, несмотря на нарушения демократических принципов, ЕС продолжал сотрудничать с Египтом и даже оправдывал отсутствие демократических реформ региональными и внутренними проблемами безопасности, в первую очередь, ростом терроризма[720]. По его мнению исследователя, ЕС считал, что участие в укреплении гражданского общества в Тунисе было менее рискованным для безопасности и стабильности государства, чем в Египте, что и определяло дифференциацию политики ЕС в странах в отношении поддержки реформ и гражданского общества[721].

Большое значение для партнеров имело сотрудничество в сфере безопасности. Для Туниса помощь в сфере безопасности играла критически важную роль. Страна ждала от Брюсселя не только финансовой помощи, но и непосредственной поддержки в этой области. Новое правительство, пришедшее к власти осенью 2014 г., назвало борьбу

---

[718] European Commission. European Neighbourhood Policy and Enlargement Negotiations. Tunisia. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/node/142_pt (accessed 24.05.2018)
[719] European Court of Auditors. EU Assistance to Tunisia. 2017.
[720] Dandashly A. EU democracy promotion and the dominance of the security – stability nexus // Mediterranean Politics. – 2018. – Vol. 23, № 1. – P. 76.
[721] Ibidem.

с терроризмом своей основной задачей[722]. После терактов в марте и июле 2015 г. Высокий представитель ЕС Ф. Могерини отметила, что проблемы в сфере безопасности требуют безотлагательного решения, поэтому Евросоюз расширит свое сотрудничество с Тунисом с целью укрепить внутреннюю безопасность и усилить пограничный контроль для противодействия терроризму, а также увеличит финансовую помощь в 2016 г.[723]. В ответ премьер-министр Туниса Х. Эссид заметил: «Война против терроризма будет долгой, но мы победим благодаря нашим друзьям»[724].

В рамках ОПБО ЕС государства-члены создали множество военных и гражданских миссий, нацеленных на улучшение пограничного контроля, поддержание мира и укрепление сил безопасности. Брюссель был заинтересован в том, чтобы Тунис стал моделью развития для других региональных государств, поэтому он поддерживал страну в вопросах безопасности и борьбы с терроризмом.

В условиях, когда ЕС как актор сталкивается с объективными ограничениями в политике обеспечения безопасности, отдельные европейские государства, в частности, Франция, Германия, Великобритания и Италия, стремились инициировать собственные проекты для укрепления внутренней безопасности, усиления пограничного контроля с целью противодействия терроризму и нелегальной миграции[725].

Что касается сотрудничества с Египтом в борьбе с терроризмом и нелегальной миграцией, то оно оставалось ограниченным. В ноябре 2015 г. Ф. Могерини отправилась с двухдневным официальным визитом в Каир, в ходе которого она стремилась «оживить двусторонние отношения с Египтом и работать с этим ключевым партнером в решении региональных кризисов»[726]. Тем не менее, как отмечают исследователи Европейского совета по международным отношениям Я. Эль-Шими и Э. Дворкин, несмотря на

---

[722] Munzinger P. Die Gewalt trifft Tunesien mit Vorwarnung // Süddeutsche Zeitung. März 18, 2015. URL: http://www.sueddeutsche.de/politik/anschlag-in-tunis-die-gewalt-trifft-tunesien-mit-vorwarnung-1.2399986 (accessed 24.09.2018)

[723] Tigber B. EU steps up security assistance to Tunisia // HIS Janes 360. July 20, 2015. URL: http://www.janes.com/ article/53104/eu-steps-up-security-assistance-to-tunisia (accessed 24.09.2018)

[724] EU vows new support for Tunisia after tourist // Middle East Eye. July 21, 2015. [Electronic resource]. URL: http://www.middleeasteye.net/news/eu-vows-new-support-tunisia-after-tourist-attack-1890891112 (accessed 24.09.2018)

[725] См., например: Tigber B. EU steps up security assistance to Tunisia // HIS Janes 360. July 20, 2015. http://www.janes.com/ article/53104/eu-steps-up-security-assistance-to-tunisia (accessed 21.05.2018); Lieser E. Die Revolution scheitert im Portemonnaie // Internationale Politik und Gesellschaft. September 1, 2015. http://www.ipg-journal.de/kurzinterview/artikel/die-revolution-scheitert-im-portemonnaie-1049/ (accessed 21.05.2018); Dworkin A., El Malki F.-Z. The Southern Front Line: EU Counter-Terrorism Cooperation with Tunisia and Morocco // European Council on Foreign Relations. February 15, 2018. – 37 p.

[726] European Union External Action. Statement by High Representative/Vice-President Federica Mogherini on official visit to Egypt. November 5, 2015. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/2524/Federica%20Mogherini%20on%20official%20visit%20to%20Egypt (accessed 23.05.2018)

серьезные усилия, предпринятые правительством А. ас-Сиси[727] в борьбе с потоками нелегальных мигрантов в Европу, большая часть инициатив в сфере реализуется совместно с отдельными государствами-членами ЕС, которые подчеркивают важную роль Каира в борьбе с терроризмом в Северной Африке и с потоками нелегальных мигрантов в Европу, а не с Брюсселем. По словам исследователей, Египет сопротивлялся предложениям Евросоюза по обучению в борьбе с повстанцами, а со стороны ЕС сотрудничество по вопросам безопасности тормозится в связи с нарушением прав человека и жесткими методами управления при правительстве А. ас-Сиси[728]. Преодоление препятствий для эффективного сотрудничества также осложнялось проблемой гетерогенности ЕС, поскольку ряд южных государств-членов, возглавляемых Грецией, добивались полной нормализации отношений с Египтом, в то время как страны Северной Европы, Нидерланды, Германия и Великобритания продолжали указывать на нарушения прав человека в Египте[729].

Таким образом, усилия Европейского союза в Тунисе и Египте были направлены на поддержание демократического процесса, в том числе посредством помощи в сферах экономики и безопасности. ЕС придерживался довольно сбалансированного подхода к продвижению демократии в арабских странах, включающего как метод «сверху-вниз», нацеленный на укрепление государственных учреждений, так и «снизу-вверх», предполагающий поддержку организаций гражданского общества. Вместе с тем, на наш взгляд, нельзя считать помощь ЕС и Запада в целом в продвижении демократии в Тунисе ключевой, поскольку отсутствие желания у тунисского правительства сделало бы успех перехода невозможным. Что касается Египта, то финансовая помощь ЕС, а также США, будь она значительно больше, не смогла бы радикально изменить ситуацию. Хотя египетские власти, исламисты или военные, стремились работать с внешними акторами в вопросах торговли и экономического развития, они крайне неохотно принимали внешнюю помощь, когда дело касалось осуществления программ в сфере демократического развития[730].

---

[727] С 2016 г. наметилась активизация Египта в этой сфере в связи с принятием «Национальной стратегии борьбы с незаконной миграцией» и новым законом о борьбе с торговлей людьми.

[728] El-Shimy Y., Dworkin A. Egypt on the edge: how Europe can avoid another crisis in Egypt // European Council on Foreign Relations. June 14, 2017. – P. 10 – 11.

[729] Ibid.

[730] См. подробнее в статье, опубликованной в соавторстве с В.А. Кузнецовым: Кузнецов В.А., Оганисян Л.Д. Дилеммы демократизации: политика Евросоюза в Тунисе и Египте после Арабского пробуждения // Современная Европа. – 2018. – №5.

Тогда как действия Евросоюза и Соединенных Штатов в Египте и Тунисе были нацелены на преодоление проблем в сфере безопасности и экономики, содействие демократическому развитию стран (хотя и в разной мере для двух государств) и проведению реформ, в Ливии наиболее актуальным было содействие становлению новой государственности, борьба с терроризмом и прочими вызовами внутренней безопасности и их последствиями для ЕС, включая миграционные проблемы.

С середины 2013 г., когда началась новая фаза дестабилизации в **Ливии**, приведшая ко второй половине 2014 г. к расколу в политической системе страны, где противоборствующие силы объединились вокруг ВНК и Палаты представителей, Брюссель приостановил большую часть программ сотрудничества с государственными институтами, и произошла их переориентация на удовлетворение наиболее срочных потребностей ливийского населения, а именно на помощь в гуманитарной сфере и в области здравоохранения[731]. С момента возобновления конфликта в середине 2014 г. и до конца 2016 г. ЕС выделил почти 20 млн евро на гуманитарную помощь Ливии[732].

На период 2014-2016 гг. ЕС планировал предоставить Ливии помощь в размере 60 млн евро, однако предполагалось адаптировать окончательное распределение средств и размер помощи с учетом развития политической ситуации и ситуации в сфере безопасности. Поскольку внутриполитическая обстановка начала дестабилизироваться с середины 2014 г., на деле средств было выделено значительно меньше. В 2015 г. ЕС через ЕИС выделил порядка 6 млн евро на поддержку сектора здравоохранения и программ поддержки молодежи, 10 млн евро было выделено в 2016 г. на укрепление потенциала государственных институтов, органов СМИ и т.д.[733] (См. Таблица 26).

Таким образом, со второй половины 2014 г. объемы помощи Евросоюза значительно снизились в связи с дестабилизацией обстановки в стране. Лишь после создания ПНЕ благодаря усилиям международного сообщества и его переезду в Триполи в начале 2016 г. европейские программы помощи были возобновлены. ЕС оказывал активную поддержку усилиям миссии ООН по продвижению политического урегулирования в Ливии и формированию ПНЕ.

---

[731] European Commission. European Neighbourhood Policy and Enlargement Negotiations. Libya. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/neighbourhood/countries/libya_en (accessed 24.09.2018)

[732] European Union External Action. EU-Libya Relations. January 22, 2018. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-Homepage_en/19163/EU-Libya%20relations (accessed 24.09.2018)

[733] European Commission. European Neighbourhood Policy and Enlargement Negotiations. Libya. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/neighbourhood/countries/libya_en (accessed 24.09.2018)

Таблица 26. Объемы помощи, обещанной и предоставленной Ливии институтами ЕС в 2013 – 2016 гг., млн долл.

Помощь	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**
обещанная	74.92	46.03	21.92	29.75
предоставленная	51.59	32.64	25.76	23.73

Источник: OECD. Stat.

Брюссель выступил в качестве одного из основных доноров программ, нацеленных на укрепление положения ПНЕ внутри страны. Главной среди этих программ следует выделить проект под названием Стабилизационный фонд для Ливии, запущенный по инициативе правительства Ф. Сараджа и поддержанный ПРООН весной 2016 г. В качестве ключевой цели фонда обозначалось укрепление авторитета ПНЕ. Сразу же начались регулярные встречи Совета Стабилизационного фонда, где присутствовали представители ПРООН, ЕС, ряда европейских и арабских государств. Согласно решению Совета, правительству Ливии была выделена помощь от международных партнеров фонда в размере 60 млн долл., хотя изначально планировалось выделить лишь 30 млн долл.[734] Основными донорами фонда стали США и Евросоюз, а также отдельные государства-члены ЕС, среди которых, в первую очередь, следует выделить Германию и Великобританию.

Задачей Стабилизационного фонда было объявлено обеспечение восстановления жизненно важной инфраструктуры, разрушенной в результате конфликта, для улучшения процесса предоставления базовых услуг населению. Его деятельность должна была осуществляться ПРООН на основе оценки потребностей на местах. Отмечалось, что приоритеты будут согласованы совместно с ПНЕ, местными органами власти и пострадавшим населением[735]. Другими словами, деятельность фонда была направлена на поддержку ПНЕ с тем, чтобы обеспечить быстрое и ощутимое улучшение

[734] UNDP. Stabilization Facility for Libya Endorses Benghazi, Obari and Kikla for a Quick Assessment. May 27, 2016. URL: http://www.ly.undp.org/content/libya/en/home/presscenter/articles/2016/05/27/stabilization-facility-for-libya-endorses-benghazi-obari-and-kikla-for-a-quick-assessment.html (accessed 24.09.2018)

[735] UNDP. Stabilization Facility for Libya. What is the project about? 2017. URL: http://www.ly.undp.org/content/libya/en/home/operations/projects/sustainable-development/stabilization-facility-for-libya.html (accessed 24.09.2018)

жизни местных жителей, и как следствие на укрепление доверия к новому правительству, что поспособствует росту его популярности.

В 2016 г. было выбрано пять городов на востоке, юге и западе Ливии (Бенгази, Кикла, Обари, Себха и Сирт), и началась реализация проектов помощи, включающих восстановление и оборудование больниц и школ, улучшение водоснабжения, уличного освещения, предоставление машин скорой помощи, компьютеров, установка солнечных батарей и проч.[736]. По сведениям, полученным автором от ливийцев, несмотря на небольшие по объемам средства Стабилизационного фонда и ограниченный охват, проекты оказались эффективными. Более того, ливийцы довольно позитивно реагировали на реализацию проектов, непосредственно отвечающих нуждам местного населения[737].

Однако, несмотря на очевидные успехи локального характера, говорить о достижении ключевой задачи Стабилизационного фонда – укрепления позиций ПНЕ в масштабах всей Ливии – пока рано. Правительство Ф. Сараджа объективно продолжало оставаться слабым, уровень его поддержки среди населения был низок и существовали риски, что излишняя поддержка его со стороны Запада способна негативно повлиять на имидж главы ПНЕ[738].

Параллельно с поддержкой усилий международного сообщества, в первую очередь, миссии ООН, по достижению компромисса в политическом урегулировании и осуществления программ помощи государству, ЕС инициировал ряд миссий для противодействия основным вызовам безопасности, исходящим из Ливии. ЕС и страны-члены по причине географической близости смотрели на ситуацию в Ливии через призму миграционного кризиса и проблемы терроризма, поэтому их усилия были направлены на решение краткосрочных проблем в этих сферах, чтобы обезопасить их границы.

В 2013 г. Брюссель в рамках ОВПБ развернул Миссию ЕС по оказанию помощи Ливии в организации пограничного контроля (EU Border Assistance Mission, EUBAM), целью которой было укрепление потенциала ливийских властей в обеспечении безопасности границ преимущественно в южных районах страны. В феврале 2016 г.

---

[736] Ibid.

[737] См. подробнее: Оганисян Л.Д. Становление новой ливийской государственности и политика Евроатлантического сообщества (2011-2017) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2017. – № 3. – С. 177-212.

[738] Там же.

полномочия миссии были расширены: ей было поручено подготовить гражданскую операцию по оказанию помощи властям страны в реформировании сектора безопасности, сосредоточив внимание на обеспечении правопорядка, уголовном правосудии, безопасности границ и миграции. Бюджет миссии с августа 2016 г. до августа 2017 г. составил 17 млн евро[739].

В ноябре 2014 г. стартовала общеевропейская поисково-спасательная операция под названием «Тритон», призванная помочь Италии справиться с потоком нелегальных мигрантов из Ливии. В 2015 г. бюджет операции составил более 37 млн евро[740]. Следует также отметить, как указывается в документе ЕС, опубликованном WikiLeaks, в разгар миграционного кризиса в мае 2015 г. в Совете ЕС обсуждалась возможность проведения операции в рамках ОПБО по пресечению сетей, занимающихся контрабандов людей в Средиземном море. Согласно докладу Комитета по политике и безопасности, составленного по поручению Европейского совета, операция предполагала захват и уничтожение судов, занимающихся перевозкой нелегальных мигрантов. Поскольку эти меры должны были осуществляться в соответствии с международным правом и по запросу ливийской стороны, в докладе говорилось о важности поддержки миссии ООН в Ливии[741]. В итоге, документ был принят[742].

Летом 2015 г. Брюссель запустил новую операцию «София» для патрулирования водной акватории между Италией и Ливией, сбора информации о транспортировке нелегальных мигрантов в Европу, досмотра и ареста кораблей, осуществляющих контрабанду людей, бюджет которой до июля 2016 г. составил почти 12 млн евро[743]. Согласно докладу командира операции контр-адмирала Э. Кредентино для Военного комитета ЕС, опубликованного WikiLeaks, Брюсселю рекомендовалось содействовать укреплению ПНЕ, чтобы оно «пригласило» Европейский союз действовать в территориальных водах Ливии, а затем уже расширить военную операцию на

---

[739] European Union External Action. EUBAM Libya. June 20, 2016. URL: https://eeas.europa.eu/csdp-missions-operations/eubam-libya/3859/about-eu-border-assistance-mission-libya-eubam_en (accessed 24.09.2018)

[740] European Commission. Frontex Joint Operation 'Triton' – Concerted efforts to manage migration in the Central Mediterranean. October 7, 2014. http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-14-566_en.htm (accessed 24.09.2018)

[741] Council of the European Union: European External Action Service. EU Politico-Military Group advice on the military intervention against "refugee boats" in Libya and the Southern Central Mediterranean // WikiLeaks. – May 25, 2015. URL: https://wikileaks.org/eu-military-refugees/PMG (accessed 24.09.2018)

[742] European Union Military Committee. EU defence chiefs' approved plan for military intervention against "refugee boats" in Libya and the Mediterranean. Classified EU Plan // WikiLeaks. – May 25, 2015. URL: https://wikileaks.org/eu-military-refugees/EUMC (accessed 24.09.2018)

[743] European Union External Action. European Union Naval Force – Mediterranean Operation Sophia. September 30, 2016. URL: http://www.eeas.europa.eu/archives/docs/csdp/missions-and-operations/eunavfor-med/pdf/factsheet_eunavfor_med_en.pdf (accessed 24.09.2018)

территорию государства[744]. В то время как власть в североафриканской стране продолжала оставаться децентрализованной, летом 2016 г. ЕС расширил полномочия операции, включив в нее дополнительные задачи: во-первых, обучение ливийской береговой охраны и военно-морских сил, чтобы повысить их способность противодействовать контрабанде и торговле людьми, выполнять поисково-спасательные операции и поддерживать общую безопасность в территориальных водах Ливии; во-вторых, содействие соблюдению эмбарго на поставки оружия в Ливию в соответствии с Резолюцией № 2292 СБ ООН[745].

Что касается первой задачи, то к концу 2016 г. более 100 стажеров-ливийцев прошли подготовку и были отправлены в Италию на обучение[746]. Говоря о второй задаче, необходимо отметить, что инициатива расширить сферу компетенций операции «София» принадлежала англо-французскому тандему. ООН, ЕС и США поддержали эмбарго на поставки оружия в Ливию и подтвердили готовность сотрудничать друг с другом для его соблюдения. Как отмечается в докладе, подготовленном для Палаты общин Великобритании, эта мера направлена именно на то, чтобы укрепить позиции ПНЕ, ограничив «вмешательство региональных акторов, которые путем отправки вооружений оппозиционным группам подогревают внутренний конфликт в Ливии»[747].

Несмотря на то, что «София» подвергалась критике за неэффективность и неспособность бороться с деятельностью контрабандистов[748], все же определенных результатов ЕС удалось достичь. Согласно официальным данным, полученным в результате операции, с момента ее запуска было нейтрализовано почти 500 лодок, около 120 подозреваемых в контрабанде были арестованы, а более 40 тыс. мигрантов были спасены[749]. Тем не менее, как отмечается в докладе Европейского института проблем

---

[744] European External Action Service. Political and Security Committee. EUNAVFOR MED - Operation SOPHIA. Six Monthly Report: June, 22nd to December, 31st 2015 // WikiLeaks. – February 17, 2016. URL: https://wikileaks.org/eu-military-refugees/EEAS (accessed 24.09.2018)

[745] European Union External Action. European Union Naval Force – Mediterranean Operation Sophia. February 9, 2017. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/february_2017__factsheet_on_eunavfor_med_mission_en_0.pdf (accessed 24.09.2018)

[746] European Union External Action. EU-Libya Relations. January 22, 2018. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-Homepage_en/19163/EU-Libya%20relations (accessed 24.09.2018)

[747] House of Commons, Foreign Affairs Committee. Libya: Examination of intervention and collapse and the UK's future policy options. September 6, 2016. – P. 36.

[748] См., например: House of Lords, European Union Committee. Operation Sophia: a failed mission. June-July 2017.

[749] Tardy T. Operation Sophia's world Changes and Challenges // European Union Institute for Security Studies (EUISS). November 2017. P. 3.

безопасности, мало свидетельств того, что именно проведение операции «София» помогло сократить потоки мигрантов через Средиземное море[750].

Наряду с проблемой неконтролируемой миграции серьезнейшим вызовом для Европы стала террористическая угроза. Так, отдельные государства-члены Евросоюза, а также США предприняли активные усилия по борьбе с террористическими группировками в Ливии. Несмотря на широкую дискуссию в 2015–2016 гг. в международном сообществе о полномасштабной контртеррористической операции, европейские страны и США были крайне сдержаны в вопросах военного вмешательства в ливийский конфликт. Существовали опасения, что интервенция скорее могла привести к еще большему расколу в обществе и его радикализации, чем решению проблем в сфере безопасности. Кроме того, согласно резолюциям Совета Безопасности ООН №2259 и №2278, военная помощь могла быть предоставлена только при наличии официального запроса со стороны законного правительства[751]. Вместе с тем внутригосударственные акторы и региональные государства крайне негативно относились к идее военного вмешательства в страну, а ливийцы надеялись решить свои проблемы самостоятельно[752]. Однако, на наш взгляд, не отсутствие официального запроса со стороны ПНЕ, а, скорее, неготовность и нежелание американцев и европейцев брать на себя дополнительные обязательства оказались определяющими причинами, поэтому западные акторы сконцентрировать на решении текущих проблем безопасности в Ливии, представляющим угрозу их национальным интересам.

Тем не менее с начала 2016 г., особенно после кровавых терактов в Париже и Брюсселе[753], ответственность за которые взяло на себя «Исламское государство», озабоченность европейских государств и Соединенных Штатов относительно укрепления позиций радикальной террористической группировки в Ливии возросла. С

---

[750] Число сократилось в 2015 г. по сравнению с 2014 г. (с 170 тыс. до 154 тыс.), но в 2016 г. оно увеличилось до максимального уровня в 181 тыс. человек. Данные за 2017 г. показывают значительное снижение по состоянию на июль (105 тыс. с января по сентябрь 2017 г.)

[751] UN Security Council. Resolution 2259. December 23, 2015. URL: http://www.un.org/press/en/2015/sc12185.doc.htm (accessed 24.09.2018); UN Security Council. Resolution 2278. March 31, 2016. URL: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_res_2278.pdf (accessed 24.09.2018)

[752] См. подробнее: Toaldo M. Intervening Better: Europe's Second Chance in Libya // European Council on Foreign Relations. May 2016. – 12 p.

[753] 13 ноября 2015 г. с небольшой разницей во времени в разных частях Парижа было совершено шесть террористических актов, в ходе которых погибло более 130 человек, почти 400 человек были ранены. Ответственность за совершенные теракты взяла на себя группировка «Исламское государство».
Четыре месяца спустя в Брюсселе произошел теракт, жертвами которого стали 35 человек, более 340 жителей города были ранены. На этот раз «Исламское государство» вновь объявило себя ответственной за произошедшее.

начала 2016 г. специальные службы США и трех европейских государств – Великобритании, Франции и Италии – стали проводить операции на территории Ливии в целях борьбы против ИГ по просьбе ПНЕ[754]. Благодаря действиям сил ПНЕ при поддержке США и европейских государств в конце 2016 г. был нанесен ряд серьезных ударов по позициям ИГ в Сирте. Параллельно борьбу против «Исламского государства» вела и ЛНА, причем военные советники под руководством Франции[755], довольно тесно сотрудничающей с Х. Хафтаром, оказывали помощь его армии в продвижении в Бенгази. Благодаря всеобщим усилиям уже к концу 2016 г. удалось серьезно подорвать позиции террористов в Ливии, однако, несмотря на удачную кампанию против оплота ИГ в Сирте, на западе и на востоке страны, угроза терроризма продолжала оставаться актуальной, поскольку, как отмечал старший сотрудник Ближневосточной программы Фонда Карнеги за международный мир Ф. Вейри на заседании Комитета Палаты представителей по иностранным делам, рассеянные члены «Исламского государства» перегруппировывались, а бойцы «Аль-Каиды», которые ранее примкнули к ИГ, стали возвращаться к аффилированным с «Аль-Каидой» группам[756].

Таким образом, Евросоюз поддерживал усилия Миссии ООН и реализовывал незначительные по объемам программы помощи, концентрируясь на решении краткосрочных проблем и вывозов, исходящих из Ливии. Вместе с тем основные задачи решались национальными правительствами, чья позиция определялась наличием экономических и политических интересов, стремлением нейтрализовать угрозы безопасности, исходящие из Ливии. В частности, страны Европы, в первую очередь, Италия, более всех пострадавшая от негативных последствий ливийского конфликта, и Франция, активизировали свои усилия для содействия продвижению политического процесса и решения проблем безопасности. Однако Рим и Париж скорее конкурировали за политическое и экономическое влияние в Ливии, что больше дестабилизировало ситуацию в стране, чем помогало достижению компромисса. При этом Италия оказывала существенную поддержку правительству Ф. Сараджа, тогда как Франция

---

[754] Dworkin A. Europe's new Counter-terror Wars // European Council on Foreign Relations. October 2016. P. 6 – 16.
[755] French-led Western and Arab forces are in Benghazi to support Haftar // Middle East Monitor. – June 23, 2016. URL: https://www.middleeastmonitor.com/20160623-french-led-western-and-arab-forces-are-in-benghazi-to-support-haftar/ (accessed 24.09.2018)
[756] Terrorism in North Africa: an examination of the threat: hearing before the Subcommittee on Counterterrorism and Intelligence of the Committee on Homeland Security, House of Representatives, One Hundred Fifteenth Congress, first session, March 29. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2017. – P. 37-43.

тесно сотрудничала с правительством Х. Хафтара.[757] Иными словами, как в Египте, еще в большей степени в Ливии гетерогенность европейской политики давала о себе знать.

***

Через два года после начала событий «арабского пробуждения» стало очевидно, что волна протестов и революций не просто привела к падению умеренных авторитарных режимов, а освободила дорогу центробежным силам внутри государств. Помимо этого, активизировались региональные и внерегиональные игроки, преследующие разновекторные интересы, и существенно вырос уровень вмешательства в дела соседних государств. Что касается региональной динамики, то обострилось суннито-шиитское противостояние, возросли разногласия внутри суннитского мира. Другими словами, демократизация, которую ждали после событий «арабского пробуждения», не состоялась, наоборот, на фоне дестабилизации отдельных арабских стран и региона в целом усилились позиции радикальных исламистских группировок.

После событий середины 2013-2014 гг., когда Арабский Восток охватила новая волна нестабильности, США и Евросоюз в очередной раз принялись адаптировать свою политику к реалиям региона. Тогда развитие политики США и ЕС на Арабском Востоке перешло во вторую фазу, характерной чертой которой стал прагматизм, что отразилось в том числе на смене нарратива. Если в первые годы Вашингтон и Брюссель оценивали «арабское пробуждение» как особый региональный вариант демократизации, в ходе которой они намеревались оказать поддержку странам региона в процессе демократического транзита, то с середины 2013 г. риторика изменилась – США и Евросоюз подчеркивали, что в условиях роста нестабильности их приоритетной задачей становится стабилизация региона, который является источником вызовов и угроз для всего мира. В результате Соединенные Штаты и Европейский союз были вынуждены вернуться к модели отношений до 2011 г., основанной на сотрудничестве с арабскими правительствами, далеко не всегда соответствующими западным представлениям о демократических институтах, но способными обеспечить стабильность в регионе.

Если в Тунисе и в меньшей степени в Египте евроатлантическое сообщество пыталось содействовать политической трансформации стран, то в Ливии наиболее

---

[757] См. подробнее: Falchi L. Italy and France at odds over Libya? // Instituti Affari Internazaionali (IAI). August 9, 2017; El-Gamaty G. Italy and France are playing a dangerous game in Libya // Al-Jazeera. August 21, 2017. URL: https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2017/08/italy-france-playing-dangerous-game-libya-170815105230759.html (accessed 24.09.2018)

актуальной представлялась проблема содействия становлению новой государственности на обломках старой. Однако после интервенции США и государства-члены ЕС не демонстрировали высокой заинтересованности в решении проблем Ливии, охваченной новой волной нестабильности. Страны евроатлантического сообщества, совершая интервенцию в Ливию, не ставили перед собой цели содействовать восстановлению страны[758]. Было ли это побочным эффектом «иракского синдрома» у американской администрации, неуверенности в собственных силах или отсутствия воли и необходимых ресурсов у ЕС и государств-членов, факт остается фактом: Запад предпринял недостаточно усилий по оказанию помощи этой североафриканской стране.

Стоит отметить, что помимо продолжающегося конфликта, наличия политических и экономических причин в США и ЕС, препятствующих их более широкому включению в процесс урегулирования ситуации в Ливии, оказание внешней помощи затруднялось и другими причинами. Во-первых, в Вашингтоне и Брюсселе ставили под сомнение необходимость выделения значительных финансов для помощи стране, которая вполне способна «платить» за свое восстановление[759]. Во-вторых, сказывалось объективное отсутствие опыта. Дело в том, что Ливия при М. Каддафи практически не получала денег от иностранных доноров, более того, лидер Джамахирии сам тратил немало средств на помощь африканским государствам. К 2011 г. в Ливии не было ни отработанных механизмов управления внешней помощью, ни инфраструктуры, ни соответствующих кадров, что также затрудняло процесс содействия ее восстановлению. Поэтому на фоне продолжающегося конфликта и углубляющейся фрагментации в Ливии реализовывались лишь небольшие краткосрочные и среднесрочные проекты для решения наиболее актуальных проблем.

---

[758] См., например: Hamid S. Everyone says the Libya intervention was a failure. They're wrong // Brookings. April 12, 2016. URL: https://www.brookings.edu/blog/markaz/2016/04/12/everyone-says-the-libya-intervention-was-a-failure-theyre-wrong/ (accessed 25.09.2018)

[759] См. подробнее: Оганисян Л.Д. Становление новой ливийской государственности и политика Евроатлантического сообщества (2011-2017) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2017. – № 3. – С. 177-212.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотя в течение десятилетий «холодной войны» американо-советское противостояние в регионе оттеняло разногласия между США и Европой, они, тем не менее, присутствовали, но довольно быстро преодолевались, потому как, с одной стороны, Вашингтон был более сдержан в своей внешней политике, а европейские страны были поглощены процессами набиравшей обороты интеграции, с другой – угроза в лице коммунизма и наличие общих либеральных, демократических ценностей обеспечивали единство альянса. Иными словами, логика основного противоборства эпохи «холодной войны» сдерживала разногласия между США, ЕЭС и его государствами-членами, не позволяя им выйти на первый план. Однако к началу 1990-х гг., как справедливо отметила один из ведущих специалистов ИМЭМО РАН Н.К. Арбатова, утрата общего врага избавила союзников «от необходимости противостоять военной угрозе «социалистического лагеря», выдвинув на первый план собственные интересы союзников [США и Западной Европы – прим. Л.О.], далеко не всегда совпадающие, а нередко и вступающие в противоречие друг с другом»[760], что нашло отражение в их политике на Арабском Востоке в постбиполярный период.

В период «холодной войны» американская стратегия национальной безопасности и европейская стратегия были относительно статичными в связи с тем, что угроза применения ядерного оружия минимизировала роль других факторов, влияющих на подходы к использованию силы. Серьезные изменения в стратегических культурах произошли после распада СССР и, как следствие, биполярного порядка. Адаптация уже к новому – однополярному – порядку привела к укреплению в США веры в их особую миссию. Вашингтон стал более активно и даже агрессивно продвигать свои интересы на международной арене вообще и на Арабском Востоке, в частности. Евросоюз же, в тому времени превратившись в экономического гиганта, в 1990-е гг. в стремлении стать самостоятельным и влиятельным субъектом мировой политики и дистанцироваться от Вашингтона, во взглядах с которым он далеко не всегда сходился, стал укреплять военно-политический потенциал. При том что США и ЕС в постбиполярный период преследовали схожие цели в регионе, методы для их достижения выбирались различные, что в большинстве случаев и служило причиной разногласий. Наиболее

[760] Арбатова Н.К. Кризис как катализатор европейской интеграции // Глобальная перестройка / отв. ред.: Дынкин А.А., Иванова Н.И. – М.: Весь мир, 2014. – С. 357-358.

остро эти различия проявились в период президентства Дж. Буша-мл., когда определяющими принципами политики США стали унилатерализм, выбор в пользу «жесткой силы» и новый подъем мессианства. Более того, разногласия между Вашингтоном и Брюсселем на рубеже XX-XXI вв. стали одной из главных причин укрепления общей внешней политики и политики безопасности ЕС и становления европейской стратегической культуры, что служило цели превращения Евросоюза в независимого и влиятельного субъекта на международной арене. Несмотря на вышеуказанные различия, Соединенные Штаты и Европейский союз воспринимали себя в качестве трансформационных сил и в постбиполярный период провозгласили одной из своих приоритетных целей распространение демократии и западных ценностей на Арабском Востоке, тем не менее центральное место в их политике занимали вопросы обеспечения стабильности в регионе, представляющем для них значительный интерес.

К концу 2000-х гг. унилатералистская, силовая политика Дж. Буша-мл. привела к перенапряжению сил Соединенных Штатов, новая американская администрация Б. Обамы, одержавшая победу на выборах 2008 г., в условиях глубокого экономического кризиса и постепенного уменьшения роли США в мировой экономике и политике поставила себе задачу пересмотреть методы, используемые Вашингтоном для достижения своих целей на международной арене, чтобы восстановить американское лидерство. Глава Белого дома от Демократической партии предложил «умную силу» вместо «жесткой», многосторонность вместо односторонности, решил повысить порог применения военной силы. Это должно было означать уменьшение разногласий внутри евроатлантического сообщества по отдельным проблемам на Арабском Востоке, потому как одна из главных причин этих разногласий – силовая, унилатералистская политика США – должна была измениться. В то же время это не означало пересмотра ключевых черт американской стратегической культуры, поскольку Соединенные Штаты не отказывались ни от продвижения демократии, ни от обеспечения своего лидерства в мире, ни от использования силы, но в условиях ограниченных ресурсов ставилась задача пересмотреть соотношение методов для достижения традиционных внешнеполитический целей США.

Охватившие в начале 2011 г. страны Ближнего Востока и Северной Африки события «арабского пробуждения» продемонстрировали эти изменения. Реакция США и Евросоюза на них была схожей между собой, но значительно варьировалась по

отношению к странам региона. Так, можно ввести следующую классификацию. С точки зрения реакции Вашингтона и Брюсселя государства «арабского пробуждения» можно подразделить на три основные группы:

4) политическое давление на режимы – Тунис, Йемен, Египет;

5) невмешательство – Бахрейн;

6) непосредственное вмешательство – Ливия, Сирия.

Анализируя реакцию Соединенных Штатов и Евросоюза на протестные движения в Тунисе, Йемене и Египте, можно отметить две главные тенденции. Во-первых, была характерна поэтапная смена подхода от поддержки или благожелательного нейтралитета по отношению к правящему режиму к выступлению с критикой в отношении него. Во-вторых, давление имело разную степень интенсивности в том числе в связи с уровнем напряженности в самой стране.

События в Бахрейне, куда для подавления восстаний были введены войска ССАГПЗ, костяк которых составляли саудовские подразделения, как в Брюсселе, так и в Вашингтоне предпочли не комментировать, за что действия США и ЕС в общественно-политическом дискурсе были оценены как проведение политики «двойных стандартов», поскольку одновременно в одних странах они призывали режимы уйти и выступали за демократические реформы, а в других поддерживали авторитарные режимы.

В отличие от позиции в отношении протестов и революций в соседних странах, когда волнения охватили Ливию и Сирию, реакция Вашингтона, Брюсселя и европейских государств оказалась довольно жесткой и в случае Ливии – бескомпромиссной. Так, Ливия стала кульминацией поддержки «арабского пробуждения» евроатлантическим сообществом, когда Запад совершил гуманитарную интервенцию во имя спасения ливийского народа от диктатора М. Каддафи. Несмотря на возникновение споров внутри США о целесообразности участия Вашингтона в интервенции и роста противоречий внутри Европейского союза между сторонниками и противниками ливийской операции, сторонам удалось избежать серьезного разлада в евроатлантических отношениях и даже координировать американскую политику с европейской. Одной из главных причин, на наш взгляд, является отказ США от унилатералистской, силовой политики и ориентация на сотрудничество с ЕС и его государствами-членами для разрешения современных конфликтов и кризисов, когда это соответствует национальным интересам Соединенных Штатов. В Сирии же вместе с

эскалацией конфликта происходила его постепенная интернационализация с возрастающим вовлечением региональных и глобальных игроков. Б. Обама отказался от военной операции, несмотря на полученное от Конгресса согласие на нее, не столько в связи с российско-китайской оппозицией, а сколько из-за отказа европейских союзников принять участие в возможной интервенции, а также иракского опыта, оставившего свой след на особенностях стратегического мышления американского истеблишмента.

По сути, подобная позиция главы Белого дома и его ближайшего окружения соответствовала американской стратегической культуре, т.к. не подразумевала отказа от лидирующей роли США или от экспорта демократии, но в условиях ограниченности финансовых ресурсов и наличия серьезных внутренних проблем, ставших итогом восьмилетнего правления республиканской администрации Дж. Буша-мл., Б. Обама пересмотрел соотношение внешнеполитических инструментов, сделав ставку на многосторонние усилия под главенством США в духе «лидерства из-за спины». При этом Брюссель, несмотря на благоприятные условия для проведения военной интервенции под флагом Евросоюза, не сумел преодолеть внутренние противоречия, гетерогенность европейской стратегической культуры дала о себе знать, а инициатором операции в Ливии стал франко-британский тандем.

Таким образом, действия Соединенных Штатов и Европейского союза в условиях «арабского пробуждения» не представляли из себя целостной стратегии, а носили скорее ситуативный, оппортунистический характер. США и ЕС действовали реактивно, что вряд ли можно назвать серьезным недостатком их подхода, потому как события развивались стремительно и требовали адаптации внешнеполитического курса с учетом особенностей трансформационных процессов в отдельных арабских странах и на уровне всего региона. При этом очевидно, что реакция Вашингтона и Брюсселя была довольно схожей, что позволило избежать серьезного ухудшения евроатлантических отношений и даже по ряду вопросов координировать их внешнеполитические действия.

В разгар событий «арабского пробуждения» США и ЕС принялись пересматривать свою политику, потому как новые реалии ставили вопрос о необходимости изменить их подход к Арабскому Востоку с учетом особенностей охвативших страны региона трансформационных процессов. В целом политика Вашингтона и Брюсселя на Арабском Востоке в 2011 – 2016 гг. прошла две стадии: первая – пересмотр их курса в регионе, который происходил с начала 2011 г. до весны

2013 г.; вторая – возврат к модели отношений до «арабского пробуждения», очертания которого стали проявляться с лета 2013 г., когда ситуация в регионе значительно ухудшилась в связи с политическими кризисами в Тунисе и Египте, ростом нестабильности в Ливии, Сирии и Йемене, беспрецедентным подъемом джихадизма в регионе и увеличением миграционных потоков в соседние страны и в Европу.

Так, на первом этапе, исходя из видения себя в роли трансформационных сил и оценив революционные события 2011 г. как особый региональный вариант демократизации, Вашингтон и Брюссель направили свои инициативы на поддержку процесса реформирования арабских государств, что отразилось в смене риторики американских и брюссельских политических деятелей и в пересмотре подходов США и ЕС к взаимодействию с арабскими странами. Иными словами, первоначально Соединенные Штаты и Евросоюз оценили события «арабского пробуждения» как возможность для осуществления демократического перехода.

Однако их отношение к трансформационным процессам постепенно стало меняться с лета 2013 г. Тогда на смену идеалистическому восприятию процессов на Арабском Востоке стало приходить осознание рисков, которые несут в себе перемены в регионе. Так, с середины 2013 г. США и Евросоюз в очередной раз принялись адаптировать свою политику. Тогда развитие подходов США и ЕС к взаимодействию со странами Арабского Востока перешло во вторую фазу, характерной чертой которой стал прагматизм, что отразилось в том числе в смене нарратива. Вашингтон и Брюссель стали подчеркивать, что в условиях роста нестабильности их приоритетной задачей становится стабилизация региона, который превратился в источник вызовов и угроз для всего мира. В результате Соединенные Штаты и Европейский союз вернулись к модели отношений до 2011 г., основанной на сотрудничестве с арабскими правительствами, далеко не всегда соответствующими западным представлениям о демократических институтах, но способными обеспечить стабильность на Арабском Востоке.

В сложившихся обстоятельствах возврат к модели отношений до 2011 г., возможно, казался наиболее простым выходом и гипотетически мог поспособствовать укреплению государственности на Ближнем Востоке и в Северной Африке в краткосрочной перспективе. Тем не менее в долгосрочной перспективе, как показала история, он неспособен принести устойчивого мира и стабильности, поскольку не позволяет решить все глубинные и многомерные проблемы, которые послужили

причиной «арабского пробуждения»[761]. Евросоюз же, в силу своего географического положения и торгово-экономических интересов, более всех международных акторов заинтересован именно в долгосрочной стабилизации Южного Средиземноморья.

Выделив эволюцию подходов США и ЕС к взаимодействию со странами «арабского пробуждения», можно прийти к выводу что их региональная политика прошла одни и те же этапы в 2010-е гг. Однако сравнение деятельности Вашингтона и Брюсселя в странах, переживающих трансформацию политической системы (Тунисе, Египте), и в государствах, находящихся в состоянии вооруженного конфликта (Ливии), позволяет сравнить политику США и ЕС, а также оценить влияние внутренних и внешних детерминант, включая особенности их стратегических культур, на проводимый ими курс.

До лета 2013 г. события в Тунисе и Египте развивались довольно схожим образом. Для США и ЕС было важно найти в регионе примеры успешного демократического транзита, более всех государств «арабского пробуждения» на эту роль подходили именно Тунис и Египет. Наибольшие различия в политике Соединенных Штатов и Европейского союза в двух североафриканских странах были связаны с восприятием политического ислама и отношениями с умеренными исламистскими партиями и движениями. Тем не менее в случае Египта и Туниса мы можем говорить о значительном сходстве в их внешнеполитическом курсе и о распределении географии действий, причем Евросоюз активнее действовал в считающемся его сателлитом Тунисе, тогда как Соединенные Штаты – в стратегически важном для американских интересов Египте, которая является важной, но относительно «неприкосновенной» страной для внешней политики Брюсселя[762].

Особенности стратегических культур США и ЕС проявлялись и в выборе сфер, в которых они оказывали помощь. Брюссель активнее действовал в сфере экономики, торговли и государственного строительства. Помощь Тунису демонстрировала, что Евросоюз мирными и «мягкими» средствами продвигает демократию в стране. Все

---

[761] См. подробнее в статье, опубликованной в соавторстве с В.А. Кузнецовым: Кузнецов В.А., Оганисян Л.Д. Дилеммы демократизации: политика Евросоюза в Тунисе и Египте после Арабского пробуждения // Современная Европа. – 2018. – № 5.

[762] Классификация, выдвинутая главой Ближневосточной программы аналитического центра FRIDE К. Кауш, довольно точно отражает место стран Северной Африки во внешней политике Евросоюза. Согласно классификации, Тунис и Марокко считаются сателлитами ЕС; Алжир и Ливия – «независимые» страны; Египет – «неприкосновенное» государство. См.: Kausch K. The End of the (Southern) Neighbourhood // European Institute of the Mediterranean. April 2013. – 40 p.

программы несли долгосрочный характер и были нацелены в конечном счете на трансформацию политической и социальной системы североафриканского государства. Вашингтон же занимался преимущественно вопросами безопасности, противодействия терроризму. Амбивалентность как американской, так и европейской политики довольно четко проявилась при рассмотрении политики акторов в отношении Египта. Речь идет о традиционном конфликте между продвижением демократии и защитой своих интересов. Поверхностный характер перемен в Египте стал причиной отказа США и ЕС от попыток демократизации государства и возврата к традиционной политике поддержки авторитарных режимов в обмен на политическую стабильность.

Что касается Ливии, то после интервенции Запада, явившейся свидетельством пересмотра внешнеполитического инструментария США, некоторых разногласий избежать не удалось, потому как европейские государства действовали не в соответствии с американскими представлениями. Как справедливо отмечает российский исследователь О.В. Приходько, Соединенные Штаты склонны отводить Европе «функцию обслуживания интересов, связанных с американским лидерством, и участия в создании миропорядка на американских условиях»[763]. Как показывает практика, политика США, направленная на обеспечение глобального лидерства – весьма дорогостоящее мероприятие. Поэтому Евросоюз, который разделяет с США общие ценности и, в большинстве своем, цели, является лучшим союзником в этом деле. Но на практике ЕС и государства-члены часто оказываются неспособны выполнять те функции, которые возлагают на них Соединенные Штаты, с другой стороны, они нередко не проявляют интереса к их выполнению.

Между акторами существуют различия стратегического характера, которые не позволяют коллективному Западу действовать сообща. Одни различия носят принципиальный и долгосрочный характер, другие являются временными и предопределяются партийно-идеологическими различиями американских администраций и личной позицией президентов США. К последним можно отнести акцент на мессианской роли Соединенных Штатов, черно-белое мышление, аппеляцию к христианским ценностям, маргинализацию отдельных стран[764]. К первым относятся, с

---

[763] Приходько О.В. США и Европа: закат атлантизма или функциональный кризис? // Проблемы трансатлантических отношений в начале XXI века / Отв. ред. Кременюк В.А., Шаклеина Т.А. – М., 2007. – С. 77.

[764] См. подробнее: Оберемко Т.В. Различия в ценностных подходах США и Европы к вопросам формирования внешней политики. – С. 36-37.

одной стороны, приверженность США использованию «жесткой силы», унилатерализм и пренебрежение международным правом, а с другой стороны, стремление Евросоюза следовать принципу многосторонности, соблюдению приоритета международного права, выбор в пользу невоенных составляющих силы.

Хотя безопасность Европы неразрывно связана с тем, что происходит в Южном Средиземноморье, как показали события 2011-2016 гг. в арабском мире, Евросоюз, несмотря на наличие достаточного потенциала и ресурсов, широкого инструментария, имеет ограниченные возможности для влияния на развитие процессов в регионе как из-за недостатка стратегического видения и политической воли, так и в виду громоздкой структуры, различий интересов стран-членов и разногласий между ними. По этой причине ключевым вопросом для европейской стратегии в регионе является поиск баланса между коллективной стратегией ЕС и стратегиями отдельных государств-членов. В своем ответе на исходящие из региона вызовы политика Евросоюза и государств-членов развивалась иногда в гармонии, как в случае Туниса, в меньшей степени – Египта, а порой приводила к разногласиям, как в случае Ливии, миграционного кризиса и проч. По мнению старшего научного сотрудника Европейского центра Карнеги Р. Янгса, внешняя политика ЕС на Ближнем Востоке не была ни «национализирована», ни «европеизирована»; скорее дипломатия отдельных государств и инициативы ЕС развивались одновременно и параллельно»[765].

Как отмечалось в работе, гетерогенность может рассматриваться как одно из достоинств стратегической культуры Евросоюза, однако в случае «арабского пробуждения» она не сыграла на руку объединенной Европе. Общеевропейские интересы уступили место амбициям отдельных государств-членов и привели к внутренним разногласиям. Более того, Брюсселю скорее приходилось подстраиваться под позицию стран-членов, чем консолидировать их подходы, формулируя общеевропейский ответ. Тем не менее подобные противоречия внутри Европейского союза не являются чем-то новым. Однако в нынешних условиях было особенно важно их преодолеть, т.к. серьезность проблем и их масштаб требовали большей координации действий стран-членов Евросоюза в проведении их политики на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Речь шла не о том, чтобы усилить инструменты ЕС в ущерб

[765] Youngs R. The European Union: inclusion as geopolitics // Geopolitics and Democracy in the Middle East / Ed. by K. Kausch. FRIDE, 2015. – P. 124.

национальным внешнеполитическим усилиям, а более эффективно использовать оба уровня политики – уровень национальных государств и Евросоюза, причем, как отмечал Р. Янгс, последний должен был взять на себя ответственность за заполнение пробелов, оставленных первыми[766].

Очевидно, что ЕС в большей степени остается экономическим объединением. Отнюдь не случайно его членам относительно легко и быстро удалось договориться и начать реализацию множества проектов помощи государствам, затронутым «арабским пробуждением», нацеленных на социально-экономическое и политические развитие стран Ближнего Востока и Северной Африки, оказание крайне необходимой гуманитарной помощи.

Вполне вероятно, что для Европейского союза события в арабском мире 2010-х гг. оказались «травматическим шоком», о чем свидетельствует, в частности, пересмотр Евросоюзом своей роли в качестве трансформационной силы. Хотя Брюссель не отказывается от экспорта либеральных ценностей и демократии, но события в регионе заставили его признать ограниченность такого подхода, не учитывающего особенности арабских государств и потенциальные последствия для Европы. Поэтому приоритетом политики ЕС стала стабилизация, а поддержка демократизации должна осуществляться лишь в тех странах, которые выражают готовность проводить реформы.

Еще в 2000 г. российский исследователь А.И. Уткин писал, что подлинная слабость Евросоюза заключается в его неспособности принимать стратегические решения[767]. За более чем два десятилетия Брюссель эту слабость не преодолел полностью, но все же во внешнеполитической архитектуре ЕС произошли серьезные изменения, начала формироваться стратегическая культура Евросоюза. Однако отсутствие серьезного военно-силового потенциала продолжало подрывать вес и роль объединенной Европы в мировой политике. Вероятно, что нынешние вызовы и кризисы подтолкнут ЕС к повышению эффективности механизмов принятия военно-политических решений. В пользу этого говорит и Европейская стратегия безопасности 2016 г., в которой указывалось – хотя «ни у одной из стран-членов нет сил и ресурсов для устранения этих угроз, вместе ЕС – это сила». В документе отмечалось, что в условиях роста нестабильности «цель, даже существование нашего Союза подвергаются

[766] Ibid. P. 125.
[767] Уткин А.И. Ук. соч. – С. 188.

сомнению»; кризисы внутри и за пределами европейских границ напрямую влияют на жизнь граждан, поэтому в трудные времена необходимо укрепить Союз, который «мыслит стратегически, разделяет общее видение и действует совместно»[768].

Говоря о Соединенных Штатах, несмотря на распространенную критику администрации Б. Обамы за отсутствие стратегии на Ближнем Востоке и в Северной Африке, рассмотрение ее политики в регионе в 2011-2016 гг. позволяет сделать вывод, что 44-й президент США придерживался определенного курса с первого дня своего президентства и до последнего. Другой вопрос в том, насколько он импонировал представителям республиканского истеблишмента, экспертного сообщества, союзникам Вашингтона в Европе и на Ближнем Востоке.

Как справедливо отметил итальянский исследователь Д. Пагриаруло, «ни одному из американских президентов [со второй половины XX в. – прим. Л.О.] не удалось избежать глубоких политических и военных обязательств на Ближнем Востоке»[769], и в этом смысле Б. Обама не стал исключением, даже несмотря на его намерение сократить старые обязательства в регионе и избежать новых. Однако, как справедливо отмечает директор Центра проблем безопасности и развития ФМП МГУ В.И. Бартенев, «выбрав «стратегическое терпение»[770] и поставив на первое место императивы внутреннего социально-экономического развития – создания новых рабочих мест, обеспечения технологического лидерства, борьбы с неравенством, администрация Б. Обамы объективно добилась весьма впечатляющих результатов»[771], чего президент, собственно, хотел достичь, придя в Белый дом, и чем гордился, покидая его.

Подводя итог, можно отметить, что в условиях, когда США не хотели увязнуть в ближневосточных делах, во-первых, они пытались разделить обязанности и бремя ответственности за проблемы региона, во-вторых, как отмечал профессор Королевского колледжа Лондона А. Крейг, пытаясь избежать одностороннего применения силы, администрация Б. Обамы выбрала альтернативный способ поддержания американского

---

[768] European External Action Service. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016. – P.3.

[769] Pagliarulo D. The Middle East, Obama, and America's Quest for a New Grand Strategy // E-International Relations. 9 October 2016. [Electronic resource]. URL: http://www.e-ir.info/2016/10/09/the-middle-east-obama-and-americas-quest-for-a-new-grand-strategy/ (accessed 25.09.2018)

[770] «Стратегическое терпение» – стремление избегать таких действий на международной арене, которые бы отвлекали Америку от принятия поистине экзистенциального вызова – осуществления внутренней трансформации и построения более справедливого общества.

[771] Бартенев В.И. «Стратегия национальной безопасности США» 2015 года: от всеобъемлющего к селективному вовлечению и сдерживанию // Пути к миру и безопасности. – 2015. – № 1(48). – С. 63.

влияния в регионе – т.н. «суррогатную войну», – что было продемонстрировано в ходе ливийского и сирийского конфликтов[772].

Как отмечает крупный российский американист Т.А. Шаклеина, «сохранить статус глобального лидера без перенапряжения сил можно двумя способами: разумно сократить сферу своей деятельности и, следовательно, тратить меньше средств или уменьшить расходы, вовлекая в реализацию своих планов других игроков, заставляя их финансировать предложенную программу»[773]. Б. Обама сделал выбор в пользу второй стратегии. В связи с высокой степенью фактического участия США в Ираке и Сирии и возможного увеличения обязательств Вашингтона в этих странах, ответственность за решение проблем в Северной Африке, где позиции европейских стран, в отличие от Леванта, традиционно сильнее, перекладывалась на плечи ЕС и государств-членов. Однако те оказались неспособны к более активной роли, что стало причиной разочарования американцами в своих европейских союзниках. Вместе с тем попытки Вашингтона разделить бремя ответственности за глобальные проблемы, руководствуясь идеей «лидерства из-за спины», были бы эффективней, если бы США установили систему многосторонних отношений в качестве стандартного подхода американской политики, а не пытались бы «сбросить» на ЕС и европейских союзников все проблемы, которыми не хотели заниматься.

События «арабского пробуждения» показывали, что эти различия немного сглаживаются в условиях, когда американская политика становится более интровертной, а международный баланс сил меняется не в пользу Соединенных Штатов. Несмотря на значительные сходства между реакцией и подходами США и ЕС, они действовали скорее по параллельным трекам, чем совместно. Тем не менее нельзя отрицать, что значительное сближение их политики позволяло Вашингтону и Брюсселю в ходе отдельных кризисных ситуаций сотрудничать для их разрешения через созданные в 2011 г. механизмы координации политики США и объединенной Европы, что довольно четко проявилось, например, в ходе египетских событий летом 2013 г.

В то же время политика, проводимая администрацией Б. Обамы, вполне соответствовала американской стратегической культуре, отвечала внутренним

---

[772] См. подробнее: Kreig A. Externalizing the burden of war: the Obama Doctrine and US foreign policy in the Middle East // International Affairs. – 2016. – № 1. – P. 97-113.

[773] Шаклеина Т.А. Эволюция глобальной стратегии США (2001–2011) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2011. – № 3. – С. 51.

интересам США и сохраняла преемственность с традиционной ближневосточной политикой Вашингтона. По сути, президент не отказался ни от идеи американской исключительности, ни от лидерства США в мире, он не отказался от применения военной силы[774], идеи «смены режимов» и демократизации региона. Б. Обама лишь реорганизовал приоритеты и цели американской внешней политики, пересмотрел средства для достижения этих целей, чтобы избежать ошибок, допущенных предыдущей администрацией, которые могли бы привести к ухудшению ситуации внутри страны. Отказ от односторонних силовых методов, осторожность и боязнь рисков были объективной необходимостью. С одной стороны, администрацией Б. Обамы двигало стремление дистанцироваться от региона, с другой – стратегическое поведение Вашингтона диктовала политическая и экономическая ситуация в Соединенных Штатах, а также, что немаловажно, меняющийся баланс сил на международной арене.

Говоря об изменениях этого баланса, следует отметить, что Арабский Восток и происходящие в нем события, нельзя рассматривать отдельно от глобального контекста, поскольку все тенденции глобального развития нашли отражение в ближневосточных процессах, а именно ослабление американского лидерства, кризис либерального мирового порядка, подъем восходящих держав. Причем, действуя в регионе после «арабского пробуждения», Соединенные Штаты и Европейский союз оказались в довольно конкурентной среде, где их инициативы не имели каких-либо преимуществ по сравнению с теми, которые предлагали другие акторы, включая региональные. Таким образом, события «арабского пробуждения» ознаменовали новый этап в развитии региональных процессов, когда США и Евросоюз оказались в ситуации, когда, выстраивая свою стратегию в регионе, они в значительно большей степени, чем прежде, должны учитывать развитие внутрирегиональных процессов, политику региональных и внерегиональных акторов.

[774] При Б. Обаме велись воздушные миссии или операции спецназа в Ираке и Сирии, Ливии и Йемене, вывод войск из Афганистана был отменен, что позволило представителям СМИ говорить, что он вел больше войн, чем Дж. Буш-мл.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Документы США:

Стратегии национальной безопасности:

1. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. Washington D.C.: The White House. February 1995. URL: http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/nss/nss-95.pdf (accessed 15.07.2018)

2. A National Security Strategy for a New Century. Washington D.C.: The White House. October 1998. URL: http://clinton2.nara.gov/WH/EOP/NSC/html/documents/nssr.pdf (accessed 15.07.2018)

3. The National Security Strategy of the United States of America. Washington D.C.: The White House. September 2002. URL: http://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf (accessed 20.07.2018)

4. The National Security Strategy of the United States of America. Washington D.C.: The White House. March 2006. URL: http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf (accessed 20.07.2018)

5. A National Security Strategy. Washington D.C.: The White House. May 2010. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed 17.08.2018)

6. National Security Strategy. Washington D.C.: The White House. February 2015. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (accessed 5.09.2018)

Документы Пентагона:

7. U.S. Department of Defense. Quadrennial Defense Review. February 2010. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/QDR/QDR_as_of_29JAN10_1600.pdf (accessed 20.08.2018)

8. U.S. Department of Defense. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for the 21st Century Defense. Washington. January 2012. URL: http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf (accessed 20.08.2018)

9. U.S. Department of Defense. Quadrennial Defense Review. March 2014. URL: http://archive.defense.gov/pubs/2014_Quadrennial_Defense_Review.pdf (accessed 7.09.2018)

10. U.S. Department of Defense. The National Military Strategy of the United States of America. June 2015. URL: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/National_Military_Strategy_2015.pdf (accessed 7.09.2018)

Документы Госдепартамента и АМР США:

11. U.S. Department of State, USAID. The First Quadrennial Diplomacy and Development Review. Leading Through Civilian Power. 2010. URL: https://2009-2017.state.gov/documents/organization/153142.pdf (accessed 3.08.2018)

12. USAID. Strategy on Democracy, Human Rights and Governance. June 2013. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1866/USAID%20DRG_%20final%20final%206-24%203%20%281%29.pdf (accessed 6.08.2018)

13. U.S. Department of State, USAID. Strategic Plan FY 2014-2017. URL: https://www.state.gov/documents/organization/223997.pdf (accessed 11.08.2018)

14. U.S. Department of State, USAID. FY 2015 Annual Performance Report, FY 2017 Annual Performance Plan. URL: https://www.state.gov/documents/organization/259539.pdf (accessed 11.09.2018)

15. U.S. Department of State, USAID. Quadrennial Diplomacy and Development Review. Enduring Leadership in a Dynamic World. 2015. URL: https://www.state.gov/documents/organization/267396.pdf (accessed 11.09.2018)

Слушания в Конгрессе США:

16. United States policy and military strategy in the Middle East: hearing before the Committee on Armed Services, United States Senate, One Hundred Fourteenth Congress, first session, March 24. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2015.

17. The President's proposed authorization for use of military force against ISIL and U.S. policy, strategy, and posture in the Greater Middle East: hearing before the Committee on Armed Services, House of Representatives, One Hundred Fourteenth Congress, first session, March 3. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2015.

18. Tunisia's fragile democratic transition: hearing before the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Fourteenth Congress, first session, July 14. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2015.

19. Transatlantic Security in the 21st Century: Do New Threats Require New Approaches?: hearing before the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Eleventh Congress, first session, March 17. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2010.

20. Nomination of Hillary R. Clinton to be Secretary of State: hearing before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, One Hundred Eleventh Congress, first session, January 13. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2009.

21. Perspectives on the crisis in Libya: hearing before the Committee on Foreign Relations. United States Senate, One Hundred Fourteenth Congress, first session, April 6. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2011.

22. US policy in Libya: hearing before the Senate Foreign Relations Committee, United States Senate, One Hundred Fourteenth Congress, second session, June 15. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2016.

23. Strengthening the Transatlantic Alliance: an overview of the Obama administration's policies in Europe: hearing before the Subcommittee on Europe of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Eleventh Congress, first session, June 16. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2009.

24. Libya's terrorist descent: Causes and Solutions: hearing before the Subcommittee on Terrorism, Nonproliferation, and Trade of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Fourteenth Congress, second session, September 27. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2016.

25. Reflections on the revolution in Egypt, Part I: hearing before the Subcommittee on the Middle East and the South Asia of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Twelfth Congress, second session. February 15. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2012.

26. Popular uprising in the Middle East: The implications for U.S. policy: hearings before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, One Hundred Twelfth Congress, first session, March 17. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2011.

27. The rise of ISIL: Iraq and beyond: joint hearing before the Subcommittee on Terrorism, Nonproliferation, and Trade and the Committee on Middle East and North Africa of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Thirteenth Congress, second session, July 15. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2014.

28. The authorization of use of force in Syria: hearing before the Committee on Foreign Relations, U.S. Senate, One Hundred Thirteenth Congress, first session, September 3. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2013.

29. State, foreign operations, and related programs appropriations for fiscal year 2013: hearing before a Subcommittee of the Committee on Appropriations, U.S. Senate, One Hundred Twelfth Congress, second session, February 28. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2012.

30. Tunisia's struggle for stability, security, and democracy: hearing before the Subcommittee on the Middle East and North Africa of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Fourteenth Congress, second session, May 25. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2016.

31. Nomination of John F. Kerry to be Secretary of State: hearing before the Committee on Foreign Relations, U.S. Senate, One Hundred Thirteenth Congress, first session, January 24. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2013.

32. Terrorism in North Africa: an examination of the threat: hearing before the Subcommittee on Counterterrorism and Intelligence of the Committee on Homeland Security, House of Representatives, One Hundred Fifteenth Congress, first session, March 29. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2017.

33. Recent developments in Egypt and Lebanon: implications for U.S. policy and allies in the Broader Middle East: hearing before the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Twelfth Congress, first session, February 9 and 10. Washington, D.C.: U.S. GPO, 2001.

Стенографические отчеты заседаний палат Конгресса США:

34. Congressional Record — Senate. Authorization of the Use of United States Armed Forces against Iraq. October 10, 2002. S10234.

35. Congressional Record – House. It's time to give diplomacy a chance. January 13, 2009. H187.

36. Congressional Record – House. We Should Stop Trying to Run the Middle East. October 7, 2015. H6843.

37. Congressional Record – House. We cannot Run the Middle East. October 21, 2015. H7036.

38. Congressional Record – House. Coconspirators in Supporting Terrorism. December 15, 2015. H9324.

39. Congressional Record – Senate. Foreign Policy and the Justice against Sponsors of Terrorism Act. September 14, 2016. S5691.

40. Congressional Record – Senate. Libya. March 14, 2011. S1579.

Доклады исследовательской службы Конгресса:

41. Akhtar S.I., Bolle M.J., Nelson R.M. U.S. Trade and Investment in the Middle East and North Africa: Overview and Issues for Congress // Congressional Research Service. – March 4, 2013.

42. Archick K. European Views and Policies Toward the Middle East // Congressional Research Service. – March 9, 2005.

43. Archick K., Mix D.E. The United States and Europe: Responding to Change in the Middle East and North Africa // Congressional Research Service. June 12, 2013.

44. Arieff A. Political Transition in Tunisia // Congressional Research Service. – May 22, 2013.

45. Arieff A., Humud C.E. Political Transition in Tunisia // Congressional Research Service. – February 10, 2015.

46. Belasco A. The Cost of Iraq, Afghanistan, and Other Global War on Terror Operations Since 9/11 // Congressional Research Service. – September 2, 2010.

47. Blanchard C.M. Libya: Transition and U.S. Policy // Congressional Research Service. – May 13, 2016.

48. Blanchard C.M. Libya: Transition and U.S. Policy // Congressional Research Service. – August 3, 2015.

49. Blanchard C.M. Libya: Transition and U.S. Policy // Congressional research Service. – September 8, 2014.

50. Blanchard C.M. Libya: Transition and U.S. policy // Congressional Research Service. – May 2, 2018.

51. Blanchard C.M., Arieff A., Danon Z., Katzman K., Sharp J.M., Zanotti J. Change in the Middle East: Implications for U.S. Policy // Congressional Research Service. – March 7, 2012.

52. Blanchard C.M., Humud C.E., Nikitin M.B.D. Armed Conflict in Syria: Overview and U.S. Response // Congressional Research Service. – January 15, 2014.

53. Bolle M.J. Middle East Free Trade Area: Progress Report // Congressional Research Service. – January 27, 2006.

54. Sharp J.M. Ending Cash Flow Financing to Egypt: Issues for Congress // Congressional Research Service. – June 4, 2015.

55. Sharp J.M. Egypt: Background and U.S. Relations // Congressional Research Service. – March 24, 2017.

56. Sharp J.M. Egypt: Background and U.S. Relations // Congressional Research Service. – December 6, 2012.

57. Sharp J.M. Egypt: Background and U.S. Relations // Congressional Research Service. – July 19, 2013.

58. Sharp J.M. Egypt: Background and U.S. Relations // Congressional Research Service. – June 5, 2014.

59. Sharp J.M. U.S. Foreign Assistance to the Middle East: Historical Background, Recent Trends, and the FY2011 Request // Congressional Research Service. – June 15, 2010.

Документы Европейского союза:

60. Bulletin Quotidien Europeen (BQE). Agence Europe. Brussels. 2011 – 2016.

61. A Secure Europe in a Better World: European Security Strategy. Brussels: European Council, 2003. URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/reports/78367.pdf (accessed 17.07.2018)

62. Commission of the European Communities. Communication from the Commission. European Neighborhood policy, Strategy Paper. May 12, 2004. URL: https://eeas.europa.eu/archives/delegations/georgia/documents/eu_georgia/commission_communication_enp_strategy_paper.pdf (accessed 17.07.2018)

63. Commission of the European Communities. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. Barcelona Process: Union for the Mediterranean. May 20, 2008. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/docs_autres_institutions/commission_europeenne/com/2008/0319/COM_COM(2008)0319_EN.pdf (accessed 17.07.2018)

64. Council of the European Communities, Commission of the European Communities. Treaty on European Union, 1992. URL: https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf (accessed 15.07.2018)

65. Council of the European Union. Press Release of 3065th Council meeting. January 31, 2011. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/119045.pdf (accessed 12.08.2018)

66. Council of the European Union. Press Release of 3149th Council meeting. February 27, 2012. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_PRES-12-58_en.htm (accessed 13.08.2018)

67. Council of the European Union. Press Release of 3209th Council meeting. December 10, 2011. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/134152.pdf (accessed 12.08.2018)

68. Council of the European Union. Press Release of 3267th Council meeting. October 21, 2013. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/139093.pdf (accessed 14.08.2018)

69. Council of the European Union. Press Release of 3273rd Council meeting. November 18-19, 2013. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/foraff/139633.pdf (accessed 16.08.2018)

70. Council of the European Union. Special Council meeting. September 12, 2001. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_PRES-01-318_en.htm (accessed 13.07.2018)

71. European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. A new response to a changing Neighborhood. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, May 25, 2011. URL: https://ec.europa.eu/research/iscp/pdf/policy/com_2011_303.pdf (accessed 21.08.2018)

72. European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. A Partnership for Democracy and Shared Prosperity with the Southern Mediterranean. Joint Communication to the European Council, the European Parliament, the Council and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, March 8, 2011.

URL: https://ec.europa.eu/research/iscp/pdf/policy/com_2011_200_en.pdf (accessed 21.08.2018)

73. European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. Review of the European Neighbourhood Policy. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, November 18, 2015. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_joint-communication_review-of-the-enp_en.pdf (accessed 23.09.2018)

74. European Commission. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. The Global Approach to Migration and Mobility. Brussels, November 18, 2011. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52011DC0743&from=EN (accessed 10.08.2018)

75. European Commission. Directorate General for Trade. European Union, Trade in goods with Tunisia. April 16, 2018. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_122002.pdf (accessed 17.09.2018)

76. European Commission. Directorate General for Trade. European Union, Trade in goods with Egypt. April 16, 2018. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113375.pdf (accessed 17.09.2018)

77. European Commission. Directorate-General for Trade, European Union, Trade in goods with MEDA (Excluding Eu) - (Mediterranean Countries In The Euro-Mediterranean Partnership). April 16, 2014. (accessed 17.09.2018)

78. European Commission. ENP Package – Syria. Brussels, March 27, 2014. URL: file:///C:/Users/Touch/Downloads/MEMO-14-232_EN.pdf (accessed 20.08.2018)

79. European Commission. European Neighbourhood Policy and Enlargement Negotiations. Egypt. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/neighbourhood/countries/egypt_en (accessed 5.08.2018)

80. European Commission. European Neighbourhood Policy and Enlargement Negotiations. Libya. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/neighbourhood/countries/libya_en (accessed 5.08.2018)

81. European Commission. European Neighbourhood Policy and Enlargement Negotiations. Tunisia. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/node/142_pt (accessed 15.08.2018)

82. European Commission. Factsheet. Relations between the EU and Tunisia. September 4, 2017. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/2017-09-4_factsheet_tunisia_en.pdf (accessed 15.09.2018)

83. European Commission. Frontex Joint Operation 'Triton' – Concerted efforts to manage migration in the Central Mediterranean. October 7, 2014. http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-14-566_en.htm (accessed 3.09.2018)

84. European Commission. Press Release, 1992. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-92-30_en.htm (accessed 22.07.2018)

85. European Commission. Press Release. EU and Tunisia establish their Mobility Partnership. Brussels, March 3, 2014. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-14-208_en.htm (accessed 19.08.2018)

86. European Commission. Press Release. EU reinforces its support to democratic and economic transition in the Southern Neighbourhood. November 21, 2013. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-1030_en.htm (accessed 27.08.2018)

87. European Commission. Press Release. EU response to the 11 September: European Commission action. June 3, 2002. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-02-122_en.htm (accessed 12.07.2018)

88. European Commission. Press Release. EU response to the Arab Spring: the SPRING Programme. Brussels, September 27, 2011. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-11-636_en.htm?locale=en (accessed 18.08.2018)

89. European Commission. Press Release. The EU's response to the 'Arab Spring'. Brussels, December 16, 2011. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-11-918_en.pdf (accessed 11.08.2018)

90. European Commission. Relations between the EU and Tunisia. November 29, 2016. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20161129-tunisia-factsheet.pdf (accessed 22.09.2018)

91. European Commission. TAIEX and Twinning. Activity Report 2015. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/taiex/20160601-taieex-activity-report-2015.pdf (accessed 22.09.2018)

92. European Commission. TAIEX and Twinning. Highlights 2016. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/taiex_2016_aar_en.pdf (accessed 22.09.2018)

93. European Commission. The EU, the Mediterranean and the Middle East – A longstanding partnership. December 2004. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-04-294_en.htm (accessed 4.07.2018)

94. European Commission. Twinning, TAIEX and SIGMA within the European Neighbourhood and Partnership countries. Activity Report 2013.URL: https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/activity-report-twinning-taiex-and-sigma_2013-20140911_en.pdf (accessed 22.09.2018)

95. European Communities Commission. Memorandum of the Commission to the Council on the future relations between the Community, the present AASM States and the countries in Africa, the Caribbean, the Indian and Pacific Oceans referred to in protocol No 22 to the act of accession. April 4, 1973. URL: http://aei.pitt.edu/4279/1/4279.pdf (accessed 2.07.2018)

96. European Council. Conclusion and plan of action of the extraordinary meeting. September 21, 2001. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/20972/140en.pdf (accessed 13.07.2018)

97. European Council. Venice Declaration. June 13, 1980. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/mepp/docs/venice_declaration_1980_en.pdf (accessed 2.07.2018)

98. European Council. Vienna European Council Meeting. Presidency Conclusions. December 12-13, 1998. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/00300-R1.EN8.htm (accessed 1.07.2018)

99. European Court of Auditors. EU Assistance to Tunisia. 2017.

100. European External Action Service. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf

101. European Neighborhood Policy. Tunisia Financial Assistance. October 2015. URL: http://ec.europa.eu/ enlargement/neighbourhood/pdf/key-documents/tunisia/20150630-tunisia-financial-assistance-fiche.pdf (accessed 22.09.2018)

102. European Parliament. Directorate General for External Policies. Policy Department. The Euromed Region after the Arab Spring and the New Generation of DCFTAs. January 2014. – 84 p.

103. European Parliament. Directorate-General for External Policies. Policy Department. Despite obstacles, Libya's transition advances. January 2013.

104. European Parliament. European Parliament resolution of 10 May 2012 on Trade for Change: The EU Trade and Investment Strategy for the Southern Mediterranean following the Arab Spring revolutions. May 10, 2012. URL: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P7-TA-2012-0201+0+DOC+XML+V0//EN (accessed 20.07.2018)

105. European Union External Action. EU-Libya Relations. January 22, 2018. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-Homepage_en/19163/EU-Libya%20relations (accessed 24.09.2018)

106. European Union External Action. EUBAM Libya. June 20, 2016. URL: https://eeas.europa.eu/csdp-missions-operations/eubam-libya/3859/about-eu-border-assistance-mission-libya-eubam_en (accessed 24.09.2018)

107. European Union External Action. European Union Naval Force – Mediterranean Operation Sophia. February 9, 2017. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/february_2017__factsheet_on_eunavfor_med_mission_en_0.pdf (accessed 24.09.2018)

108. European Union External Action. European Union Naval Force – Mediterranean Operation Sophia. September 30, 2016. URL: http://www.eeas.europa.eu/archives/docs/csdp/missions-and-operations/eunavfor-med/pdf/factsheet_eunavfor_med_en.pdf (accessed 24.09.2018)

109. European Union. Barcelona Declaration, 1995. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/euromed/docs/bd_en.pdf (accessed 15.07.2018)

110. European Union. Joint Statement by the spokespersons of High Representative Catherine Ashton and Commissioner for Enlargement and European Neighbourhood Policy Stefan Fule on the Libyan elections. July 9, 2012.

111. European Union. Relations between the EU and Tunisia. September 15, 2016. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/10_tunisia_4pg.pdf (accessed 22.09.2018)

112. European Union. Statement by EU High Representative Catherine Ashton on developments in Egypt. July 3, 2013. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/137704.pdf (accessed 19.08.2018)

113. European Union. Statement by High Representative Catherine Ashton on the elections in Tunisia. October 24, 2011. URL: https://eeas.europa.eu/archives/eueom/pdf/missions/125531.pdf (accessed 13.08.2018)

114. European Union. Treaty of Lisbon. December 3, 2007. URL: http://www.eurocollege.ru/fileserver/infcenter/Treaty-Lisbon_2007-en.pdf (accessed 5.07.2018)

115. Official Journal of the European Union. Council Decision 2011/210/CFSP of 1 April 2011 on a European Union military operation in support of humanitarian assistance operations in response to the crisis situation in Libya (EUFOR Libya). April 5, 2011. URL: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2011:089:0017:0020:en:PDF (accessed 11.08.2018)

116. SIGMA. Egypt. URL: http://www.sigmaweb.org/countries/egypt-sigma.htm (accessed 24.08.2018)

117. SIGMA. Tunisia. URL: http://www.sigmaweb.org/countries/tunisia-sigma.htm (accessed 24.08.2018)

118. The European Union Counter-Terrorism Strategy. Brussels: Council of the European Union. November 30, 2005. URL: https://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2014469%202005%20REV%204 (accessed 9.07.2018)

Документы, доклады и отчеты международных организаций:

119. IMF. Staff Discussion Note. The Economic Impact of Conflicts and the Refugee Crisis in the Middle East and North Africa. September 2016.

120. The World Bank. Arab Republic of Egypt. 2016. URL: http://pubdocs.worldbank.org/en/574381475460658572/Egypt-MEM-Fall-2016-ENG.pdf (accessed 11.09.2018)

121. The World Bank. Tunisia Overview. 2016. URL: http://www.worldbank.org/en/country/tunisia/overview (accessed 10.09.2018)

122. Transparency International. Corruptions Perception Index 2010. URL: file:///C:/Users/Touch/Downloads/2010_CPI_EN.pdf (accessed 2.08.2018)

123. UN Security Council Resolution 1441. November 8, 2002. URL: http://www.un.org/Depts/unmovic/documents/1441.pdf (accessed 24.07.2018)

124. UN Security Council Resolution 1973. March 17, 2011. URL: http://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2011_03/20110927_110311-UNSCR-1973.pdf (accessed 12.08.2018)

125. UN Security Council Resolution 2118. September 27, 2013. URL: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_res_2118.pdf (accessed 19.08.2018)

126. UN Security Council Resolution 2216. April 14, 2015. URL: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_res_2216.pdf (accessed 19.08.2018)

127. UN Security Council. Resolution 2259. December 23, 2015. URL: http://www.un.org/press/en/2015/sc12185.doc.htm (accessed 19.08.2018)

128. UN Security Council. Resolution 2278. March 31, 2016. URL: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_res_2278.pdf (accessed 19.08.2018)

129. UNDP. Arab Human Development Report 2009. URL: http://www.ae.undp.org/content/united_arab_emirates/en/home/library/human_development/arab_human_developmentreport2009.html (accessed 11.08.2018)

130. UNDP. Human Development Report. 2010. URL: http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2010 (accessed 11.08.2018)

131. UNDP. Stabilization Facility for Libya Endorses Benghazi, Obari and Kikla for a Quick Assessment. May 27, 2016. URL: http://www.ly.undp.org/content/libya/en/home/presscenter/articles/2016/05/27/stabilization-facility-for-libya-endorses-benghazi-obari-and-kikla-for-a-quick-assessment.html (accessed 24.09.2018)

132. UNDP. Stabilization Facility for Libya. What is the project about? 2017. URL: http://www.ly.undp.org/content/libya/en/home/operations/projects/sustainable-development/stabilization-facility-for-libya.html (accessed 24.09.2018)

133. UNHCR. Regional Summaries. Middle East and North Africa. Global Report 2016. URL: http://www.unhcr.org/publications/fundraising/593e4c3e7/unhcr-global-report-2016-middle-east-north-africa-mena-regional-summary.html (accessed 21.09.2018)

134. UNHCR. UNHCR calls for urgent European action to end refugee and migrant deaths at sea. July 24, 2014. URL: http://www.unhcr.org/news/latest/2014/7/53d0e2d26/unhcr-calls-urgent-european-action-end-refugee-migrant-deaths-sea.html (accessed 18.09.2018)

135. UNICEF. Impact of the economic crisis and food and fuel price volatility on children and women in the MENA region / Ed.: Jones N., Harper C., Pantuliano S. Working Paper 310. November, 2009.

136. World Bank Group. Global Economic Prospects Weak Investment in Uncertain Times. January 2017.

137. World Bank Group. MENA Economic Monitor. Inequality, Uprisings, and Conflict in the Arab World. October 2015.

Документы парламента Великобритании:

138. House of Commons. Foreign Affairs Committee. Libya: Examination of intervention and collapse and the UK's future policy options. September 6, 2016.

139. House of Lords. European Union Committee. Operation Sophia: a failed mission. June-July 2017.

Документы Российской Федерации:

140. Министерство иностранных дел РФ. Российско-американская рамочная договоренность по уничтожению сирийского химического оружия. Женева, 14 сентября 2013. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/29EF49726E408D4D44257BE80060EC9 (дата обращения: 10.08.2018)

141. Министерство иностранных дел РФ. О российско-китайских отношениях стратегического партнерства. URL: http://www.mid.ru/strategiceskoe-partnerstvo-s-kitaem (дата обращения: 10.08.2018)

142. Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. 23 апреля 1997 г. URL: http://docs.cntd.ru/document/1902155 (дата обращения: 10.08.2018)

Выступления, заявления, интервью и статьи официальных лиц западных государств и политических деятелей:

- **США:**

143. Clinton H. American Pacific Century // Foreign Policy. November 11, 2011. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americas_pacific_century (accessed 9.08.2018)

144. Friedman T.L. Iran and the Obama Doctrine // The New York Times. April 5, 2015. URL: https://www.nytimes.com/2015/04/06/opinion/thomas-friedman-the-obama-doctrine-and-iran-interview.html (accessed 12.09.2018)

145. Goldberg G. The Obama Doctrine // The Atlantic. April 2016. URL: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/ (accessed 17.09.2018)

146. Lake A. Confronting Backlash States // Foreign Affairs. March/April 1994. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/1994-03-01/confronting-backlash-states (accessed 8.07.2018)

147. Lander M. Rice Offers a More Modest Strategy for the Mideast // The New York Times. October 26, 2013. URL: http://www.nytimes.com/2013/10/27/world/middleeast/rice-offers-a-more-modest-strategy-for-mideast.html (accessed 19.08.2018)

148. Lieberman J.I. Prepared Remarks of Senator Joseph Lieberman // Carnegie Endowment for International Peace. July 22, 2011. [Electronic resource]. URL: http://carnegieendowment.org/files/Lieberman_Prepared_Remarks.pdf (accessed 20.08.2018)

149. McCain J., Graham L., Kirk M., Rubio M. The Promise of a Pro-American Libya // Wall Street Journal. October 7, 2011. URL: https://www.wsj.com/articles/SB10001424052970203388804576613293623346516 (accessed 22.08.2018)

150. New York. U.S.-Asia Relations: Indispensable to Our Future. February 13, 2009. URL: https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/117333.htm (accessed 9.07.2018)

151. Obama B. The Change We Need // The Wall Street Journal. November 3, 2008. URL: https://www.wsj.com/articles/SB122567490887592021 (accessed 10.07.2018)

152. The White House. Joint Statement by the United States of America and the Tunisian Republic. April 4, 2014. [Electronic resource]. URL:

https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/04/04/joint-statement-united-states-america-and-tunisian-republic (accessed 19.08.2018)

153. The White House. President Barak H. Obama Addresses the Nation on Syria. September 10, 2013. [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2013/09/10/president-obama-addresses-nation-syria (accessed 12.08.2018)

154. The White House. President Barak H. Obama at the Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC). November 12, 2011. [Electronic resource]. URL: http://www.whitehouse.gov/blog/2011/11/13/president-obama-asia-pacific-economic-cooperation-apec (accessed 12.08.2018)

155. The White House. President George W. Bush Address to a Joint Session of Congress on the 9/11 Attacks. September 20, 2001. [Electronic resource]. URL: https://americanrhetoric.com/speeches/PDFFiles/George%20W.%20Bush%20-%20Joint%20Session%20Address%20on%20Terrorist%20Attacks.pdf (accessed 8.07.2018)

156. The White House. President George W. Bush Address to the Nation on the Terrorist Attacks. September 11, 2001. [Electronic resource]. URL: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=58057 (accessed 8.07.2018)

157. The White House. President George W. Bush Second Inaugural Address. January 20, 2005. [Electronic resource]. URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PPP-2005-book1/pdf/PPP-2005-book1-doc-pg66.pdf (accessed 9.07.2018)

158. The White House. President George W. Bush State of the Union Address to Congress about the axis of evil. 29 January 2002. [Electronic resource]. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html (accessed 9.07.2018)

159. The White House. Readout of President Barak H. Obama Call with President-Elect Morsi of Egypt. June 24, 2012. [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2012/06/24/readout-president-s-call-president-elect-morsi-egypt (accessed 13.08.2018)

160. The White House. Remarks by National Security Advisor Tom Donilon to the President: «The United States and the Asia-Pacific in 2013». The Asia Society. March 11, 2013. [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/03/11/remarks-tom-donilon-national-security-advisor-president-united-states-an (accessed 13.08.2018)

161. The White House. Remarks by President Barack H. Obama at Suntory Hall. November 14, 2009. [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-suntory-hall (accessed 29.07.2018)

162. The White House. Remarks by President Barak H. Obama and Prime Minister Stephen Harper of Canada in Joint Press Availability. February 4, 2011. [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/02/04/remarks-president-obama-and-prime-minister-stephen-harper-canada-joint-p (accessed 19.08.2018)

163. The White House. Remarks by President Barak H. Obama in Address to the United Nations General Assembly. September 24, 2013. [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/09/24/remarks-president-obama-address-united-nations-general-assembly (accessed 22.08.2018)

164. The White House. Remarks by President Barak H. Obama in Address to the Nation on Libya. March 28, 2011. [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/03/28/remarks-president-address-nation-libya (accessed 18.08.2018)

165. The White House. Remarks by President Barak H. Obama on Libya. February 23, 2011. [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/02/23/remarks-president-libya (accessed 17.08.2018)

166. The White House. Remarks by President Barak H. Obama on the Death of Muammar Qaddafi. Rose Garden. October 20, 2011. [Electronic resource]. URL: http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/10/20/remarks-president-death-muammar-qaddafi (accessed 17.08.2018)

167. The White House. Remarks by President Barak H. Obama on the Middle East and North Africa. State Department, Washington, D.C. May 19, 2011. [Electronic resource]. URL: http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/05/19/remarks-president-middle-east-and-north-africa (accessed 15.08.2018)

168. The White House. Remarks by President Barak H. Obama on the Situation in Egypt. January 28, 2011. [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/01/28/remarks-president-situation-egypt (accessed 13.08.2018)

169. The White House. Remarks by President Barak H. Obama on the Situation in Libya March 18, 2011. [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/03/18/remarks-president-situation-libya (accessed 13.08.2018)

170. The White House. Remarks by President Barak H. Obama to the White House Press Corps. August 20, 2012. [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2012/08/20/remarks-president-white-house-press-corps (accessed 14.08.2018)

171. The White House. Remarks by President George W. Bush on the 20th Anniversary of the National Endowment for Democracy. November 6, 2003. [Electronic resource]. URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PPP-2003-book2/pdf/PPP-2003-book2-doc-pg1468-2.pdf (accessed 4.07.2018)

172. The White House. Remarks by the President Barak H. Obama on a New Beginning. Cairo University. June 4, 2009. [Electronic resource]. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-by-the-President-at-Cairo-University-6-04-09/ (accessed 9.08.2018)

173. The White House. Statement by President Barak H. Obama on Egypt. July 3, 2013. [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/07/03/statement-president-barack-obama-egypt (accessed 18.08.2018)

174. The White House. Statement by President Barak H. Obama on ISIL. September 10, 2014. [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/09/10/statement-president-isil-1 (accessed 5.09.2018)

175. The White House. Statement by President Barak H. Obama on Parliamentary Elections in Tunisia. October 26, 2014. [Electronic resource]. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/10/26/statement-president-parliamentary-elections-tunisia$ (accessed 9.09.2018)

176. The White House. Statement by President Barak H. Obama on Syria. August 31, 2013. [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/08/31/statement-president-syria (accessed 21.08.2018)

177. The White House. Statement by the Press Secretary on John Brennan's Meeting with President Salih of Yemen. July 10, 2011. [Electronic resource]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/07/10/statement-press-secretary-john-brennans-meeting-president-salih-yemen (accessed 6.08.2018)

178. The White House. Statement by the Press Secretary on the Visit of President Caid Essebsi of Tunisia. April 20, 2015. [Electronic resource]. URL:

https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/01/05/readout-president-s-call-president-caid-essebsi-tunisia (accessed 18.09.2018)

179. U.S. Department of Defense. White House Assesses Assad Used Sarin, Will Boost Opposition Aid. American Forces Press Service. June 13, 2013. [Electronic resource]. URL: http://archive.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=120288 (accessed 14.08.2018)

180. U.S. Department of State. Press Statement of Department Spokesperson Jen Psaki on U.S. Assistance to Egypt. October 9, 2013. [Electronic resource]. URL: https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/10/215258.htm (accessed 23.08.2018)

181. U.S. Department of State. Remarks by Assistant Secretary, Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor Tom Malinowski on The New Tunisian Model of Governance. September 2, 2015. [Electronic resource]. URL: https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/rm/2015/246584.htm (accessed 19.09.2018)

182. U.S. Department of State. Remarks by Secretary of State Hillary R. Clinton at the Asia Society: U.S.-Asia Relations: Indispensable to Our Future. February 13, 2009. [Electronic resource]. URL: https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/117333.htm (accessed 14.07.2018)

183. U.S. Department of State. Remarks by Secretary of State Hillary R. Clinton on Regional Architecture in Asia: Principles and Priorities. January 12, 2010. [Electronic resource]. URL: https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/01/135090.htm (accessed 24.07.2018)

184. U.S. Department of State. Remarks by Secretary of State Hillary R. Clinton on Democratic Transitions in the Maghreb. October 12, 2012. [Electronic resource]. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/10/199102.htm (accessed 12.08.2018)

185. U.S. Department of State. Secretary of State Hillary R. Clinton on America's Engagement in the Asia-Pacific. October 28, 2010. [Electronic resource]. URL: https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/10/150141.htm (accessed 24.07.2018)

186. U.S. Department of State. Secretary of State Kerry Holds News Conference in Tunis, Tunisia. February 18, 2014. [Electronic resource]. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/02/221754.htm (accessed 18.09.2018)

187. U.S. Embassy in Tunisia. Remarks by President Barak H. Obama and the President Caid Essebsi of Tunisia after Bilateral Meeting. May 21, 2015. [Electronic resource]. URL:

http://tunisia.usembassy.gov/resources/president-beji-caid-essebsi-official-visit-tothe-united-states/remarks-by-presidents.html (accessed 18.09.2018)

188. U.S. Embassy in Tunisia. Remarks by President Obama and the President Caid Essebsi of Tunisia after Bilateral Meeting. May 21, 2015. [Electronic resource]. URL: http://tunisia.usembassy.gov/resources/president-beji-caid-essebsi-official-visit-tothe-united-states/remarks-by-presidents.html (accessed 18.09.2018)

- **Европа:**

189. EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy (CFSP). Edited transcript of the statement made by Javier Solana to the press prior to the General Affairs and External Relations Council. March 18, 2003. [Electronic resource]. URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/declarations/74999.pdf (accessed 3.07.2018)

190. EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy (CFSP). Statement by Javier Solana on the UN Security Council Resolution on Iraq. November 8, 2002. [Electronic resource]. URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/declarations/73163.pdf (accessed 3.07.2018)

191. EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy. Remarks by Javier Solana prior to the European Council. March 20, 2003. [Electronic resource]. URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/declarations/75127.pdf (accessed 3.07.2018)

192. European Commission. European Commissioner for Enlargement and Neighbourhood Policy Stefan Füle Speech on the Recent Events in North Africa. February 28, 2011. [Electronic resource]. URL: http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/11/130 (accessed 15.08.2018)

193. European Commission. Statement by Commissioner Stefan Füle following the EU-Tunisia Association Council. November 19, 2012. [Electronic resource]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-12-878_en.htm?locale=en (accessed 15.08.2018)

194. European Commission. Statement by European Commission President Romano Prodi on the military action against terrorism. October 7, 2001. [Electronic resource]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-01-1375_en.htm (accessed 3.07.2018)

195. European Communities Commission. Speech by Vice-president of the Commission of the European Communities Sir Christopher Soames at a dinner to be given by Time Magazine at the Cerele Royal Gaulois. April 5, 1973. [Electronic resource]. URL: http://aei.pitt.edu/13931/1/S231.pdf (accessed 3.07.2018)

196. European External Action Service. Speech by the High Representative/Vice-President Federica Mogherini at the Willy Brandt Lecture 2016. Brussels, December 7, 2016. [Electronic resource]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/16719/Speech%20by%20the%20High%20Representative/Vice-President%20Federica%20Mogherini%20at%20the%20Willy%20Brandt%20Lecture%202016 (accessed 21.08.2018)

197. European External Action Service. Statement by High Representative/Vice-President Federica Mogherini on the presidential elections in Tunisia. December 22, 2014. [Electronic resource]. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/angola/2242/statement-by-high-representativevice-president-federica-mogherini-on-the-presidential-elections-in-tunisia_en (accessed 21.08.2018)

198. European Parliament: hearing. Federica Mogherini. High Representative of the Union for Foreign Policy and Security Policy – Vice-President. October 6, 2014. [Electronic resource]. URL: http://www.europarl.europa.eu/hearings-2014/en/schedule/06-10-2014/federica-mogherini (accessed 21.08.2018)

199. European External Action Service. Statement by High Representative/Vice-President Federica Mogherini on official visit to Egypt. November 5, 2015. [Electronic resource]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/2524/Federica%20Mogherini%20on%20official%20visit%20to%20Egypt (accessed 21.08.2018)

200. European Union External Action. Statement by High Representative/Vice-President Federica Mogherini on the presidential elections in Tunisia. December 22, 2014. [Electronic resource]. URL: http://eeas.europa.eu/statements-eeas/2014/141222_01_en.htm?cookies=disabled (accessed 22.07.2018)

201. European Union. Declaration by the High Representative Catherine Ashton on behalf of the European Union on Libya. February 23, 2011. [Electronic resource]. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/cfsp/119453.pdf (accessed 17.08.2018)

202. European Union. EU High Representative for Foreign Affairs and Security Policy and Vice President of the European Commission Catherine Ashton. Address at the United Nations Security Council. February 8, 2011. [Electronic resource]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-11-77_en.htm (accessed 17.08.2018)

203. European Union. Joint Statement by EU High Representative Catherine Ashton and Commissioner Stefan Füle on the event in Tunisia. Brussels, 14 January 2011.

204. European Union. Remarks by the High Representative Catherine Ashton at the end of her visit to Tunisia. February 14, 2011. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-11-101_en.htm (accessed 17.08.2018)

205. European Union. Statement by EU High Representative Catherine Ashton on the events in Egypt. January 27, 2011. [Electronic resource]. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/118963.pdf (accessed 18.08.2018)

206. European Union. Statement by EU High Representative Catherine Ashton on the US statement on Syrian Chemical Weapons Use. June 14, 2013. [Electronic resource]. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/137474.pdf (accessed 18.08.2018)

207. European Union. Statement by EU High Representative Catherine Ashton and European Commissioner for Enlargement Stefan Füle on the situation in Tunisia. Brussels, January 10, 2011. [Electronic resource]. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/118752.pdf (accessed 17.08.2018)

208. European Union. Statement by EU High Representative Catherine Ashton on the events in Egypt. Brussels, January 27, 2011. [Electronic resource]. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/118963.pdf (accessed 17.08.2018)

209. European Union. Statement by High Representative Catherine Ashton on the Day of Liberation of Libya. October 23, 2011. [Electronic resource]. URL: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/125501.pdf (accessed 17.08.2018)

210. European Union. Statement by High Representative Catherine Ashton on the fall of Sirte and reports of the death of Colonel Gaddafi. October 20, 2011. [Electronic resource]. URL: https://www.avrupa.info.tr/en/eeas-news/statement-high-representative-catherine-ashton-fall-sirte-and-reports-death-colonel (accessed 17.08.2018)

211. Interview. Three Questions to the EU Ambassador in Tunisia, Laura Baeza // EU Neighbourhood Info Center. March 25, 2014. [Electronic resource]. URL: http://enpi-info.eu/medportal/features/732/Three-questions-to-the-EU-ambassador-in-Tunisia,-Laura-Baeza (accessed 22.08.2018)

212. The European Union Response to the Arab Spring. Features Speaker Catherine Ashton // The Brookings Institution. Washington, D.C. July 12, 2011.

Мемуары американских политических деятелей:

213. Обама Б. Дерзость надежды. Мысли о возрождении американской мечты. – М.: Азбука-классика, 2008. – 416 с.

214. Олбрайт М. Религия и мировая политика. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 352 с.

215. Bush G. W. Decision Points. – N.Y.: Crown Publishers, 2010. – 497 p.

216. Clinton H. R. Hard Choices. – N.Y.: Simon & Schuster, 2014. – 656 p.

Материалы WikiLeaks:

217. Council of the European Union: European External Action Service. EU Politico-Military Group advice on the military intervention against "refugee boats" in Libya and the Southern Central Mediterranean // WikiLeaks. – May 25, 2015. [Electronic resource]. URL: https://wikileaks.org/eu-military-refugees/PMG (accessed 23.08.2018)

218. European External Action Service. Political and Security Committee. EUNAVFOR MED - Operation SOPHIA. Six Monthly Report: June, 22nd to December, 31st 2015 // WikiLeaks. – February 17, 2016. [Electronic resource]. URL: https://wikileaks.org/eu-military-refugees/EEAS (accessed 23.08.2018)

219. European Union Military Committee. EU Defense Chiefs' Approved Plan for Military Intervention against "Refugee Boats" in Libya and the Mediterranean. Classified EU Plan // WikiLeaks. – May 25, 2015. [Electronic resource]. URL: https://wikileaks.org/eu-military-refugees/EUMC (accessed 23.08.2018)

220. Hillary Clinton Email Archive. Dramatic New Libya & Bahrain Developments. Confidential // WikiLeaks. – March 16, 2011. [Electronic resource]. URL: https://wikileaks.org/clinton-emails/emailid/12698 (accessed 17.07.2018)

221. Hillary Clinton Email Archive. Internal Egyptian Politics on Morsi Seizure of Powers. Confidential // WikiLeaks. – November 26, 2012. [Electronic resource]. URL: https://wikileaks.org/clinton-emails/emailid/12108 (accessed 17.07.2018)

222. Hillary Clinton Email Archive. Latest Intel on Egypt and New Options. Unclassified // WikiLeaks. – February 2, 2011. [Electronic resource]. URL: https://wikileaks.org/clinton-emails/emailid/6764 (accessed 17.07.2018)

223. Public Library of U.S. Algeria: Obama is "America We Dreamed About". Confidential // WikiLeaks. – January 21, 2009. [Electronic resource]. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09ALGIERS70_a.html (accessed 17.07.2018)

224. Public Library of U.S. Diplomacy. Israel Media Reaction. Unclassified // WikiLeaks. – June 4, 2009. [Electronic resource]. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09TELAVIV1209_a.html (accessed 17.07.2018)

225. Public Library of U.S. Diplomacy. Jerusalem Media Reaction (06/04): "The Strategic and Essential Role of Cairo". Unclassified // WikiLeaks. – June 4, 2009. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09JERUSALEM886_a.html (accessed 17.07.2018)

226. Public Library of U.S. Diplomacy. Jordan: Government Officials React to President’s Speech. Confidential // WikiLeaks. – June 4, 2009. [Electronic resource]. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09AMMAN1263_a.html (accessed 17.07.2018)

227. Public Library of U.S. Diplomacy. Jordan: Mostly Positive Reaction to President Obama’s Speech Among Academia, Students, and Civil Society. Unclassified // WikiLeaks. – June 4, 2009. [Electronic resource]. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09AMMAN1261_a.html (accessed 17.07.2018)

228. Public Library of U.S. Diplomacy. Lebanon: Praise for President’s “Historic Language” to Muslim World. Confidential // WikiLeaks. – June 4, 2009. [Electronic resource]. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09BEIRUT617_a.html (accessed 17.07.2018)

229. Public Library of U.S. Diplomacy. Tunisians Say “Bravo” to President’s Cairo Speech, But Some Wish He Had Gone Further. Confidential // WikiLeaks. – June 4, 2009. [Electronic resource]. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09TUNIS343_a.html (accessed 17.07.2018)
230. Public Library of U.S. Diplomacy. Tunisians Welcome Inauguration of President Obama. Confidential // WikiLeaks. – January 21, 2009. [Electronic resource]. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09TUNIS51_a.html (accessed 17.07.2018)
231. Public Library of U.S. Diplomacy. Yemenis Applaud Obama, Hope for 'New Page' in US-Arab Relations. Unclassified // WikiLeaks. – January 22, 2009. [Electronic resource]. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09SANAA119_a.html (accessed 17.07.2018)

Статистические данные:

232. ICasualties.org. Data. URL: http://icasualties.org
233. OECD. Stat. URL: https://stats.oecd.org/
234. Security Assistance Monitor. Data. URL: http://securityassistance.org/
235. U.S. International Trade Commission. Data. URL: http://dataweb.usitc.gov/

Периодические издания и новостные ресурсы:

236. Коммерсант. 2010-2019.
237. РБК daily. 2010-2019.
238. Россия сегодня. 2010-2019.
239. ТАСС. 2010-2019.
240. Al Arabiya. 2010-2019.
241. Al-Jazeera. 2010-2019.
242. Al-Monitor. 2010-2019.
243. Der Spiegel. 2000-2019.
244. Die Zeit. 2000-2019.
245. Financial Times. 2010-2019.
246. Süddeutsche Zeitung. 2010-2019.
247. The Atlantic. 2000-2019.
248. The New York Times. 2000-2019.
249. The New Yorker. 2010-2019.
250. The Washington Post. 1990-2019.

ЛИТЕРАТУРА

Монографии и статьи российских исследователей:

251. Аксененок А.Г., Звязельская И.Д. Слушать музыку революции? // Россия в глобальной политике. 03.09.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Slushat-muzyku-revolyutcii-16931 (дата обращения: 11.08.2018)

252. Алексеева Т.А. Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 5. – С.130-147.

253. Арабская весна 2011 г. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков / Отв. ред. А.В. Коротаев, Ю.В. Зинькина, А.С. Ходунов. – М.: Либроком/URSS, 2012. – 464 с.

254. Арбатова Н.К. Кризис как катализатор европейской интеграции // Глобальная перестройка / отв. ред.: Дынкин А.А., Иванова Н.И. – М.: Весь мир, 2014. – С. 341-362.

255. Арбатова Н.К. Новая стратегия безопасности ЕС: (Российский взгляд на «документ Соланы») // Современная Европа. – 2003. – № 4. – С. 60-68.

256. Ахмедов В.М. Сирия // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред-ры: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: ИВ РАН, 2012. – С. 305-320.

257. Бабынина Л.О., Кузнецов В.А. ЕС и страны Магриба // Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / Под общ. ред. Ал.А. Громыко, М.Г. Носова. – М.: Весь мир, 2015. – С. 508-540.

258. Бартенев В.И. Диалог с «государствами-изгоями» как компонент стратегии «обновления американского лидерства»: риторика и практика администрации Б. Обамы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2010. – № 3. – С. 117-144.

259. Бартенев В.И. «Стратегия национальной безопасности США» 2015 года: от всеобъемлющего к селективному вовлечению и сдерживанию // Пути к миру и безопасности. – 2015. – № 1(48). – С. 48-66.

260. Бартенев В.И. Ливийская проблема в международных отношениях. 1969-2008. – М.: ЛЕНАНД, 2009. – 448 с.

261. Батюк В.И. Отношения США и НАТО в начале XXI века // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2003. – № 10. – С. 31-44.

262. Батюк В.И. США против ИГИЛ // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2016. – № 6. – С. 3-19.

263. Беблер А. Европейский Союз, НАТО и «арабская весна» // Современная Европа. – 2012. – №4. – С. 71-77.

264. Биссон Л.С. Внешнее измерение миграционной политики ЕС: инструменты и выгоды // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2018. – № 5. – С. 21-26.

265. Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред-ры: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: ИВ РАН, 2012. – 593 с.

266. Богатуров А.Д. Истоки американского поведения // Российский совет по международным делам. 27.12.2004. [Электронный ресурс]. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_4204 (дата обращения: 12.07.2018)

267. Богатуров А.Д. Между силой и влиянием государств // Сравнительная политика. – 2017. – № 1. – С. 44-57.

268. Васильев А.М. Рецепты арабской весны: русская версия / А. Васильев, Н. Петров. – М.: Алгоритм, 2012. – 304 с.

269. Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-е – 2000-е гг. – М.: Крафт+, 2007. – 464 с.

270. Глазунова Е.Н. Программа "Четвертого пункта Г. Трумэна и начало «холодной войны» на периферии биполярной системы // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2008. – № 2. – С. 39-55.

271. Глобальная перестройка / отв. ред.: Дынкин А.А., Иванова Н.И. – М.: Весь мир, 2014. – 528 с.

272. Государство Израиль в 1980-е гг.: Очерки. – М.: Наука, 1992. – 288 с.

273. Громыко Ал.А. Расколотый Запад: последствия для Евроатлантики // Современная Европа. – 2018. – № 4. – С. 5-16.

274. Гусаров Ю.А. Трансатлантические отношения в условиях трансформации НАТО: (обзор) // Актуальные проблемы Европы. – 2004. – № 4. – С. 59-69.

275. Давыдов Ю.П. Стратегические культуры США и Европы // США - Канада: экономика, политика, культура. – 2006. – №3. – С. 48-70.

276. Данилов Д.А. Европейский союз // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред-ры: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: ИВ РАН, 2012.

277. Данилов Д.А. Европейский союз в поиске ответов на вызовы Арабской весны // Индекс безопасности. – 2012. – № 3–4 (102–103), Том 18. – С. 107-140.

278. Данилов Д.А. Общая внешняя политика, политика безопасности и обороны // Европейский Союз в XXI веке / Под ред. О.Ю. Потемкиной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. – М.: Весь мир, 2012. – С. 254-280.

279. Докторов Б.З. Явление Барака Обамы. – М.: Европа, Институт Фонда «Общественное мнение», 2011. – 640 с.

280. Долгов Б., Махмуд О. Сирийский конфликт: позиции России и стран ССАГПЗ // Российский Совет по международным делам. 18.11.2015. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/siriyskiy-konflikt-pozitsii-rossii-i-stran-ssagpz/ (дата обращения: 15.08.2018)

281. Долгов Б.В. Феномен «Арабской весны» 2011-2016 гг.: Причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 200 с.

282. Егорин А.З. Каддфи. Хроника Убийства. М.: Изд-во Алгоритм, 2013. – 352 с.

283. ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиции европейских стран / Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 52 с.

284. Звягельская И.Д. Ближневосточный клич: Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. – 208 с.

285. Звягельская И.Д. История Государства Израиль. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 359 с.

286. Звягельская И.Д., Кузнецов В.А. Проблемы государственности на Ближнем Востоке // Свободная мысль. – 2015. – № 4. – С. 18-31.

287. Иванов А.В. Англо-французское военно-политическое сотрудничество в контексте общей европейской безопасности // Информационный центр по вопросам международной безопасности. 2011. URL: http://isc.mslu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=325&Itemid=36 (дата обращения: 12.08.2018)

288. Иванов О.П. Американская стратегическая культура // Обозреватель – Observer. – 2007. – №1. – С. 87-97.

289. Иванов О.П. Американская стратегическая культура и война в Ираке // Обозреватель-Observer. – 2007. – №5. – С. 109-118.

290. Истомин И.А. Серые кардиналы или беспомощные наблюдатели? США, Россия и ЕС на Ближнем Востоке // Валдай. – Май 2016. – 20 с.

291. Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. – М.: Аспект пресс, 2018. – 296 с.

292. Кавешников Н. Европейской союз после Лиссабонского договора // Европейский Союз в XXI веке / Под ред. О.Ю. Потемкиной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. – М.: Весь мир, 2012. – С. 11-34.

293. Кавешников Н.Ю. Институционально-политическое развитие ЕС: кризис и варианты трансформации // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – № 5. – С. 14-24.

294. Карева Д.О. Реакция Франции на революционные события в Тунисе и Египте в начале 2011 года: сравнительный анализ // Вестник МГУ. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2014. – №1. – С. 29-51.

295. Ковальский̆ Н. А. ЕС и Средиземноморье / Н. А. Ковальский̆ // Европейский̆ союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития; под ред. Ю. А. Борко и О. В. Буториной̆. М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 323-342.

296. Кокошин А.А. Стратегическое управление: Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. – М.: РОССПЭН, 2003. – 528 с.

297. Концепция «американской исключительности»: идеология, политика, культура // Проблемы американистики. / Отв. ред-ры: Ю. К. Мельвиль, Е. Ф. Языков. – М.: Изд-во Московского университета, 1993. – 299 с.

298. Коротаев А., Исаев Л. Анатомия египетской контрреволюции // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 8. – С. 91-100.

299. Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года. Структурно-демографический анализ // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 6,7.

300. Кременюк В.А. Внешняя политика президента Б. Обамы: в борьбе за второй президентский срок // Внешняя политика администрации Барака Обамы (2009–2012 гг.) / Отв. ред. В. А. Кременюк. – М.: ИСКРАН, 2012.

301. Кризис ЕС: последствия и перспективы // Современная Европа. – 2005. – № 4.

302. Кузнецов В.А. Тунис-2015. Знаки грядущей беды // Оценки и идеи. Институт востоковедения РАН. – Август 2015. – Том 1, № 6.

303. Кузнецов В.А., Оганисян Л.Д. Дилеммы демократизации: политика Евросоюза в Тунисе и Египте после Арабского пробуждения // Современная Европа. – 2018. – № 5.

304. Кузнецов В., Салем В. Безальтернативная хрупкость: судьба государства-нации в арабском мире // Россия в глобальной политике. 13.03.2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalaffairs.ru/valday/Bezalternativnaya-khrupkost-sudba-gosudarstva-natcii-v-arabskom-mire-18043 (дата обращения: 15.09.2018)

305. Кулькова О.С. Особенности политического дискурса по проблемам взаимозависимости безопасности и развития в Европейском Союзе // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2016. – №1. – С. 72-106.

306. Латкина В.А. Политика Европейского Союза в Средиземноморье в контексте «арабской весны» // Вестник МГИМО. – 2014. – № 2. – С. 139-149.

307. Лебедева М.М. Международные конфликты в современном мире: их исследование и урегулирование // Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации. Изд. 3-е перераб. и дополн. / Под ред. проф. П.А. Цыганкова. – М.: Альфа-М, Инфра-М, 2011. – С. 72-106.

308. Лукьянов Ф. Расставание с будущим // Россия в глобальной политике. 16.10.2015. [Электронный ресурс]. URL: http://globalaffairs.ru/redcol/Rasstavanie-s-buduschim-17757 (дата обращения: 9.07.2018)

309. Лукьянов Г.В. Ливия: если не США, то кто? // Российский совет по международным делам. 02.05.2017. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/liviya-esli-ne-ssha-to-kto/ (дата обращения: 29.10.2017).

310. Малышева Д.Б. Крупные региональные государства в зонах нестабильности Ближнего Востока // Мировая экономика и международные отношения. – № 9. – 2016. – С. 28-36.

311. Малышева Д.Б. Монархии Персидского залива и «арабская весна» // Международная жизнь. 31.08.2012. URL: http://interaffairs.ru/author.php?n=arpg&pg=714 (дата обращения: 11.08.2018)

312. Малышева Д.Б. Новый взгляд на американскую ближневосточную стратегию // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 6. – С. 124-127.

313. Мельникова С.И., Сорокин С.Н. «Сланцевая революция» в США: внутренние и глобальные изменения на энергетических рынках // Экономический журнал ВШЭ. – 2012. – №3. – С. 456-478.

314. Милаева О.В., Сиушкин А.Е. Сравнительный анализ стратегической культуры США и Евросоюза (на материалах стратегий безопасности 2002-2010 гг.) // Общественные науки. Политика и право. – 2012. – №3. – С. 19-28.

315. Мирский Г.И. Бен Ладен, "Аль-Каида" и судьба джихадизма // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 12. – С. 31-48.

316. Мирский Г.И. Большой Ближний и Средний Восток. «Круглый стол» в Институте Африки РАН // Азия и Африка сегодня. – 2007. – №12.

317. Михеев В. ЕС и сирийский кризис: никто не хотел воевать // Вся Европа и Люксембург. – 2013. – № 9 (79). URL: http://www.alleuropa.ru/es-i-siriyskiy-krizis-nikto-ne-chotel-voevatj (дата обращения: 8.08.2018)

318. Наумкин В.В. Вместо предисловия: круговорот Арабского пробуждения // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред-ры: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: ИВ РАН, 2012. – С. 3-20.

319. Наумкин В.В. Кризис на Ближнем Востоке: внешнее вмешательство и разгул экстремизма // Российский совет по международным делам. 20.07.2015. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/krizis-na-blizhnem-vostoke-vneshnee-vmeshatelstvo-i-razgul-e/ (дата обращения: 12.08.2018)

320. Наумкин В.В. Снизу вверх и обратно: «Арабская весна» и глобальная международная система // Россия в глобальной политике. 02.08.2011. [Электронный ресурс]. URL: http://globalaffairs.ru/number/Snizu-vverkh-i-obratno-15277 (дата обращения: 12.08.2018)

321. Наумкин В.В. Цивилизации и кризис наций-государств // Россия в глобальной политике. 19.02.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Tcivilizatcii-i-krizis-natcii-gosudarstv-16393 (дата обращения: 17.09.2018)

322. Наумкин В.В., Кузнецов В.А., Сухов Н.В., Звягельская И.Д. Ближний Восток: от конфликтов к стабильности // Валдай. – Февраль 2016.

323. Наумкин В.В., Кузнецов В.А., Сухов Н.В., Звягельская И.Д. Ближний Восток в эпоху испытаний: травмы прошлого и вызовы будущего // Валдай. – Август 2016.

324. Наумкин В.В., Мирский Г.И. События в Северной Африке и на Ближнем Востоке: причины и следствия. Круглый стол // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 6, 7.

325. Носов М.Г. ЕС и регион Большого Среднего Востока // Современная Европа. – 2010. – №4. – С. 17-33.

326. Оберемко Т.В. Различия в ценностных подходах США и Европы к вопросам формирования внешней политики // Проблемы трансатлантических отношений в начале XXI века / Отв. ред. Кременюк. В.А., Шаклеина Т.А. – М., 2007.

327. Оганисян Л.Д. Политика США и ЕС в Тунисе: поддержка демократизации // Восток Oriens. – 2016. – № 3. – С. 127-137.

328. Оганисян Л.Д. Становление новой ливийской государственности и политика Евроатлантического сообщества (2011-2017) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2017. – № 3. – С. 177-212.

329. Оганисян Л.Д. Стратегические культуры США и ЕС в средиземноморской политике // Современная Европа. – 2017. – № 2. – С. 47-54.

330. Оганисян Л.Д. Политика Евросоюза на Арабском Востоке в 2010-е годы: от идеализма к прагматизму // Вестник Даг. гос. университета. Серия 2: гуманитарные науки. – 2017. – № 2. – С. 26-32.

331. Оганисян Л.Д. Торгово-экономическая политика ЕС в Средиземноморье: успехи и неудачи // Азия и Африка сегодня. – 2016. – № 9. – С. 49-54.

332. Осипов А.И. США и арабские страны. 70-е начало 80-х годов. – М.: Наука, 1983. – 228 с.

333. Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. – М.: Междунар. отношения, 2012. – 672 с.

334. Потемкина О.Ю. Актуальные проблемы иммиграционной политики Европейского союза // Институт Европы РАН. – 3 июля 2015. – № 15. – С. 1-12.

335. Примаков Е.М. Анатомия ближневосточного конфликта. – М.: Мысль, 1978.– 373с.

336. Примаков Е.М. Арабская весна и теория столкновения цивилизаций // ЦентрАзия. 27.07.2011. URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1311766200 (дата обращения: 8.08.2018)

337. Приходько О.В. США и Европа: закат атлантизма или функциональный кризис? // Проблемы трансатлантических отношений в начале XXI века / Отв. ред. Кременюк. В.А., Шаклеина Т.А. – М., 2007.

338. Приходько О.В. Трансформация геополитического статуса ЕС // Проблемы трансатлантических отношений в начале XXI века / Отв. ред. Кременюк. В.А., Шаклеина Т.А. – М., 2007.

339. Проблемы трансатлантических отношений в начале XXI века / Отв. ред. Кременюк. В.А., Шаклеина Т.А. – М., 2007. – 179 с.

340. Продовольственный кризис в мире: текущая ситуация и долгосрочные тенденции // Институт комплексных стратегических исследований. – Февраль 2011. – № 2 (12).

341. Прохоренко И.Л. Внешнеполитическая стратегия Европейского Союза и проблема регулирования миграционного кризиса // Год планеты: ежегодник. Вып. 2016 г: экономика, политика, безопасность. – М.: Идея-Пресс, 2016. – С. 178-186.

342. Прохоренко И.Л. Проект Европейского союза Восточное партнерство: к проблеме конкуренции на постсоветском пространстве // Россия и новые государства Евразии (ежеквартальный журнал ISSN 2073-4786). – 2017. – № 4. – С. 48-69.

343. Рогов С.М. Доктрина Обамы. Властелин двух колец // Российский совет по международным делам. 06.05.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1783#top (дата обращения: 15.08.2018)

344. Рогов С.М. Перспективы политики администрации Обамы // США-Канада: Экономика, Политика, Культура. – 2009. – № 3. – С. 3-22.

345. Рыхтик М.И. Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Международные отношения. Политология. Регионоведение. – 2003. – № 1. – С. 203-219.

346. Садовская А. Эволюция политики Европейского Союза в отношении стран Южного Средиземноморья в 2000-е гг. // Журнал международного права и международных отношений – 2009. – № 1. – С. 45-50.

347. Самуйлов С.М. Неоконсерваторы и внешняя политика Вашингтона // США - Канада: экономика, политика, культура. – 2006. – № 5. – С. 31-50.

348. Сапронова М.А. Генезис арабских революций // Международные процессы. – 2011. – № 3. – С. 129-136.

349. Сапронова М.А. Становление новой государственности на Арабском Востоке // Международные процессы. – 2015. Том 13. № 3. – С. 26-39.

350. Седов Д. Мог ли Обама «предать» Израиль? // Фонд Стратегической культуры. Электронное издание. 24.05.2011. URL: http://www.fondsk.ru/news/2011/05/24/mog-li-obama-predat-izrail.html (дата обращения: 14.08.2018)

351. Сидоров А.А. Мировая экономика и международные отношения в эпоху «холодной войны»: проблемы взаимосвязи и взаимозависимости. – М., 2005. – 193 с.

352. Согрин В.В. Внешняя политика Дж. Буша-младшего. Генезис. Эволюция. Итоги // Новая и новейшая история. – 2014. – №2. – С. 92-104.

353. Стрежнева М.В., Руденкова Д.Э. Европейский союз: архитектура внешней политики. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 135 с.

354. Сучков М.А. Как американцам «починить» Ближний Восток // Международные процессы. – 2016. – Том 14. – № 4 (47). – С. 168-171.

355. Сушенцов А.А. Очерки политики США в региональных конфликтах 2000- х годов. – М.: Издательство МГИМО-Университета, 2013. – 249 с.

356. США и Европа: перспективы взаимоотношений на рубеже веков. – М.: Наука, 2000. – 192 с.

357. Татарчук Н.В. Средиземноморская политика ЕС // Европейский Союз в XXI веке / под ред. О.Ю. Потемкиной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. М.: Весь мир, 2012. – С. 370-379.

358. Татарчук Н.В. Эволюция идеи Н. Саркози о создании Средиземноморского союза: от Тулонской речи к «Римскому воззванию» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2010. – № 1. – С. 42-67.

359. Ткаченко А.А. ЕС и Северная Африка: контуры интеграционной модели. Барселонский процесс // Ближний Восток и Северная Африка. Процессы модернизации и международная безопасность. – М.: Институт Африки, 2016. – С. 330-359.

360. Топычканов П.В., Устинова Ю.В. Соединенные Штаты Америки // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред-ры:

В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: ИВ РАН, 2012. – С. 402-416.

361. Тренин Д. Россия на Ближнем Востоке: задачи, приоритеты, политические стимулы // Московский центр Карнеги. 21.04.2016. URL: http://carnegie.ru/2016/04/21/ru-pub-63388 (дата обращения: 9.08.2018)

362. Троицкий М.А. Трансатлантический союз. Модернизация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. 1991-2004. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2004. – 252 с.

363. Трофимова О.Е. Средиземноморская политика ЕС в свете интеграционных процессов // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – №2. – С. 70-80.

364. Трофимова О.Е. Эволюция средиземноморской политики Евросоюза: путь от сотрудничества к интеграции. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 122 с.

365. Уткин А.И. Европейский ориентир Вашингтона // США и Европа: перспективы взаимоотношений на рубеже веков. – М.: Наука, 2000.

366. Федорченко А.В. Арабский мир: возможен ли экономический ренессанс? // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – № 1. – С. 83-101.

367. Фененко А.В. Международная конкуренция на Ближнем Востоке: факты и тенденции // Международные процессы. – 2014. – Т. 12. № 3(38). – С. 34-54.

368. Фитуни Л.Л. Экономические причины и последствия «арабской весны» // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 90-97.

369. Шаклеина Т.А. Какая Америка нужна миру? // Международные процессы. – 2018. – Том 16. – № 1. С. 40-52.

370. Шаклеина Т.А. Эволюция глобальной стратегии США (2001–2011) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2011. – № 3. – С. 38-58.

371. Шумилин А.И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «Арабской весны». – М.: «Международные отношения», 2015. – 336 с.

372. Шумилин А.И. США – Египет: между прагматизмом и идеализмом // Российский совет по международным делам. 20.09.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ssha-egipet-mezhdu-pragmatizmom-i-idealizmom/ (дата обращения: 19.08.2018)

Монографии и статьи зарубежных авторов:

373. Альтфатер Э. Продовольственный кризис // Скепсис. 17.05.2008. URL: http://scepsis.net/library/id_2042.html (дата обращения: 20.07.2018)

374. Бископ С. Основы обновленной Европейской стратегии безопасности // Вестник международных организаций. – 2009. – № 2. – С. 105-120.

375. Вайс М., Хасан Х. Исламское государство: Армия террора. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016. – 346 с.

376. Вимон П. Миграция в Европе: преодоление кризиса солидарности – М.: «Московский центр Карнеги», 2017. – 30 с.

377. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? – М.: Издательство АСТ, 2016. – 352 с.

378. Олтман Р. Великий крах-2008 // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. 21 февраля 2009. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_12448 (дата обращения: 21.07.2018)

379. Ратнер И., Кэмпбелл К. Что сулит Дальний Восток // Россия в глобальной политике. 13 июня 2014. [Электронный ресурс]. URL: http://globalaffairs.ru/global-processes/Chto-sulit-Dalnii-Vostok-16732 (дата обращения: 21.07.2018)

380. Леффлер М. Теракты 11 сентября в ретроспективе. Большая стратегия Джорджа Буша. Переосмысление // Россия в глобальной политике. 22.10.2011. [Электронный ресурс]. URL: http://globalaffairs.ru/number/Terakty-11-sentyabrya-v-retrospektive-15358 (дата обращения: 21.07.2018)

381. Сондерс П. Ближний Восток: война за мир или площадка для самоутверждения региональных и внешних сил? // Валдай. 25.08.2016. [Электронный ресурс]. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/blizhniy-vostok-voyna-za-mir/ (дата обращения: 17.08.2018)

382. Стент А. Силовая игра Путина в Сирии // Россия в глобальной политике. 28.12.2015. URL: http://globalaffairs.ru/global-processes/Silovaya-igra-Putina-v-Sirii-17910 (дата обращения: 17.08.2018)

383. Хаас Р. Новый Ближний Восток // Россия в глобальной политике. 28.12.2006. [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_7755 (дата обращения: 5.07.2018)

384. Almog O. Britain, Israel and the United States, 1955–1958: Beyond Suez. – London: Portland, 2003. – 266 p.

385. Alterman J.B. Egypt: The President and the Military // Center for Strategic and International Studies. August 13, 2012. URL: https://www.csis.org/analysis/egypt-president-and-military (accessed 11.08.2018)

386. Apap J. Political developments in Libya and prospects of stability // European Parliament Members' Research Service. June 2017. – 11 p.

387. Asmus R.D. Rebuilding the Atlantic Alliance // Foreign Affairs. September/October 2003. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2003-09-01/rebuilding-atlantic-alliance (accessed 15.07.2018)

388. Asmus R., Kenneth P. The New Transatlantic Project // Policy Review. – October/November 2002. – P. 3-18.

389. Atlas P.M. U.S. Foreign Policy and the Arab Spring: Balancing Values and Interests // Digest of Middle East Studies. – 2012. – Vol. 21, № 2. – P. 353-385.

390. Balfour R. EU Conditionality after the Arab Spring // European Institute of the Mediterranean. – June 2012. – 35 p.

391. Balfour R., Fabbri F., Youngs R. Report on Democracy Assistance from the European Union to the Middle East and North Africa // European Policy Center. – 2016. – P. 1-25.

392. Bauer P. The European Mediterranean Policy after the Arab Spring: Beyond Values and Interests // Middle East Critique. – 2015. – Vol. 24, № 1. – P. 27-40.

393. Behr T. EU Foreign Policy and Political Islam: Towards a New Entente in the Post-Arab Spring Era // The International Spectator. – 2013. – № 1. – C. 20-33.

394. Behr T. The European Union's Mediterranean Policies after the Arab Spring: Can the Leopard Change its Spots? // VU University Amsterdam | Amsterdam Law Forum. – 2012. – Vol 4, № 2. – P. 76-88.

395. Biava A., Drent M., Herd G.P. Characterizing the European Union's Strategic Culture: An Analytical Framework // Journal of Common Market Studies. – 2011. – P. 1-22.

396. Bicchi F. The Politics of Foreign Aid and the European Neighbourhood Policy Post-Arab Spring: 'More for More' or Less of the Same? // Mediterranean Politics. – 2014. – Vol. 19, № 3. – P. 318-332.

397. Biehl H., Giegerich B., Jonas A. Strategic Cultures in Europe. – Potsdam: Springer, 2013. – 405 p.

398. Biscop S. Mediterranean Mayhem: Lessons for European Crisis Management // In An Arab Springboard for EU Foreign Policy / Ed. by S. Biscop, R. Balfour, and M. Emerson. Brussels: Academia Press, 2012. – P. 75-81.

399. Boccia R. How the United States' High Debt Will Weaken the Economy and Hurt Americans // Heritage. February 12, 2013. [Electronic resource]. URL: http://www.heritage.org/budget-and-spending/report/how-the-united-states-high-debt-will-weaken-the-economy-and-hurt (accessed 12.08.2018)

400. Börzel T.A., Dandashly A., Risse T. Responses to the 'Arabellions': The EU in Comparative Perspective — Introduction // Journal of European Integration. – 2015. – Vol. 37, № 1. – P. 1-17.

401. Brechenmacher S. Civil Society Under Assault. Chapter 3. Institutionalized Repression in Egypt // Carnegie Endowment for International Peace. May 18, 2017. [Electronic resource]. URL: http://carnegieendowment.org/2017/05/18/institutionalized-repression-in-egypt-pub-69959 (accessed 23.09.2018)

402. Bremberg N. Making sense of the EU's response to the Arab uprisings: foreign policy practice at times of crisis // European Security. – October 2016. – Vol. 25, № 4. – P. 423-441.

403. Brinkley D. Democratic Enlargement: The Clinton Doctrine // Foreign Policy. – Spring 1997. – P. 111-127.

404. Brooke S. U.S. Policy and the Muslim Brotherhood // The West and the Muslim Brotherhood after the Arab Spring / ed. Vidino L. UAE, 2013. – P. 6-31.

405. Brumberg D., Heydemann S. Global Authoritarians and the Arab Spring: New Challenges for U.S. Diplomacy. The Changing Security Architecture in the Middle East Series 1. – Washington D.C.: Wilson Center-USIP, 2013.

406. Burke E. Running into the sand? The EU's faltering response to the Arab revolutions // Centre for European Reform. – December 2013. – P. 1-17.

407. Calleo D. Power Wealth and Wisdom // The National Interest. – Summer 2003. – № 72. – P. 5-15.

408. Calleo D. The Broken West // Survival. - Autumn 2004. – Vol. 46, № 3. – P. 29-38.

409. Caplan G. Transatlantic Relations and the Middle East: Partnership or Rivalry? // The Transatlantic Institute of the American Jewish Committee. – April/May 2004. – 34 p.

410. Carothers T. Democracy Policy Under Obama: Revitalization or Retreat? – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2012. – 56 p.

411. Carothers T., Youngs R. The Long Road for Rising Democracies and Democracy Support // Carnegie Endowment for International Peace. – July 12, 2016.

412. Carrara S., Hertog L., Parkin J. EU Migration Policy in the wake of the Arab Spring. What prospects for the EU-Southern Mediterraneab Relations? // MedPro, Technical Report No. 15. – August 2012.

413. Cavatorta F, Durac V. An Introduction // The Foreign Policies of the United States and European Union in North Africa. Diverging or converging dynamics? / Ed. by Cavatorta F., Durac V. – N.Y.: Routledge, 2010. – 123 p.

414. Ceaser J.W. The Origins and Character of American Exceptionalism // American Political Thought: A Journal of Ideas, Institutions, and Culture. – Spring 2012. – P. 1-25.

415. Charafeddine R. The Economic and Financial Impacts of the Arab Awakening // The Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard University. – October 3, 2011. – P. 1-15.

416. Chollet D. The Long Game. How Obama Defied Washington and Redefined America's Role in the World. – New York: PublicAffairs, 2016. – 262 p.

417. Chomsky N. After the Cold War: U. S. Foreign Policy in the Middle East // Cultural Critique. – 1991. – № 19. – P. 14-31.

418. Cofman-Wittes T. Security interests overshadow Tunisia's President Essebsi in Washington // Brookings. [Electronic resource]. May 19, 2015. URL: http://www.brookings.edu/blogs/markaz/posts/2015/05/19-tunisia-essebsi-arab-spring-democracy-security-obama (accessed 21.09.2018)

419. Cook S., Stokes J., Brock A.J. The Contest for Regional Leadership in the New Middle East / Center for New American Security. – June, 2014. – P. 1-15.

420. Cooper A.F., et. al. The United States and Bahrain: Interpreting the Differentiated U.S. Responses to the Arab Spring // Digest of Middle East Studies. – 2014. – Vol. 23, № 2. – P. 360-384.

421. Cornish P., Edwards G. The strategic culture of the European Union: a progress report // International Affairs. – 2005. – Vol. 81, № 4. – P. 801-820.

422. Covarrubias J., Lansford T. Strategic Interests in the Middle East. USA: Ashgate, 2007. – 268 p.

423. Daalder I. The End of Atlanticism // Survival. – Summer 2003. – Vol. 45, № 2. – P. 147-166.

424. Dadush U., Dunne M. American and European Responses to the Arab Spring: What's the Big Idea? // The Washington Quarterly. – Fall 2011. – Vol. 34, № 4. – P. 131-145.

425. Dandashly A. EU democracy promotion and the dominance of the security – stability nexus // Mediterranean Politics. – 2018. – Vol. 23, № 1. – P. 62-82.

426. Dempsey J. The EU's Shift from Transformation to Stabilization // Carnegie Europe. December 15, 2016. [Electronic resource]. URL: http://carnegieeurope.eu/strategiceurope/?fa=66455 (accessed 21.09.2018)

427. Dervis K. The Obama Administration and the Arab Spring // Brookings. April 1, 2011. [Electronic resource]. URL: https://www.brookings.edu/opinions/the-obama-administration-and-the-arab-spring/ (accessed 17.08.2018)

428. Dunne M. A U.S. Strategy Toward Egypt Under Sisi // Carnegie Endowment for International Peace. June 2014.

429. Durac V. The Role of Non-State Actors in Arab Countries after the Arab Uprisings // European Institute of the Mediterranean. IEMed. Mediterranean Yearbook 2015. – P. 31-37.

430. Dworkin A. Europe's new Counter-terror Wars // European Council on Foreign Relations. October 2016.

431. Dworkin A., El Malki F.-Z. The Southern Front Line: EU Counter-Terrorism Cooperation with Tunisia and Morocco // European Council on Foreign Relations. February 15, 2018. – 37 p.

432. El-Shimy Y., Dworkin A. Egypt on the edge: how Europe can avoid another crisis in Egypt // European Council on Foreign Relations. June 14, 2017.

433. Elsholz M. Vom «ring of friends» zum «ring of fire» // Institut für Wirtschaftsrecht. – März, 2016. – S. 1-34.

434. Falchi L. Italy and France at odds over Libya? // Instituti Affari Internazaionali (IAI). August 9, 2017.

435. Fargues P., Fandrich C. Migration after the Arab Spring // Migration Policy Centre Research Report. September 2012. – 35 p.

436. Farrell T. Strategic Culture and American Empire // The SAIS Review of International Affairs. – 2005. – № 2. – P. 3-18.

437. Fawcett L. International Relations of the Middle East. – U.K.: Oxford University Press, 2016. – 445 p.

438. Friedersdorf C. How Obama Ignored Congress, and Misled America, on War in Libya // The Atlantic. 13.09.2013. [Electronic resource]. URL: http://www.theatlantic.com/politics/archive/2012/09/how-obama-ignored-congress-and-misled-america-on-war-in-libya/262299/ (accessed 15.08.2018)

439. Geopolitics and Democracy in the Middle East / Ed. by K. Kausch / FRIDE. – Spain: Artes Gráficas Villena, 2015. – 200 p.

440. Gerges F.A. Obama and the Middle East: the end of America's moment. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012. – 292 p.

441. Gerges F.A. The Obama approach to the Middle East: the end of America's moment? // International Affairs – 2013. – № 2. – P. 299-323.

442. Ghafar A.A. Toward a Recalibration of EU-North Africa Relations // Brookings Doha Center. – May 2017.

443. Gordon P., Shapiro J. Allies at War: America, Europe and the Crisis over Iraq. – N.Y.: McGraw-Hill, 2004. – 266 p.

444. Gray S.C. National Style in Strategy: The American Example // International Security. – 1981. – Vol. 6, № 2. – P. 21-47.

445. Gray S.C. Out of the Wilderness: Prime Time for the Strategic Culture. Prapared for: Defense Threat Reduction Agency Advanced Systems and Concepts Office. October 31, 2006. URL: http://rinslab.com/wp-content/uploads/2017/02/stratcult-out.pdf (accessed 9.07.2018)

446. Greenfield D. Directive 11: Obama's Secret Islamist Plan // FRONTPAGE Mag. July 7, 2015. URL: http://www.frontpagemag.com/fpm/258089/directive-11-obamas-secret-islamist-plan-daniel-greenfield (accessed 15.08.2018)

447. Greenfield D., Balfour R. Arab Awakening: Are the US and EU Missing the Challenge? // The Atlantic Council. June 2012. – 36 p.

448. Greenfield D., Hawthorne A., Balfour R. US and EU: Lack of Strategic Vision, Frustrated Efforts Toward the Arab Transitions // The Atlantic Council, 2013. – 52 p.

449. Gulash A. Turkey's Democracy Saga. The Struggle Against Interventionist Politics. – NY: 2015. – 332 p.

450. Haas R. The Irony of American Strategy. Putting the Middle East in Proper Perspective // Foreign Affairs. May/June 2013. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2013-04-03/irony-american-strategy (accessed 11.09.2018)

451. Haas R.N. The Obama Surprise // Project Syndicate. January 19, 2009. URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/the-obama-surprise (accessed 25.07.2018)

452. Haas R.N. Transatlantic Tensions. The United States, Europe, and Problem Countries. – Washington: The Brookings Institutions Press, 1999. – 250 p.

453. Haass R.N, Indyk M.S. Restoring the Balance: A Middle East Strategy for the Next President. The Brookings Institution & The Council on Foreign Relations. – Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2008. – 232 p.

454. Hachigian N., Shorr D. The Responsibility Doctrine // The Washington Quarterly. – Winter 2013. – Vol. 36. № 1. – P. 73-91.

455. Hamid S. Everyone says the Libya intervention was a failure. They're wrong // Brookings. April 12, 2016. [Electronic resource]. URL: https://www.brookings.edu/blog/markaz/2016/04/12/everyone-says-the-libya-intervention-was-a-failure-theyre-wrong/ (accessed 24.09.2018)

456. Hamid S. Radicalization after the Arab Spring: Lessons from Tunisia and Egypt // Brookings. December 1, 2015. [Electronic resource]. URL: https://www.brookings.edu/research/radicalization-after-the-arab-spring-lessons-from-tunisia-and-egypt/ (accessed 22.09.2018)

457. Hamid S. What Obama and American Liberals Don't Understand About the Arab Spring // Brookings. October 1, 2011. [Electronic resource]. URL: http://www.brookings.edu/research/opinions/2011/10/01-obama-hamid (accessed 15.08.2018)

458. Hamid S., McCants W., Dar R. Islamism after the Arab Spring: Between the Islamic State and the nation-state / Brookings Institution. – January, 2017. – 20 p.

459. Hassan O. Undermining the transatlantic democracy agenda? The Arab Spring and Saudi Arabia's counteracting democracy strategy // Democratization. – 2015. – Vol. 22, № 3. – P. 479-495.

460. Hawthorne A. Rethinking U.S. Economic Aid to Egypt // Project on Middle East Democracy POMED. – October 2016. – 44 p.

461. Heller M. A. Regional Transformation in the Middle East 2015 // Strategic Survey for Israel 2015-2016 / Ed. by S. Brom, A. Kurz. – Tel Aviv: Elinir, 2016. – 181 p.

462. Hill C. Renationalizing or Regrouping? EU Foreign Policy Since 11 September 2001 // Journal of Common Market Studies. – 2004. – 42 (1). – P. 143-163.

463. Horne A. A Savage War of Peace: Algeria 1954-1962. – N.Y.: The Viking Press, 1978. – 608 p.

464. House Excludes Majority of MENA Incentive Fund // Project on Middle East Democracy. POMED. URL: http://pomed.org/blog-post/us-policy/congress/committee-meetings/house-excludes-majority-of-mena-incentive-fund/ (accessed 3.08.2018)

465. Hroub K. Qatar and the Arab Spring // Heinrich Böll Stiftung. – November 26, 2012. – P. 1-8.

466. Huber D. A Pragmatic Actor – The US Response to the Arab Uprisings // Journal of European Integration. – 2015. – Vol. 37, № 1. – P. 57-75.

467. Huber D. US and EU Human Rights and Democracy Promotion since the Arab Spring. Rethinking its Content, Targets and Instruments // The International Spectator. – 2013. – Vol. 48. – P. 98-112.

468. Ibrahim A.H. The Arab Uprisings and the United States: The Dichotomy Between Balancing Stability and Upholding Commitment to Democracy // Digest for Middle East Study. – Spring 2016. – Vol. 25, Issue 1. – P. 70-87.

469. Ibrahim R. Obama, Muslim Brotherhood, and Mideast chaos: Presidential Study Directive 11 // Human Events. July 7, 2014. URL: http://humanevents.com/2014/07/07/obama-muslim-brotherhood-and-mideast-chaos-presidential-study-directive-11/ (accessed 18.09.2018)

470. Ikenberry J., Kupchan C. Liberal Realism. The Foundations of a Democratic Foreign Policy // The National Interest. – Fall 2004. – P. 38-49.

471. Isaac S.K. Europe and the Arab Revolutions. From a Weak to Proactive Response to a Changing Neighborhood // Kolleg-Forschergruppe (KFG). Freie Universitaet Berlin. – May 2012. – 28 p.

472. İşleyen B. The European Union and neoliberal governmentality: Twinning in Tunisia and Egypt // European Journal of International Relations. – September 26, 2015. – P. 763-786.

473. Johnston A. I. Thinking About Strategic Culture // International Security. – Spring 1995. – Vol. 19, № 4. – P. 32-64.

474. Jones B. Franco-British military cooperation: a new engine for European defense? // European Union Institute for Security Studies. – February 2011. – 50 p.

475. Jünemann A. Support for democracy or fear of Islamism? Europe and Algeria // K. Hafez, & M. A. Kenny, The Islamic World and the West: An Introduction to Political Cultures and International Relations. – Frankfurt: BRILL, 2000.

476. Kagan R. Of Paradise and Power. America and Europe in the New World Order. NY: Alfred A. Knopf, 2003. – 104 p.

477. Kahl C., Lynch M. U.S. Strategy after the Arab Uprisings: Toward Progressive Engagement // The Washington Quarterly. – Spring 2013. – P. 39-60.

478. Kaufman J.P. The US perspective on NATO under Trump: lessons of the past and prospects for the future // International Affairs. – 2017. – № 2. – P. 251-266.

479. Kausch K. 'Foreign funding' in post-revolution Tunisia // Foundation for International Relations and Foreign Dialogue (FRIDE). – May 20, 2013. – P. 1-19.

480. Kausch K. Resilient Anchors in the Southern Mediterranean // Carnegie Endowment for International Peace. September 30, 2016. URL: http://carnegieendowment.org/2016/09/30/resilient-anchors-in-southern-mediterranean-pub-64740 (accessed 21.09.2018)

481. Kausch K. The End of the (Southern) Neighbourhood // European Institute of the Mediterranean. – April 2013. – 42 p.

482. Kaussler B. Tracing Qatar's Foreign Policy and its Impact on Regional Security // Arab Center for Research and Policy Studies. – September 2015.

483. Keohane D. Libyan Lessons for Europe // Carnegie Europe. February 2, 2016.

484. Kerrou M. Tunisia's Historic Step Toward Democracy // Carnegie Middle East Centre. April 22, 2014.

485. Khader B. The European Union and the Arab World: from the Rome Treaty to the «Arab Spring». Mediterranean Academy of Diplomatic Studies (MEDAC). Malta, March 2013.

486. Khan M. The Economic Consequences of the Arab Spring // The Atlantic Council. – February 2014. – P. 1-9.

487. Kincade W. American National Style and Strategic Culture // Strategic Power: USA/USSR. ed. by Carl G. Jacobsen. – London: Macmillan, 1990.

488. Kreig A. Externalizing the burden of war: the Obama Doctrine and US foreign policy in the Middle East // International Affairs. – 2016. - № 1. – P. 97-113.

489. Kitchen N. The Contradictions of Hegemony: The United States and the Arab Spring // London School of Economics. – 2012. – P. 53-58.

490. Lassen C.A Changing Regional Order: The Arab uprisings, the West and the BRICS // International Affairs and Arab Uprisings. Working Paper Series 18. September, 2013. – 20 p.

491. Lawrence R. Recent US Free Trade Initiatives in the Middle East: Opportunities but no Guarantees // KSG Faculty Research Working Paper, Harvard University. 2006.

492. Leverett F. US Election Note. Middle East Policy After 2016 // Chatham House. – October, 2016. – P. 1-12.

493. Liargovas P. EU trade policies towards neighboring // International Center for Black Sea Studies. University of Peloponnese. – January 2013. – 27 p.

494. Lieser E. Die Revolution scheitert im Portemonnaie // Internationale Politik und Gesellschaft. September 1, 2015. URL: http://www.ipg-journal.de/kurzinterview/artikel/die-revolution-scheitert-im-portemonnaie-1049/ (accessed 15.09.2018)

495. Lynch M. Obama and the Middle East. Rightsizing the U.S. Role // Foreign Affairs. September/October 2015. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/obama-and-middle-east (accessed 17.09.2018)

496. Lynch M. The Arab Uprising: The Unfinished Revolutions of the New Middle East. – N.Y.: Public Affairs, 2012. – 288 p.

497. Lynch M. The New Arab Wars: Uprisings and Anarchy in the Middle East. – N.Y.: Public Affairs, 2016. – 304 p.

498. Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. – June 2002. – P. 235-258.

499. Manning R.A. The Shale Revolution and the New Geopolitics of Energy // The Atlantic Council. – November 2014. – P. 1-13.

500. McMeekin S. Russia returns to a Middle East it never really left // Chatham House. The World Today. April&May 2016. URL: https://www.chathamhouse.org/publications/twt/russia-returns-middle-east-it-never-really-left (accessed 13.08.2018)

501. McNamara R. Britain, Nasser and the Balance of Power in the Middle East: From the Egyptian Revolution to the Six Day War, 1952–1967. – London-New York, 2004. – 302 p.

502. Meyer O.C. The Quest for a European Strategic Culture: Changing Norms on Security and Defense in the European Union. – Palgrave Macmillan, 2006.

503. Meyer O.C. Theorising European strategic culture: Between convergence and the persistence of national diversity //Centre for European Policy Studies. – June 2004. – P. 1-24.

504. Mikail B. France and the Arab Spring: an opportunistic quest for influence // FRIDE. – October, 2011. – №110. – P. 1-13.

505. Mikail B. Sectarianism after the Arab spring: an exaggerated spectre // FRIDE. – June, 2012. – № 131. – P. 1-5.

506. Mikulova K., Berti B. Converts to missionaries. Central and Eastern European Democracy Assistance in the Arab World // Carnegie Endowment for International Peace. July, 2013. – 32 p.

507. Miller A.D. Obama's Egypt Policy Makes Perfect Sense // Foreign Policy. August 20, 2013. URL: https://foreignpolicy.com/2013/08/20/obamas-egypt-policy-makes-perfect-sense/ (accessed 21.08.2018)

508. Mühlberger W. Egypt's Botched Revolution. Absolutism and the Infelicitous Role of External Actors // The Finnish Institute of International Affairs. – August 2015. – P. 1-8.

509. Murray D. Military Action but not as We Know it: Libya, Syria and the Making of an Obama Doctrine // Contemporary Politics. – 2013. – Vol. 19:2. P. 146-166.

510. Norheim-Martinsen p. M. EU Strategic Culture: When the Means Becomes the End // Contemporary Security Policy. – December 2011. – P. 517-534.

511. Noutcheva G. Institutional Governance of European Neighbourhood Policy in the Wake of the Arab Spring // Journal of European Integration. – 2015. – Vol. 37, № 1. – P. 19-36.

512. O'Hanlon M. Libya and the Obama Doctrine: How the United States Won Ugly // Foreign Affairs. August 31, 2011. URL: http://www.foreignaffairs.com/articles/68237/michael-ohanlon/libya-and-the-obama-doctrine (accessed 12.08.2018)

513. Orford A. International Authority and Responsibility to Protect. – UK: Cambridge University Press, 2011. – 235 p.

514. Orozco O., Lesaca J. Impact of the Global Economic Crisis in Arab Countries: A First Assessment // CASA ÁRABE and The Club of Madrid. – October, 2009. – P. 1-11.

515. Pagliarulo D. The Middle East, Obama, and America's Quest for a New Grand Strategy // E-International Relations. October 9, 2016. [Electronic resource]. URL: http://www.e-ir.info/2016/10/09/the-middle-east-obama-and-americas-quest-for-a-new-grand-strategy/ (accessed 25.09.2018)

516. Pifer S. Is Trump Undoing Trans-Atlantic Relations? // Brookings. May, 2017. [Electronic resource]. URL: https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2017/05/31/is-trump-undoing-trans-atlantic-relations/ (accessed 25.09.2018)

517. Pollack K.M. Security and Public Order / The Atlantic Council, Brookings Institution. A Working Group Report of the Middle East Strategy Task Force. – February 2016. – 42 p.

518. Power to the People? Reactions to the EU's Response to the Arab Spring // Oxfam. – November 15, 2011. – P. 1-18.

519. Re-thinking Western Policies in Light of the Arab Uprisings / Ed.: Alcaro R., Haubrich-Seco M. / Istituto Affari Internazionali (IAI). – Rome: Edizioni Nuova Cultura, 2012. – 163 p.

520. Reynaert V. Democracy through the Invisible Hand // The Substance of EU Democracy Promotion. Concepts and Cases / Ed. Wetzel A., Orbie J. – N.Y.: Palgrave Macmillan. – P. 149-161.

521. Roberts H. Algeria's Ruinous Impasse and the Honorable Way Out // International Affairs. – 1995. – P. 247-267.

522. Rogin J. State Department Opens Middle East Transitions Office // Foreign Policy. September 12, 2011. URL: http://foreignpolicy.com/2011/09/12/state-department-opens-middle-east-transitions-office/ (accessed 11.07.2018)

523. Russett B. Grasping the Democratic Peace: Principles for Post-Cold War World. – Princeton NJ: Princeton University Press, 1994. – 192 p.

524. Rothkopf D. Time for America to End its Double Standard in the Middle East // Foreign Policy. August 3, 2011. URL: http://foreignpolicy.com/2011/08/03/time-for-america-to-end-its-double-standard-in-the-middle-east/ (accessed 14.08.2018)

525. Ryan C.R. Regime Security and Shifting Alliances in the Middle East // International Relations Theory and a Changing Middle East. – POMEPS Studies. – September 17, 2015. – 80 p.

526. Rynning S. The European Union: Towards a Strategic Culture? // Security Dialogue. – December 1, 2003. – Vol. 34. Issue 4. – 479-496.

527. Sangiovanni M.E. Why a Common Security and Defense Policy is bad for Europe // Survival. – Autumn 2003. – P. 193–206.

528. Smith K.E. The Use of Political Conditionality in the EU's Relations with Third Countries: How Effective? // European Foreign Affairs Review. – 1998. – Vol. 3, № 2. – P. 253-274.

529. Snyder J.L. The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1977. – P. 1-40.

530. Soler i Lecha E., Tocci N. Implications of the EU Global Strategy for the Middle East and North Africa // Middle East and North Africa Regional Architecture. – July 2016. – P. 1-4.

531. Sorby K.R. Great Powers and the Middle East After World War II (1945-1955) // Asian and African Studies. – 2001. – №1.

532. Springborg R. The New US President: Implications for the Middle East and North Africa // Middle East and North Africa Regional Architecture. – October 2, 2016. – P. 1-6.

533. Tardy T. Operation Sophia's World Changes and Challenges // European Union Institute for Security Studies (EUISS). November 2017.

534. Teti A. The EU's First Response to the 'Arab Spring': A Critical Discourse Analysis of the Partnership for Democracy and Shared Prosperity // Mediterranean Politics. – 2012. – Vol. 17, № 3. – P. 266-284.

535. The Arab Awakening: America and the Transformation of the Middle East / Ed. K.M. Pollack. – Washington; Brookings Institution Press, 2011. – 383 p.

536. Toaldo M. Intervening Better: Europe's Second Chance in Libya // European Council on Foreign Relations. May 2016. – 12 p.

537. Toje A. America, the EU and Strategic Culture. Renegotiating the Transatlantic bargain. – N.Y.: Routledge, 2008. – 216 p.

538. Trager E. Obama Wrecked U.S.-Egypt Ties // The National Interest. April 8, 2015. URL: https://nationalinterest.org/feature/obama-wrecked-us-egypt-ties-12573 (accessed 19.09.2018)

539. Trager E. Think Again: The Muslim Brotherhood // Foreign Policy. January 28, 2013. URL: https://foreignpolicy.com/2013/01/28/think-again-the-muslim-brotherhood/ (accessed 15.09.2018)

540. Tunander O. Bush's Brave New World. A New World Order – A New Military Strategy // Bulletin of Peace Proposals. – 1991. – Vol. 22. – № 4. – P. 355-368

541. Valensi C. Non-State Actors: A Theoretical Limitation in a Changing Middle East // Military and Strategic Affairs. – March 2015. – Vol. 7. – № 1.

542. Völker P. America's "Greater Middle East" and Europe: Key Issues for Dialogue // Middle East Policy Council Journal. – Fall 2004. – Vol. 10. – № 3.

543. Waltz K. Man, the State, and War. – N.Y.: Columbia University Press, 1959. – 263 p.

544. Witney N., Dworkin A. A Power Audit of EU-North Africa Relations. – London: European Council on Foreign Relations, 2012. – 86 p.

545. Wolff S. U.S. and EU Engagement with Islamists in the Middle East and North Africa // Transatlantic Academy Paper Series. – August 2015. – P. 1-17.

546. Woodward B. Bush at War. – N.Y.: Simon and Schuster, 2002. – 380 p.

547. Wouters J., Duquet S. The Arab Uprisings and the European Union: In Search of a Comprehensive Strategy // Leuven Centre for Global Governance Studies. – January 2013. – 33 p.

548. Youngs R. The European Union: inclusion as geopolitics // Geopolitics and Democracy in the Middle East / Ed. by K. Kausch. FRIDE, 2015.

549. Zoubir Y., Darbouche H. The Algerian Crisis in European and US Foreign Policies: A hindsight analysis // The Journal of North African Studies. – March 2009. – Vol 14 №1. – P. 33-55.

Диссертации:

550. Войтоловский Ф.Г. Идеология и практика атлантизма во внешней политике США: диссер. … док. полит. наук. М., 2013.

551. Иванов О.П. Применение военной силы США в современных условиях: рациональный и иррациональный подход: диссер. … док. полит. наук. М., 2008.

552. Малышев О.С. Динамика американо-европейских отношений в области международной безопасности и торгово-экономической сфере в начале XXI века: дисер. … канд. ист. наук. Нижн.Н., 2012.

553. Petterson E. The EU Foreign Policy. A Study of the High Representative of the Common Foreign and Security Policy. Halmstad University, 2007. – 51 p.